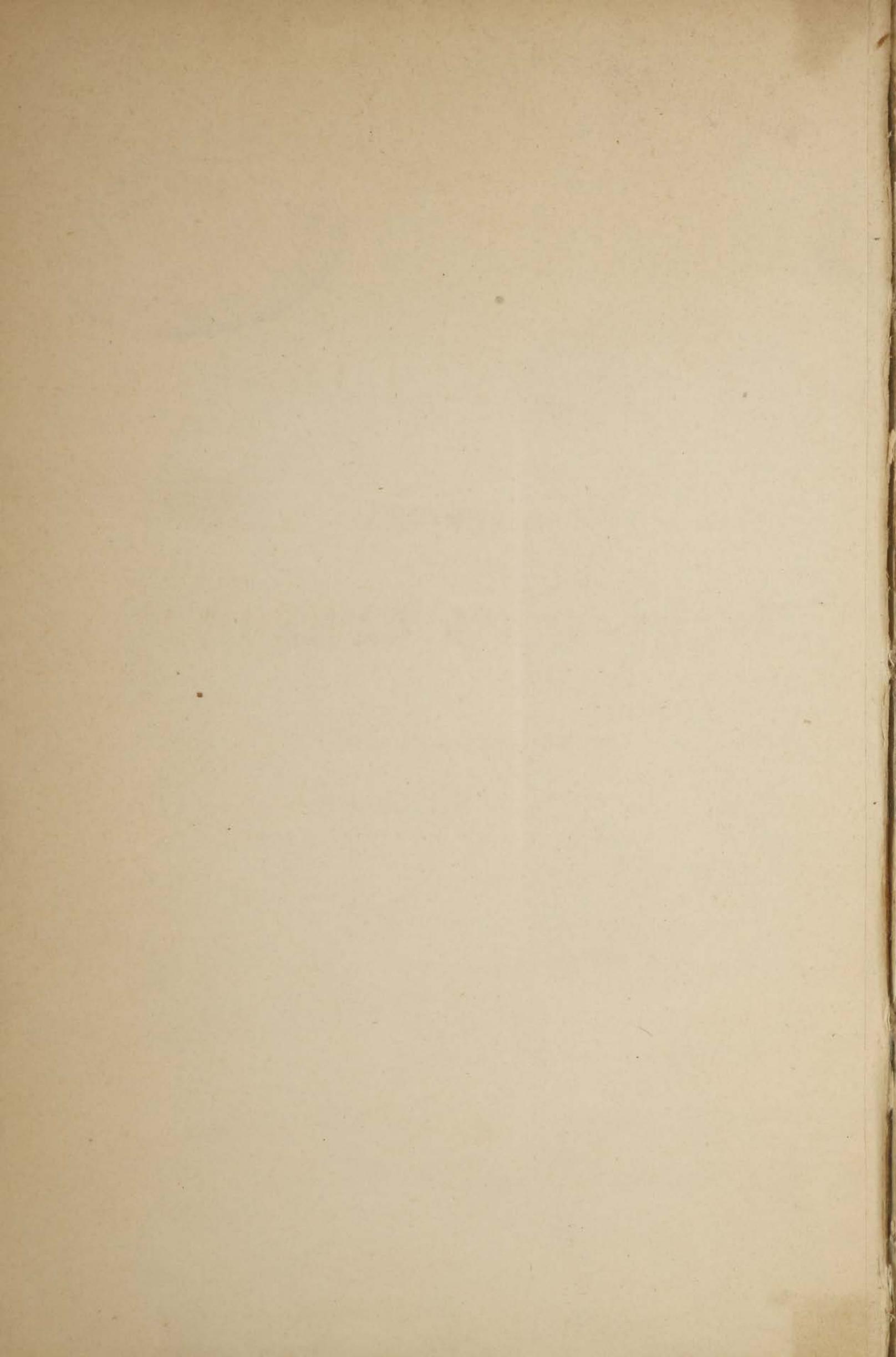

9095

9095

7572

О ТОРГОВЛѢ
РУСИ СЪ ГАНЗОЙ

ДО КОНЦА XV ВѢКА.

Ф. Н. Ф.

БІбліотека
ІДЕНІАДО НАУК

Література та лінгвістика

О ТОРГОВЛѢ РУСИ СЪ ГАНЗОЙ ДО КОНЦА XV ВѢКА.

СОЧИНЕНИЕ

М. БЕРЕЖКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Васильевский Островъ, 8 линія, № 45).

1879.

ИК

По определению Историко-Филологического факультета С.-Петербургского Университета печатать назначено въ Запискахъ факультета и отдельно.

Деканъ *И. Срезневский.*

16 Сентября 1878 г.

71860

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Предисловіе. Обзоръ предшествующихъ трудовъ и источниковъ по предмету. Взглядъ на задачу.	I—VIII
Глава I. Торговля на Руси въ доганзейскую эпоху, преимущественно арабская торговля.	1—53
Торговля янтаремъ, какъ примѣръ продолжительности торговыхъ традицій. Нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи торговли въ исторіи культуры. Эпоха арабской торговли въ сѣверо-восточной Европѣ VIII—XI вѣковъ. Клады арабскихъ и европейскихъ денегъ на русской почвѣ, какъ вещественные ея памятники. Центры арабской торговли на Руси: Итиль, Киевъ, Булгаръ и Новгородъ. Торговые договоры великихъ князей съ Греками и Булгарами въ описываемое время. Славянская колонизация Поволжья подъ вліяніемъ арабской торговли. Новгородская колонизація. Начало торговыхъ сношеній Новгорода съ западомъ. Пиратство на Балтійскомъ морѣ. Нѣсколько замѣчаній по поводу мнѣній о новгородско-финскомъ торговомъ союзѣ, о славянской Гапзѣ и о Варягахъ-Вендахъ. Значеніе арабской торговли собственно въ новгородской исторіи.	
Глава II. Торговыя сношенія Новгорода съ Готами и общимъ нѣмецкимъ купечествомъ на Готландѣ въ XII вѣкѣ.	54—82
Островъ Готландъ. Общее нѣмецкое купечество въ Визби. Варяжское торговое поселеніе въ Ладогѣ. Основаніе дворовъ готскаго и нѣмецкаго въ Новгородѣ. Легенда о построеніи нѣмецкой церкви св. Петра. Мнѣніе о церкви св. Николая, будто католической. Древняя скра новгородского двора. Значеніе вестфальского купечества, какъ основателя нѣмецкаго двора. Споръ Любека и Визби объapelляціи на рѣшенія двора. Пятницкая церковь новгородского заморскаго купечества. Иванское купечество и его устройство. Отношеніе къ нему новгородскаго заморскаго купечества и купечества нѣмецкаго. Извѣстія о плаваніяхъ новгородскихъ купцовъ за море въ XII вѣкѣ. Первый договоръ съ Готами и Нѣмцами.	

Глава III. Нѣмецкая колонизація въ прибалтійскій край .

Причины, почему Нѣмцы прочно утвердились въ прибалтійскомъ краѣ. Отношенія Новгорода и Пскова вообще, и по дѣламъ нѣмецкой торговли въ частности. Основаніе Риги и начало торговыхъ сношеній оттуда съ Полоцкомъ и Смоленскомъ. Мстиславовъ договоръ 1229 года и послѣдующія подтвержденія его Смоленскими князьями. Значеніе смоленской торговли и мѣстного купечества. Полоцкіе договоры съ Ригой. Вопросъ о заморскихъ плаваніяхъ Полочанъ. Рижскія конторы въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Динабургѣ. Положеніе лифляндскихъ купцовъ на новгородскомъ дворѣ. Отношенія Ганзы къ лифляндскимъ городамъ. Орденъ и его препятствія торговлѣ. Торговая конкуренція рыцарей съ купцами. Данія и Швеція, и вліяніе ихъ на ходъ новгородской ганзейской торговли. Орѣховскій договоръ Новгорода съ Швеціей 1323 года.

Глава IV. Ганза и ганзейскій дворъ въ Новгородѣ. 128—151

Происхожденіе ганзейского союза, его внутреннее устройство и послѣдующее распаденіе. Значеніе для Ганзы новгородской конторы. Мѣстность дворовъ готскаго и нѣмецкаго, и ихъ вѣшняя судьба. Отношенія Нѣмцевъ къ Новгороду по владѣнію землей вокругъ дворовъ, по устройству мостовыхъ и водопроводовъ. Составъ скры. Внутренніе порядки двора. Хозяева, прикащики, маклеры. Складъ товаровъ въ церкви и ея стражка. Правила о торговлѣ съ Новгородцами. Ольдерманы и другія власти двора. Положеніе двора во время разладовъ Новгородомъ. Несостоятельность многихъ дворовыхъ правилъ на практикѣ.

Глава V. Торговля. 151—178

Торговый путь Невско-волховской. Новгородскія артели лоцмановъ, извощиковъ и носильщиковъ въ помощь нѣмецкимъ купцамъ. Другіе пути Нѣмцамъ по новгородской волости. Мыть и торговыя пошлины съ Нѣмцевъ. Вѣсы и мѣры. Предметы нѣмецкаго привоза: сукна, вина, соль, хлѣбъ, металлы и пр. Вопросъ о розничной торговлѣ. Предметы новгородского отпуска: воскъ, мѣха, кожи, ленъ, дерево и пр. Договоръ о вощающей торговлѣ 1342 года. Обширность торговыхъ оборотовъ. Торговля съ новолжемъ и ея значеніе для Новгорода и Ганзы.

Глава VI. Обзоръ торговыхъ сношеній и договоровъ Новгорода съ Ганзой въ XIII—XV вѣкахъ. 179—224

Грамота Константина Всеволодовича. Договоръ Ярослава Всеволодовича 1226 года. Договоры Александра Невскаго 1260 и Ярослава Ярославовича 1270 года. Латинская редакція послѣдняго договора. Вопросъ о наказаніи воровъ по древнему русскому праву. Могли ли Нѣмцы заявлять Новгороду высокомѣр-

ные требованія? Первый ганзейскій рецесъ относительно русской торговли. Разладъ Новгорода съ Нѣмцами въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Грамота Андрея Александровича о торговыхъ путяхъ Нѣмцамъ 1301 года. Договоръ 1338 года. Проектъ договора 1371 года. Мирная грамота 1373 года отъ владыки Алексѣя. Нибуровъ миръ 1392 года. Арестъ 150 ганзейскихъ купцовъ въ 1425 году. Договоры съ Ганзой 1434 и 1436 года. Послѣдующіе разлады и запрещенія русской торговли. Паденіе Новгорода и опасенія Нѣмцевъ.

Глава VII. Закрытие двора

225—265

Отношеніе Новгорода къ князьямъ по дѣламъ торговли, въ особенности — къ великому князю. Положеніе великаго князя относительно нѣмецкаго двора въ Новгородѣ. Княжеская подать и подъѣздныe подарки великому князю со стороны Нѣмцевъ. Отчетъ ганзейскаго посольства отъ конца XIII вѣка. Владыка, бояре и купцы относительно Нѣмцевъ. Дѣло 1331 года о ночномъ убийствѣ Нѣмцами новгородскаго человѣка. Значеніе правительственнаго боярскаго совѣта въ Новгородѣ, и его вліяніе на дѣла нѣмецкой торговли. Причины, почему Новгородъ неразвилъ флота. Политика великихъ князей московскихъ относительно Нѣмцевъ. Взятіе Новгорода и ближайшія его послѣдствія для нѣмецкаго двора. Новая торговая система велико-княжескихъ намѣстниковъ. Самоуправство ревельскаго рата и казнь подданныхъ великаго князя. Ганзейское посольство въ Москву 1494 года. Закрытие двора; причины и цѣли поступка великаго князя.

ВАЖНІЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Сторан.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечашано:</i>	<i>Нужно читать:</i>
V,	6,	ралестахъ	регистахъ
1,	11,	риоы	миоы
5,	15,	большее	большое
6,	3,	далѣе янтарнахъ береговъ	далѣе до янтарныхъ береговъ
22,	19,	приднѣпровые	приднѣпровье
26,	11,	торговли	торговлѣ
29,	32.	смучились	случись
32,	20,	носило	носили
35,	9,	которые	которыя
39,	21,	жителями	житами
41,	6,	колюбель	колыбель
50,	25,	въ Новгородъ	въ Новгородъ
59,	11,	архиепискому	архиепископу
63,	19,	штрафъ съ купцовъ нарушение	штрафъ съ купцовъ за нарушение
64,	29,	выбрали	выбирали
65,	1,	купъ	купъ
82,	17,	палькой	палкой
—	25,	условная тяжба	уголовная тяжба
83.	3,	берегу (лишнее слово)	
88,	29,	вообщее	вообще
109,	35,	полоцкикъ	полоцкихъ
123,	10,	впрующій	вѣрющей
136,	20,	следующіе	слѣдующія
150,	27,	издалека	издалека
185,	7,	этомъ	этотъ
197,	23,	Нѣмцамъ	Нѣмцами

Въ началѣ нынѣшняго вѣка геттингенскій профессоръ *Георіз Сарторій* издалъ свой трудъ: *Geschichte des hanseatischen Bundes*, В. 1—3, 1801—1808. Этотъ трудъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и доселѣ классическій оказался однако съ первого раза слабъ въ тѣхъ частяхъ, где дѣло шло о торговлѣ Ганзы съ Новгородомъ: Сарторій былъ недостаточно знакомъ съ новгородской исторіей, что вѣрно замѣтилъ въ свое время исторіографъ Карамзинъ; какъ мало Сарторій понималъ русскую исторію вообще, можно видѣть напримѣръ изъ слѣдующаго его сужденія по поводу закрытія новгородской конторы въ 1494 году: «Новгородъ и Псковъ постепенно развивались по образцу ганзейскихъ общинъ, откуда муниципальная вольности были пересажены въ Россію: Иванъ III-й догадывался, откуда зашло это чужестранное растеніе—свобода — въ несвойственный ему климатъ» и т. п. Печатныхъ документовъ относительно ганзейской русской торговли въ то время почти не было; Сарторій былъ даже того мнѣнія, что эта торговля держалась обычаемъ, въ доказательство чего ссылался на слѣдующій фактъ: когда на ганзейскомъ собраніи 1554 года стали спрашивать, въ чемъ именно состояли привилегіи русской торговли, и сохранились-ли какіе-нибудь документы, до нея относящіеся, то по наведеннымъ справкамъ такихъ документовъ неоказалось въ архивахъ нѣмецкихъ городовъ; на счетъ же привилегій помнили, что торговля въ Новгородѣ была безпошлинная, и потому

весъма выгодная. Но продолжая заниматься тѣмъ же предметомъ, Сарторій долженъ былъ разубѣдиться въ своемъ взгля-
дѣ: для своего новаго труда, содержащаго переработку исторіи ганзейскаго союза до 1370 года, и изданнаго уже по смерти его почитателемъ его *Лаппенбергомъ* подъ названіемъ: *Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa*, 1830, В. I—II (второй томъ — сборникъ документовъ съ важными примѣчаніями). Сарторій пользовался Смоленскимъ договоромъ 1229 г. по нѣмецкому переводу Эверса, такъ называемымъ проектомъ договора съ Новгородомъ 1269 года и нѣмецкой договорной грамотой 1270 года; тутъ же онъ подробно изложилъ содержаніе древней скры, т. е. устава Новгородскаго двора съ послѣдующими ея дополненіями, такъ что очеркъ русской торговли съ Ганзой вышелъ на этотъ разъ гораздо обстоятельнѣе прежняго *). Труды Сарторія служили главнымъ пособіемъ *Ризенкампфу*, составившему интересный очеркъ нѣмецкой конторы въ Новгородѣ: *der deutsche Hof zu Nowgorod*, 1854. Авторъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми русскими источниками и пособіями, которые послужили ему въ большую пользу: достаточно напримѣръ назвать такой примѣчательный трудъ, какъ «объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» г. Соловьева; любопытенъ выводъ, къ которому пришелъ Ризенкампфъ: по его мнѣнію торговля для Ганзы была болѣе выгодна, чѣмъ для Новгорода; хотя Сарторій также говорилъ о тяжкой монополіи Ганзы и не скрывалъ того обстоятельства, что сами Нѣмцы въ позднѣйшее время раскаивались за свои обманы въ русской торговлѣ, но онъ еще чаще любилъ говорить о благодѣтельномъ культурномъ значеніи Ганзы для народовъ, съ которыми она вела торговлю. Ранѣе Ризенкампфа, но далеко не съ такимъ успѣхомъ г. *Славянский* написалъ «Историческое обозрѣніе тор-

*) По русски его перевелъ С. Стросевъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XVII и XXII, 1838—1839 г.

говыхъ сношений Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ» 1847; впрочемъ это обозрѣніе имѣетъ свою цѣну выборкой и группировкой фактовъ. Въ ближайшее время тому же предмету посвящено было нѣсколько интересныхъ страницъ въ трудахъ гг. Костомарова, Сѣверорусскія народоправства, т. 2, 1863, Аристова, Промышленность древней Руси, 1866, Фортинскаго, Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образов. ганз. союза, 1877. Болѣе подробно были изслѣдованы и комментированы отдельные договоры съ Ганзой: такъ называемый проектъ договора 1269 года, долгое время бывшій почти единственнымъ памятникомъ въ этомъ родѣ, рассматривали Лербергъ, Кругъ, Карамзинъ, Славянскій и другіе: критической сводъ мнѣній о его значеніи представленъ г. Андреевскимъ въ его разсужденіи «О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключ. въ 1270 г. 1855; важное приложеніе къ нему составляютъ нѣмецкій и русскій переводы древней скры съ ея дополненіями XIII—XIV вѣковъ, за исключеніемъ такъ называемой третьей скры 1370 года; нужныя поправки къ этому переводу предложены Энгельманомъ (Отеч. Зап. томъ С). Договоры Ярослава Владимиrowича и Александра Невскаго издалъ съ цѣнными комментаріями И. И. Срезневскій въ Изв. 2 отд. Ак. Наукъ, т. VI; Смоленскіе договоры издалъ г. Куникъ въ приложніяхъ къ Русско-ливонскимъ Актамъ съ обстоятельнымъ къ нимъ введеніемъ; г. Владимірскій-Будановъ въ его прекрасной «Хрестоматіи по истор. рус. права, вып. 1, также комментировалъ торговые договоры съ Нѣмцами и пр.

Межу тѣмъ послѣ сборника документовъ Сарторія Лаппенберга (*Urkundliche Geschichte* B. 2) въ печати явились и другіе сборники, гдѣ содержится большое количество разныхъ актовъ, относящихся до торговли съ Нѣмцами Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцка, каковы: торговые договоры, отчеты и донесенія ганзейскихъ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ, переписка городскихъ ратовъ и новгородской конторы

по дѣламъ торговли, ганзейскіе рецессы и прочіе имъ подобные акты. Главная масса ихъ извлечена изъ архивовъ Риги и Ревеля; изъ нихъ составились такие обширные сборники, какъ *Бунте, Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch*, В. I — VI, 1853 — 1873, и Русско-ливонскіе Акты, собр. *Напѣрскімъ*, изд. Археограф. Комм. 1868. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько грамотъ на русскомъ языкѣ изданы особенно подъ названіемъ «Грамоты», касающ. до сношеній съверо-запад. Россіи съ Ригою и ганз. городами въ XII — XIV в. 1857, — превосходное изданіе, достойное такихъ важныхъ памятниковъ нашей исторіи, какъ договоръ Ярослава Владиміровича конца XII в. и Александра Невскаго 1260 г. Изъ отчета, недавно представленнаго Спб. Академіи Наукъ г. *Гильдебрандомъ*, видно, что въ ревельскомъ архивѣ хранится еще много ненапечатанныхъ матеріаловъ отъ XV — XVI вѣковъ, въ томъ числѣ относительно торговли. Что касается дерптскаго архива, то онъ не сохранился среди войнъ и пожаровъ; судя по близкой торговой связи Пскова съ Дерптомъ нужно думать, что тамъ хранились псковскія договорныя грамоты, которыхъ въ другихъ мѣстахъ почти не оказывается. — Важный источникъ для исторіи русской ганзейской торговли представляютъ рецессы, т. е. постановленія ганзейскихъ собраній съ относящимися до нихъ предварительною перепиской и послѣдующими распоряженіями. Издание ихъ было начато мюнхенскою исторической комиссіей подъ названіемъ: *Die Recessen und andere Akten der Hansetage v. 1256 — 1430.* I. В. I — IV, 1870 — 1877, подъ ред. докт. *Копмана*. Продолженіе изданія ведетъ ганзейское историческое общество, образовавшееся въ 1870 году, и обнародовавшее теперь одинъ томъ позднѣйшихъ рецессовъ: *Hanserecessen v. 1431 — 1476*, В. I, 1876, подъ ред. барона *Ф. Роппа*. Впрочемъ въ томъ и другомъ изданіи мало собственно рецессовъ, касающихся до новгородской торговли; за то есть много актовъ другого рода; особенно важенъ въ изданіи Роппа отчетъ ганзейскихъ пословъ,

бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году; также помѣщены двѣ нѣмецкихъ договорныхъ грамоты Новгорода съ Ганзой отъ 1434 и 1436 года, доселѣ бывшихъ неизвѣстными. Тоже ганзейское общество предприняло изданіе новаго сборника ганзейскихъ документовъ частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ сокращеніяхъ и рагестахъ; одинъ томъ его уже вышелъ подъ ред. Гельбаума: *Hansisches Urkundenbuch*, В. I. 1876. Наконецъ оно же издаетъ специальный журналъ ганзейской исторіи — *Hansische Geschichtsblätter* — по книжкѣ въ годъ: въ журналѣ есть нѣсколько хорошихъ статей, напримѣръ о положеніи отдѣльныхъ городовъ въ союзѣ, и по другимъ специальнымъ вопросамъ исторіи Ганзы. Что касается рецессовъ, то краткое собраніе ихъ заключается еще въ ганзейской хроникѣ *Виллебрандта*, *Hansische Chronik*, 1748, Lübek, — сдѣланное любецкимъ бургомистромъ Келеромъ въ XVII вѣкѣ; эти рецессы составляютъ лучшую часть хроники (вторую); она также важна приложеніями актовъ относительно ганзейскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ при Борисѣ ѡедоровичѣ Годуновѣ и скры XVI вѣка, составленной уже по возобновленіи двора, закрытаго Иваномъ Васильевичемъ.

Въ этихъ печатныхъ документахъ встрѣчаются указанія, когда и какъ изъ новгородского двора они перешли въ архивы остзейскихъ городовъ. Такъ, въ 1338 году, заключа съ Новгородомъ мирный договоръ, ганзейскіе послы благодарили рижскій ратъ за пересылку имъ русскихъ грамотъ, которыя были нужны при переговорахъ съ Новгородомъ, и которыя теперь они обратно отсылали въ Ригу (Рус. Лив. Ак. № 81). Около 1370 года, по случаю разлада съ Новгородомъ и запрещенія русской торговли, ганзейскіе купцы увезли въ Дерпть всѣ церковныя вещи, книги и архивъ (*Urk. Gesch.* II, S. 290). Въ началѣ XV вѣка, также по случаю размѣрия съ Новгородомъ, контора переправила книги и архивъ въ Ревель (Рус. Лив. А. № 162). Нужно взять еще во вниманіе, что въ Новгородѣ часто бывали обширные пожары, отъ ко-

торыхъ терпѣлъ и нѣмецкій дворъ; поэтому, изъ предосторожности, Нѣмцы постепенно отправляли въ Лифляндію свои документы, которыми, какъ увидимъ, они очень дорожили при переговорахъ съ Новгородцами. Отсюда должно объяснить приводимый Сарторіемъ фактъ, что въ XVI вѣкѣ въ архивахъ германскихъ городовъ ненашлось документовъ относительно русской торговли, если не предположить, что сами смотрители архивовъ неумѣли ихъ отыскать среди другихъ многочисленныхъ документовъ; что нѣкоторая часть ихъ попала и въ Германію, доказываетъ напримѣръ любецкій сборникъ, въ которомъ есть такие документы, найденные именно въ архивѣ Любека и другихъ нѣмецкихъ городовъ; но наибольшее число ихъ дѣйствительно хранилось съ давнихъ поръ въ нашихъ остзейскихъ городахъ.

Конечно въ указанныхъ выше сборникахъ не всѣ акты новы, и не всѣ имѣютъ одинаковое достоинство. Иные изъ нихъ—простая перепечатка прежде обнародованныхъ актовъ; многие однородны по содержанію, такъ что позднѣйшіе акты повторяютъ болѣе или менѣе кратко акты прежніе. Иные оказываются очень незначительного содержанія: послѣ длиннаго приступа, развивающаго какую нибудь общую мысль, чаще всего любимую въ средневѣковыхъ актахъ, мысль о слабости человѣческой памяти и необходимости предавать письму людскія дѣянія, эти акты иногда слишкомъ мало говорятъ о самомъ предметѣ. Наконецъ, нѣкоторые отличаются малодостовѣрнымъ характеромъ, а какимъ-то придирчивымъ и брюзгливымъ тономъ. Вообще весьма нелегко найти въ этихъ канцелярскихъ произведеніяхъ истинный смыслъ, сквозь общія фразы усмотрѣть дѣйствительныя и вѣрныя черты: иной разъ эти черты удобнѣе подмѣтить какъ нибудь со стороны и мимоходомъ, а не тамъ, где ожидаешь ихъ встрѣтить. Но за всѣмъ тѣмъ есть много документовъ, дѣйствительно цѣнныхъ, которые не только восполняютъ въ значительной степени наши свѣдѣнія о торговлѣ Руси съ Ганзой, но и представ-

ляютъ иногда дѣло съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ; иные изъ нихъ имѣютъ прямое значеніе для внутренней исторіи Новгорода вообще. Въ настоящемъ трудаѣ мы поставили себѣ именно эту задачу, чтобы на основаніи документовъ и лѣтописныхъ данныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгорода и западной Руси съ Ганзой до закрытія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ въ 1494 году, и на основаніи новыхъ фактовъ представить критическую провѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не разсчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, одно чтеніе которыхъ, особенно древненѣмецкихъ актовъ представляетъ немалая трудности; не надѣемся также вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить занимающій насъ предметъ; однако рѣшаемся исполнить нашу задачу именно въ предположенныхъ размѣрахъ, руководствуясь тою мыслію, что болѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достижения цѣльного взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полно открывается въ томъ случаѣ, если они подводятся подъ одну общую идею. Разумѣется, нужно согласиться съ нѣмецкими историками, что торговля съ Новгородомъ была очень выгодна для Ганзы, въ чёмъ и сама она признавалась; бѣрно также, что ганзейская торговля возбуждала по всей новгородской землѣ живое промышленное движеніе. Не только первостатейные новгородскіе купцы, какъ иванскіе и заморскіе, дѣлали изъ нея важный промыселъ; отъ нея получали доходы и заработка второстепенные купцы и мелкіе торговцы, ремесленники, лоцманы, извощики, носильщики и весь промысловой новгородскій людъ. Великій князь, владыка и бояре сбывали Нѣмцамъ предметы своего обширнаго хозяйства и были у нихъ самыми крупными покупателями; отдельная боярская и купеческая семьи сильно богатѣли отъ нѣмецкой торговли, да и великий Новгородъ откупался отъ великихъ князей конечно въ значительной степени съ помощью тѣхъ средствъ, какія давала ему торговля

съ ганзейскими нѣмцами. Но за всѣмъ тѣмъ мы далеки отъ мысли признавать за ганзейскими купцами какую-то особенную роль носителей высшей культуры, чрезъ которыхъ будто бы для Новгорода были открыты врата европейской цивилизациі, какъ выражается одинъ нѣмецкій ученый *). Въ самомъ дѣлѣ, какія стороны европейской цивилизациі могли показать Новгороду ганзейскіе Нѣмцы? Развѣ новгородскій бояринъ сталъ культурнымъ европейцемъ, отъ того, что онъ одѣвался въ цветное нѣмецкое платье, да пилъ нѣмецкое вино? Да и чѣмъ лучше была средневѣковая европейская цивилизациѣ, — церковь, государственный и общественный строй, наука и образованность вообще, чтобы Новгороду нужно было заботиться объ усвоеніи этой цивилизациѣ, предположа даже, что ганзейские купцы могли стать ея провозвѣстниками на Руси? И наконецъ можно ли заимствовать чужую культуру? Вѣдь истинная культура, до какой бы степени развитія она ни достигла, бываетъ непремѣнно самобытна и національна; привить чужую культуру не въ состояніи не только купцы, но даже люди, гораздо болѣе ихъ сильные властью и интеллектуальнымъ вліяніемъ; для купцовъ же довольно и того, что они берутъ за свои услуги нѣкоторые барыши, притомъ иногда довольно значительные, какъ ганзейские купцы въ Новгородѣ. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что сами ганзейские купцы не помышляли о своей культуртрегерской роли; ее навязываютъ имъ только нѣкоторые нѣмецкіе историки, отожествляющіе два понятія, одно другому далеко неравныя: исторію торговли и исторію культуры.

Михаилъ Бережковъ.

С. Петербургъ,
1-го сентября 1878.

*) E. Hermann. Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches. 1843. Leipzig. Помѣщенная въ этихъ приложеніяхъ небольшая статейка о торговлѣ нѣмцевъ съ Новгородомъ замѣчательна крайне утрированнымъ взглядомъ на значеніе этой торговли.

ГЛАВА I.

Въ торговлѣ древняго міра былъ одинъ высоко цѣнныи товаръ; — это янтарь. Янтарныя издѣлія почитались драгоценнымиъ украшеніемъ; имъ курили при богослуженіи; ему приписывали какое-то магическое значеніе, носили его, какъ талисманъ. Финикии и Греки, Римляне и Этруски предпринимали для его закупки дальнія и дорого стоившія экспедиціи; привсемъ томъ для людей древняго міра долго оставалось неизвѣстнымъ, гдѣ и какъ родится янтарь; небыли даже увѣрены на счетъ того, есть ли онъ произведеніе природы, или искусственный продуктъ людей. Греки сказывали о немъ игравые Фиоы въ родѣ того, что онъ произошелъ отъ слезъ Геліадъ, плакавшихъ о погибели Фаетона; Римляне думали, что янтарь происходитъ отъ смолы сосенъ, растущихъ на скалахъ Адріатического побережья, или отъ смолы кедровыхъ деревьевъ на янтарномъ островѣ Балтійскаго моря: тамъ, по ихъ представленію, смола капаетъ въ море, а море послѣ выбрасываетъ ее на берегъ уже въ видѣ янтаря. Столь чудесные рассказы только возбуждали любопытство, но неудовлетворяли его; между тѣмъ купцамъ для ихъ торговыхъ цѣлей важно было имѣть точныя свѣденія о мѣсторожденіи янтаря, а ученые натуралисты, какъ Плиній, заинтересованы были тѣмъ же предметомъ со стороны научной. Поэтому рано явились попытки собирать свѣдѣнія объ янтарѣ на самомъ мѣстѣ его рожденія у береговъ Нѣмецкаго и особенно Балтійскаго моря. Съ этой цѣлію въ эпоху Александра Македонскаго изъ Массиліи былъ отправленъ нѣкто Питеасъ, который возвратясь съ янтарныхъ береговъ доносилъ, что

недалеко отъ земли Гуттоновъ, обитателей морскаго берега, находится островъ Абалось, куда весной море выбрасываетъ янтарь, и что жители употребляютъ его даже вмѣсто топлива, а иногда продаютъ сосѣднимъ жителямъ. Другое путешествіе было наряжено изъ Рима въ I вѣкѣ по Р. Х.; тогда къ Балтійскимъ берегамъ чрезъ Карунтъ отправлялся одинъ рыцарь, привезшій потомъ очень много янтаря, въ томъ числѣ одинъ кусокъ, вѣсившій будто-бы 13 римскихъ фунтовъ. Скоро Римляне получили объ янтарѣ представлѣніе, весьма близкое къ истинѣ. Тацитъ уже подмѣтилъ тотъ фактъ, что въ янтарѣ иногда бываютъ видны остатки растеній и насѣкомыхъ, которые, по его мнѣнію, попали въ него, когда онъ былъ еще жидкую смолой; онъ сравниваетъ янтарную смолу съ кипарисомъ и бальзамомъ восточныхъ деревьевъ, хотя односторонне видить причину образованія янтаря въ одной солнечной теплотѣ; наконецъ онъ знаетъ, что янтарь хорошо горитъ, причемъ издаетъ благовонный дымъ и становится тягучъ, какъ смола.

Какими путями и какимъ способомъ производилась торговля янтаремъ между южной Европой и балтійскими берегами объ этомъ находимъ вѣсколько любопытныхъ соображеній въ недавно вышедшей книгѣ польского ученаго г. Садовскаго, сущность которыхъ нелишнимъ считаемъ здѣсь привести¹⁾. Для отысканія древнихъ торговыхъ путей въ области Одера и Вислы авторъ употребляетъ остроумный приемъ: сначала представляя описание естественныхъ свойствъ страны, ея рекъ, озеръ, лѣсовъ, болотъ и рѣчныхъ водораздѣловъ онъ отмѣчаетъ тѣ пути, которые были известны только съ позднѣйшаго времени, и уже за вычетомъ ихъ получаетъ вѣсколько вѣроятныхъ древнѣйшихъ путей, причемъ указываетъ разныя находки произведеній классического искусства, а также янтаря, которыя были получены именно

¹⁾ Книга есть и въ нѣмецкомъ переводе: Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres... v. Sadowsky... übers. v. Alb. Kohn. Jena, 1877. — О торговлѣ янтаремъ въ древности ср. Voigt. Geschichte Preussens, B. I, Кар. I. Объ янтарномъ островѣ тамъ-же, прилож. II. Подъ этимъ островомъ Фогтъ разумѣеть область Саммландъ, которая реками и заливами дѣйствительно ограничена на подобіе острова.

на этихъ вѣроятныхъ древнихъ путяхъ. Обозрѣвая эти находки изъ глины и бронзы Садовскій пришелъ къ тому выводу, что большинство ихъ принадлежитъ къ произведеніямъ Эtrусковъ, и что Эtrуски отъ береговъ Адріатического моря чрезъ Норикъ и Средній Дупай, потомъ чрезъ Моравію или Богемію привозили ихъ въ области Пруссіи и Польши; откуда взамѣнъ своихъ фабрикатовъ получали янтарь, расходившійся потомъ изъ сѣверной Италіи въ другія сосѣднія страны. Отсюда-то и составилось, по мнѣнію Садовскаго, предположеніе Грековъ, будто янтарь родится на берегахъ Эридапа т. е. рѣки Но, до которой доходили поселенія Эtrусковъ; между тѣмъ какъ янтарь былъ тамъ только привознымъ товаромъ, Эtrуски для своихъ торговыхъ цѣлей скрывали настоящее мѣстонахожденіе янтаря давая видъ, что онъ родится въ ихъ собственной землѣ. Неберемся утверждать, насколько вѣрно послѣднее заключеніе, дѣло въ томъ, что сами древніе разумѣли подъ Эриданомъ разныя рѣки, быть можетъ напр. и Западную Двину²⁾; но нельзя незамѣтить насчетъ одного приема, которымъ часто пользуется и пѣсколько злоупотребляетъ г. Садовскій: всюду гдѣ онъ находитъ какую нибудь вещь по его мнѣнію этрусскаго происхожденія онъ тотчасъ заключаетъ, что тутъ лично были Эtrусскіе купцы. Конечно весьма вѣроятно, что такія вещи, какъ глиняные урны съ изображеніемъ лицъ или пріаповъ, принадлежать Эtrускамъ, умершимъ на чужбинѣ, и поставлены были именно въ ихъ могилахъ; но если предположить, что торговля янтаремъ была обширна и далеко распространена, какъ это полагаетъ авторъ, то нужно также допустить, что фабрикаты изъ глины и бронзы этрусскаго происхожденія имѣли также обширное распространеніе путемъ передачи изъ одной мѣстности въ другую, отъ одного племени къ другому помимо непосредственнаго въ томъ участія Эtrусковъ; и чѣмъ живѣе была торговля, тѣмъ скорѣе могло быть такое распространеніе чужестранныхъ издѣлій потому ужъ только, что увеличившееся количество ихъ должно было породить внутреннюю торговлю ими. Вотъ почему нѣть нужды предполагать каждый разъ личныхъ поѣздокъ Эtrусковъ въ такія отдаленные

²⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос. Т. I, прим. 28. Срав. прим. 29. (По изд. Эйнерлинга).

мѣстности, какъ область Нарева внутри нынѣшней Польши. Такія поѣздки были-бы соединены со многими затрудненіями, и стоили бы слишкомъ дорого; да въ нихъ не было и нужды, потому что въ торговлѣ янтаремъ несомнѣнно участвовали и варвары, какъ обѣ этомъ прямо говорить Плимій: по его словамъ Германцы привозятъ янтарь въ Паннонію, а тамъ его покупаютъ Венеты ³⁾. Всльдъ за Этрусками, торговлю янтаремъ продолжали Римляне, что доказывается цѣлымъ рядомъ находокъ римскихъ монетъ времени Имперіи отъ I до IV вѣка ⁴⁾, а также издѣлій изъ бронзы, серебра и золота. Что римскіе купцы ходили лично къ Балтійскимъ берегамъ указываетъ напримѣръ находка римской могилы, гдѣ стояла урна съ латинской надписью о лицѣ покойника ⁵⁾. Главною особенностью римской торговли Садовскій считаетъ то, что она велась на деньги, между тѣмъ какъ Этруссская была исключительно мѣновою.

Были еще пути для торговли янтаремъ, которые шли отъ береговъ Чернаго моря къ Балтійскому. Одинъ изъ нихъ изъ Ольвіи направлялся по Днѣстру, Сану, Вислѣ и нѣкоторымъ притокамъ ея, и вель къ янтарнымъ берегамъ, какъ къ конечной цѣли. Въ 1832 г. недалеко отъ Бамберга былъ найденъ кладъ старинныхъ греческихъ монетъ городовъ Ольвіи, Аѳинъ, Эгіны и Кизика, относящихся къ половинѣ V в. до Р. Х. Разумѣется изъ одного этого факта нельзя было вывести того заключенія, что въ эпохѣ Геродота изъ Ольвіи шелъ торговый путь къ устьямъ Вислы: ибо единичные факты, особенно въ области нумизматики, недаютъ права дѣлать какихъ нибудь надежныхъ выводовъ,— но при наличии другихъ данныхъ, приводимыхъ въ книгѣ Садовскаго, его заключеніе становится совершенно вѣроятнымъ. Какъ известно въ области рѣки Нарева часто выкапывается янтарь, отделька котораго съ давняго времени составляетъ предметъ заработка для мѣстныхъ жителей, особенно много его вы-

³⁾ Sadowsky.. Seit. 32,— Римлянамъ было знакомо германское название янтаря *glessum* (Tacit) т. е. *Glas*, что выдаетъ возврѣніе древнихъ Германцевъ на янтарь, какъ на стеклянное вещество.

⁴⁾ Только двѣ монеты относятся ко 2-му вѣку до Р. Х.; они найдены у Масселя въ Силезіи. Sadowsky.. S. 162.

⁵⁾ Найдена также у Масселя. Sadowsky.. S. 183.

капываютъ по лѣсамъ близъ Прасниша и Остроленки. Конечно нѣть нужды заключать, будто извѣстныя слова Плинія что «янтарь выкапывается въ двухъ мѣстахъ Скиѳіи» непремѣнно относятся къ Праснишу и Остроленкѣ, какъ заключаетъ это Садовскій ⁶⁾; въ послѣднее время дознано, что янтарь находился въ естественномъ его видѣ и въ другихъ мѣстахъ древней Скиѳіи, напримѣръ въ нынѣшней кіевской губерніи ⁷⁾; но можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что извнутри Польши янтарь доходилъ до греческихъ черноморскихъ колоній именно по указываемому имъ пути, особенно принимая во вниманіе, что къ торговлѣ янтаремъ Ольвійскіе Греки присоединили еще соляную торговлю. До сихъ поръ на сѣверномъ берегу чернаго моря, у рѣчныхъ лимановъ и во многочисленныхъ озерахъ добывается большее количество соли, а равно и въ Галиціи, сквозь которую проходилъ путь изъ Ольвіи къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря ⁸⁾. На вѣрную точку зреѣнія становится Садовскій, предполагая участіе въ этой торговлѣ Алазоновъ, посредничествомъ которыхъ и другихъ Скиѳовъ Греки дѣйствительно должны были пользоваться. Объ этихъ Алазонахъ и ихъ сосѣдяхъ читаемъ у Геродота слѣдующія слова: «начиная отъ торжища Борисоениловъ (Ольвіи), которое находится въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, первые живутъ Каллипиды, кои суть Еллины—Скиѳы (т. е. огречившіеся Скиѳы); выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Они и Каллипиды во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѳовъ кромѣ того что сѣютъ и Ѵдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы—оратаи, кои сѣютъ хлѣбъ не (только) для снѣди, но (и) на продажу. Сіи народы живутъ по рѣкѣ Ипанису (Бугу) на западъ отъ Борисоена» ⁹⁾. При существованіи полугреческихъ племенъ

⁶⁾ Seit. 86 — 87.

⁷⁾ Забѣлинъ. Истор. Рус. жизни съ древн. временъ, ч. I, стр. 225.

⁸⁾ На Руси въ Кіевскую эпоху была извѣстна соль изъ Коломыя, Переѣмѣшля, Удечи и др. мѣстъ Галицкаго княжества. См. Промышленность древн. Руси, Аристова, стр. 68 — 70. Вообще склоны Карпатъ весьма богаты солью; вспомнимъ большія залежи каменной соли въ Бочнѣ и Величкѣ.

⁹⁾ Исторія Геродотова, перев. Мартыновъ, 1826, кн. 4, стр. 353 — 355.

Скиевъ, находившихся на значительной степени культуры, греческая торговля по рекамъ Днѣстру и Бугу, потомъ въ области Вислы и Нарева и далѣе янтарныхъ береговъ Балтийского моря становится фактомъ, едва ли подлежащимъ сомнѣнію. Нѣкоторые изслѣдователи русской старины полагаютъ, что изъ трехъ путей, которые шли отъ Кієва къ предѣлахъ Византійской имперіи въ XII вѣкѣ, и которые назывались Греческій, Соляной и Залозный, — послѣдній именно направлялся по Днѣстру ¹⁰⁾. Другіе указываютъ, что по этой же рекѣ въ XIV вѣкѣ Генуезцы изъ Кафы вели торговлю съ Полтавой, но пути Соляной и Залозный ведутъ къ востоку отъ Днѣпра къ берегамъ Азовскаго моря ¹¹⁾. Но гдѣ бы ни проводили упомянутые пути, во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ нужно признать, что начало торговли по нимъ восходитъ по крайней мѣрѣ ко временамъ Геродота. Вспомнимъ, что длинный торговый путь въ нѣсколько сотъ верстъ шелъ изъ Ольвіи на востокъ до земли Аргиппесевъ, жившихъ у горъ по всей вѣроятности Уральскихъ. Приблизительно на половинѣ этого пути, уклонявшагося на сѣверъ къ лѣсной сторонѣ, въ землѣ Будиновъ находился деревянный городъ Гелоновъ, греческихъ колонистовъ, изгнанныхъ нѣкогда съ береговъ Черноморья. Близъ этого города, по словамъ Геродота, въ одномъ густѣйшемъ лѣсу находилось большое озеро, окруженнное болотомъ и тростникомъ, въ которомъ ловились бобры, выдры и другіе звѣри съ четвероугольными мордами, которыхъ шкурами опушаются епанчи» ¹²⁾. Полагаютъ, что эта греческая торговая колонія находилась на Волгѣ ниже владенія въ нее Камы, т. е. на широтѣ Казанской губерніи, приблизительно на мѣстѣ позднѣйшаго Булгара, столь известного въ эпоху арабской торговли. Очень вѣроятно, что торговля мѣхами въ томъ лѣсистомъ краю составляла главное занятіе предпріимчивыхъ греческихъ колонистовъ ¹³⁾. Друг-

Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ, что Тирасъ и Ипаницъ (Днѣстръ и Бугъ) текутъ смежно между собой въ землю алазонской. — Тамже, стр. 399.

¹⁰⁾ Аристовъ. Промышлен. древн. Руси, стр. 185—187.

¹¹⁾ Брунъ. Слѣды древниго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море. (Записки Одес. Общ. Истор. и Древн. томъ V).

¹²⁾ Истор. Герод. Перев. Мартыновъ, кн. 4; стр. 361, 471—473.

¹³⁾ K. E. Baer. Handelsweg, der im 5. Jahrhunderte vor Christo

гой не менѣе знаменитый путь шелъ отъ Ольвіи вверхъ по Даїпру или Борисоену, какъ называетъ его Геродотъ, передавая быть можетъ славянское названіе Березины. По лѣвой сторону Днѣпра онъ также указываетъ полугреческія племена Скиѳовъ, находившіяся въ земледѣльческомъ быту какъ и Скиѳскія племена правой стороны Днѣпра: «выше Илеи,— говоритъ онъ,— обитають Скиѳы-земледѣльцы, коихъ Еллины, живущіе по рѣкѣ Ипанису, называютъ Борисоенитами, самихъ же себя именуютъ Ольвіополитами. Изъ сихъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ одни занимаютъ земли къ востоку на три дня пути, простираясь по рѣкѣ Пантикану; другіе живутъ къ сѣверу на пространствѣ одиннадцати-дневнаго плаванія противъ теченія Борисоена»¹⁴⁾). Это—весьма важное указаніе на культуру Приднѣпровья, и притомъ на весьма значительномъ протяженіи вдоль рѣки. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ о Приднѣпровье говоритъ, что на берегахъ Борисоена посѣвы бывають превосходны, а гдѣ земля незасѣвается, тамъ трава растетъ превысокая; при устьи же сей рѣки соль сама собою осѣдаетъ въ неизчерпаемомъ изобиліи¹⁵⁾). Послѣ сказанного будетъ понятно, какое важное значеніе для Грековъ имѣлъ Днѣпровскій путь. По мнѣнію Садовскаго онъ начинался выше пороговъ, а до тѣхъ поръ Ольвіотышли сухопутьемъ; потомъ изъ Днѣпра путь шелъ по Припяти и Ясельдѣ, наконецъ по Шарѣ и Нѣману — къ янтарнымъ берегамъ Саммлана. Начало торговли по указанному пути Садовскій относить къ III вѣку до Р. Х., а эпоху процвѣтанія — ко временамъ имперіи, особенно Адріана¹⁶⁾). Полагаютъ также, что съ верховьевъ Березины торговыій путь переходилъ на Западную Двину въ Остзейскій край, гдѣ дѣйствительно встречаются находки монетъ греческихъ и римскихъ временъ до Р. Х.¹⁷⁾. Вѣроятно съ Балтійскихъ береговъ янтарь расходился въ другіе отдаленные углы Скиѳіи: такъ напримѣръ въ Ананьинскомъ могильнике на Камѣ близъ Елабуги

durch einen grossen Theil des jetzt Russisch. Gebietes ging. (Historische Fragen mit Hѣlfе der Naturwissenschaften beantwortet).

¹⁴⁾ Ист. Герод. Перев. Мартыновъ, кн. 4, стр. 354—355.

¹⁵⁾ Тамже, стр. 401.

¹⁶⁾ Handelsstrassen, S. 90—92, 193.

¹⁷⁾ Form. Gesch. Preussens, B. I, S. 90—93.

находились янтарные бусы, — а древность могильника относить къ эпохѣ до Р. Х. ¹⁸⁾. Впрочемъ, какъ было сказано, янтарь выкапывался и внутри самой Скиѳіи. Наконецъ были пути къ Балтійскому морю и съ запада Европы, именно изъ Массиліи, откуда къ янтарнымъ берегамъ ѿздили Питеасъ. Если онъ совершилъ свою поѣздку по сухому пути, какъ думаетъ Фогтъ ¹⁹⁾, то вѣроятно этотъ путь шелъ сначала по рѣкѣ Ронѣ, а потомъ совпадалъ съ тѣмъ же путемъ, по которому торговали Эгруски и Римляне. Что же касается морскихъ плаваній за янтаремъ Финикиянъ, то нѣкоторые изслѣдователи относятъ ихъ начало лѣтъ за тысячу до Р. Х. ²⁰⁾. Сомнительно одножъ, чтобы Финикияне объѣзжали Югландію и достигали Балтійскихъ береговъ; намъ кажется вѣроятнѣе, что прїѣзжая къ Британіи за покупкой олова они добывали янтарь на берегахъ Нѣмецкаго моря, гдѣ онъ также встрѣчается, хотя рѣже чѣмъ на Балтійскихъ берегахъ.

Въ средніе вѣка торговля янтаремъ продолжалась. Съ одной стороны онъ вывозился на востокъ въ Булгаръ и далѣе въ Азію, а съ другой — въ Западную Европу, гдѣ богатое католическое духовенство любило молиться по янтарнымъ четкамъ. Владѣтель Самланда прусскій Орденъ сдѣлалъ изъ торговли янтаремъ весьма выгодную для себя статью дохода, присвоивъ ее исключительно въ свою пользу. Послѣ упадка орденской власти надъ Данцигомъ въ XV вѣкѣ былъ учрежденъ въ этомъ городѣ особенный цехъ, занимавшійся отдѣлкой янтарныхъ четокъ (*Paternostermacher*) ²¹⁾. Прусское правительство до сихъ поръ получаетъ немалые доходы изъ янтарныхъ рудниковъ, отдавая ихъ въ аренду частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ торговля янтаремъ представляетъ любопытный примѣръ того, какъ продолжительны и живучи бываютъ торговыя традиціи, какъ одинъ и тотъ же предметъ

¹⁸⁾ См. ст. *Невоструева* въ Труд. I Археолог. Съѣзда.

¹⁹⁾ Gesch. Preussens, I, S. 80.

²⁰⁾ См. обѣ этомъ въ предисловіи къ сочиненію Садовскаго, принадлежащемъ переводчику, схр. XVII и слѣд.

²¹⁾ Обѣ этомъ у *Фогта*, Gesch. Preussens, B. VI, S. 134 — 137, и у *Гирша*, Handels- und Gewerbsgeschichte Danzigs unter der Herrschaft des deutsch. Ordens. 1858, Leipzig, S. 323.

служить цѣлью торговли для нѣсколькихъ народовъ, вipro-
дженіе нѣсколькихъ столѣтій и нерѣдко по однимъ и тѣмъ
же путямъ.

Въ общей исторіи торговли подобная традиція можно
указать и съ другихъ разныхъ сторонъ. Есть мѣстности на
землѣ, которая вслѣдствіе своего выгоднаго положенія, всегда
были известны своей торговлей, каковы напримѣръ морскія
прибрежья, гдѣ издавна на ряду съ пиратствомъ и продажей
невольниковъ происходила и мирная торговля. Есть торговые
пути, по которымъ постоянно производились торговыя сно-
шенія, и которые будучи разъ намѣчены, преемственно по-
сѣщались купцами разныхъ странъ и народовъ. Во многихъ
случаихъ можно усѣдить, какъ одинъ народъ перенималъ
торговлю у другого, и какъ при этомъ изъ одной мѣстности
въ другую вмѣстѣ съ торговлей переходила система мѣръ,
весовъ, денегъ, а также цифры, алфавитъ, наконецъ болѣе
или менѣе обширный кругъ народныхъ сказаній. Съ этой
точки зрѣнія исторія торговли становится до нѣкоторой сте-
пени исторіей культуры, говоримъ *до никакорой толъко степени*: потому что многія и знаменитыя чужестранныя тор-
говли памятны тѣжкой экономической эксплоатацией одного
народа другимъ, причемъ вредъ этой эксплоатации далеко не-
уравновѣшивался тѣми дешевыми благами, которая достав-
ляла иноземная торговля. Вообще заслуги чужестранныхъ
купцовъ, какъ носителей культуры, недолжно преувеличивать:
на первомъ планѣ для купцовъ всегда стояло извлеченіе сколь
возможно большихъ барышей изъ своего промысла; и чѣмъ
дальше былъ путь до чужой земли, чѣмъ больше могло встрѣ-
титься опасностей на немъ отъ природы и людей, тѣмъ
больше считали себя вправѣ купцы оцѣнивать свои хлопоты
по самой высокой цѣнѣ, и всегда брать значительный изли-
шекъ въ видѣ страховой преміи если не за понесенный уже
убытокъ, то за убытокъ, возможный въ будущемъ. Рѣдко
иностранныя торговля имѣла нормальный ходъ; обыкновенно
она становилась монополіей купцовъ какой-нибудь одной на-
ціи, враждебно настроенныхъ къ другимъ чужестраннымъ
конкурентамъ; внутри самой купеческой корпораціи преоб-
ладающее влияніе имѣли немногіе крупные капиталисты, сто-
явшіе во главѣ всего предпріятія и направлявшіе его къ своей
выгодѣ и въ ущербъ другимъ менѣе состоятельнымъ товари-

щамъ. По отношенію къ туземцамъ иностранные купцы являлись какъ единая прочно организованная корпорація; если же при помощи богатыхъ подарковъ они успѣвали подкупить въ свою пользу лицъ, имѣющихъ власть въ странѣ, то, послѣдней грозило серьезное бѣдствіе отъ жадности иностранцевъ. Таковъ характеръ между прочимъ имѣла торговля знаменитой Ганзы въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и великому Новгороду; и если гдѣ всего меньше можно говорить о культурномъ вліяніи торговли, то именно въ исторіи торговли Новгорода съ Ганзой.

Начало торговыхъ сношеній Новгорода съ Западомъ относится ко временамъ отдаленной древности, когда ни Новгородъ не былъ «великимъ», ни ганзейскіе города нижней Германіи съ Любекомъ во главѣ еще не существовали. Только въ XII вѣкѣ Новгородъ вступилъ въ непосредственный сношенія съ заморскими Нѣмцами; ранѣе онъ находился въ торговлѣ съ Варягами острова Готланда, а еще раньшѣ—съ Норманнами и балтійскими Славянами съ одной стороны и волжскими Булгарами съ другой. Памятникомъ торговли этого древняго періода служать арабскія деньги, въ громадномъ числѣ находимыя по всей сѣверо-восточной Европѣ; принадлежа VIII—XI вѣкамъ, эти деньги надежнѣе другихъ историческихъ памятниковъ опредѣляютъ время арабско-европейской торговли. Въ свое время одинъ изъ нашихъ ориенталистовъ высказалъ весьма вѣрное замѣчаніе, что ганзейская торговля Новгорода есть продолженіе арабско-булгарской торговли IX—X вѣковъ²²⁾). Руководясь этимъ воззрѣніемъ, считаемъ нужнымъ съ своей стороны представить здѣсь краткій очеркъ русской торговли въ арабскую эпоху (до конца XI вѣка), который послужить введеніемъ въ исторію торговли Новгорода съ Западомъ.

Главная масса арабскихъ денегъ, почти исключительно серебряныхъ диргемовъ (золотые денары чрезвычайно рѣдки) найдена на почвѣ европейской Россіи, преимущественно въ

²²⁾ Савельевъ. Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Спб. 1847.—Въ этомъ прекрасномъ трудѣ заключаются еще переводы двухъ статей по тому же предмету, принадлежащихъ Френу и Ледебуру. Ср. также замѣчательную статью Григорьева: О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ. 1842 г. (Перепечат. въ Сборнике „Россія и Азія“. Спб. 1876).

области средняго и верхняго поволжья въ бассейнѣ Балтійскаго моря, особенно по островамъ его и берегамъ²³⁾). Кромѣ случайныхъ находокъ на поверхности земли, по рѣчнымъ берегамъ, размытымъ водой, при раскопкѣ старыхъ городищъ, постройкѣ зданій, проведеніи дорогъ и т. подобныхъ случаевъ много арабскихъ денегъ извлечено изъ могильныхъ кургановъ въ землѣ Мери, Веси и другихъ мѣстахъ²⁴⁾). Въ объясненіе этихъ послѣднихъ находокъ можно привести слѣдующія слова о Руссахъ одного арабского писателя: «въ могилу покойника они опускаютъ множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету²⁵⁾). При разныхъ также случайныхъ обстоятельствахъ находились цѣлые клады серебряныхъ арабскихъ денегъ; самый значительный изъ нихъ былъ открытъ въ Великихъ Лукахъ на берегу Ловати; онъ содержалъ отъ 6 до 7 пудовъ серебряныхъ диргемовъ въ большомъ котлѣ, частію разсыпавшемся во время поднятія его изъ размытаго рѣчнаго берега²⁶⁾). Нѣсколько тысяч арабскихъ монетъ было откопано въ Киевѣ при Петрѣ Великомъ во время постройки пещерской крѣпости; въ 1867 году въ Вятской губерніи найденъ серебряный кувшинъ съ 1500 арабскихъ монетъ; въ 1868 г. въ Муромѣ были вырыты два кувшина, содержавшихъ больше 11 тысячъ штукъ арабскихъ диргемовъ и проч.²⁷⁾, — не говоря о другихъ менѣе значительныхъ находкахъ. Упомянутые клады должны быть разматриваемы, какъ собственность частныхъ лицъ, такъ

²³⁾ Къ труду Савельева приложена карта съ обозначеніемъ мѣстонахожденій арабскихъ денегъ. Впрочемъ эта карта какъ и та, которая приложена къ 3-му тому древ. рус. исторіи *Погодина*, далеко не полны. По описанію *Тизенгаузена* (Монеты восточнаго халифата. Спб. 1873) видно, что въ настоящее время эта карта могла бы быть гораздо подробнѣе.

²⁴⁾ Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ быть по курганнымъ раскопкамъ (Труды I археол. съѣзда, II). Но въ курганахъ Сѣверянъ арабскіе диргемы почти не встрѣчались, хотя разныя украшенія арабскаго издѣлія, особенно бусы, тамъ находились нерѣдко.—Самоквасовъ. Древн. землян. насыпи и ихъ знач. для науки (Древн. и Нов. Россія 1876, №№ 3—4).

²⁵⁾ Ибнъ-Даста въ перев. Хвольсона (Изв. о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгар., Мадьяр., Слав. и Русскихъ. Спб. 1869, стр. 40).

²⁶⁾ Савельевъ. Мухам. нумизм. Стр. XXIV, 22—23.

²⁷⁾ Тизенгаузенъ. Мон. вост. халиф. стр. XXXIII—XXXVII.

какъ закапываніе клада есть тайное дѣло одного лица; въ такомъ случаѣ мы получаемъ здѣсь указанія на значительные капиталы, которыми располагали частныя лица въ эпоху, современную образованію русскаго государства. Много кладовъ конечно уже разрыты искателями богатствъ и погибли для науки; другіе погибли въ самой землѣ; иные быть можетъ успѣютъ еще попасть въ мюнцъ-кабинеты. И не даромъ въ простомъ русскомъ народѣ вѣра въ клады живеть до сихъ поръ; она имѣеть вполнѣ реальное основаніе, потому что постоянно поддерживалась частными находками кладовъ съ древнѣйшихъ поръ вплоть до послѣдняго времени.

На встрѣчу арабскимъ съ запада Европы идутъ англо-саксонскія и нѣмецкія деньги, далеко впрочемъ не въ такомъ какъ тѣ громадномъ количествѣ. Наибольшее число ихъ падаетъ на балтійское побережье (Лифляндія, Петербургская губ., Финляндія), но нерѣдко они встрѣчаются и далѣе къ востоку въ области средней Волги и Камы ²⁸⁾. Въ курганахъ Мерянской земли онѣ находились вмѣстѣ съ арабскими, а въ иныхъ курганахъ по замѣчанію гр. Уварова преобладаютъ надъ этими послѣдними ²⁹⁾). Онѣ встрѣчались также въ курганахъ Веси, напр. въ Бѣжецкомъ уѣзде и въ курганахъ по рѣкѣ Сити на мѣстѣ Батыева побоища, недавно раскопанныхъ ³⁰⁾). Онѣ относятся преимущественно къ X и XI вѣку: нѣмецкія — ко времени Оттоновъ, англосаксонскія — Этельреда и Канута. Самые значительные клады европейскихъ денегъ на русской почвѣ два: въ 1846 г. близъ Ораніенбаума былъ открытъ кладъ, содержащий до 4 тысячъ монетъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, частію впрочемъ и арабскихъ, въ 1847 г. въ Московской губ. найдено до тысячи штукъ нѣмецкихъ и англосаксонскихъ денегъ ³¹⁾). Если къ этому прибавимъ что и византійскія деньги изрѣдка встрѣчаются на русской почвѣ, напримѣръ въ Булгарѣ, въ Приднѣпровье, въ Остзейскомъ

²⁸⁾ Кене. Описаніе европ. монетъ X—XII в., найденныхъ въ Россіи (Зап. археолог. общ. т. IV).

²⁹⁾ Меряне и ихъ бытъ, стр. 656.

³⁰⁾ Европеусъ. О курган. раскопкахъ около погоста Бѣжицы въ Тверск. губ. (Ж. М. Н. Пр. 1872, декабрь). — Извѣст. о 4 археолог. съѣздѣ № 3 (рефератъ Ивановскаго).

³¹⁾ Кене. Опис. европ. мон. стр. 16 — 18.

краѣ и др. мѣстахъ, то получимъ представлениe о громадномъ количествѣ денегъ, курсировавшихъ на Руси въ эпоху образованія государства и о значительныхъ размѣрахъ торговли, ихъ доставлявшей. Послѣ того неудивительно, что Радимичи и Вятчи платили дань Козарамъ *щлягами*, — и такъ какъ название диргемовъ въ древнерусскихъ памятникахъ не встрѣчается, а между тѣмъ на Руси въ IX — XI в., диргемовъ было громадное количество, то весьма вѣроятно, что подъ щлягами начальной лѣтописи разумѣются именно арабскія серебряныя деньги. Название *куны*, скотъ шли болѣе къ мѣхамъ, чѣмъ серебряной монетѣ, словомъ *труна* обозначалось преимущественно вѣсовое серебро и слитки извѣстной формы; западноевропейскія деньги назывались въ послѣдствіи *пеньзи*, *ортуни* и т. п. но не щляги; наконецъ слово *денега* заимствовано позже изъ татарскаго языка; слѣдовательно название *щлягъ* древней лѣтописи остается отнести не къ чему иному, какъ арабскимъ диргемамъ: Радимичи и Вятчи, входившіе въ составъ хазарской державы, получали ихъ отъ Козарь путемъ торговли, а потомъ ихъ же отдавали въ видѣ дани³²⁾. По преобладающему количеству арабскихъ денегъ въ сѣверо-восточной Европѣ весь періодъ той торговли можно назвать арабскимъ; это название тѣмъ болѣе будетъ вѣрно что исходнымъ пунктомъ торговаго движенія были страны арабскаго халифата; оттуда былъ данъ импульсъ этому движенію, отдававшійся на балтійскомъ прибрежье и въ Западной Европѣ; въ XI вѣкѣ одинъ испанскій Арабъ, путешествуя по Европѣ видѣлъ арабскіе диргемы и разные восточные товары въ Майнцѣ, о чёмъ послѣ разсказывалъ, какъ о замѣчательномъ случаѣ³³⁾; это доказываетъ, что арабскія деньги и товары зашли на Рейнъ не изъ Испаніи — это нѣбыло бы замѣчательно — а изъ другаго мѣста т. е. всего вѣроятнѣе съ востока.

³²⁾ „Вдана (Радимичи) Ольгови по щлягу, яко же Козаромъ да-яху“. Козаромъ по щлягу даемъ отъ рала“ — говорили Вятчи Свято-славу. П. С. Р. Л. I, стр. 10, 27.—Карамзинъ замѣчаетъ: Радимичи вносили въ казну щляги или шиллинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козарь. И. Г. Рос. I, стр. 150.—И. И. Срезневскій производить слово *щлягъ* отъ семитскаго корня *сикль* — вѣсить (Слѣды древн. знакомства Русск. съ южн. Азіей. Вѣсты. И. Рус. Геогр. Общ. 1854, ч. 10).

³³⁾ Савельевъ. Мухам. нумизм. стр. СХСIII.

Какія племена участвовали въ этой торговлѣ, гдѣ были главные центры, каковъ она характеръ носила и какими товарами обмѣнивались Русь и Азія, любопытныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаютъ арабскіе писатели. Съ тѣхъ поръ, какъ мусульманство распространилось на сѣверной сторонѣ Кавказа, первопачально въ землѣ Хозаръ, а потомъ достигло даже до Булгаръ, приволжскій край стали посѣщать не только купцы изъ разныхъ областей Азіи (Закавказья, Персіи, Бухары, Хивы и пр.), но также міссіонеры и любознательные путешественники, которые оставили описание видѣнныхъ ими странъ и народовъ. Правда, извѣстія арабскихъ писателей вообще не отличаются точностью; они дѣлаютъ грубыя ошибки въ географіи и этнографіи. Принимая библейскую точку зрѣнія византійскихъ писателей Арабы считаютъ народы европейской Руси вообще за яфетитовъ, невсегда отличая племена славянскія, тюркскія и финскія въ частности. Къ этому прибавимъ живое воображеніе Арабовъ, ихъ склонность къ преувеличенію и баспословію, и особенную наивность тона, пропикающую ихъ разсказъ. Вообще изъ арабскихъ источниковъ весьма не легко извлечь истину даже при единогласномъ ихъ показаніи по извѣстному предмету; это единогласіе можетъ быть только кажущимся, такъ какъ много арабскихъ писателей были простыми компиляторами, списывавшими прежнихъ авторовъ, но никогда не видавшими тѣхъ странъ и народовъ, о которыхъ повѣствуютъ ³⁴⁾). Но при всемъ томъ когда арабскіе писатели говорятъ о торговлѣ приволжскихъ странъ, имъ можно не опасаться довѣрять; фактъ этой торговли, ея обширности и продолжительности доказывается безспорнымъ источникомъ, — денежными находками; притомъ свѣдѣнія о ней арабскіе авторы если невсегда приобрѣтали личнымъ опытомъ, то заимствовали ихъ отъ многочисленныхъ купцовъ, постоянно посѣщавшихъ приволжскія страны.

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ торговыхъ центровъ

³⁴⁾ Въ Булгарѣ лично были Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Гаукаль въ X вѣкѣ, Андалуси и Джевалики — XII-мъ. Въ Итилѣ, какъ ближайшемъ къ Азіи пункте, ученыe путешественники бывали конечно чаще, чѣмъ въ далекомъ Булгарѣ.

тогдашняго времени было царство Козарское ³⁵⁾). Козарское царство начинаетъ усиливаться съ VI вѣка, когда предѣлы его отъ низовьевъ Волги распространились даже за Кавказъ. Правда, Арабы вытѣснили ихъ оттуда послѣ длинной и упорной борьбы, но за то Хозары распространили свою власть на восточную часть Крыма, на приднѣпровскихъ Славянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, вступили въ политическойя и торговыя сношенія съ Византіей съ одной стороны и Булгаромъ съ другой. Главный жизненный нервъ Козарской земли была торговля, обусловленная выгоднымъ географическимъ положеніемъ на устьяхъ Волги, Урала, Кубани и Дона, при двухъ моряхъ, въ сосѣдствѣ съ богатой Азіей. Отчасти торговля была связующимъ началомъ для разнородныхъ племенъ, входившихъ въ составъ Козарского царства, и конечно изъ-за торговыхъ интересовъ допускалась тамъ замѣчательная для того времени вѣротерпимость и свобода религіозной пропаганды; верховный по имени каганъ, и дѣйствительный правитель бегъ и другія правительственныея лица исповѣдывали еврейскій законъ; гвардія кагана (ларсія), составлявшая первое постоянное войско въ Европѣ, была изъ изъ магометанъ; по городамъ жило много купцовъ христіанъ и язычниковъ. Въ главномъ казарскомъ городѣ *Итиль* купцы занимали особенный кварталъ (*Хазеранъ*); для разбора купеческихъ дѣлъ были поставлены семеро судей: «двоє для мусульманъ, двоє для Хозаръ, которые судять по закону пято книжія; двоє для тамошнихъ христіанъ, судящіе по закону евангелія; одинъ же изъ нихъ для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ: этотъ судить по закону язычества, т. е. по закону разума» ³⁶⁾). У другого арабскаго писателя находится слѣдующее извѣстіе о судопроизводствѣ въ Итиль: «судьи каждой вѣры, когда они засѣдаютъ въ судѣ, обязаны увѣдомлять царя о всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, и принимать его отвѣтъ къ свѣдѣнію и руководству» ³⁷⁾). Но Масуди

³⁵⁾ О Козарахъ — двѣ интересныя статьи *Григорьева* (Россія и Азія, № 2 — 3).

³⁶⁾ Масуди, перев. *Гаркави*. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870, стр. 129 — 130.

³⁷⁾ Въ книжкѣ *Клапрота*: Russlands Vergrösserungen. 1814, Berlin, помѣщены два отрывка изъ Масуди и Ибнъ-Гаукала; приведенные слова заимствованы изъ послѣдняго (стр. 264).

представляетъ дѣло иначе, и кажется вѣрнѣе: «когда слу-
чится — говоритъ онъ — великая тяжба, о которой суды по-
нятія не имѣютъ, то они собираются къ мусульманскимъ
судьямъ, доносятъ имъ о ней и покоряются рѣшенію, необ-
ходимому по закону ислама» ³⁸⁾. Значитъ суды обращались
къ мѣстнымъ мусульманскимъ судьямъ въ тяжбахъ, наиболѣе
важныхъ, а не во всѣхъ безъ исключенія, какъ показываетъ
Ибнъ-Гауканъ: въ противномъ случаѣ не достигало бы цѣли
учрежденіе особенныхъ для каждого племени судей, разби-
равшихъ дѣла по законамъ національной религіи. Такимъ
образомъ въ торговыхъ порядкахъ Итиля видны уже начала
купеческаго самоуправлѣнія и суда, т. е. осуществленіе хотя
бы въ ограниченномъ размѣрѣ того принципа, имѣвшаго силу
въ средневѣковой Европѣ, по которому купцы хотѣли управ-
ляться и судиться на чужбинѣ на основаніи собственного до-
машняго права. Въ числѣ купцовъ, проживавшихъ въ Итиль,
были Руссы и Славяне, какъ мы видѣли; кромѣ того, по
словамъ Масуди, они составляли отчасти войско царя и его
прислугу ³⁹⁾. А писатель IX вѣка Баладури извѣщаетъ о
большомъ поселеніи Славянъ въ предѣлахъ собственной Хо-
заріи. По его словамъ Марванъ, одинъ изъ арабскихъ пол-
ководцевъ, вступилъ въ хозарскіе предѣлы чрезъ аланскія
(т. е. кавказскія) ворота «сдѣлалъ нападеніе на Славянъ,
жившихъ въ землѣ Хозаръ; взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20
тысячъ осѣдлыхъ людей и поселилъ ихъ въ Кахетіи» ⁴⁰⁾. Трудно сказать, гдѣ именно жили эти Славяне; быть можетъ
и цифра плѣнныхъ ихъ сильно преувеличена; однако нельзя
безусловно отвергать это извѣстіе, если принять во внима-
ніе что Славяне рано проникали къ границамъ Хозарской
земли (Русь Донская и Тьмутораканская); возможно, что часть
ихъ углубилась въ прикавказье, гдѣ и подверглась нападе-
нію Арабовъ.

Кромѣ главнаго города Итиля въ землѣ Козаръ были нѣ-
сколько другихъ населенныхъ городовъ. Таковъ *Семендеръ*
между Итилемъ и Дербентомъ, прежняя столица кагановъ.

³⁸⁾ Масуди, перев. Гариави, стр. 130.

³⁹⁾ Тамже.

⁴⁰⁾ Тамже, стр. 38.

По словамъ Ибнъ-Гаукала въ немъ было много садовъ и до 40 тысячъ виноградниковъ, кромъ мусульманъ его населяли христіане и евреи, у которыхъ были свои церкви и синагоги; городомъ управлялъ царь изъ евреевъ, родственный съ царемъ хазарскимъ ⁴¹⁾). На Дону находилась крѣпость *Саркелъ* или Бѣлая вежа, построенная съ помощью византійскихъ инженеровъ противъ нападенія Руссовъ и Печенѣговъ: крѣпость лежала на томъ колѣпѣ Дона, гдѣ онъ всего ближе подходитъ къ Волгѣ, и откуда Руссы переволакивались на низовья Волги для грабежа и торговли. У позднѣйшихъ писателей (Касвини) описывается еще одинъ большой городъ въ хазарской землѣ по имени *Саксинъ*: онъ лежалъ на очень рыбной рѣкѣ, которая больше Тигра, былъ очень многолюденъ, имѣлъ много каналовъ и деревьевъ; жители его мусульмане строили много мечетей, и вмѣсто серебряной монеты употребляли въ торговлѣ свинецъ ⁴²⁾). Профессоръ Хвольсонъ доказываетъ, что этотъ городъ лежалъ на Уралѣ; въ подтвержденіе его доводовъ можетъ служить еще слѣдующее извѣстіе, приводимое академикомъ Дорномъ изъ одного арабскаго источника XIII вѣка: «рынкомъ товаровъ Саксина и Булгара до нашего времени былъ *Амуль* ⁴³⁾; люди приходили изъ Ирака, Сиріи, Хорасана и отъ предѣловъ Индостана, требуя ихъ товаровъ; торговля жителей Табаристана была въ Булгарѣ и Саксинѣ по той причинѣ, что на томъ берегу моря *Саксинъ лежитъ насупротивъ Амуля*; говорять, что когда корабль отправляется въ Саксинъ, то онъ ходить три мѣсяца, а если оттуда отходить, то одну недѣлю» ⁴⁴⁾. Насупротивъ Амуля, лежавшаго на южномъ берегу Каспійскаго моря, па сѣверномъ его берегу какъ разъ приходится устье Урала; то обстоятельство, что суда ходятъ до Саксина три мѣсяца, а обратно одну недѣлю повидимому указываетъ, что въ первомъ случаѣ суда поднимались до города вверхъ по рѣкѣ, и слѣдовательно плыли медленнѣе, чѣмъ обратно, что городъ по этому лежалъ не на устьи Урала, а нѣсколь-

⁴¹⁾ Гаркави, стр. 220.

⁴²⁾ Хвольсонъ. Изв. Ибнъ-Дасты.. стр. 63—66.

⁴³⁾ Въ Табаристанѣ, на южномъ берегу Каспійскаго моря.

⁴⁴⁾ Каспій. О походахъ древн. Русскихъ въ Табаристанъ и проч. стр. 32—36.

ко выше: по крайней мѣрѣ Казвini не говоритъ, чтобы онъ лежалъ на устьи рѣки. Впрочемъ, причиною медленнаго плаванія по Каспійскому морю съ юга на сѣверъ могли быть также противные сѣверные вѣтры ⁴⁵⁾.

Еще нѣсколько свѣдѣній о культурномъ состояніи Хозаръ сообщаетъ Ибнъ-Гауканъ: «городъ Итиль — говорить онъ, неимѣеть предмѣстій, а вокругъ его на двадцать парасанговъ простираются поля и дачи; на этомъ пространствѣ часто занимаются земледѣлемъ, и хозяева отправляютъ свои произведенія въ городъ на судахъ и на повозкахъ. Главные питательные продукты народа составляютъ рыба и риѣ; отъ границъ русскихъ привозятъ медъ и воскъ. Вообще нужные предметы жизни, у нихъ не производящіеся, какъ напр. ковры, занавѣсы, восковыя свѣчи и другія подобныя вещи они получаютъ изъ другихъ земель; у нихъ вѣтъ своихъ матерій для изготошенія платьевъ: они покупаютъ ихъ изъ Джордана, Арменіи и Византіи ⁴⁶⁾.» Въ послѣднюю страну, т. е. въ Грецію за мануфактурныя ея издѣлія Козары отправляли свои сырые продукты; испанскій визирь Хасдаи въ письмѣ къ хазарскому кагану Іосифу между прочимъ пишетъ: «многія суда приходятъ изъ Хозаріи въ Константинополь, привозятъ рыбу, кожи и всѣ роды товаровъ: они, Хозары, союзники Грековъ и пріятели ⁴⁷⁾.» Можно указать нѣкоторыя сходныя постановленія на счетъ торговли какъ въ Византіи, такъ и у Козаръ, что касается, напр. взиманія съ купцовъ торговой пошлины въ размѣрѣ десятины; по словамъ Ибнъ-Хордадбе, писателя IX вѣка «Русскіе вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю, и царь Рума беретъ съ нихъ десятину; а если желаютъ, ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину ⁴⁸⁾.»

⁴⁵⁾ У Мукаддеси упоминаются еще два города хазарскихъ: *Бейда* и *Беленджеръ*; но мѣстоположеніе ихъ опредѣлить трудно.—**Хвольсонъ**, Изв. Ибнъ-Дасты, стр. 45.

⁴⁶⁾ Изъ отрывка у Клапрота, стр. 264 — 267.

⁴⁷⁾ Перев. *Гаркави*. Труды восточ. отдѣл. И. Рус. Арх. Общ. Ч. XVII, стр. 365.

⁴⁸⁾ *Гаркави*. Сказ. мус. писат., стр. 49.

Тоже самое говорить Ибнъ-Даста о волжскихъ Булгарахъ: «когда къ нимъ приходятъ мусульманскія купеческія суда, то опи берутъ съ нихъ пошлину десятую часть ихъ товаровъ⁴⁹⁾.» Такимъ образомъ сборъ десятины съ купцовъ былъ общимъ уставомъ въ торговлѣ русско-арабской и русско-византійской, если только подъ словомъ десятина не разумѣли торговую пошлину вообще. Но возвратимся къ Хозарамъ. По видимому ихъ мануфактурная промышленность была совершенно незначительна, и главная ихъ роль заключалась въ торговомъ посредничествѣ. Упоминаемое Ибнъ Гаукаломъ земледѣліе велось только въ окрестности Итиля на берегахъ Волги, тогда какъ остальная мѣстность была совсѣмъ неудобна для земледѣлія; «страна Хозаръ, говорить Мукааддеси, очень обширна, но суха и неплодородна; много въ ней овецъ, меду и Евреевъ»,⁵⁰⁾. И дѣйствительно Евреи составляли значительный, и вѣроятно наиболѣе дѣятельный элементъ въ Хозарской торговлѣ; со временемъ глубокой древности они жили въ Крыму, принимая участіе въ торговлѣ невольниками; ихъ вліяніе и вѣра распространились даже до Булгара на Волгѣ: по словамъ Мукааддеси въ землѣ Булгаръ былъ одинъ городъ, жители которого сперва были Ереями, а потомъ сдѣлались мусульманами⁵¹⁾. Вспомнимъ также еврейскую пропаганду въ Киевѣ при князѣ Владимиѳѣ. Всегда сильные духомъ прозелитизма Евреи особенно высоко подняли голову въ Хозаріи, гдѣ каганъ и бѣгъ исповѣдывали еврейство; слухъ о томъ, что глава хозарского государства держится еврейскаго закона, прошелъ въ отдаленные страны, и сильно пріобрѣрѣлъ Евреевъ. Стоитъ читать письмо испанскаго визиря Хасдаи, чтобы видѣть, какой восторгъ возбуждаетъ въ немъ и всѣхъ испанскихъ Ереяхъ мысль, что на свѣтѣ есть одно царство, гдѣ Евреи наслаждаются полными правами подъ покровительствомъ единовѣрного царя: Хасдаи готовъ вѣрить уже въ наступленіе царства Мессіи... Вотъ почему въ Хозарію устремились еврейскіе купцы, путешественники и миссионеры изъ Испаніи, Византіи и другихъ странъ, гдѣ особенно въ Византіи къ нимъ относились весьма неблагосклонно. Но

⁴⁹⁾ Хвольо нъ. Изв. Ибнъ-Дасты, стр. 24.

⁵⁰⁾ Тамже, стр. 45.

⁵¹⁾ Тамже, стр. 85.

разноплеменность хазарской державы и разновѣрность ея жителей, а также слабость верховной власти, подѣленной между каганамъ и бегомъ, были причиною ея скораго распаденія. Самый сильный ударъ нанесъ Козарамъ киевскій князь Святославъ. Подъ 6473 (945) годомъ начальная лѣтопись говоритъ: «иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступиша битися, и бывши браны одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлу Вѣжю взя; и Ясы побѣди и Ка-согы ⁵²⁾). Володѣютъ Козары Русскии князи и до днешняго дне», — замѣчаетъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ ⁵³⁾). Съ этими извѣстіями русской лѣтописи согласуется въ общемъ смыслѣ показаніе Ибнъ-Гаукала, писавшаго около 976 или 977 года: «въ настоящее время, — говорить онъ; не осталось и слѣда ни изъ Булгаръ, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара: ибо Русы напали на ихъ всѣхъ, отняли у нихъ всѣ эти области и произвоили ихъ себѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ добавляетъ, что Русы ограбили Булгаръ, Хазеранъ (купеческій кварталъ Итиля), Итиль и Семендеръ въ 358 году геждры, т. е. 969 по Р. Хр. ⁵⁴⁾). Хотя это времѧ-опредѣленіе не согласно съ данными русской лѣтописи, — быть можетъ русскій и арабскій лѣтописцы говорять не объ одномъ, и нѣсколькихъ нападеніяхъ на Козарь киевской Руси, — но нѣть сомнѣнія въ томъ, что сущность дѣла они передаютъ вѣрно. Не трудно догаться и на счетъ тѣхъ побужденій, которыми руководился Святославъ, нападая на Козаръ: кромѣ желанія попользоваться богатствами Итиля и другихъ торговыхъ городовъ Хозаръ Святославъ хотѣлъ еще обезпечить Руси киевской и тмутороканской доступъ къ Каспійскому морю и въ прикавказскія страны, гдѣ кромѣ грабежа Русы могли заниматься и торговлей. Между тѣмъ Хозары затрудняли этотъ доступъ, позволяя Русскимъ торговать только въ Итиль. Въ отвѣтномъ письмѣ кагана къ упомянутому испанскому визирю говорится: «я недопускаю Руссовъ, прибывающихъ на судахъ, нашествовать на мусульманъ; если бы я дозволилъ имъ это, то они опустошили бы

⁵²⁾ Полн. собр. Рус. Лѣт. Т. I, стр. 27.

⁵³⁾ Тамже, стр. 7.

⁵⁴⁾ Перев. Гаркави, стр. 218—219.

всю землю Измаила (халифатъ) до Багдада⁵⁵⁾). Однако несмотря на эти препятствія Русскіе совершили до 969 года (завоеваніе Хазаріи по Ibnъ-Гаукалу) четыре похода въ прикаспійскія страны и закавказье⁵⁶⁾; третій изъ этихъ походовъ 913 года былъ предпринятъ съ вѣдома и согласія Хозарь: сначала каганъ пропустилъ Руссовъ въ Каспійское море за обѣщанную ему половину добычи, а потомъ по соѣту мусульманской гвардіи напалъ на возвращавшихся Руссовъ и нанесъ имъ пораженіе; остатки ихъ добили Буртасы и Булгары, въ землю которыхъ бѣжали нѣсколько Руссовъ, спасшихся въ Хазаріи. По остроумной догадкѣ г. Григорьева походъ Святослава имѣлъ видъ мщенія Хозарамъ за ихъ вѣроломство⁵⁷⁾). Къ этому прибавимъ, что тоже мщеніе постигло Буртасовъ и Булгаръ, какъ это видно изъ извѣстія Ibnъ-Гаукала. Такимъ образомъ распался хозарскій каганатъ. Что же касается собственно до Славянскихъ племенъ, то освобожденіе ихъ отъ Хозарской дани началось гораздо ранѣе похода Святослава. По преданію начальной русской лѣтописи Кіевъ освободился отъ Хозаръ при Аскольдѣ и Дирѣ въ 862 году; Олегъ принудилъ Сѣверянъ и Радомичей въ 884—885 годахъ отдавать хозарскую дань себѣ, а не кагану; Святославъ заставилъ сдѣлать тоже самое Вятичей, а затѣмъ разгромилъ и Хозарь⁵⁸⁾). Сынъ и внукъ Святослава приняли славный титулъ кагана, и дѣйствительно имѣли право его носить, владѣя тѣми областями, которые принадлежали хозарскому кагану.

Такъ одновременно на сѣверѣ и югѣ Руси возникаютъ два государственные центра, Новгородъ и Кіевъ. И если такъ называемое призваніе варяжскихъ князей въ Новгородъ до сихъ поръ представляеть нѣкоторыя спорныя и неясныя стороны, то относительно южно-русского княженія дѣло представляется яснѣе. Зависимость отъ Азіатовъ, выражавшаяся

⁵⁵⁾ Гаркави. Сказ. мус. пис., стр. 226.

⁵⁶⁾ Дорнъ, О походахъ древ. Русск. въ Табаристанъ, стр. 531—533.

⁵⁷⁾ О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ. Сборникъ „Россія и Азія“, стат. № 1, стр. 42.

⁵⁸⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 9—10, 27.

въ собираніи дани и вѣроятно значительной торговой эксплоатациі, вызвала въ Полянахъ и другихъ южныхъ славянскихъ племенахъ стремленіе къ самостоятельности. Изъ народа выдѣляются дружинники, собирающіеся вокругъ киевскаго князя, все равно какого бы онъ ни былъ племени, — ибо важнѣе сущность принадлежащей князю власти, чѣмъ его національность. Потомъ являются удалые богатыри, степные бродники, которые постепенно проникаютъ внутрь Хозарской земли, и шагъ за шагомъ занимаютъ ее для своего племени (Русь Донская, Русь Тмутораканская и Прикавказская). Въ Итиль и другіе города Хозаръ проникаютъ русскіе купцы, которые высматриваютъ положеніе дѣль, и потомъ возбуждаютъ дома своими рассказами любопытство и жажду попользоваться богатствами хозарскихъ жибовъ и бусурманъ, а иногда жалуются на притѣсненія, имъ оказываемыя въ хозарскихъ городахъ. Когда же наконецъ Козары оказываются грубое вѣроломство по отношенію къ Руси, великий князь киевскій наносить имъ смертельный ударъ. Съ тѣхъ поръ приднѣпровые съ матерью русскихъ городовъ во главѣ становятся важнымъ политическимъ, а вмѣстѣ и торговымъ центромъ.

Арабскіе писатели говорятъ, что въ Киевѣ ъздили торговавть и восточные купцы. Такъ *Истахри* говоритъ: «Руссы состоять изъ трехъ племенъ, изъ которыхъ одно ближе къ Булгару, а царь его живетъ въ городѣ, называемомъ *Куяба*, который больше Булгара.. въ Куябу прибываютъ купцы»⁵⁹⁾). Повѣстя о славянскихъ племенахъ и ихъ князьяхъ Масуди замѣчаетъ: первый изъ славянскихъ царей есть царь *Диръ*; онъ имѣеть обширные города и многія обитаемыя страны; мусульманскіе купцы прибываютъ въ столицу его государства съ разнаго рода товарами»⁶⁰⁾). Въ комментаріи къ этому мѣсту изъ Масуди Шармуа полагаетъ, что подъ именемъ Дира здѣсь нельзя разумѣть брата Аскольдова, умершаго въ концѣ IX вѣка, слѣдовательно гораздо раньше, чѣмъ Масуди издалъ свое сочиненіе «золотые луга» (947 или 948 г.); вмѣсто Дира

⁵⁹⁾ Перев. *Гаркави*, стр. 193.

⁶⁰⁾ Relation de Masoudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, par *Charmoy*. (Мемуар. Акад. Наукъ, сер. наук. политич. и пр. Т. II, стр. 393—394).

онъ предлагаетъ читать *Оттона* или *Лотаря*, или наконецъ имя царя *Альдебура*, славянскаго *Старгарда*. Но поѣздки мусульманскихъ купцовъ въ Германію, или земли прибалтійскихъ славянъ въ высшей степени невѣроятны, принимая во вниманіе отдаленность этихъ земель отъ Итиля и Булгара. Всего естественнѣе здѣсь разумѣть именно Кіевскаго Дира: Масуди могъ назвать этимъ именемъ современаго себѣ Кіевскаго князя по примѣру *бывшаго* Дира т. е. обратить собственное имя въ нарицательное, или списать все извѣстіе о Дирѣ изъ такого автора, который былъ современникъ брату Аскольдову⁶¹⁾. Наконецъ быть можетъ нeliшена значенія и догадка Шармуа, что подъ словомъ *аль-Диръ* скрывается сокращеніе имени *Владимира*, сдѣланное однимъ изъ переписчиковъ Масуди. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ вѣрно, что Кіевъ былъ извѣстнымъ для восточныхъ купцовъ торговыимъ пунктомъ; о восточной торговлѣ Кіева свидѣтельствуютъ и арабскія деньги, найденные въ самомъ этомъ городе⁶²⁾. Въ болѣе тѣсныхъ торговыхъ связяхъ Кіевъ находился съ Византіей, гдѣ издавна жили русскіе купцы, — и очень вѣроятно, что первый походъ на Царьградъ Руссы совершили частію за оскорбленія проживавшимъ тамъ кіевскимъ купцамъ⁶³⁾. Договоры Русскихъ съ Византіей X вѣка указываютъ на продолжительныя торговыя сношенія ихъ съ Греками. Весьма знаменательно, что по этимъ договорамъ отмѣняется береговое право по берегамъ Чорнаго моря, когда во всей Европѣ не только въ X вѣкѣ, но и гораздо позже береговые жители не стѣснялись пользоваться этимъ правомъ; напротивъ Руссы и Греки обязываются оказывать другъ

⁶¹⁾ Что глава Масуди о Славянахъ средней Европы и прибалтійскаго края заимствована имъ изъ письменнаго источника, и притомъ византійскаго происхожденія, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Г. Гаркави уже указалъ на одного арабскаго писателя *Хоррами*, бывшаго византійскаго плѣнника, отъ котораго между прочимъ бралъ свои свѣдѣнія Масуди. (Сказ. мус. писат., стр. 161). Заимствованіе Арабами свѣденій о Славянахъ чрезъ Византію станетъ понятнымъ, если припомнимъ напримѣръ, какъ много Славянъ Балканскихъ, Русскихъ и Карпатскихъ зналъ Импер. Константинъ Багрянородный.

⁶²⁾ О восточной торговлѣ Кіева въ арабскую эпоху ср. *Френе Ibn-foszlans und anderer Araber Berichte...* S. Petersb. 1823. Beil. № I.

⁶³⁾ На это есть намеки въ бесѣдахъ патріарха Фотія.

другу всякое содѣйствіе въ несчастіяхъ, приключающихся па берегу; напримѣръ корабль, занесенный бурею къ берегамъ, провожать въ безопасное мѣсто, грузъ съ разбитаго корабля или вырученныя за его продажу деньги возвращать его хозяину съ послами или гостями. Имѣніе гостя, умершаго на чужбинѣ и неуспѣвшаго распорядиться на счетъ его въ духовномъ завѣщаніи, постановлено выдавать его землякамъ для передачи родственникамъ покойника. Съ обѣихъ сторонъ выговаривается право выкупать проданныхъ въ рабство и попавшихся въ плѣнъ. Болѣе подробны статьи договоровъ о торговлѣ Руси въ Константинополѣ: Русскіе могутъ отправлять въ Грецію корабли, сколько хотятъ съ послами и гостями; они обязаны вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ печатей, какъ бывало до 945 года (договоръ Игоря) предъявлять греческому правительству грамоты отъ своего князя, въ которыхъ нужно было означать количество кораблей: безъ этой грамоты (паспорта) корабли могутъ быть задержаны, а въ случаѣ сопротивленія людей они могутъ быть даже убиты, и Греки за это не отвѣчаютъ. Живя въ Цареградѣ Русскіе не должны дѣлать никакихъ безчинствъ; на постоянное имъ мѣстожительство отводится предмѣстье Св. Мамы. Чиновники императора имѣютъ право переписать всѣхъ русскихъ гостей, и тогда эти получаютъ право на даровое содержаніе (мѣсячное), дававшееся купцамъ изъ Киева, Чернигова и Переславля; по торговлю они производятъ подъ надзоромъ особенного пристава, который провожаетъ ихъ въ городъ сквозь одни назначенные ворота, и притомъ въ количествѣ не свыше 50 человѣкъ; покупать паволокъ они могутъ не больше какъ на 50 златницъ; купленные паволоки осматривалъ приставъ и налагалъ на нихъ штемпель. Отправляясь въ Русь, купцы берутъ пищи и всего нужнаго на дорогу даромъ; зимовать они не имѣютъ права ни въ предмѣстии Св. Мамы, ни въ устьи Днѣпра, ни Бѣлобережья, ни у Св. Елеферія. Такимъ образомъ кіевскіе Руссы были въ Византіи и вообще въ предѣлахъ имперій, только мѣтными гостями; самая торговля ихъ, какъ видно изъ договоровъ, была обставлена тамъ значительными затрудненіями со стороны Грековъ, которые не могли не позволить Руссамъ вести торговлю въ Византіи, но съ другой стороны боялись ихъ буйства. Несмотря на разныя полицейскія мѣры столк-

новенія между Греками и русскими купцами однако случались, и приводили къ серьезному разладу. По рассказу Кедрина вотъ что случилось въ Цареградѣ въ 1043 году: «продолжавшійся между Россіянами и Греками долгое время миръ нарушенъ бытъ въ лѣто отъ с. м. 6551, индикта 11 съrossiйской стороны по слѣдующей причинѣ: въ силу заключенного договора и сродства греческаго царскаго дома съrossiйскими князьями дозволено было Россіянамъ отправлять свободно торги съ Греціей, чего ради безпрерывно бывали въ Константинополь купцы отъ онаго народа. Но около вышепомянутаго времени произошла у нихъ въ Цареградѣ съ Грекамиссора, при чёмъ дошло до драки, и одинъ знатной природы Россіянинъ убитъ бытъ». Императоръ узнавши, что великий князь кievский (Ярославъ Владиміровичъ) готовится отмстить за обиду, причиненную его купцамъ, съ своей стороны сталъ ополчаться, «и приказалъ находившихся въ Цареградѣrossiйскихъ купцовъ и воиновъ разослать по разнымъ областямъ своей имперіи, а чтобы они неучинили мятежа, — имѣть за ними крѣпкое смотрѣніе»⁶⁴⁾. Но въ мирное время торговля Кіева съ Византіей была оживленная. Кіевские купцы, производившіе ее, извѣстны были подъ наименіемъ гречниковъ. Три важнѣйшихъ пути вели изъ Кіева къ предѣламъ имперіи, греческій, соляной и залозный, охранять которые князья считали своимъ интересомъ, потому что сбывали по нимъ въ Грецію свою дань, собиравшуюся натурой и предметы собственнаго обширнаго хозяйства. Главные предметы торговли, получавшіеся изъ Византіи, были по словамъ Святослава: «золото, паволоки (парча), вина и овощеве разноличніи»⁶⁵⁾. Привозились также оттуда богатыя

⁶⁴⁾ Извѣстія византійск. истор., объясн. russijskую исторію древн. временъ и переселенія народовъ. Собр. Штріттеромъ, Спб. 1770 — 1775. Часть 3, стр. 107 — 110. Походъ 1043 г. подъ предводительствомъ сына Ярослава Владимира, несчастно для russкихъ окончившійся, описанъ и въ нашей лѣтописи. П. С. Р. Л. Т. I, стр. 66—67.

⁶⁵⁾ П. С. Р. Л. Т. I, стр. 28 — Очень вѣроятно, что названія нѣкоторыхъ овощей, плодовыхъ деревьевъ и хлѣбныхъ растеній, а быть можетъ и самая культура ихъ пришли въ предnѣпровскую Русь изъ Греціи, какъ напр. огурецъ — *αγγεριον*, *αγγερον*, свекла или севклъ — *σευτλον*, капуста — среднев. *caputium*, рожки — *κερатια*, черешня — *κερασος* и пр.; изъ хлѣбныхъ растеній вѣроятно пришла въ предnѣпровье *гречка*,

одежды, ковры, сукна, сафьянъ, персцъ, затѣмъ предметы церковнаго украшенія и принадлежности богослуженія: ризы, сосуды, иконы, вино, ладонъ, елей, тубки, мраморъ, краски, мозаика и пр. ⁶⁶⁾). Изъ Руси въ Грецію шли скора (мѣха), воскъ, медъ и челядъ (невольники). Торговля невольниками составляла въ ту пору обширную статью; вспомнимъ Константина Багрянороднаго, который описалъ торговый путь по Днѣпру и сквозь его пороги, гдѣ скованыхъ невольниковъ высаживали и вели вдоль по берегу рѣки; обширный контингентъ рабовъ доставляла въ то время война. Въ невольничьей и вообще всякаго рода торговли съ Греками не малое участіе принимали разные степные варвары, хотя чаще ей мѣшали своими грабежами. Такъ о Мадьярахъ Ибнъ Даста говорить: «воюя Славянъ и добывши отъ нихъ плѣнниковъ, они отводятъ ихъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней Румской земли, которая зовется Кархъ (древн. Каркинитъ). А какъ дойдутъ до Карха съ плѣнными своими, Греки выходятъ къ нимъ на встречу: Мадьяры заводятъ съ ними торгъ, отдаютъ имъ плѣнниковъ своихъ, а взамѣнъ ихъ получаютъ греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческіе товары» ⁶⁷⁾). Константий Багрянородный о Печеныахъ говоритъ, что съ ними стараются Русскіе жить въ согласіи: ибо они доставали отъ Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ; во вторыхъ они боялись ихъ вторженій и тѣхъ препятствій, которыя могли дѣлать Печенѣги въ греческой торговлѣ: ниже днѣпровскихъ пороговъ они часто нападали на кіевскихъ купцовъ. «И для Печенѣговъ также было полезно жить дружелюбно съ Россіянами, особенно для тѣхъ, которые жили въ окрестностяхъ Херсона: ибо оные получали изъ Россіи товары, которые послѣ привозили Корсунянамъ и греческимъ императорамъ за деньги» ⁶⁸⁾). Такимъ

т. е. греческій хлѣбъ, или жито. Впрочемъ могло быть и наоборотъ, т. е. некоторые названія культурныхъ растеній зашли въ средневѣковый греческій языкъ изъ славянского.

⁶⁶⁾ Промышл. древ. Руси, Аристова, стр. 183—187.

⁶⁷⁾ Перев. Хвольсона. Изв. Ибнъ-Дасты... стр. 27.

⁶⁸⁾ Извѣст. визант. историковъ... ч. 3, стр. 30—33. (Изъ сочиненія Конст. Багрянор. „Объ управлѣніи имперіей“).

образомъ Печенѣги могли отрѣзать киевскимъ купцамъ дос-
ступъ въ Крымъ и Грецію, расположившись кочевать какъ
разъ на главномъ торговомъ пути, т. е. греческомъ (по
Днѣпру). Кромѣ Печенѣговъ купеческимъ караванамъ «па-
костили» *Половцы*. Между тѣмъ въ Крыму было нѣсколько
городовъ, славныхъ по своей торговлѣ, какъ *Херсонесъ*, *Кор-
чева* (Керчь), *Сурожъ* и др., куда киевскіе купцы конечно
еще чаще ѿздили, чѣмъ въ отдаленную Византію. — Въ зак-
люченіе о Киевѣ припомнимъ, что въ эпоху арабской тор-
говли онъ и на западѣ Европы быль извѣстенъ, какъ боль-
шой торговый городъ: *Дитмаръ* говорить, что въ немъ было
8 торжищъ, *Адамъ Бременскій* называетъ его соперникомъ
Константинополя (*aemula sceptri Constantinopolitani*), быть
можетъ преувеличено, если только онъ не имѣеть въ виду
грозныхъ походовъ киевской Руси въ IX и X вѣкахъ на
Византію; тогда дѣйствительно для Киева название соперника
Константинополя было бы въ значительной степени подхо-
дящимъ.

Теперь обратимся снова къ приволжскимъ странамъ. —
Къ сѣверу отъ Козаръ между Итилемъ и Булгаромъ жило
племя *Буртасы*. Земля ихъ составляла собственно часть хо-
зарского царства; по крайней мѣрѣ во времена Ибнъ-Дас-
ты въ X вѣкѣ они признавали власть кагана, и выставляли
въ поле будто бы 10 тысячъ всадниковъ. По описанію Ибнъ-
Дасты они имѣютъ верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду;
земля, ими обитаемая, ровна; изъ деревьевъ въ ней чаще
другихъ встрѣчается хеленджъ (береза); занимаются они и
хлѣбопашествомъ; но главное ихъ богатство составляетъ медь,
мѣха куны и другіе⁶⁹⁾.

На сѣверъ отъ Буртасовъ и хозаръ въ области Волги и
Камы находилось *Булгарское царство*, столь же древнее, какъ
царство Хозарское и столь же, какъ то, разноплеменное⁷⁰⁾.
Кромѣ господствующаго племени Булгаръ, по всей вѣроятности

⁶⁹⁾ Хвольсонъ. Изв. Иб. Дасты, стр. 21.

⁷⁰⁾ О Булгарахъ кромѣ книгъ и статей Фrena, Григорьева, Са-
вельева, Березина, Лихачева и др. ср. недавно вышедшую книгу *Шпи-
левскаго*: древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Ка-
занской губерніи. Казань, 1877. Книга замѣчательна по группировкѣ
фактовъ и выводовъ относительно Булгаръ.

туркского, значительный элементъ въ немъ составляли Финны и Славяне; по извѣстію Дѣмешки Булгары говорили о себѣ въ XIV вѣкѣ: «мы народъ, родившійся между Тюрками и Славянами», — въ томъ смыслѣ, что они народъ, смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ⁷¹⁾. Что Булгары не были финского племени, доказательствомъ тому служить между прочимъ и тотъ фактъ, что въ землѣ Финновъ они вели нѣмую торговлю: значитъ ни они не поимали языка Финновъ, ни тѣ — языка Булгаръ. Кромѣ того въ борьбѣ съ Суздальскими князьями Булгары являются племенемъ весьма энергичнымъ и совсѣмъ непохожимъ на слабыхъ континентальныхъ Финновъ, напр. Мерю и Весь. — Главнѣйшая черты быта Болгаръ по арабскимъ извѣстіямъ слѣдующія: они народъ земледѣльческій, и воздѣлываютъ всякаго рода хлѣбъ, какъ то: пшеницу, ячмень, просо и другіе хлѣба⁷²⁾. Скотовъдство у нихъ настолько значительно, что подать царю они уплачивали между прочимъ бычачими шкурами (по шкурѣ съ дома⁷³⁾). Булгары знали устройство прочныхъ деревянныхъ домовъ, обработку металловъ, изготавленіе кольчугъ и всякаго рода оружія, выдѣлку кожъ, извѣстныхъ и въ Азіи подъ именемъ булгарскихъ, разныхъ вещей домашняго быта и украшеній⁷⁴⁾. По Волгѣ и Камѣ они имѣли нѣсколько городовъ: *Бряхимовъ* или *Бумаръ*, *Бюларъ* или такъ называемый *великій городъ*, *Ошель* и *Жукотинъ*⁷⁵⁾. Сверхъ хозяйственной и разнообразной издѣльной промышленности Булгаре вели обширную торговлю. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ торговлѣ они были посредниками между Европой и Азіей, и что главный ихъ городъ по значенію своего рынка былъ тоже, что Ка-

⁷¹⁾ Хвольсонъ. Ибнъ-Даста и пр., стр. 89.

⁷²⁾ Тамъ же, стр. 23.

⁷³⁾ Ибнъ-Фоцланъ, перев. Гаркави, стр. 91.

⁷⁴⁾ Лихачевъ. Бытовые памятники великой Булгаріи. (Труды 2 археолог. съѣзда). Впрочемъ трудно опредѣлить, какие изъ этихъ памятниковъ принадлежать древней до-магометанской, и какие позднѣйшей магометанско-татарской эпохѣ, что изъ нихъ мѣстное, и что привозное изъ Азіи.

⁷⁵⁾ Шпилевскій. Древн. города Казанской губ., стр. 124 и слѣд. Что касается до названий *Соба*, *Куль*, *Челмата*, *Темтизи* и др., то авторъ считаетъ ихъ за названія племенъ, а не городовъ Булгарскихъ; стр. 139.

зань въ позднѣйшую пору, или Нижній-Новгородъ — въ настоещее время. Между Болгаромъ и Ховарезмомъ двигались торговые караваны и обратно, повѣствуетъ Масуди ⁷⁶⁾. Еще чаще были плаванія купеческихъ судовъ по Волгѣ до Итиля и наоборотъ. Но что касается арабскихъ купцовъ, то они неѣздили дальше Булгара; чтобы удержать ихъ отъ поѣздокъ внутрь финскихъ земель, Булгари страшали ихъ разными сказками, въ родѣ людоѣдства Эрзы, — которымъ Арабы въ своей наивности вѣрили, неговоря о томъ, что Булгари могли удержать ихъ отъ этихъ поѣздокъ и силой. Что за племя была Эрза или Арта, и гдѣ она жила, обѣ этомъ арабскіе писатели даютъ весьма неясныя опредѣленія; Френъ считалъ ихъ за мордовское племя, жившее примѣрно въ Нижегородской или Пензенской губерніи ⁷⁷⁾; г. Хвольсонъ даетъ ей мѣсто въ Біарміи или Перми ⁷⁸⁾; г. Иловайскій, основываясь на буквальномъ показаніи арабскихъ писателей, что Эрза или Арта есть третье русское племя (Куяба, Славія, Арта), считаетъ ее за Тмутороканскую Русь при устьи Кубани ⁷⁹⁾. Не считая себя компетентными решать этотъ вопросъ, мы позволимъ себѣ выразить слѣдующую догадку: поводомъ къ составленію басни о людоѣдствѣ Эрзы не послужило-ли русское название *Самоядъ* или *Самоѣды*, которое можетъ осмыслиться въ *людоѣдовъ*? Въ такомъ смыслѣ это название могли передать Булгарамъ русскіе купцы, которые тамъ часто и въ большомъ количествѣ жили, а отъ Булгаръ это представлѣніе вѣроятно заимствовали легковѣрные и жадные къ чудесному Арабы. Непозволяя арабскимъ купцамъѣздить въ финскія страны Булгаре въ тоже время недопускали въ свой городъ купцовъ финскихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы напримѣръ *Весь* вошла туда, то воздухъ сразу измѣнился бы, и настала бы такая стужа, что растительность вся погибла бы, случились это даже среди лѣта ⁸⁰⁾). Такимъ образомъ эксплоатацію финскихъ зе-

⁷⁶⁾ Хвольсонъ. Изв. И. Дасты и пр., стр. 163.

⁷⁷⁾ Ibn. Foszlans u. a. Araber Berichte... S. 162—170.

⁷⁸⁾ Изв. И. Дасты.., стр. 174—177.

⁷⁹⁾ Розысканія о началѣ Руси. 1876. Москва, стр. 129.

⁸⁰⁾ Обѣ этомъ говорятъ Казвини и Бакуви. Frähn. Ibn-Foszlans und and. Arab. Berichte... S. 210—211.

мель Булгари хотѣли предоставить исключительно только себѣ. По Волгѣ они ъздили въ землю Мери и Веси⁸¹⁾, и вели тамъ нѣмую торговлю. О томъ, какъ велась эта нѣмая торговля на крайнемъ сѣверѣ Руси, примѣрно въ странѣ Печоры и Югры, даетъ чрезвычайно любопытное извѣстіе *Ибнъ-Батута*: «я хотѣль было, говорить онъ — путешествовать изъ Булгара въ страну мрака, но потомъ отказался отъ этого намѣренія, мало ожидая себѣ полезнаго. Упомянутая земля мрака лежитъ на 40 дней пути отъ Болгара, и поѣздки туда совершаются на небольшихъ повозкахъ, запряженныхъ собаками. Почва въ томъ краю обледенѣлая, по которой не могли бы ступать ни лошади, ни люди, а только собаки съ помощью своихъ когтей. Путешествіе туда предпринимать могутъ только богатые купцы; каждый изъ нихъ запрягаетъ до ста повозокъ, нагруженныхъ пищѣй, напитками и дровами: ибо тамъ, куда они ъдуть, нѣть ни дерева, ни камня, ни открытой почвы (т. е. вся она покрыта снѣгомъ?). Руководителемъ въ пути служить собака, не разъ уже бывавшая въ такихъ поѣздкахъ и потому очень дорого цѣнится: за нее платятъ до тысячи денаровъ. Ее запрягаютъ съ другими собаками такимъ образомъ, что она бѣжитъ впереди и показываетъ дорогу прочимъ тремъ собакамъ; какъ скоро она остановится, станутъ и другія. Хозяинъ ее не бѣть и не бранить, а старается накормить раньше людей; въ противномъ случаѣ она обозлится, убѣжитъ отъ хозяина и такимъ образомъ причинить ему большой вредъ. Наконецъ послѣ 40 дней пути путешественники останавливаются въ землѣ мрака; тамъ они раскладываютъ свои товары, а сами удаляются на недалекое пространство къ мѣсту своей стоянки; на слѣдующее утро они приходятъ на то мѣсто, гдѣ оставили свои товары, и находять мѣха соболей, бѣлокъ и горностаевъ, выложенные рядомъ съ ихъ товарами, какъ пред-

⁸¹⁾ Хотя Казвини и др. арабскіе писатели говорятъ только о Веси (Вису), жившей на верхней Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ и Шексѣ, но очевидно что Болгаре ъздили туда сквозь страну Мерянъ, которые жили по Клязьмѣ, Нерли и озеру Клещину. Поэтому вѣроятно, что Меря у Арабскихъ писателей разумѣется подъ тѣмъ же названіемъ Веси. О землѣ Вису и торговлѣ тамъ Булгарѣ см. *Френъ*, *Ibn Foszlans.* Beil. № III.

лагасмую въ обмѣнъ за товары цѣнность. И если владѣтель товаровъ будетъ доволенъ, то онъ беретъ мѣха; въ противномъ случаѣ оставляетъ ихъ нетронутыми. Если въ слѣдующій разъ сдѣлаютъ прибавку мѣховъ, то онъ наконецъ принимаетъ ихъ взамѣнъ товаровъ. Такимъ-то образомъ происходитъ тамъ купля-продажа: путешественники даже не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами: потому что никого они не видятъ въ лице»⁸²⁾). Эта нѣмая, или такъ сказать — заглазная торговля велась гдѣ-то далеко отъ Булгара, быть можетъ на берегу сѣверного Океана. Конечно, если бы мы стали вникать въ подробности этого рассказа, то натолкнулись бы на разнаго рода недоумѣнія и сомнѣнія⁸³⁾). Одно изъ главныхъ недоразумѣній — въ томъ, какимъ образомъ избѣгали обмановъ, столь возможныхъ не только въ заглазной, но и въ обыкновенной торговлѣ, когда продавецъ и покупатель долго и съ недовѣріемъ присматриваются другъ къ другу. Чтобы это недоразумѣніе устранить, придется предположить, что Финны, какъ и многіе дикари вообще отличались высокой честностью, да и сами Булгаре въ видахъ своей же пользы въ будущемъ не допускали слишкомъ грубыхъ обмановъ. Но другія черты разсказа нельзя не признать дѣйствительно вѣрными. Можно думать, что такие большиѣ караваны, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, имѣли цѣль не только торговую, но и промышленную, т. е. купцы и ихъ спутники занимались на пути битьемъ пушнаго звѣря, руководимые искусствой охотничьей собакой, которая потому такъ дорого и цѣнилась. Любопытно, что среди Финновъ до сихъ поръ сохраняются черты быта, похожія на древній бытъ Булгаръ: Зыряне напримѣръ до сихъ поръ употребляютъ нарты или сани, запряженныя собаками; эти сани, нагруженныя провизіей, собаки тащатъ до мѣста промысла, а послѣ везутъ домой грузъ мѣховъ, добытыхъ во время охоты. Вообще Финны до настоящаго времени остаются отличными охотниками и высоко цѣнятъ хорошую собаку: такъ Богуль при всей своей бѣдности платить за охотничью собаку до 30 руб.⁸⁴⁾). Теперь станетъ понятно, какія боль-

⁸²⁾ Ibn-Foszlans u. a. Arab. Berichte, S. 231—232.

⁸³⁾ Ср. Е. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Рус. Истор. I, стр. 68, примѣч. 19.

⁸⁴⁾ Л. Н. Майковъ. О древней культурѣ зап. Финновъ (по сочиненію А. Алквиста), стр. 95.

шія партіі мѣховъ могли закупать Болгаре въ древнюю пору среди охотниковъ Финновъ, и потомъ сбывать ихъ арабскимъ купцамъ: мѣха составляли тогда главный предметъ отпуска въ Азію. Одинъ изъ арабскихъ писателей слѣдующимъ образомъ перечисляетъ товары, которые вывозились изъ Булгара и соѣдніхъ съ нимъ странъ въ Азію: «мѣха собольи, бѣличи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячи, козы шкуры, воскъ, крупная рыба, бѣлужій клей, рыбьи зубы, шапки, бобровая струя, янтарь, юфть, медъ, орѣхи, барсы, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, (т. е. вѣроятно бруски на подѣлки), славянскіе невольники, овцы и рогатый скотъ⁸⁵⁾). За всѣ эти товары изъ Азіи въ Булгаръ, а чрезъ него на всю сѣверовосточную Русь приходила та масса арабскихъ денегъ, о которыхъ мы говорили выше. Нужно впрочемъ замѣтить, что значительная часть денегъ долго обращалась въ качествѣ простаго товара, или въ качествѣ украшенія: въ кладахъ и курганахъ весьма часто встречались арабскія монеты съ провернутыми дирочками, или съ припаянными ушками⁸⁶⁾), что очевидно показываетъ, что ихъ носило какъ монисто, т. е. украшеніе, составленное изъ монетъ. Финскія женщины до сихъ поръ любятъ носить такое украшеніе, а до недавняго времени ихъ носили и русскія крестьянки, и только въ послѣднюю пору замѣтно прекращается обычай просверливать мелкія серебряныя деньги. Что касается древней эпохи и булгарской торговли на финскомъ сѣверѣ, то несомнѣнно, что тамъ долгое время на ряду съ монетой значение всеобщей мѣновой цѣнности имѣли мѣха; въ самомъ дѣлѣ къ монетѣ присмотрѣлись не сразу, и не вдругъ поняли, что на нее можно все покупать, словомъ, что она есть общая мѣновая цѣнность или деньги, не говоря уже о томъ, что долго могли сомнѣваться на счетъ доброкачественности серебра и вѣса монеты. Кромѣ серебряныхъ арабскихъ денегъ путемъ восточной торговли на Русь приходили разныя изящныя издѣлія азіатской промышленности,

⁸⁵⁾ Хвольсонъ. Изв. И. Дасты.. стр. 181. Къ этому тексту изъ Мукаццеси ср. примѣч. автора на стр. 181 — 193, гдѣ высказано много остроумныхъ соображеній.

⁸⁶⁾ Савельевъ. Мухам. нумизм. стр. XXXIII. Онъ полагаетъ, что монеты носили въ качествѣ амулетовъ.

которые покупались и посились какъ украшениѧ. Особено былъ любимъ цвѣтной бисеръ и преимущественно — зеленаго цвѣта: Ибнъ-Фоцланъ говорить, что для Русовъ величайшее украшеніе составляетъ зеленый бисеръ, и что за каждую бисеринку для своихъ женъ они платятъ по диргему⁸⁷⁾. И действительно бисеръ считался на столько изящнымъ украшениемъ, что напримѣръ древніе русскіе писатели, говоря о духовныхъ сокровищахъ вѣры и благочестія, не находили лучшаго предмета для сравненія, какъ бисеръ добрый, драгій, многоцѣнныи. Припомнимъ одно характерное для древней эпохи обращеніе къ равноапостольному Владиміру: упоминался еси купцу, ищущему доброго бисера, славнодержавный княже Владиміре (тропарь святому 15 июля). Часто разноцвѣтный бисеръ находили въ могильныхъ курганахъ Мери, Ливовъ и Сѣверянъ, какъ украшеніе покойниковъ. Есть упоминанія, что его издавна находили разсыпаннымъ на поверхности почвы, какъ арабскія дефири: «пришедши ми въ Ладогу — говоритъ одинъ древній лѣтописецъ — повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, егда будетъ туча велика, беруть дѣти наши глазки стекляныя, и малы и велики, провортаны, а другіе подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскиваетъ вода, отъ нихъ же взя болѣ ста, суть же различни»⁸⁸⁾. Очевидно дѣло идетъ о находкахъ бисера въ почвѣ, размытой дождемъ и по берегу Волхова. Послѣ бисера цѣнны и употребительны были разные цвѣтные камни, которые судя по ихъ названіямъ, стали впервые известны на Руси путемъ восточной торговли⁸⁹⁾. Наконецъ курганныя раскопки въ землѣ Мерянъ представили любопытные образчики изящныхъ азиатскихъ подѣлокъ, которые удовлетворяли неприхотливому вкусу мерянскихъ богачей, и доставлялись имъ изъ Булгара: это суть украшениѧ изъ серебра, бронзы, стекла и глины, какъ-то:

⁸⁷⁾ Frähn. Ibn Fozlans Berichte. S. 5, 90—91.

⁸⁸⁾ П. С. Р. Л. II, 4—5, 1114.

⁸⁹⁾ Изъ арабскаго, персидскаго и другихъ восточныхъ языковъ взяты названія: бусы или бисеръ, алмазъ, яхонтъ, топазъ, изумрудъ, бирюза, яшма, жемчугъ и др. Оттуда же взяты слова: базаръ, барышъ, киса, амбаръ, сундукъ. См. Савельевъ, мухам. нумизмат., стр. 215—217. Изъ арабскаго языка заимствованы: магазинъ, касса, тарифъ, — сначала въ европейскіе, а потомъ и въ русскій языкъ.

кольца, ожерелья, запястья, пряжки, серьги, бусы, металлическая зеркала, посуда и т. п. вещи. И какъ американскіе дикари при встрѣчѣ съ Европейцами за разныя изящныя бездѣлушки давали имъ полными горстями золото, такъ Финны за красивыя азіатскія подѣлки сбывали хитрымъ Булгарамъ массы драгоценныхъ мѣховъ.

Взглянемъ теперь въ какихъ отношеніяхъ къ Булгарамъ находились славянскія племена, особенно Новгородскіе Славяне.

Въ 922 году въ отдаленный Булгаръ прибыло посольство халифа Муктадира для наставленія въ мусульманской вѣрѣ царя Булгарского и его подданныхъ, а также для построенія мечети и крѣпости. Секретаремъ посольства былъ Ибнъ-Фоцланъ, оставившій чрезвычайно любопытное описание всего видѣннаго имъ на пути, и особенно въ самой землѣ Булгаръ: первый изъ арабскихъ писателей онъ сообщаетъ ясныя и опредѣленныя извѣстія о значительномъ количествѣ Славянъ въ Булгарской землѣ: царя Булгаръ онъ прямо называетъ славянскимъ царемъ, городъ и страну его — также славянскими. Въ описаніи пріема пословъ и дворового этикета проглядываютъ черты славянского быта: пословъ при встрѣчѣ осыпаютъ серебряными деньгами; за обѣдомъ царь жалуетъ со своего стола кушанье каждому изъ нихъ отдельно; послѣ обѣда пили медовый напитокъ, называемый *саджу* (быть можетъ сыта или сывевка, какъ догадывался Сенковский). Самъ князь ведетъ себя просто, выѣзжаетъ одинъ, и его подданные вовсе не обязаны къ тому раболѣпному поклоненію, которое требовалось по отношенію къ Хозарскому кагану: при встрѣчѣ съ нимъ достаточно было снять шапку, чтобы тѣмъ выразить ему почтеніе. Извѣстія Ибнъ-Фоцлана заслуживаютъ полнаго нашего вниманія: тутъ не смѣшеніе Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, какъ думалъ Френъ⁹⁰⁾, а настоящее историческое свидѣтельство очевидца, притомъ его извѣстія о Славянахъ въ Булгарѣ нестоять особнякомъ: они подтверждаются другимъ арабскимъ писателемъ *Андалуси* (XII вѣка), подобно Ибнъ-Фоцлану лично посѣтившимъ Булгаръ. Подобно ему Андалуси смотритъ на Булгаръ, какъ на

⁹⁰⁾ Ibn-Foszlans.. Berichte.. S. LV.—Текстъ записки, составленной Ибнъ-Фоцланомъ о его путешествіи, см. у Гаркави, Сказ. мус. писат. стр. 85—92.

Славянъ, и сообщаетъ слѣдующую важную черту ихъ тор-
гового быта: «если кто нибудь изъ нихъ ведетъ торговыя
дѣла съ иностранцемъ, и потомъ окажется несостоятельнымъ
должникомъ, то продаютъ его жену, дѣтей, домъ и даже его
самаго въ удовлетвореніе претензій иностраннаго купца»⁹¹⁾.
Любопытнъ также слѣдующій обычай въ землѣ Булгаръ,
описываемый у Андалуси. «Въ странѣ Славянъ,—говорить
онъ—каждые двадцать лѣтъ появляются старыя женщины,
которыя предаются волшебству, и которые причиняютъ тѣмъ
большое смятеніе среди народа. Тогда хватаютъ всѣхъ жен-
щинъ, какихъ ни встрѣтятъ, и связавши ихъ по рукамъ и
по ногамъ, бросаютъ ихъ въ большую рѣку, протекающую
въ этой странѣ: тѣ женщины, которая плаваютъ поверхъ
воды, считаются волшебницами, а тѣ, которая погружаются
вглубь, считаются неповинными въ колдовствѣ: ихъ вытас-
киваютъ изъ воды, и отпускаютъ на свободу»⁹²⁾. Какъ разъ
такое же извѣстіе передаетъ лѣтописецъ XVI вѣка *Nien-
stedtъ* о древнихъ Ливахъ; по его словамъ если Ливы хотѣли
узнать подозрѣваемаго колдуна, то хватали его, связывали
ему руки и ноги и бросали въ воду; если онъ не виновенъ
былъ въ колдовствѣ, то прямо погружался на дно; но если
виноватъ, то плавалъ на поверхности коды, «какъ снопъ со-
ломы»⁹³⁾. Какъ видно этотъ способъ испытанія колдуновъ
былъ господствующимъ у Финновъ, и отъ нихъ вѣроятно
уцѣлѣлъ въ сузальской землѣ до конца XIII вѣка: «вы
поставляете — обличалъ Владімірцевъ епископъ Серапіонъ—
въ свидѣтели воду, и говорите: если станетъ тонуть, то не-
винна, а если поплынетъ то волшебница»⁹⁴⁾. Намъ кажется
поэтому, что извѣстіе Андалуси ближе всего относится къ
Финнамъ, также многочисленнымъ въ землѣ Булгаръ, хотя и
тогда уже Славяне, бывшіе въ Булгарѣ, могли заимствовать
у нихъ этотъ обычай. Но какъ же понять эти извѣстія Ибнъ-
Фоцланъ и Андалуси о Славянахъ въ Булгарѣ, и въ какомъ
смыслѣ Булгары назывались Славянами? Для решенія этихъ
вопросовъ нужно принять во вниманіе фактъ славянской ко-

⁹¹⁾ *Charmoy. Relations de Masoudi et d'autres auteurs..* p. 342.

⁹²⁾ Тамже, стр. 342—343.

⁹³⁾ *Franz-Nyenstads Chronik. 5. 11. (Monum. Lir. antiq. II).*

⁹⁴⁾ *Порфириевъ. Истор. Рус. Словесн. Казань, 1870,* стр. 340.

лонизації Поволжья въ IX и слѣдующихъ вѣкахъ. Эта колонизація, направлявшаяся главнымъ образомъ изъ земли новгородскихъ Славянъ и Кривичей, уже въ IX вѣкѣ распространилась весьма далеко и приблизилась почти до предѣловъ булгарской земли. По словамъ начальной лѣтописи «прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ свои грады, овому Полотеску, овому Ростову, другому Бѣлоозеро... Первыи наслѣници.. в Ростовѣ Меря, в Бѣлоозерѣ — Весь, в. Муромъ Мурома и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ»⁹⁵⁾. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ на основаніи этого и другихъ лѣтописныхъ извѣстій, что славянскій элементъ укрѣпился ко второй половинѣ IX вѣка въ землѣ Мери, и что города, тамъ поставленные, были славянскіе⁹⁶⁾. И въ самомъ дѣлѣ, если славянскія колоніи были въ Ростовѣ и Муромѣ, то нельзя не предполагать, что въ землѣ Мерянѣ, расположенной между этими двумя пунктами, были посредствующія славянскія поселенія, конечно далеко не сплошныя, а разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, и преимущественно около городовъ, которые имъ служили центральными укрѣпленными пунктами⁹⁷⁾. Крайнимъ предѣломъ этихъ поселеній въ IX вѣкѣ нужно считать Муромъ. Если же Ибнъ-Фоцланъ въ началѣ X вѣка называетъ Булгаръ славянскою землею, то это должно понимать или въ томъ смыслѣ, что славянскія поселенія

⁹⁵⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 19.

⁹⁶⁾ Д. А. Корсаковъ. Меря и Ростов. княжество. Казань, 1872, стр. 48—49. Къ тому же выводу приходитъ г. Барсовъ: Очерки рус. историч. географіи: геогр. начальн. лѣтописи. Варшава, 1873, стр. 65.

⁹⁷⁾ Если значительную славянскую колонизацію въ землѣ Мери въ IX—XI вѣкахъ признать за фактъ, чѣмъ по нашему мнѣнію слѣдуетъ признать, то позволительно усомниться, чтобы всѣ курганы, разрытые въ землѣ Мерянѣ, принадлежали именно Мерянамъ. Почтенный археологъ, гр. Уваровъ (Меряне и ихъ бытъ... стр. 694) допускаетъ, что нѣкоторые могилы принадлежали Варягамъ: невѣрно ли еще Славянамъ? Что касается до обрядовъ погребенія, то трупосожиганіе и трупохороненіе вполнѣ свойственны какъ Мери, такъ и Славянамъ, какъ свойственны тѣмъ и другимъ закапываніе съ покойникомъ разныхъ вещей; а потому по однимъ признакамъ хороненія покойниковъ и по вещамъ находимымъ въ ихъ могилахъ нельзя удовлетворительно решить вопросъ о народности покойниковъ. Впрочемъ по некомпетентности въ вопросахъ курганной археологии мы не хотимъ придавать большой цѣны своему сомнѣнію.

зашли тогда уже за предѣлы Мурома внутрь Мордовской и Болгарской земли, или же Булгаре захватили тогда переднія поселенія Славянъ около Мурома. А еще вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, извѣстія Ибнъ-Фоцлана и Андалуси относятся до торговой колоніи Славянъ въ родѣ той, какая была въ Итиль, а частію быть можетъ до Славянъ, находившихся въ войсѣ царя Булгарскаго, который поэтому и носитъ титулъ царя славянскаго. Какъ бы то ни было несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ нужно признать, что въ X вѣкѣ славянскіе колонисты дошли до границъ Булгаръ, и вскорѣ вступили съ ними въ столкновеніе, которое вызвало походъ на нихъ Кіевскаго князя Святослава; въ 976 или 977 году Ибнъ-Гаукаль пишетъ, что Булгаръ теперь есть небольшой городъ, неимѣющій большихъ владѣній, что прежде онъ былъ извѣстенъ какъ торговая пристань для сосѣднихъ земель, но Руссы ограбили его, также Хозеранъ, Итиль и Семендеръ въ 969 году. Но — продолжаетъ тотъ же авторъ — тѣ, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣялись по ближайшимъ мѣстамъ изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ, и надѣясь заключить съ Русскими миръ и подчиниться имъ»⁹⁸⁾. Миръ дѣйствительно кажется былъ заключенъ: Булгары остались на своемъ мѣстѣ, и по прежнему продолжали торговлю. Но въ 985 году сынъ Святослава Владиміръ предпринялъ новый походъ на Булгаръ съ дядею Добрыней, побѣдилъ ихъ и снова заключилъ миръ⁹⁹⁾. Въ 1006 году онъ подтвердилъ этотъ миръ, заключа съ Болгарами особый торговый договоръ, пересказъ котораго въ своей исторіи Татищевъ дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ: Прислали Булгары пословъ съ дарами многими, дабы Владиміръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владиміръ охотно соизволилъ, и даль имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и во всемъ вольно

⁹⁸⁾ Перев. Гаркави. Сказ. мус. писат.. стр. 218.

⁹⁹⁾ П. С. Р. I, 36,985: „иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары. Рече Добрыня Владиміру: съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ недаяти, поидемъ искасть лапотниковъ. И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: толи небудеть межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути“.

торговали, а русскіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары безъ опасенія съ торгомъ ъздили; а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать въ градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ъздить; тіуномъ, вирникамъ, огневитинѣ и смердинѣ — продавать, и отъ нихъ не купить»¹⁰⁰). Въ примѣчаніи Татищевъ поясняетъ это мѣсто: «Владиміра благоразсудное учрежденіе, что имъ (Болгарамъ), яко иноземцамъ, непозволить со шляхетствомъ и крестьяны торговать, но единственно съ купцами во грацахъ»¹⁰¹). Изъ этого договора видно, что русскіе купцы и раньше 1006 года торговали въ Булгарѣ, по всей вѣроятности непозже начала X вѣка, когда въ Булгарѣ былъ Ибнъ-Фоцланъ, видѣвшій многочисленныхъ Славянъ. Кромѣ Волги, главной торговой дороги, по которой шла торговля съ Булгаромъ новгородскихъ Славянъ и Кривичей, былъ еще путь изъ Киева въ Булгаръ: онъ шелъ по Деснѣ, потомъ волокомъ до Оки, а этой рѣкой въ Волгу до Булгара¹⁰²). Этимъ же путемъ вѣроятно направлялись дружины Святослава и Владимира въ ихъ походахъ на Булгаръ; имъ ъздили и позже, какъ напримѣръ Мономахъ, ходившій «сквозь Вятичѣ»; по нему же конечно шла колонизація южныхъ Славянъ въ Муромскую землю. Такимъ образомъ славянскіе купцы и колонисты съ двухъ сторонъ подвигались къ предѣламъ Булгарской земли; тотъ же фактъ, что въ началѣ XI вѣка заключается особенный договоръ для обезпеченія купцовъ булгарскихъ и славянскихъ, достаточно свидѣтельствуетъ о важности торговли въ Поволжье и на Окѣ въ IX—XI вѣкахъ. И въ слѣдующіе вѣка эта торговля продолжается. О Булгарѣ XII вѣка, Эдриси, говоритъ, что онъ населенъ христіанами и мусульманами: также было особенное христіанскоѣ кладбище, на которомъ первоначально былъ похороненъ христіанскій купецъ Аврамій, замученный по словамъ его житія Болгарами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ родомъ Булгаринъ, — въ такомъ случаѣ Болгаре могли ему мстить за перемѣну вѣры¹⁰³). Въ годъ смерти Аврамія

¹⁰⁰⁾ Исторія Россійская... кн. II, стр. 88—89.

¹⁰¹⁾ Тамже, стр. 416.

¹⁰²⁾ Савельевъ. Мух. нумизм. стр. CXLIII.

¹⁰³⁾ Объ Авраміи у Татищева читаемъ: „въ великомъ градѣ Болгарскомъ замученъ былъ христіанинъ, Болгаринъ родомъ, именемъ

(1229 г.) былъ заключенъ другой торговый договоръ между Булгаромъ и сузальскимъ в. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ. Подробности о немъ передаетъ тотъ же Татищевъ, изъ кото-раго позволимъ себѣ здѣсь привести ихъ¹⁰⁴⁾. «Князь Бол-гарскій прислалъ къ Юрію Всеволодовичу пословъ для зак-люченія мира; князь же великій принялъ ихъ съ честію, и сослали съ обоихъ сторонъ пословъ знатныхъ людей на особое мѣсто близъ границы русской на островъ, именуемый Ко-реневъ, и оные учинили миръ на 6 лѣтъ: купцамъ Ѵздить въ обѣ стороны съ товарами невозбранно, и пошлину платить по уставу каждого града безобидно, рыболовамъ Ѵздить въ обѣ стороны межи, и имѣть любовь и миръ; плѣнниковъ освободить, а буде же будетъ распра, судить съѣхався суді-ямъ отъ обоихъ на межѣ». Какъ было важно заключеніе дого-вора по его послѣдствіямъ видно изъ слѣдующаго продолженія этого извѣстія: «въ сie время гладъ былъ во всей Руси два года, и множество людей помирало, а болѣе въ Новѣградѣ и Бѣлѣзерѣ, но Болгары учиня миръ возили жита по Волгѣ и Окѣ во всѣ грады русскіе и продавали, и тѣмъ великую помочь сдѣлали. Князь же Болгарскій прислалъ въ даръ къ великому князю Юрію 30 насадовъ съ жителями, которое великій князь принялъ съ благодареніемъ, а къ нему послалъ сукна, парчи съ золотомъ и серебромъ (т. е. вѣроятно золо-тую и серебряную парчу), кости рыбы и другія изящныя вещи». Хлѣбъ покупали у Болгаръ еще въ 1024 году, также во время неурожая¹⁰⁵⁾). Такимъ образомъ торговля съ Бул-

Аврамій; купецъ былъ знатный, Ѵздила по разнымъ странамъ купечес-тва ради, и научася вѣры Христовы крестился самъ и другихъ поу-чаль». (Истор. Росс. кн. III, стр. 454). Извѣстіе Эдриси см. въ кни-гѣ *Шпилевскаго*: Древн. города и др. памят... стр. 9. Кромѣ Аврамія жертвой фанатизма Булгаръ былъ еще мученикъ Феодоръ. См. *тамже*, стр. 167.

¹⁰⁴⁾ Истор. Россійск. кн. III, стр. 454—455. Эти свѣденія о бул-гарскихъ договорахъ принадлежать къ числу многихъ и важныхъ до-стоинствъ книги Татищева, которую по справедливости высоко цѣнить *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. (В. Н. Татищевъ, статья въ Древ. и Нов. Россіи за 1875 годъ).

¹⁰⁵⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 64, 1024: „бѣ мятесть велика и голодъ по всей той странѣ (Сузальской); идоша по Волзѣ вси людѣ въ Бол-гары, и привезоша жито, и тако ожиша“.

гарами была насущной важности для сузальского края. Она же постоянно вызывала прилив колонистов изъ разныхъ мѣсть Руси; привлекавшихся выгодами жизни на промышленной волжской дорогѣ. Но кромъ купцовъ и промышленниковъ туда направлялись и другого рода колонисты, заходившіе въ предѣлы Булгарской области. Г. Корсаковъ приводитъ любопытнія извѣстія о выселеніи ростовскихъ жителей въ предѣлы Булгарской земли въ эпоху распространенія христіанства, котораго эти выселенцы не хотѣли принимать: въ одной космографіи XVII вѣка между прочими жителями Казанского царства упоминаются «ушлецы языка словенскаго земли Ростовскія: ушедшіе бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе, и тамо кочевное житіе тотарское вѣры безсерменскія изволиша»¹⁰⁶). Въ исторіи о казанскомъ царствѣ еще говорится: «Черемисы, зовомая Отаки, тое же глаголются Ростовская чернь, забѣгше тоже отъ русскаго крещенія, и вселившимъ имъ въ болгарскихъ жилищахъ»¹⁰⁷). Есть указаніе, что въ началѣ XIII вѣка славянскіе поселенцы были внутри мордовской земли: въ 1229 году во время раздора двухъ мордовскихъ князьковъ Пургаса и Пуреши у первого оказываются помощниками какіе то Русскіе¹⁰⁸). Замѣтно и обратное движение колонизаціи изъ земли Булгаръ и Мордвы въ область сузальскую: Татищевъ говоритъ о Юрии Долгорукомъ, что онъ «зачаль строить въ области своей многіе города... созывая людей отвсюду, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ въ которые приходя множество Булгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромъ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли»¹⁰⁹).

Итакъ, принимая во вниманіе, что въ области средней Волги встрѣчаются два торговыхъ теченія, одно съ востока

¹⁰⁶) Меря и Ростов. кніж. стр. 30. Подъ этими выселенцами г. Корсаковъ понимаетъ ославянвшуюся Мерию, но изъ приведенного текста этого прямо невидно; напротивъ тамъ говорится: ушлецы языка словенскаго.

¹⁰⁷) Тамже. Здѣсь дѣло идетъ очевидно о финскихъ выселенцахъ.

¹⁰⁸) П. С. Р. Л. I, стр. 192: „Пурешовъ сынъ съ Половци изби Морду вѣю и Русь Пургасову“.

¹⁰⁹) Истор. Россійск. кн. III, стр. 176.

изъ Булгара, а другое съ запада отъ Балтійскихъ береговъ, течеія, наглядно доказываемыя находками арабскихъ и европейскихъ денегъ; принимая во вниманіе, что эта торговля вызывала усиленный приливъ славянскихъ колонистовъ изъ разныхъ мѣстъ Руси, мы должны заключить, что верхнее и среднее Поволжье, эта колыбель великорусского племени и московского государства, уже въ IX вѣкѣ служило сценой важной исторической жизни; славянство проникло тогда въ область Мери и Веси до границъ Мордовы и Булгаръ; въ X вѣкѣ оно появилось въ землѣ Булгаръ, гдѣ въ эпоху Ибнъ-Фоцлана была значительная торговая колонія Славянъ, а съ XI вѣка интересы купцовъ обезпечиваются особенными торговыми договорами. Такъ какъ и въ Итиль Славяне южнорусскихъ областей составляли значительный элементъ населенія въ качествѣ купцовъ, служителей и воиновъ кагана, то съ правомъ арабскіе писатели называютъ Волгу славянскою рѣкой, русскою рѣкой¹¹⁰⁾; въ то время Волга могла носить это название съ большимъ правомъ, чѣмъ въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ, когда Татары надолго прекратили колонизаціонное движение Руси на востокъ, начавшееся съ новой силой только послѣ покоренія Казани.

Съ верховьевъ Волги слѣдомъ за арабскими деньгами перейдемъ въ область новгородскую, искони знаменитую торговлей и колонизаціоннымъ движениемъ своихъ жителей до такой степени, что торговля и колонизація составляютъ едва ли не самыя характерныя черты новгородского быта во все продолженіе существованія великаго Новгорода. Въ самомъ началѣ истории Новгорода и русскаго государства мы встрѣчаемся съ новгородскими поселеніями внутри финскихъ земель: Бѣлоозеро, Ростовъ и Муромъ. Въ XII вѣкѣ толпа ушкуйниковъ основываетъ колонію въ вятской землѣ, какъ разъ пососѣству съ Булгаромъ. Нѣть сомнѣнія, что Новгородцы видѣли въ Булгараахъ своихъ соперниковъ по эксплуатации сѣвернаго края и собирали дань съ тамошнихъ финскихъ инородцевъ: какъ Новгородъ посыпалъ своихъ дань-

¹¹⁰⁾ Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Гаукалъ и др. Послѣдній о Волгѣ выражается: „Табаристанское (каспійское) море питается преимущественно русской рѣкой, называемой Итиль“. Гаркави, сказ. мус. пис. стр. 55.

щиковъ и промышленниковъ въ Заволочье, Пермь, Печору и Югру, такъ и Булгаре отправлялись далеко въ глубь сѣверныхъ странъ для промышленныхъ и торговыхъ цѣлей; и тѣ и другіе издавна вели на финскомъ сѣверѣ нѣмую торговлю ¹¹¹⁾. Можно полагать поэтому, что поселенія новгородскихъ ушкуйниковъ въ сосѣдствѣ съ Булгарами и на пути Булгаръ въ сѣверные края не было дѣломъ простой случайности; весьма вѣроятно, что выборъ мѣстности для поселенія былъ сдѣланъ съ умысломъ сдерживать до нѣкоторой степени Булгаръ въ ихъ поѣздахъ на сѣверъ, или по крайней мѣрѣ уравновѣсить въ свою пользу выгоды эксплоатации сѣвернаго края: въ хлыновскомъ лѣтописцѣ прямо говорится, что вятскіе выселенцы ушли изъ Новгорода съ согласія Новгородцевъ ¹¹²⁾. Съ своей стороны Булгаре старались захватить въ сѣверномъ краѣ такие важные пункты въ торговомъ отношеніи, какъ великій Устюгъ, который былъ взятъ ими въ 1219 году ¹¹³⁾. Трудно решить, кому въ ту пору принадлежалъ Устюгъ, Новгороду или суздальскимъ князьямъ; неизвѣстно и то, долго ли Булгаре владѣли имъ; но во всякомъ случаѣ знаменателенъ фактъ такого смѣлого предприятия Булгаръ, какъ походъ на отдаленный Устюгъ. По смѣлости съ нимъ равняются походы новгородскихъ ушкуйниковъ XIV вѣка, которые большими массами нападали на поволжскіе города, грабили и убивали басурманскихъ купцовъ, нещадя и русскихъ. Новгородское правительство смотрѣло равнодушно на эти походы, отговариваясь предъ вели-

¹¹¹⁾ О нѣмой торговлѣ Новгородцевъ близъ Уральскихъ горъ съ тамошними племенами срав. известный разсказъ Юрия Роговича: „въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвать и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помаваютъ рукою просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, и они скорою даютъ противу“. П. С. Р. Л. I, стр. 107.

¹¹²⁾ Авторъ хлыновской лѣтописи отвергаетъ разсказъ, будто вятскіе ушкуйники бѣжали изъ Новгорода послѣ того, какъ сжились съ женами Новгородцевъ, бывшихъ семь лѣтъ въ отлучкѣ на войнѣ и прижили съ ними дѣтей; лѣтописецъ говоритъ, что Вятчане сочинили это сами въ насмѣшку надъ Новгородцами, но въ дѣйствительности они „изъ Новгорода отлучиша съ согласія ихъ, Карамзинъ, И. Г. Р. III, прим. 33.

¹¹³⁾ Тамже, стр. 106.

кимъ княземъ московскимъ, что ходили-де «молодые люди безъ новгородского слова»; но въ сущности походъ на басурманскихъ Болгаръ и Татаръ, притомъ на соперниковъ Новгороду въ съверовосточной торговлѣ вѣроятно заслуживалъ тайное одобреніе Новгородцевъ. Но обратимся къ новгородской колонизаціи. Во все время независимаго существованія Новгорода она продолжалась въ большихъ размѣрахъ; главной причиной ея были неблагопріятныя естественныя условія края: болотистая почва, покрытая лѣсами и водами была мало плодородна; холодъ, засуха и ненастье нерѣдко вредили посѣвамъ и жатвамъ, такъ что отнимали надежду даже на скучный урожай. Крестьянинъ, истощивъ въ одномъ мѣстѣ почву, переходилъ на другую, вырубалъ или выжигалъ лѣсъ подъ новую пашню, а по истощеніи ея двигался дальше. Такое перемѣщеніе крестьянства внутри новгородскихъ пятинъ замѣтно еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ пору составленія писцовыхъ книгъ; въ этихъ послѣднихъ нерѣдко встрѣчаются названія новыхъ поселеній, какъ-то: выставки, починки, поселки, при чемъ о старыхъ деревняхъ замѣчается, что они запустѣли «отъ войны, отъ лихого повѣтрія и отъ хлѣбнаго недороду.» Еще дальше чѣмъ землепашцы, въ Заволочье и на дальній съверо-востокъ ходили промышленныя артели для битья пушнаго звѣря и птицы, для ловли рыбы, выварки соли, гонки смолы, приготовленія золы и для другихъ промысловъ. Богатые двинскіе бояре призывали въ свои владѣнія поселенцевъ, и ихъ руками вели хозяйство на земляхъ, пріобрѣтенныхъ у финскихъ владѣльцевъ, то силой, то покупкой. Такъ въ 1315 году новгородскій посадникъ Василій Своеземцевъ купилъ у чудскихъ старость земли въ Шенкурскомъ погостѣ; въ XVI вѣкѣ пятеро братьевъ Чупровыхъ основали селеніе Ижму, куда приглашали сосѣднюю Чудь и Зырянъ¹¹⁴⁾). Наконецъ въ лѣсахъ и на дальнихъ островахъ основывались монастыри, которые со временемъ обзаводились правильнымъ хозяйствомъ, и также привлекали къ себѣ за сравнительно легкій оброкъ крестьянъ землепашцевъ. Такъ разные элементы новгородского населенія, побуждаемые различными интересами и располагая раз-

¹¹⁴⁾ Еоименко. Заволоцкая Чудь, стр. 34—71.

ными средствами всѣ способствовали заселенію съверо-восточнаго края. Общественный строй великаго Новгорода много помогалъ ходу колонизаціи: власть правительства была весьма незначительна сравнительно съ широкою частной инициативой: какой нибудь бояринъ, недовольный порядками города, набиралъ себѣ партію вольныхъ людей и безпрепятственно уходилъ въ дальний край отыскивать привольной и выгодной жизни. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерное явленіе новгородской жизни представляютъ походы ушкуйниковъ отъ 1359—1409 годъ; до какой степени въ этихъ походахъ много было участниковъ, можно судить по количеству ушкуевъ; такъ для похода 1366 года было снаряжено 200 ушкуевъ, для похода 1374 года — 90-то, 1375 г. — 70-ть, наконецъ для похода 1409 года — 250 ушкуевъ¹¹⁵⁾). Во главѣ послѣдняго похода стоялъ бояринъ Аноаль Никитинъ изъ Заволочья; походомъ 1375 года заправлялъ старѣйшина Прокопъ и еще какой-то Смольнянинъ. Если положить, что на каждомъ ушкуѣ помѣщалось до 50 человѣкъ, то окажется, что въ походахъ, напр. 1366-го и 1409 года было до 10 тысячъ участниковъ, что составляетъ населеніе довольно значительного древнерусскаго города. Много ушкуйниковъ теряли свои головы въ битвахъ, иные попадались въ плѣнъ басурманамъ; во всякомъ случаѣ далеко не всѣ изъ нихъ возвращались на родину, многіе изъ нихъ вѣроятно оставались на чужбинѣ, заводя гдѣ нибудь въ глухомъ углу новое поселеніе. Такъ разбрасывался великий Новгородъ, когда Москва собиралась; и между тѣмъ какъ московское населеніе все больше привыкало смотрѣть на Москву, какъ на объединяющій и собирательный свой центръ, котораго само оно старалось ближе держаться, сыны Новгорода скоро забывали свою метрополію и стремились отъ нее обособиться, послѣ чего постепенно утрачивали свою независимость въ пользу великихъ князей суздальскихъ и московскихъ. Такова была судьба Ростова, Бѣлаозера, Вятки, Двинскихъ колоній, наконецъ и Пскова, старѣйшаго новгородского пригорода; и самъ Новгородъ сослуживъ большую службу

¹¹⁵⁾ Лѣтописныя извѣстія о походахъ ушкуйниковъ сведены въ книгѣ г. Штилевскоаго: древ. гор. и др. булгарско-татар. памятн. стр. 170—175.

для обрушения съверовосточного края, присоединяется къ московскому государству. Было еще одно важное условіе, облегчившее новгородскимъ колонистамъ движение внутрь финскихъ земель, это — податливость самихъ Финновъ, и слабое ихъ сопротивленіе пришельцамъ. Правда по временамъ они выказывали нѣкоторый отпоръ новгородскимъ даньщикамъ¹¹⁶⁾, но такие случаи рѣдки и относятся только къ исключеніямъ; обыкновенный ходъ колонизаціи финскихъ земель былъ таковъ, что туземцы или уступали свои мѣста новгородскимъ выселенцамъ, уходя дальше, или оставались на прежнихъ жилищахъ и постепенно русѣли¹¹⁷⁾. Уже съ давнихъ поръ Финны являются зависимыми по отношенію къ Новгороду, и нельзя согласиться съ Савельевымъ, который предполагаетъ въ эпоху арабской торговли существованіе политического и торгового союза между Новгородцами и Финнами наряду съ восточнымъ финско-булгарскимъ союзомъ¹¹⁸⁾. Трудно себѣ представить, въ какомъ бы видѣ могъ существовать этотъ союзъ между столь различными племенами, какъ новгородские Славяне и Финны; вѣроятно при этомъ имѣлось въ виду извѣстіе лѣтописи объ участіи Чуди и Веси въ призваніи Варяговъ; но это извѣстіе, если даже допустить подлинность самаго факта призванія князей, скорѣе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что подъ Чудью и Весью разумѣются славянскіе колонисты внутри названныхъ финскихъ земель¹¹⁹⁾. Конечно въ XIII вѣкѣ Новгородъ позволялъ Нѣмцамъ вести торговлю съ Карелами и Ижорянами, жившими по Невѣ и Финскому заливу въ западной части Водской пятины; но это были подданные великаго Новгорода, притомъ вѣроятно находившіеся подъ вѣденіемъ новгородского старосты, потому что едва ли бы Новгородъ довѣрилъ разборъ важныхъ дѣлъ между своими и нѣмецкими купцами туземцу-старостѣ¹²⁰⁾

¹¹⁶⁾ П. С. Р. Л. Ш, 19, 1187: „избѣни быша печерськии даньники и Югърскій въ Печерѣ. а другіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ къметьства“.

¹¹⁷⁾ Е. Н. Бестужевъ-Рюминъ, о колонизаціи Великорусского племени. (Журн. М. Н. Пр. 1867, іюнь).

¹¹⁸⁾ Мухам. нумизм. стр. CLXIII и слѣд.

¹¹⁹⁾ Костомаровъ. Съвернорус. народоправ. I, стр. 15—18.

¹²⁰⁾ Sartorius-Lappenberg. Urk. Gesch. II, S. 37: „quando naves

Вообще нельзя себѣ представить другихъ отношений Финновъ къ Новгороду кромѣ данническихъ: «се суть языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемисъ, Мордва, Пермь, Печера, Ямь», говорить древній лѣтописецъ; о равноправіи Финновъ, какъ союзниковъ Новгорода по дѣламъ торговымъ и политическимъ, трудно говорить послѣ такого свидѣтельства. Зато несомнѣнно, что уже въ эпоху арабской торговли Новгородъ былъ важнымъ торговымъ центромъ съверо-западной области прилегающей къ Балтийскому морю, и имѣть на западѣ тоже значеніе, что и Булгаръ на востокѣ, причемъ для того и другаго Финны были жертвой ихъ промышленной и торговой эксплоатациі. «Между Руссами, — говоритъ Масуди — есть племя, называемое *Лудана*, которое есть многочисленнѣйшее изъ нихъ: они путешествуютъ съ товарами въ страну Андалусь, Румію, Кустантинію и Хозаръ»¹²¹⁾. Какъ бы ни читали въ этомъ текстѣ слово *Лудана*, въ смыслѣ Ладожанъ или Норманновъ¹²²⁾; во всякомъ случаѣ вѣрно, что дѣло идетъ о торговлѣ въ съверозападной Руси по торговыхъ плаваніяхъ жителей въ западную Европу по Балтийскому морю, которое также известно арабскимъ писателямъ подъ именемъ Варяжскаго¹²³⁾, въ Константинополь по Днѣпру и въ Итиль по Волгѣ; всѣ эти пути начинались именно въ новгородской области. Самымъ важнымъ изъ нихъ, по которому Новгородъ производилъ свою заморскую торговлю, былъ Волховъ, Нева и Финскій заливъ; нѣтъ сомнѣнія, что уже въ эпоху арабской торговли Новгородъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями Балтийскихъ береговъ, на которыхъ стояло нѣсколько городовъ, знаменитыхъ своею торговлей. Ближайшимъ къ Новгороду тор-

mercatorum sunt in Nu (Нева), secundum antiquam justiciam libere possunt negotiari hospites cum Carelis et Engeris. Замѣчательно, что у кarelовъ купецъ до сихъ поръ называется словомъ *saxa* т. е. Саксъ, Саксонецъ, — название ганзейского купца изъ нижнесаксонскихъ городовъ. См. Л. Н. Майкова о древн. кult. запад. Финновъ, стр. 64.

¹²¹⁾ Перев. Гаркави, сказ. мус. писат., стр. 130.

¹²²⁾ Хволысонъ. Изв. И. Дасты, стр. 167. — Кромѣ того арабскіе писатели знаютъ Новгородцевъ подъ ихъ собственнымъ именемъ *Славянъ*: „Руссы состоятъ изъ трехъ племенъ.... второе племя называютъ *Славия*“ (Иbnъ-Истахри, Иbnъ-Гаукаль и др.).

¹²³⁾ Френц. Ibn-Foszlans u. a. Arab. Berichte... Beil. № II.

говымъ пунктомъ на Балтійскомъ морѣ былъ островъ *Готландъ*, жители котораго были въ XII вѣкѣ известны въ Новгородѣ подъ именемъ *Готовъ* или *Варяговъ*. Торговое значеніе Готланда всего лучше доказываютъ деньги, найденные на немъ въ громадномъ числѣ: изъ 20 тысячъ диргемовъ, найденныхъ въ Швеціи до 1873 года, 13 тысячъ штукъ падаетъ на островъ Готландъ; большинство ихъ чеканены въ IX и X вѣкахъ; еще больше отыскано монетъ западно-европейскихъ: ихъ число на островѣ доходитъ до 30 тысячъ; вообще по количеству денегъ и другихъ серебряныхъ находокъ островъ Готландъ есть богатѣйшая область на всемъ сѣверѣ Европы¹²⁴⁾. На самомъ материкѣ Швеціи существовали въ эпоху еще дохристіанскую нѣсколько торговыхъ городовъ, особенно въ области Упландъ; таковы: *Упсала*, *Сигтуна*, *Бюрка* или *Бирка* и нѣсколько другихъ, расположенныхъ около озера Меларѣ¹²⁵⁾. Въ Даніи былъ знаменитъ торговлею городъ *Шлезвигъ* или *Гатеби*. Въ X вѣкѣ изъ этого города вдоль южнаго берега Балтійского моря плавали Вульфстанъ и Отеръ; цѣлью ихъ плаванія была торговая пристань *Трусо*, находившаяся приблизительно на мѣстѣ позднѣйшаго Эльбинга; полагаютъ, что упомянутые путешественники были купцы, и прѣѣзжали въ Трусо по дѣламъ торговли¹²⁶⁾. Такимъ образомъ англо-саксонскія деньги X — XI вѣковъ, находимыя въ прибалтійскихъ земляхъ, зашли въ Данію не только въ видѣ дани, которую собирали Канутъ и другіе датскіе короли на Англіи (такъ наз. *Dænegeld*), но и какъ предметъ торговли, привозимый купцами въ пристани Балтійского моря. На южномъ его берегу лежали нѣсколько славянскихъ городовъ; первое мѣсто между ними занималъ *Юлинъ* или *Волинъ*, гдѣ по словамъ Адама Бременскаго, жили купцы разныхъ націй, и свободно производили торговлю подъ условiemъ невыказывать явно своего вѣроисповѣданія. Другіе города Балтійскихъ Славянъ, какъ *Штетинъ*, *Колобреігъ*, *Волыастѣ*, *Дыминъ* были также известны торговлей и предпріимчивостью жителей, а городъ Обот-

¹²⁴⁾ Hans Hildebrand. Das heidnische Zeitalter in Schweden übers. von Mestorf, Hamburg, 1873, S. 127, 184.

¹²⁵⁾ Тамже, стр. 148—152.

¹²⁶⁾ Voigt. Gesch. Preuss. I, S. 220.

ритовъ *Любекъ* долго запиралъ Нѣмцамъ доступъ къ морю. У Балтійскихъ славянъ издавна было развито земледѣліе, добывалась соль; около береговъ, особенно около острова Руяны, въ изобиліи ловились сельди, доколѣ они не отплыли далѣе на западъ. Несомнѣнно, что быстрое развитіе нѣмецкой жизни въ венденскихъ земляхъ въ значительной степени было обусловлено тѣмъ, что нѣмецкое населеніе направлялось не въ дикий и пустынныій край, а уже значительно обработанный, гдѣ давно жили земледѣльцы Славяне, гдѣ были города и селенія, издавна велась торговля, следовательно издавна были проложены торговые пути и намѣчены рынки. Однако мнѣніе о томъ, что купечество славянскихъ городовъ составляло свой торговый союзъ, что славянская ганза существовала гораздо раньше нѣмецкой¹²⁷⁾, нельзя считать иначе, какъ преувеличеніемъ: тѣ немногія извѣстія о торговлѣ венденскихъ городовъ, преимущественно Юлина, которыя сообщаются нѣмецкими летописцами недаютъ права предполагать существованіе организованнаго купечества нѣсколькихъ городовъ, имѣвшихъ съѣзды, договаривавшихся между собой и заграничными городами, дружно преслѣдовавшихъ извѣстную торговую политику,— короче сказать того, что мы представляемъ съ именемъ нѣмецкой Ганзы. Что касается до значенія самаго слова «ганза», и его производства отъ славянского корня (*гза*), то это слово производство хотя можетъ быть сдѣлано безъ натяжки правилъ славянской лингвистики, однако встрѣчаетъ затрудненія съ другихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что название «ганза» въ смыслѣ купеческой корпораціи, и въ смыслѣ торговой пошлины, раньше всего употребляется на западѣ Европы, въ Англіи и Фландріи и только съ конца XIV вѣка его начинаютъ прилагать къ нѣмецкимъ городамъ съверной Германіи въ томъ значеніи, съ какимъ оно осталось въ исторії¹²⁸⁾. Въ такомъ случаѣ странно, почему въ съверной Германіи или прежней Славіи, родинѣ предполагаемой славянской Ганзы, а потомъ и дѣйствительной Ганзы нѣмецкихъ городовъ, это слово такъ долго неупотребляется, а замѣняется выраженіями:

¹²⁷⁾ Савельевъ. Мухам. нумизм., стр. CXCVIII—IX.

¹²⁸⁾ *Sartorius-Lappenberg*. Urkundl. Gesch. II, S. 73—76. Срав. замѣтку *Pauli*: Auftreten und Bedeutung des Wortes Hansa in England (Hans. Geschichtsblätter, Jahrgang 1872).

universi mercatores, communis mercator и т. п. Съ другой стороны непонятно также, почему въ Новгородѣ не пользуются предполагаемымъ славянскимъ словомъ «ганза», а всегда говорять о ганзейскихъ купцахъ «Нѣмцы» «нѣмецкіе сыны», «заморскіе Нѣмцы», «всѣ нѣмцы» и пр. Между тѣмъ Я. Гриммъ указалъ, что уже въ переводе евангелия Ульфиля слово «ганза» употреблено въ значеніи сбираща, толпы (cohors, multitudo)¹²⁹⁾; то же обстоятельство, что въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ языке такъ мало сложныхъ и производныхъ словъ отъ корня «ганза» указываетъ, что это название въ средніе вѣка принадлежало уже къ числу устарѣвшихъ, и только въ узкомъ специальномъ смыслѣ употребительныхъ словъ, что основное и первоначальное его значеніе почти не сознавалось, а нѣкоторыми осмыслилось въ значеніи совершенно неподходящемъ¹³⁰⁾. Здѣсь-же позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу о славянствѣ Варяговъ, будто-бы призванныхъ въ Новгородъ съ Балтійскаго поморья. Мысль о славянствѣ Варяговъ уже не разъ высказывалась въ русской исторической литературѣ; въ послѣднее время ее хотѣлъ научно доказать г. Гедеоновъ въ своей во всякомъ случаѣ замѣчательной книжѣ¹³¹⁾. Для доказательства г. Гедеоновъ чаще всего употребляетъ историко лингвистические доводы; такъ онъ сближаетъ древне-русскій языкъ съ чешскимъ и польскимъ, къ семѣ которыхъ принадлежалъ и древній вендскій языкъ балтійскихъ Славянъ. Это сближеніе оказалось очень полезнымъ для объясненія нѣкоторыхъ малопонятныхъ теперь словъ Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ и другихъ памятниковъ древнерусского языка; но оно непригодно для той цѣли, которую имѣлъ въ виду г. Гедеоновъ т. е. доказать, что эти древнія и малопонятныя слова вошли въ древнерусскіе памятники отъ призванныхъ Варяговъ, которые поэтому будто-бы должны быть славянскаго происхожденія; это сближеніе еще разъ подтверждаетъ только тотъ фактъ, что въ древнюю пору славянскіе языки далеко не такъ расходились между собой,

¹²⁹⁾ Sartorius-Lappenberg. Urk. Gesch. II, S. 75, Anmerk. 3.

¹³⁰⁾ Такъ Вальдемаръ III, король датскій, однажды обозвалъ ганзейскихъ купцовъ гусями; эта насмѣшка очевидно основана на игрѣ словъ (Hansen-Gänse).

¹³¹⁾ Варяги и Русь, ч. 1—2. Спб. 1876.

какъ они расходятся въ нашу пору, что чѣмъ дальше пойдемъ вглубь славянской старины, тѣмъ больше найдемъ сходства въ языкахъ Славянъ и въ ихъ быту вообще; г. Гедеоновъ могъ бы увеличить количество сходныхъ словъ въ языкахъ древнерусскомъ, чешскомъ, польскомъ и южно-славянскихъ, сходныхъ притомъ въ такую уже сравнительно позднюю эпоху славянской жизни, какъ развитіе государственной жизни Славянъ (IX-й вѣкъ); можно было бы распространить сравненіе и на другія стороны славянской жизни — религіозная вѣрованія, право, государственные и общественные учрежденія; отчасти это и дѣлаетъ авторъ, но при этомъ погрѣшаетъ въ своей основной точкѣ зрењія, потому что предполагаетъ *занимствованіе* тамъ, где было *сходство*: по нашему мнѣнію это его главная ошибка. Но если стать на другую точку зрењія, т. е. признать сходство въ языкахъ, учрежденіяхъ и въ быту Славянъ новгородскихъ и венскихъ, тогда вопросъ о Варягахъ-Вендахъ представится иначе. Въ самомъ дѣлѣ если Варяги были Венды, что мы выигрываемъ этимъ для объясненія начальной новгородской исторіи? Конечно дружина призванныхъ Вендовъ скоро слилась съ новгородской народностью по причинѣ ихъ племенного родства; но вѣдь это родство существовало до призванія Вендовъ, и *послѣ* прошло безслѣднымъ для самихъ призвавшихъ въ смыслѣ вліянія на ихъ жизнь; иначе сказать племенное родство Вендовъ и Новгородцевъ и призваніе Варяговъ — Вендовъ въ Новгородѣ, буде такое имѣло мѣсто, остаются двумя разными фактами, одинъ отъ другаго независимыми и одинъ для другаго безразличными. Если же принять обычное предположеніе, что Варяги были Норманны, то опять неудивительно, что и они неоставили слѣдовъ въ новгородской жизни: ибо прившая съ княземъ дружина была весьма малочисленна и скоро обрушила; вопросъ о народности призванныхъ Варяговъ былъ бы гораздо важнѣе въ томъ случаѣ, если бы въ Новгородѣ пришло цѣлое племя сразу или въ продолженіе извѣстнаго времени; но тогда и вопросъ скорѣе былъ бы решенъ, потому что призванные оставили бы болѣе ощущительные слѣды своего вліянія въ новгородской жизни; а такъ какъ призванные во всякомъ случаѣ были малочисленны, то несравненно важнѣе становится вопросъ не о народности призванныхъ князей, а о сущности власти ихъ, той цѣли, для которой искали князя

и того круга власти который былъ ему представленъ.—Что до вопроса о венской колоніи въ Новгородѣ, то его совсѣмъ нельзя считать доказаннымъ въ книгѣ г. Гедеонова; а его соображенія, что будто бы Поморяне и Штетинцы въ XII вѣкѣ были въ Новгородѣ многочисленны и вели тамъ постоянную торговлю, чтобы наконецъ они тамъ приняли православіе и построили для себя двѣ церкви¹³²⁾, — всѣ эти соображенія крайне рискованы. Однако нельзя отрицать торговыхъ сношеній Новгорода съ южнымъ балтійскимъ поморьемъ, съ венскими и датскими купцами; только эти сношения немогли быть правильными и постоянными въ виду большой небезопасности плаваній по Балтійскому морю, которое въ IX—XI вѣкахъ было наполнено всякаго рода пиратами; въ то время въ пиратствѣ упражнялись не только Норманы, но также балтійские Славяне и прибрежные Финны, напримѣръ Эсты и Корелы: сосѣдство моря и нападенія морскихъ пиратовъ развили у прибрежныхъ Финновъ характеръ гораздо болѣе энергичный, чѣмъ у континентальныхъ ихъ соплеменниковъ; вспомнимъ, какое упорное сопротивленіе оказывала Чудь (Эсты) Новгородцамъ и Нѣмцамъ, Корелы — Новгородцамъ и Шведамъ: въ 1187 году Корелы даже переплыли море и напали на Сигтууну¹³³⁾). О балтійскихъ Славянахъ весьма характерное извѣстіе сообщаетъ Гельмольдъ: «привычки пиратства — говорить онъ — такъ овладѣли Славянами, что они почти совсѣмъ оставили выгоды земледѣлія и предались морскимъ набѣгамъ, полагая единственную надежду и все свое достояніе въ корабляхъ; они мало заботятся объ удобствахъ жизни, хижины свои сплетаютъ изъ вѣтвей и то затѣмъ только, чтобы укрыться отъ непогоды и дождя; когда же пронесется вѣсть военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ, золото и серебро и все драгоцѣнное въ ямы»¹³⁴⁾). Къ числу сокровищъ, зарыавшихся ими въ клады, принадлежать и арабскія деньги, обильно встрѣчающіяся въ Помераніи, Мекленбургѣ и далѣе

¹³²⁾ Тамже I, стр. 347—348.

¹³³⁾ Lehrberg. Untersuchungen zur Erlautung der alten. Gesch. Russlands, s. 268.

¹³⁴⁾ Комляревскій. Древн. права балтійск. Славянъ. Прага, 1874, ч. I, стр. 149.

на западъ¹³⁵⁾; этъ деньги ясно доказываютъ фактъ торговли балтійскихъ Славянъ въ странахъ, облагавшихъ Балтійское море; кромъ того есть прямая извѣстія о плаваніи западныхъ купцовъ, въ томъ числѣ вѣроятно и славянскихъ, въ Русь: такъ Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ, что въ его время много Датчанъ жили въ Кіевѣ и кіевской области; Адамъ Бременскій замѣчаетъ, что до Новгорода иногда доплываютъ въ 4 недѣли, а обыкновенно отъ устья Одера туда плаваютъ 43 дня¹³⁶⁾. Въ сагѣ Олава Триггвасона разсказывается, что Олавъ проживши девять лѣтъ въ Гольмгардѣ (Новгородѣ) и замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ конунга отправился въ Балтійское море, ограбилъ островъ Борнгольмъ, и оттуда отплылъ къ югу въ Венландію т. е. землю Вендовъ, гдѣ назывался Олавомъ гардскимъ (новгородскимъ) и выдалъ себя за купца¹³⁷⁾. Эта послѣдняя черта очень любопытна: въ ту пору дѣйствительно ремесло пирата и купца были тѣсно связаны; что же до названія Олава гардскимъ купцомъ, то оно повидимому указываетъ, что новгородскій купецъ не былъ рѣдкимъ явленіемъ въ венской землѣ.

Въ торговлѣ того времени примѣтно выдается русскій остзейскій край. Въ могилахъ его древнихъ обитателей были найдены арабскія деньги VIII—XI вѣковъ, западноевропейскія—IX—XI вѣка, византійскія X вѣка и др.¹³⁸⁾. Обозрѣвалъ деньги и разныя другія находки Крузе пришелъ къ тому выводу, что отъ IX до XI вѣка въ остзейскомъ краѣ происходила живая торговля съ западной Европой; главными торговыми пунктами были Ашераденъ, Кремонъ и вообще область рѣки Аа. Впрочемъ къ этому выводу необходимо присоединить оговорку: торговлю тогдашняго времени никакъ нельзя представлять въ томъ видѣ, какъ она велась здѣсь позже, напримѣръ въ XIII вѣкѣ, когда между Лифляндіей и нѣмецкими

¹³⁵⁾ *Ледебуръ*. О восточн. монетахъ въ прибалтійск. странахъ (въ прилож. мухам. нумизм. *Савельева*).

¹³⁶⁾ *Lehrberg Untersuchungen*, s. 266—267.

¹³⁷⁾ Извлеченіе изъ саги Олава, сына Триггвіева, сдѣлано *Сабининымъ*: Рус. Историч. Сборникъ, т. IV, 1840.

¹³⁸⁾ *Kruse. Necrolivonica oder Alterthümer Liv- Est- und Kurlands.* Dorpat, 1842, — съ прекраснымъ атласомъ рисунковъ. Всѣ монеты и вещи описаны весьма тщательно; гр. Уваровъ неразъ указываетъ на сходство ихъ съ мерянскими находками по ихъ стилю и орнаменту.

городами совершались ежегодно правильные торговые сношения; напротив взявъ во вниманіе громадное развитіе пиратства по берегамъ Балтійского моря мы должны думать, что разнаго рода деньги и цѣнныя вещи зашли въ прибалтійскій край столько же путемъ мирной торговли, сколько и грабежа. Изъ вещей особенно важны находки, сдѣланныя близъ Ашерадена и Пальфера: это небольшіе довольно изящной работы вѣсы, вложенные въ удобный футляръ; по мнѣнію Крузе они принадлежали Норманнамъ и были употребляемы ими для взвѣшиванія денегъ; но какая система вѣсовая употреблялась въ торговлѣ того времени, и какая вѣсовая единица была основной, Крузе не рѣшался сказать; обращаясь за решеніемъ этого вопроса къ разнымъ ученымъ физикамъ, онъ получалъ разные отвѣты. Тѣмъ же вопросомъ по поводу такихъ же вѣсовъ, найденныхъ въ Швеціи занялся г. Гильдебрандъ въ упомянутомъ выше сочиненіи о древней культурѣ Швеціи; результатомъ его изслѣдованій оказалось, что вѣсы найденные въ Швеціи, Финляндіи и остзейскомъ краѣ суть всѣ одного типа и при томъ арабскаго происхожденія, что основной единицей вѣса для драгоцѣнныхъ металловъ въ то время служилъ такъ называемый *мискаль* халифа Эль-Мамуна, сына Гаруна-аль-Рашида, очень близко подходящій къ византійскому *solidus aureus*, и слѣдовательно древне-русскому золотнику; упомянутый халифъ именно известенъ въ исторіи арабской метрологіи: поэтому очень возможно, что установленная имъ вѣсовая система вмѣстѣ съ торговлей достигла на сѣверъ Европы ¹³⁹⁾.

Этими замѣчаніями окончимъ обѣ арабской торговлѣ. Съ конца XI вѣка она падаетъ вслѣдствіе ослабленія халифата и разныхъ переворотовъ внутри Азіи; но разъ возбужденное ею въ Европѣ движеніе непрекратилось; напротивъ оно вызвало ближайшія торговые связи Новгорода съ немецкимъ западомъ.

¹³⁹⁾ Das heidnische Zeitalter in Schweden, s. 127—129.

ГЛАВА II.

Лифляндскій лѣтописецъ XVI—XVII вѣка *Ніенштедтъ*, уроженецъ Вестфаліи, переселившійся въ Дерптъ, оттудаѣзжавшій торговатъ въ Новгородъ, Псковъ и Москву и сильно разбогатѣвшій, наконецъ перешедшій въ Ригу, гдѣ нѣкоторое время былъ бургомистромъ, оставилъ послѣ себя хронику, нелишенную нѣкотораго интереса, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается торговли¹⁾). Между прочимъ о древней торговлѣ, производившейся по Балтійскому морю еще до времени такъ называемаго открытия Лифляндіи, Ніенштедтъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: «за 800 лѣтъ до настоящаго времени въ землѣ Помераніи на морскомъ берегу существовалъ славный городъ Винета; много разнаго народа тамъ селилось для торговли, чрезъ что городъ такъ возросъ, что въ ту пору ему не было равнаго во всей Европѣ: главные ворота города и всѣ другіе ворота тамъ были сдѣланы изъ чистой мѣди. Но отъ своего богатства городъ сталъ заносчивъ, жители его пустились въ насилия и пиратство; Господь непотериѣль существованія языческой тиранніи въ томъ городѣ, гдѣ не было мѣста для христіанской вѣры и наслалъ датскаго короля, который опустошилъ городъ; за тѣмъ ринулось на него море, поглотившее его остатки, которые и теперь можно видѣть на днѣ морскомъ. Хотя на его мѣстѣ былъ выстроенъ новый городъ, названный Юлиномъ и достаточно увеличился, но онъ никогда уже не могъ сравняться съ прежнею Винетой, а потомъ падъ отъ готскаго короля Визбоа (*Wisboa*), выпросившаго себѣ для поселенія островъ Готландъ, и начавшаго тамъ строить городъ въ свое имя... Городъ началъ быстро возвышаться, потому что въ ту пору еще не было плаванія къ берегамъ Лифляндіи и купцы ганзейскихъ городовъ стали селиться въ Визби; туда же доставляли свои товары Русскіе и Шведы; городъ постепенно бо-

¹⁾ Напечатана въ „Monum. Livoniae antiquae, Bd. II. Впрочемъ издатель справедливо называетъ автора хроники только дилетантомъ.

гатъль, тамъ было выстроено много большихъ домовъ, туда же привезены были изъ разрушенной Винеты мѣдныя вереи, желѣзные запоры и ворота» и т. д.²⁾. Въ этомъ баснословномъ сказаніи о Винетѣ, одномъ изъ многочисленныхъ сказаній, которая сочинялись книжниками XVI и XVII вѣка³⁾ есть однако вѣрныя историческія черты. Мы уже видѣли торговое значеніе острова Готланда въ эпоху арабской торговли; въ XII вѣкѣ Готландъ, или точнѣе главный его городъ Визби, становится первымъ торговымъ рынкомъ для всего сѣверо-востока Европы именно послѣ паденія Юлина и другихъ славянскихъ городовъ, погибшихъ во время датскихъ и нѣмецкихъ войнъ, или отъ нападеній пиратовъ; въ памяти купцовъ недаромъ сохранялось преданіе, что Визби наследовалъ торговлю Юлина. Такую же судьбу имѣли и другіе города, славившіеся своей торговлей и привлекавшіе на себя грабителей именно моловой о своемъ богатствѣ: такъ Шлезвигъ былъ раззоренъ Датчанами въ 1157 году, Сигтуна разграблена Карелами въ 1187 году⁴⁾. Древній торговый городъ Бардевикъ въ землѣ Вагровъ также упалъ, несмогши выдержать конкуренціи съ сосѣднимъ Любекомъ, послѣ того какъ Генрихъ Левъ сталъ оказывать послѣднему свое покровительство и даль ему самоуправленіе⁵⁾. Однако въ XII вѣкѣ Любекъ еще не былъ настолько великъ, чтобы быть опаснымъ для Визби соперникомъ по торговлѣ; напротивъ Генрихъ Левъ, послѣ пожалованія Любеку городскаго права спѣшилъ заключить съ Визби торговый договоръ въ 1163 году⁶⁾. Герцогъ предаетъ забвенію недавнюю вражду, ссоры и убийства, которыя случились между Готами и любецкими купцами, поселившимися въ Визби, и приглашаетъ Готовъ чаще посѣщать

²⁾ Хрон. Ніенштедта, глав. IV, стр. 12—13.

³⁾ Какъ напримѣръ Кранцемъ и Канцовымъ, авторомъ Померанской хроники и др. См. диссертацию Грановского: Волинъ, Іомсбургъ и Винета (Собр. сочин. т. I, Москва, 1856, стр. 251—252). Мотивъ о переносѣ воротъ повторяется и въ другихъ мѣстахъ; такъ о Корсунскихъ вратахъ въ Новгородѣ также говорили, что они были похищены Русскими изъ Сигтуны. См. Карамзина И. Г. Р. т. I, прим. 458.

⁴⁾ Lehrberg. Untersuchungen, s. 268.

⁵⁾ Фортинский. Примор. Венск. город. стр. 57—58.

⁶⁾ Sart. Lappenb. Urkundl. Gesch. II, № 4.

его новый портъ Любекъ. По примѣру своего дѣда, импера-
тора Лотаря, онъ обѣщаетъ купцамъ безопасность внутри
своихъ владѣній и безпошлину торговлю по всѣмъ городамъ.
За убийство, совершенное внутри городскихъ стѣнъ, полагается
смертная казнь, за нанесеніе раны мечемъ — отсѣченіе руки;
за ударъ палкой или кулакомъ виновникъ также подвергается
отвѣтственности по законамъ того города, гдѣ провинится; но
за убийство, сдѣланное виѣ города, напримѣръ на проѣзжей
дорогѣ, виновникъ можетъ откупиться предъ родственниками
убитаго 40-ка марками монеты. Имѣніе купца, умершаго на
чужбинѣ, сохраняется въ продолженіе одного года и дня для
выдачи его наслѣдникамъ; если въ этотъ срокъ истецъ не-
явится, оно поступаетъ въ пользу городскаго фогта. Въ за-
ключеніе герцогъ желаетъ, чтобы его купцы имѣли на Гот-
ландѣ такія же права, какія онъ даетъ Готамъ въ своихъ
владѣніяхъ, а изъ приписки его къ договору видно, что лю-
бецкіе купцы въ Визби имѣли особеннаго фогта для разбора
уголовныхъ дѣлъ, влекущихъ за собой смертную казнь и от-
сѣченіе руки, — и всякихъ другихъ дѣлъ, которыя герцогъ
велитъ фогту судить по вышеизложенному договору. И такъ
любецкіе купцы по крайней мѣрѣ съ начала XII вѣка состав-
ляли на Готландѣ свою корпорацію, гильдію или ганзу, какъ
тогда говорилось⁷⁾), хотя эта корпорація Любчанъ была встрѣ-
чена недружелюбно туземцами, вѣроятно боявшимися нажить
въ нихъ опасныхъ себѣ конкурентовъ. Кромѣ любец-
кихъ купцовъ, и еще раньше ихъ, на Готландѣ образова-
лись корпораціи купцовъ изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ,
какъ увидимъ преимущественно изъ Вестфаліи. Всѣ вмѣстѣ
они составляли такъ называемое общее купечество на Гот-
ландѣ (*communis mercator, universi mercatores, mercatores*
imperii Romani, societas mercatorum, mare orientale fr quentantium, *mercatores teutonici etc.*). Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ
нѣмецкихъ купцовъ поселялись въ Визби на постоянное жи-
тельство, становились постоянными его гражданами; число
этихъ поселенцевъ въ Визби къ началу XIII вѣка увеличи-
лось на столько, что они занимали тамъ цѣлый кварталъ, и

⁷⁾ Такъ корпорація любецкихъ купцовъ въ Лондонѣ называлась
любецкой ганзой; тамже была кельнская ганза и гамбургская.

построили себѣ особенную церковь Св. Маріи⁸⁾; наконецъ Нѣмцы получили доступъ въ городской совѣтъ Визби: изъ одного древняго кодекса городскаго права Визби видно, что въ немъ заѣдали 18 человѣкъ ратмановъ изъ Готовъ, и столько же изъ Нѣмцевъ; во главѣ рата стояли два фогта, одинъ готскій, а другой — пѣмецкій⁹⁾. Свои отношенія къ королю шведскому городъ ограничивалъ обѣщаніемъ ему вѣрности, какъ своему сеньеру, и вопреки его волѣ окружилъ себя крѣпкими стѣнами¹⁰⁾: въ ту пору крѣпкія стѣны составляли необходимость, потому что богатый островъ, такъ выгодно расположенный среди Балтійскаго моря, служилъ станціей какъ для купцовъ, такъ и для многочисленныхъ пиратовъ; насколько небезопасна была жизнь на островѣ, всего лучше доказываетъ масса денегъ, которыя зарывались тогда въ землю.

Неподлежитъ сомнѣнію, что восточныя страны балтійскаго моря издавна были посѣщаемы купцами съ острова Готланда. Отсюда же отправлялись на востокъ воинскія дружины Норманновъ; такъ въ одной готской сагѣ разсказывается, что однажды часть Готовъ вслѣдствіе многочисленности островного населенія принуждена была выселиться; сначала переселенцы отправились на востокъ къ острову, лежащему противъ Эстляндіи, гдѣ и построили замокъ; но такъ какъ они немогли здѣсь удержаться, то отправились вверхъ по рѣкѣ, называемой Двинѣ, чрезъ Россію ѿхали все дальше и наконецъ прибыли въ Грецію¹¹⁾. По всей вѣроятности устье западной Двины было известно Готамъ гораздо раньше 1159 года, и такъ называемое открытие ливонскаго порта бременскими купцами было открытиемъ только для Нѣмцевъ, а не для Готовъ; да и самое известіе древней ливонской хроники объ этомъ открытии

⁸⁾ Освящена въ 1225 году. *Sart. Lapp. Urk. Gesch.* II, s. 5.

⁹⁾ E. Hermann. Beiträge zur Gesch. des Russ. Reiches. Leipzig, 1843, s. 12—14.

¹⁰⁾ Фортинскій. Прим. Венд. города, стр. 358—360.

¹¹⁾ E. Hermann. Beiträge, c. 10. Припомнімъ преданіе начальной лѣтописи о приходѣ въ Полоцкъ Рогволъда изъ-за моря. Не на Готландъ ли бѣжалъ Владиміръ напинать Варяговъ? Островъ былъ сборнымъ пунктомъ для разнаго рода искателей приключений, промежуточной станціей изъ Швеціи въ Русь, и обратно.

Бременцевъ въ послѣднее время подвергается сомнѣнію ¹²⁾. Конечно неменѣе былъ извѣстенъ для Готландцевъ путь по Финскому заливу, Невѣ и Волхову, хотя нужно полагать, что Готландцы несразу установили торговыя сношенія съ Новгородомъ, а поселились первоначально въ Ладогѣ, или Альдегіаборгѣ, какъ она называется въ скандинавскихъ сагахъ ¹³⁾. И въ послѣдующее время Ладога была не простою станціей на пути въ Новгородъ: въ XIII вѣкѣ тамъ жила болѣе или менѣе постоянная колонія нѣмецкихъ купцовъ; изъ латинской редакціи договора 1270 года узнаемъ, что Нѣмцамъ принадлежала тамъ церковь Св. Николая съ нѣкоторымъ количествомъ отведенныхъ для нея луговъ ¹⁴⁾. Въ книгѣ Вотской пятины 1500 года въ Ладогѣ упоминается «варяжская улица ¹⁵⁾; по всей вѣроятности на ней находились дворъ и церковь древнихъ нѣмецкихъ купцовъ.

Въ самомъ Новгородѣ колонія готландскихъ купцовъ существовала по крайней мѣрѣ съ половины XII вѣка; церковь ею построенная горѣла уже въ 1152 году ¹⁶⁾; по латинской

¹²⁾ Извѣстныя слова хроники Генриха Лотыша: „inventus a mercatoribus Bremensibus portus Livonicus“ считаются позднѣйшею интерполяціей; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи Генриха, недавно найденномъ въ Варшавѣ въ библіотекѣ Замойскаго и относящемся къ концу XIII или началу XIV вѣка, эти слова отсутствуютъ. Вообще участіе Бремена въ лифляндской колонизаціи признается весьма незначительнымъ. См. *Hölbaum*, Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna Hans. Geschichtsblätter, Jahrgang 1872).

¹³⁾ Карамзинъ. И. Г. Р. т. I, прим. 485.

¹⁴⁾ *Sart-Lapp*. Urk. Gesch. II, с. 39; „sanctus Petrus et sanctus Nycholaus in Aldachen secundum jura antiqua rehabere debent sua prata“. На основаніи этихъ словъ Сарторій допускаетъ двѣ католическихъ церкви въ Ладогѣ; Карамзинъ — одну (И. Г. Р. III, стр. 126). Дѣйствительно подъ церковью св. Петра вѣроятно разумѣется новгородская; то обстоятельство, что здѣсь она поставляется на ряду съ ладожской, указываетъ по нашему мнѣнію на то, что обѣ строили Нѣмцы, а не Готы; такъ какъ обѣ церкви нѣмецкія, то о нихъ и говорится въ одной статьѣ.

¹⁵⁾ Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ. Зап. Имп. Геогр. Общ. т. VIII, прилож. I, стр. 46—47.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 11: „Церквій сгорѣ 8-мъ, а 9-я Варязьская“. Другой разъ она горѣла въ 1181 году, третій — въ 1217-мъ, причемъ вмѣстѣ съ церковью сгорѣло много товаровъ. Тамже, стр. 18 и 35.

редакції договора 1270 г. видно, что готландская церковь Св. Олафа имѣла особенное кладбище и нѣкоторую часть луговъ къ ней приписанныхъ¹⁷⁾). Вскорѣ за Готами въ Новгородъ сталиѣздить и нѣмецкіе купцы т. е. члены общаго купечес-тва, имѣвшаго свой центръ въ Готландѣ. Въ Новгородской III лѣтописи подъ 1184 годомъ находится краткое извѣстіе: «поставиша нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чудо о посадниѣ Добрынѣ»¹⁸⁾. Въ чёмъ именно состояло дѣло Добрыни подробно разсказывается въ одномъ позднѣйшемъ сказаніи¹⁹⁾ По нему выходитъ, что Нѣмцы прислали отъ имени всѣхъ семидесяти городовъ послы къ архіепискому съ просьбой разрѣшить построеніе католической церкви въ Новгородѣ. Сначала Новгородъ отказывалъ: «кое причастіе свѣту ко тьмѣ? и какъ вашей божницѣ быть въ нашемъ градѣ?» Тогда Нѣмцы обратились къ степенному посаднику Добрынѣ, приподнесли ему значительный посулъ, и наученные имъ снова обратились къ купецкимъ старостамъ и всему новгородскому купечеству съ слѣдующими словами: «только нашей божницѣ храму верховныхъ апостолъ Петра и Павла небыти у васъ въ великомъ Новгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ небыти-жъ». Тогда Новгородъ уступилъ Нѣмцамъ и посаднику; послѣдній даже велѣлъ снести деревянную церковь Ивана Предтечи подъ новую нѣмецкую ропату, за что на слѣдующій день испыталъ небесную кару: когда онъ перешжалъ Волховъ въ насадѣ, вдругъ начался сильный вихрь, приподнялъ насадъ къ верху и потопилъ его съ посадникомъ; послѣ едва отыскали трупъ его, но оставили безъ похоронъ. Вотъ сущность сказанія. Если въ немъ отбросимъ нѣкоторыя черты, напримѣръ тотъ анахронизмъ, будто въ XII вѣкѣ было посланство отъ 70 ганзейскихъ городовъ, то получимъ въ сущности довольно вѣрный разсказъ. Дѣйствительно построеніе

¹⁷⁾ Sart. Lapp. Urb. Gesch. II, s. 42: „curia Gotensium cum ecclesia et cimiterium sancti Olaui et prata adjacentia in omnibus libera erunt secundum justiam habitam ab antiquis.

¹⁸⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 216.

¹⁹⁾ Напечатано въ „Памятн. старин. рус. литературы“, I, стр. 251 — 253, по подъ неточнымъ названіемъ: „Легенда о построеніи варяжской церкви въ Новгородѣ“; дѣло идетъ о построеніи нѣмецкой церкви св. Петра, а не варяжской.

католической церкви не могло обойтись безъ иѣкоторыхъ препятствій и возраженій со стороны Новгорода; что Нѣмцы для успѣха своего дѣла дали посаднику взятку, это никакъ неудивительно: поднесеніе подарковъ новгородскимъ властямъ со стороны ганзейскихъ купцовъ было дѣломъ обыкновеннымъ; наконецъ доводъ, представленный посадникомъ и Нѣмцами, нельзя непризнать основательнымъ: дѣйствительно Новгородцы могли строить свои церкви на Готландѣ и въ городахъ Лифляндіи только подъ условіемъ позволенія Нѣмцамъ имѣть ихъ собственные церкви въ Новгородѣ; поэтому сомнительно, чтобы легенда вѣрно передавала настроеніе новгородского купечества; купцы лучше чѣмъ кто другой понимали важность имѣть собственную церковь на чужбинѣ; какъ и правительство оно конечно спокойнѣе отнеслось къ предложенію Нѣмцевъ, чѣмъ это представляеть авторъ легенды, быть можетъ духовное лицо. Однако Татищевъ говоря о заключеніи договора между Новгородомъ и Нѣмцами въ 1226 году добавляетъ, что Новгородцы въ строеніи церквей отказали Нѣмцамъ²⁰⁾). Но по всей вѣроятности дѣло шло тогда о возобновленіи церквей послѣ пожара 1217 года, при которомъ сгорѣла варяжская божница, а вѣроятно и нѣмецкая, находившаяся отъ нея не-подалеку, — но не о построеніи этихъ церквей вновь: церковь варяжская несомнѣнно существовала до 1152 года; нѣмецкая же построена въ 1184 году, и вѣроятно при тѣхъ условіяхъ, о какихъ разсказано въ легенда. Почему Новгородъ непозволялъ возобновлять церкви, давъ однажды право ихъ построить, изъ Татищева невидно; быть можетъ дѣло остановилось за подарками?

Недавно было высказано мнѣніе что нѣмецкимъ купцамъ въ Новгородѣ кромѣ церкви Петра принадлежала еще церковь Св. Николая²¹⁾). Въ основаніе этому мнѣнію приводится слѣдующее мѣсто изъ латинской договорной грамоты 1270 года: «ab ecclesia Sancti Nicholai usque ad curiam hospitum curia non debet occupari aedificiis usque ad plateam»²²⁾), —

²⁰⁾ Истор. Россійск. т. III, стр. 445.

²¹⁾ Кортап. Die Recessen u. and. Akten. Einleitung, s. XXIX — XXX.

²²⁾ Sart-Lappenb. Urk. Gesch. II, s. 39.

изъ котораго однако нисколько невидно, чтобы никольская церковь была католическая. Далѣе — соображаетъ Копманъ — куницы съверной Германіи любили избирать своимъ патропомъ Св. Николя и строить ему церкви, какъ опо случилось и въ Новгородѣ. Наконецъ такъ какъ Готы имѣли въ Новгородѣ два двора, да Нѣмцы — третій, то такимъ образомъ на трехъ дворахъ должны быть и три церкви. Построеніе церкви Николая Копманъ приписываетъ висбійскимъ Нѣмцамъ въ ту пору, когда они еще не слились съ Готами въ одну общину, а жили отдельною корпораціей; когда же это сліяніе произошло, то Визби оказался во владѣніи двухъ церквей въ Новгородѣ (Олафа и Николая); послѣ Визби уступилъ свой прежній дворъ съ церковью Николая пѣмецкимъ купцамъ (т. е. общему купечеству), и тогда уже Нѣмцы очутились съ двумя церквами — Петра и Николая; первая по мнѣнію Копмана издавна принадлежала тѣмъ пѣмецкимъ купцамъ, которые нежили постоянно въ Визби, а только проѣзжали чрезъ Готландъ въ Новгородѣ, т. е. членамъ общаго пѣмецкаго купечества на Готландѣ.

Мнѣніе доктора Копмана однако не выдерживаетъ критики. Изъ древней скры новгородского двора, изъ латинской и пѣмецкой редакціи договора 1270 года, наконецъ изъ новгородскихъ лѣтописей видно, что съ конца XII вѣка въ Новгородѣ существовали два двора: готскій съ церковью Св. Олафа и пѣмецкій съ церковью Св. Петра. Правда до 1270 года Готы продали свой прежній дворъ Нѣмцамъ, причемъ передали имъ и обязанность содержать около него мостовую ²³⁾, но ни изъ чего невидать, чтобы на этомъ дворѣ была особенная церковь Св. Николая; церковь этого имени, упоминаемая въ латинской договорной грамотѣ 1270 года, есть православная церковь Николая Чудотворца на Ярославовомъ дворищѣ ²⁴⁾, и упомянута въ этой грамотѣ только какъ граничный пунктъ, до котораго Готы владѣли землей вокругъ своего двора. Что

²³⁾ Тамже, стр. 42: „Item Curiam gilde, quam iidem Gotenses vendiderunt, non tenentur renouatione pontis aliquatenus procurare“.

²⁴⁾ См. Красова „О мѣстоположеніи древняго Новгорода“, стр. 97 — 100. Новгородъ, 1851. Ср. планъ Новгорода, приложенный къ этому сочиненію, гдѣ по сосѣдству съ Ярославовымъ дворомъ помѣщаются церкви Николая Чудотворца, Прокопія, Пятницы и другія.

святитель Николай былъ популяренъ между купечествомъ съ-
верной Германіи, это ничего еще недоказываетъ: потому что
онъ столько же былъ почитаемъ въ Новгородѣ, Полоцкѣ²⁵⁾ и
во всей Руси, и не между однимъ купечествомъ, хотя дѣй-
ствительно въ древнихъ русскихъ городахъ на торгу чаше
другихъ ставились церкви никольскія и пятницкія. Наконецъ
мнѣніе Копмана о томъ, будто нѣмецкіе поселенцы Визби по-
строили въ Новгородѣ никольскую церковь до времени сое-
диненія съ Готами въ одну городскую общину, а потомъ усту-
нили ее общему купечеству, — это мнѣніе совершенно произ-
вольно, и ничѣмъ не подтверждено; древняя скра нѣмецкаго
двора въ Новгородѣ и всѣ послѣдующіе документы говорять
только объ одной церкви Св. Петра; церкви Николая они
совершенно незнаютъ. Что касается того вопроса, сколько
было въ Новгородѣ купеческихъ дворовъ, принадлежавшихъ
Готамъ и Нѣмцамъ, то онъ можетъ повести къ сбивчивымъ
выводамъ, если неуловиться напередъ въ самомъ понятіи двора.
Для насъ оно важно въ смыслѣ купеческой *корпораціи*, управ-
лявшейся внутри по известнымъ правиламъ, выбиравшей себѣ
своего представителя (ольдермана), являвшейся по отношению
къ Ганзѣ и Новгороду, какъ отдельное общество, какъ особен-
ный дворъ. Въ такомъ смыслѣ понимаемыхъ дворовъ въ Нов-
городѣ издавна — съ конца XII вѣка, какъ было сказано, —
было два: готскій и нѣмецкій, а съ конца XIV вѣка только
одинъ ганзейскій дворъ. Но что Готы и Нѣмцы для своихъ
квартиръ и для склада товаровъ имѣли не по одному зданію,
а по нѣскольку дворовъ, огороженныхъ заборомъ, или частію
внѣ его, что они ихъ другъ другу передавали на временное или
постоянное пользованіе, это также неподлежитъ сомнѣнію. Но
изъ того, что Готы до 1270 года смѣнили прежній дворъ на
новый, не слѣдуетъ, чтобы на обоихъ дворахъ они имѣли по
церкви, какъ полагаетъ Копманъ. Если даже согласиться съ
нимъ, что Готы передали Нѣмцамъ церковь Николая, то для
чего — спрашивается — эти послѣдніе стали бы содержать
одновременно двѣ церкви? Нѣмецкіе купцы тяготились ремон-
тировкой даже одной церкви Св. Петра, у которой по време-

²⁵⁾ Полочане имѣли православную церковь святителя Николая въ Ригѣ. (Въ Рус. Лив. А. №№ 370 и 374 относятся до этой церкви).

намъ крыша приходила въ совершенную ветхость, грозя обрушиться; да и содержаніе дворового священника Нѣмцы строго разсчитывали, внося въ скру точныя правила, сколько марокъ кунъ должны давать ему гости лѣтніе и зимніе; въ XV вѣкѣ встречаются просьбы двора къ Ганзѣ, чтобы та уменьшила содержаніе священника, хотя оно вовсе не было богатымъ²⁶⁾.

Съ показаніями новгородскихъ лѣтописей о построеніи церквей на дворѣ готскомъ и нѣмецкомъ почти совпадаетъ выводъ, къ которому пришелъ Берманъ послѣ изслѣдованія древней скры или устава Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ: онъ нашелъ, что скра по содержанію своему и языку древнѣе самыхъ первыхъ кодексовъ любецкаго права, и что время ея происхожденія относится къ третьей четверти XII вѣка²⁷⁾. Но скра въ томъ видѣ, какъ до насъ дошла, неможеть быть принята за оригиналъ конца XII вѣка: ибо во 1-хъ въ ней на ряду съ гостями, прїѣзжающими въ Новгородъ водянымъ путемъ, упоминаются гости сухопутные, которые очевидно суть Нѣмцы изъ лифляндскихъ городовъ, основанныхъ уже въ XIII вѣкѣ; 2. въ нѣкоторыхъ статьяхъ скры штрафъ съ купцовъ нарушение дворовой дисциплины полагается медомъ также на лифляндскій вѣсь; 3. Сарторій указалъ на заключительную статью скры, гдѣ говорится, что остатокъ дворовой кассы долженъ быть отправляемъ въ Визби въ церковь Св. Маріи, освященной только въ 1225 году, и справедливо заключилъ, что скра должна была явиться нераньше этого года²⁸⁾. При всемъ томъ однако мнѣніе Бермана остается на половину вѣрнымъ: изъ первой статьи скры видно, что она заключаетъ въ себѣ правила, практиковавшіяся на новгородскомъ дворѣ

²⁶⁾ Гильдебрандъ. Отчеты о розысканіяхъ, пропизвед. въ риж. и ревел. архив. по части рус. исторіи (Прилож. къ XXIX т. Зап. И. Ак. Н.), стр. 38.

²⁷⁾ Behrman. De scra van Nougarden. 1828. Изданіемъ копенгагенского списка скры Берманъ занялся по порученію нашего канцлера Румянцева. Лучшее изданіе древней Скры по тремъ спискамъ въ сборнике Сарторія-Лаппенберга: Urk. Gesch. II, № 9.—Переводъ древней скры по русски сдѣланъ въ приложеніи къ разсужденію Андреевскаго: О договорѣ 1270 года.—Sera, Schragen=tabula, libellus; въ латинскихъ документахъ это слово объясняется, какъ *liber juris*.

²⁸⁾ Urk. Gesch. II, с. 17.

сь древнихъ временъ (van aneginne), т. е. съ основанія двора во второй половинѣ XII вѣка. Поэтому мы здѣсь же разсмотримъ содержаніе древней скры, изъ которой будетъ видна организація древняго нѣмецкаго купечества въ новгородскомъ дворѣ.

Два разъ въ годъ, весной и осенью приплывали въ Новгородъ заморскіе купцы, съ острова Готланда (waterfare); тѣ изъ нихъ, которые пріѣзжали весной, оставались во дворѣ на лѣто, и потому назывались лѣтними гостями (somerfare); пріѣхавшіе осенью проводили на дворѣ зиму и назывались зимними гостями (winterfare). Ніенштедтъ, зная древнюю скру, замѣчаетъ о зимнихъ гостяхъ: «въ зимнее время я думаю они Ѵздили частію на саняхъ, а частію на членокахъ, какъ это бываетъ и въ нашу пору, что Ѵдущіе зимой изъ Швеціи волокутъ за санями членоки, и гдѣ замерзло Ѵдутъ на саняхъ а гдѣ море открыто — тамъ на членокахъ»²⁹⁾. Эта догадка конечно не лишена остроумія; но поѣздки по льду были со пряжены съ большими неудобствами и рискомъ, и едва ли купцы часто на нихъ рѣшались: подъ зимними гостями разумѣются именно тѣ купцы, которые плавали съ Готланда осенью до начала невскаго ледохода, и проводили въ Новгородѣ зиму. По прибытіи въ устье Невы зимніе и лѣтніе гости должны были выбрать ольдермана двора и ольдермановъ Св. Петра: первый получалъ права верховнаго управлѣнія и суда во дворѣ, былъ его представителемъ въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и съ общимъ нѣмецкимъ купечествомъ; ольдерманы Св. Петра завѣдавали сборомъ штрафовъ и пошлинъ, вообще вели хозяйственную часть двора и церкви. Въ помощники себѣ ольдерманы выбрали четырехъ купцовъ (ратмановъ); всѣ вмѣстѣ т. е. ольдерманы и ратманы составляли постоянную комиссію, правившую дѣлами двора; это былъ въ небольшомъ видѣ ратъ. Въ случаяхъ болѣе важныхъ собирался стевенъ (steuene) или общее собраніе купцовъ; неявившіеся въ это собраніе платили

²⁹⁾ Хрон. Ніеншт. стр. 13.—Нельзя отожествлять зимнихъ гостей съ сухопутными, а лѣтнихъ — съ морскими, какъ-то дѣластъ г. Костомаровъ вопреки ясному ихъ различенію въ Скрѣ (Сѣверн. рус. народопр. II, стр. 193). Какъ морскіе такъ и сухопутные гости дѣлали по двѣ поѣздки въ годъ, весной и осенью, слѣдоват. были въ Новгородѣ лѣтними и зимними гостями.

штрафъ въ пять купъ, потомъ въ десять, а наконецъ — пять лифляндскихъ фунтовъ меду (*liuesche punt*). Равнымъ образомъ ольдерманъ могъ присудить къ штрафу того, кто ослушался бы его приказанія сопутствовать ему къ новгородскимъ властямъ, или кто отказался бы отъ возлагаемыхъ на него должностей (ольдерманства или ратманства). Всѣ комнаты двора за исключеніемъ большой, специальнно назначенной для зимнихъ гостей, считались общими и распредѣлялись по жеребью между отдѣльными купецкими артелями (*kumpanen*, *selscap*, *mascopien*), на которыхъ распадалось купечество³⁰⁾; но ольдерманъ двора съ своей артелью могъ выбирать себѣ помѣщеніе по желанію; равнымъ образомъ ольдерманъ лѣтняго поѣзда купцовъ имѣлъ право помѣститься гдѣ хотѣлъ въ большой зимней комнатѣ. Если прибывши во дворъ лѣтніе купцы найдутъ сухопутныхъ гостей (*landfare*), то эти послѣдніе должны уступить имъ тѣ комнаты, о которыхъ они метали жеребій и перейти въ другія помѣщенія, льгота для морскихъ гостей понятная въ виду дальности и трудности ихъ пути; между тѣмъ сухопутные гости въ крайнемъ случаѣ т. е. если бы во дворѣ было слишкомъ тѣсно, могли уѣхать въ свои лифляндскіе города. Ольдерманы и ратманы имѣли право даже совсѣмъ не пускать во дворъ сухопутныхъ гостей; кто пустилъ бы ихъ безъ согласія ольдермана во дворъ, тотъ платилъ высшій штрафъ въ 10 марокъ серебра, да кромѣ того отвѣчалъ за вредъ, который бы могъ притомъ приключиться³¹⁾. Въ каждомъ поѣздѣ кромѣ купцовъ-хозяевъ, прѣѣждавшихъ на собственный счетъ (майстеры, *meistermane*) была известная часть прислузы (*knapen*), организованной также въ отдѣльное товарищество; оно выбирало себѣ особеннаго ольдермана, который разбиралъ ссоры, случавшіяся между товарищами за обѣдомъ и т. п. менѣе значительныя дѣла; но драки и побои между

³⁰⁾ Невидно вирочемъ изъ скры, что служило основаніемъ для этого дѣленія на компаніи, происхожденіе ли изъ одного города, или наемъ одного судна, или общее хозяйство во дворѣ.

³¹⁾ Изъ этого достаточно ясно, какъ было значительно преобладаніе заморскихъ купцовъ надъ сухопутными, т. е. лифляндскими, тогда только что начинавшими торговать въ Новгородскомъ дворѣ. Да и понятно такое преобладаніе: заморское купечество основало дворѣ, было полнымъ его хозяиномъ.

прислугой, а равно ссоры хозяевъ съ прислугой разбиралъ самъ ольдерманъ двора. Для помѣщенія прислуго имѣла осо-бенную комнату (*kinder-stoue*); но она могла ея лишиться, если бы она потребовалась подъ складъ товаровъ. Ея отно-шенія къ хозяевамъ опредѣляются слѣдующими правилами, правда, не особенно точными: прикащикъ обязанъ помогать хозяину въ счастіи и несчастіи, и никогда его не оставлять; если на пути или во дворѣ онъ выкажетъ нерадѣніе о хозяй-скихъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего хозяину будетъ нанесенъ убы-токъ, въ особенности если будетъ доказано, что именно онъ виновникъ убытка, то онъ платить хозяину 10 марокъ серебра, а соучастники его изъ прислузы — по двѣ марки. Съ другой стороны хозяинъ не могъ отказать мальчику въ услуженіи безъ законныхъ основаній; онъ немогъ напримѣръ лишить его мѣста по случаю болѣзни, напротивъ обязанъ доставить его въ то мѣсто, откуда взялъ его на морское плаваніе. От-правляясь въ длинный и опасный путь и располагаясь въ Нов-городѣ на полугодичное пребываніе купцы брали съ собой священника для исправленія требъ. Его содержаніе на пути до двора и обратно падало на гостей; во дворѣ же священ-никъ зимняго поѣзда получалъ изъ дворовой кассы 50 марокъ кунъ; но лѣтніе гости и во дворѣ содержали его на свой счетъ ³²⁾). Чтобы вѣрнѣе обезпечить доходъ священника было постановлено, что съ прїѣздомъ нового священника старый долженъ тотчасъ уступить ему свое мѣсто, и всѣ живущіе во дворѣ должны держаться вновь прїѣхавшаго. Сверхъ того ему были добровольныя приношенія; а изъ позднѣйшей скры видно, что онъ занимался письмоводствомъ, что также составляло для него нѣкоторый источникъ дохода. Всѣ живущіе во дворѣ хо-зяева и прикащики обязаны были по очереди стеречь дворъ и церковь, какъ днемъ такъ и ночью; очередная стража дол-жна была наблюдать и за собаками, которыхъ въ извѣстные часы, вѣроятно почные, велѣно было держать на привязи; уклонявшійся отъ сторожки двора платилъ марку кунъ. Осо-бенно крѣпко стерегли церковь, служившую складочнымъ мѣс-томъ для разныхъ товarovъ; кто уклонялся отъ ночевки вну-

³²⁾ Это потому — думаетъ Сарторій — что лѣтніе гости меньше вре-мени жили во дворѣ, чѣмъ зимніе. *Urk. Gesch.* II, s. 21.

три церкви платилъ марку серебра; торговля съ Новгородцами внутри самой церкви была запрещена подъ страхомъ высшаго штрафа въ 10 марокъ серебра, скорѣе конечно изъ боязни покражъ, чѣмъ нарушенія благочинія: потому что сами Нѣмцы ставили же бочки съ виномъ подлѣ самаго алтаря. Доходы церкви Св. Петра, изъ которыхъ покрывалось содержаніе двора, были слѣдующіе: 1) приходя въ Неву на своихъ судахъ (*mit koggen*) зимніе гости должны платить сборъ въ церковь Св. Петра (*sceten sunte petere*) въ количествѣ одного фертина со 100 марокъ, слѣд. $\frac{1}{4} \%$; лѣтніе гости платятъ только половину этой суммы. 2) каждый хозяинъ платить ферtingъ наемной платы за помѣщеніе во дворѣ въ продолженіе зимы; лѣтній гость платить только марку кунъ, равно и сухопутные гости и всѣ, кто случайно забѣжали во дворѣ, напримѣръ сбившіеся съ пути (такъ назыв. *bisteruare*). 3) Лѣтніе гости, равно и зимніе если они случайно остались на лѣто въ новгородскомъ дворѣ, платятъ такъ называемую княжескую подать (*koninges scoth*), очевидно назначавшуюся первоначально въ пользу новгородскаго князя ³³⁾. 4) Въ кассу Св. Петра шли судебные штрафы. 5. Въ ея же пользу наконецъ полагалась плата за пользованіе дровами при вываркѣ пива и котломъ для перетопки воска. Всѣхъ доходовъ по временнамъ накаплялось столько, что за покрытіемъ нуждъ двора оставался излишекъ суммы, который нужно было отправлять въ Визби въ церковь Св. Маріи и запирать тамъ въ сундукѣ Св. Петра, ключи отъ котораго хранились у ольдермановъ Готланда, Любека, Сеста и Дортмунда, важнѣйшихъ городовъ, купцы которыхъ составляли общее нѣмецкое купечество; упомянутые ольдерманы очевидно суть представители отдѣльныхъ купеческихъ корпорацій или гильдій. Прибавимъ, что въ смоленскомъ договорѣ 1229 года кромѣ купцовъ вышеозначенныхъ городовъ упоминаются еще представители Мюнстера, Гренингена и Бремена, а въ грамотѣ кельнского архіепископа отъ 1165 года указывается, что и граждане Медебаха ведутъ торговлю въ Руси ³⁴⁾, и тогда придемъ къ заключенію, что купцы вестфальскихъ городовъ составляли, наибольшую часть въ

³³⁾ Въ своемъ мѣстѣ скажемъ подробнѣе объ этой подати.

³⁴⁾ Urk. Gesch. II, s. 7: „qui pecuniam suam dat alicui concivi suo, ut inde negotietur in Datia, uel in Rutia. Сарторій подозрѣваетъ пра-

общемъ купечествѣ на Готландѣ, и что они именно положили начало новгородскому двору и церкви Св. Петра. Они долго помнили свои заслуги для основанія двора и ясно высказывали это въ концѣ XIII вѣка, когда поднялся споръ о томъ, Визби или Любекъ нужно считать высшимъ апелляціоннымъ пунктомъ въ дѣлахъ новгородского двора. Собственно о мѣстѣ апелляціи немогло бы быть и спора, потому что внутри новгородского двора дѣйствовало готландское право ³⁵⁾, и следовательно за решенiemъ спорныхъ дѣлъ естественно было обращаться въ Визби, — если бы во дворѣ не было купцовъ изъ Висмара, Ростока, и другихъ городовъ, принявшихъ любецкое право, которые по этому хотѣли апеллировать къ своимъ ратамъ или рату Любека, и если бы Любекъ не стремился къ преобладанію въ купеческомъ союзѣ, скоро обратившемся въ Ганзу. Въ сущности споръ объ апелляціонной инстанціи въ дѣлахъ новгородского двора означалъ борьбу древняго готландского купечества съ начинающейся Ганзой, древнихъ вестфальскихъ городовъ съ новыми остзейскими, во главѣ которыхъ стоялъ Любекъ. Дѣло началось съ того, что Висмаръ и Ростокъ разослали къ ратамъ разныхъ городовъ предложеніе признать Любекъ верховной судебной инстанціей по дѣламъ новгородской конторы, прося ихъ дать согласіе на него по предлагаемой формулѣ ³⁶⁾. До двадцати четырехъ городовъ дали согласіе, какъ хотѣли Висмаръ и Ростокъ, и только нѣкоторые сдѣлали отступленіе отъ присланной формулы. Въ числѣ согласившихся упоминается и Рига; однако отвѣтъ рижскаго рата, сохранившійся до насъ, выказываетъ полное несогласіе съ предложеніемъ стороннихъ Любеку городовъ: «доколѣ — пишетъ рижскій ратъ въ Визби — ратманы города Визби по-

вильность чтенія послѣдняго слова, и вместо его предлагаетъ читать *Ruja* т. е. Рюгенъ; онъ сомнѣвается, чтобы купцы Вестфалии въ то время непосредственно торговали съ Русью. Но вѣдь купцы Медебаха на равнѣ съ купцами другихъ вестфальскихъ городовъ могли составлять часть готландского купечества, и вести торговлю въ Руси съ острова Готланда.

³⁵⁾ Фортинскій. Примор. вендск. города, стр. 376.

³⁶⁾ Вотъ эта формула: si aliquis mercator in curia Nogardensi se in suo jure grauatum cognosceret uel sentiret, quod pro recuperatione sui juris ad nullum alium locum preterquam ad ciuitatem Lubicensem respectum habere debet et recursum. *Sart Lap.* II, s. 179.

зволяютъ намъ и всѣмъ купцамъ, посѣщающимъ Готландъ, пользоваться древними правами и вольностями, какими до селѣ пользовались наши предшественники, до тѣхъ поръ и мы нежелаемъ, чтобы печать общаго купечества и верховная судебная инстанція были переводимы куда нибудь въ другое мѣсто, если только измѣнить все это незахотятъ города съ общаго и единодушаго согласія»³⁷⁾). Вестфальскіе города Мюнстеръ, Сестъ и Оsnабрюкъ вовсе не прислали отвѣта; изъ письма Визби въ Оsnабрюкъ видно, что молчаніе этихъ городовъ означало полное неодобрение мѣры, предлагавшейся Висмаромъ и Ростокомъ. Вотъ что писали ратманы Визби къ рату Оsnабрюка: «отъ всего сердца приносимъ вамъ благодарность за ваше расположение къ намъ и согражданамъ нашимъ, въ особности за то что вы несогласились съ ратманами любецкими, когда тѣ чрезъ разосланныя письма требовали перенести права и вольности купцовъ, посѣщающихъ Готландъ и новгородскій дворъ на свой городъ, и такимъ образомъ замѣнить ихъ любецкимъ правомъ. Ваше благоразуміе да припомнитъ себѣ, что ваши предки въ старыя времена положили начало этимъ правамъ въ новгородскомъ дворѣ³⁸⁾), которые единодушно соблюдались тамъ и на Готландѣ вплоть до послѣдняго времени. Да и странно было бы купцамъ, оставя свои товары въ Новгородѣ или на Готландѣ, отправляться въ Любекъ для отысканія тамъ своихъ правъ. И такъ во избѣжаніе вреда для настѣ и будущихъ купцовъ просимъ васъ недавать никакой вѣры предложеніямъ (Любека и его сторонниковъ) безъ согласія остзейскихъ городовъ: ибо при помощи божіей, при содѣствіи вашемъ и остзейскихъ городовъ мы всегда старались неуменьшать купеческихъ правъ, а по возможности ихъ увеличивать, поступая такъ на тотъ, конецъ, чтобы заслужить вашу признательность»³⁹⁾). Даже Стральзундъ, городъ жившій по любскому праву, далъ небезусловное согласіе на адресованное къ нему предложеніе: онъ припоминаетъ, что въ прежнее время купцы новгородской конторы

³⁷⁾ Recessus u. and. Akten, I, № 71.

³⁸⁾ „Vestri quidam progenitores dictas libertates a primaevis temporibus in Curiam Nogardensem, ueluti ipsarum libertatum fundatores, primitus apportabant““.

³⁹⁾ Recessus u. and. Akt. I, № 70.

въ случаяхъ спорныхъ обращались въ Стральзундъ, иногда въ Ростокъ, но небезусловно въ Любекъ,— и припоминаетъ очевидно съ желаніемъ, чтобы такой порядокъ былъ и впредь. Выходитъ такимъ образомъ, что въ прежнее время рать посторонняго города выбирался для рѣшенія спорнаго дѣла просто какъ третейскій судья, но не какъ верховная судебная инстанція, окончательно решавшая дѣло, какъ того хотѣлъ Любекъ; въ выборѣ рата не было стѣсненія: для большинства купцовъ высшей судебнай инстанціей служилъ Визби, центръ общаго купечества; купцы вендскихъ городовъ искали удовлетворенія въ Стральзундѣ, Ростокѣ и Любекѣ, какъ показываетъ отвѣтъ стральзундскаго рата⁴⁰⁾). И теперь вслѣдствіе оппозиціи вестфальскихъ городовъ, Риги и Визби вопросъ объ апелляціи не былъ рѣшенъ въ смыслѣ, желательномъ для Любека и вендскихъ городовъ,— такъ еще сильно было готландское купечество въ концѣ XIII вѣка. Вопросъ былъ поднятъ снова въ XIV вѣкѣ; такъ на собраніи 1366 года онъ былъ затронутъ, но опять отложенъ до будущаго времени⁴¹⁾; на собраніи 1373 года онъ былъ порѣшенъ окончательно въ томъ смыслѣ, что Любекъ долженъ быть единственнымъ мѣстомъ апелляціи по дѣламъ новгородской конторы⁴²⁾). Однако когда ганзейскіе послы сообщили это рѣшеніе новгородской конторѣ, то готландскій представитель на него несогласился, а посолъ рижскій колебался дать на него утвердительный или отрицательный отвѣтъ⁴³⁾). Чѣмъ дѣло кончилось неизвѣстно; по всей вѣроятности Визби на ряду съ Любекомъ сохранялъ значеніе высшей инстанціи, и купцы смотря по желанію поперемѣнно обращались то въ одно, то въ другое мѣсто; купцы вестфальскихъ городовъ вѣроятно по прежнему тянули къ Визби, центру древнаго купечества; да и въ пору преобладанія Любека они выразили свою особность на новгородскомъ дворѣ тѣмъ, что составляли въ немъ осо-

⁴⁰⁾ Ibidem, s. 34—35.

⁴¹⁾ Recesse u. a. A. I, s. 332: „dissensio, quae uertitur inter Lubicenses et Wysbicenses super appellacione mercatorum curiae Nougar-densis, suspensa est usque ad proximum terminum“.

⁴²⁾ Ibid. II, s. 78: „de bescheldinge van Nogarden anders nergen wezen scolde, denne to Lubeke“.

⁴³⁾ Ibid. s. 78, № 69. Ср. Рус. Лив. А. № 96.

бенную квартиру или четъ⁴⁴⁾). Таково было устройство общаго готландскаго купечества и двора, имъ основаннаго въ Новгородѣ. Обратимся теперь къ новгородскому купечеству, и прослѣдимъ его сношенія съ заморскимъ западомъ въ XII вѣкѣ.

Въ половинѣ этого вѣка въ Новгородѣ было организовано особенное купечество для заморскихъ поѣздокъ, которое и называлось «купцы заморскіе». Подъ 1156 годомъ лѣтописи извѣщаютъ, что это купечество построило собственную церковь Св. Пятницы на торговищѣ⁴⁵⁾. Въ новгородской З лѣтописи обѣ этой церкви читаемъ болѣе подробное извѣстie: въ лѣто 6664 (1156) заложиша церковь камennуу въ великомъ Новградѣ въ торгу заморскіе купцы, святая Пятница, а совершена бысть въ лѣто 6853 (1345) при Василіи архіепископѣ что порушилась въ великой пожарѣ, повелѣніемъ рабъ божіихъ Андрея сына тысяцкого и Павла Петровича⁴⁶⁾. Важное извѣстie о пятницкой церкви даетъ не разъ уже упомянутый латинскій договоръ 1270 года, имѣющій большое значеніе для новгородской старины вообще: если гость (нѣмецкій), — сказано тамъ — приходящій изъ верхнихъ земель области (новгородской), захочетъ отправиться на Готландъ, то платить въ церковь святой Пятницы одну марку серебра, но не больше⁴⁷⁾. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно, что св. Пятница была православная церковь новгородского заморскаго купечества; разъ построенная имъ она и позже возобновляется богатыми же Новгородцами. Считать ее католической церковью, а заморскихъ купцовъ — Нѣмцами, какъ это дѣлаетъ

⁴⁴⁾ *Riesenkampf. Der deutsche Hof zu Nowgorod*, s. 27. Въ XV в. Новгородскій дворъ дѣлился на четыре квартиры: саксонскую, вестфальскую, вендскую и лифляндскую.

⁴⁵⁾ П. С. Р. Л. IV, стр. 9: „Поставиша купци заморѣстіи церковь св. Пятница на торговищи“. Въ Новгор. 1 лѣт. сказано просто „заморѣстіи“. Отъ этой купеческой церкви нужно отличать другую того же имени, построенную частными лицами: „срубиша церковь... св. Пятницы на тѣрговищи къснятине съ братомъ“. Тамже, т. III, стр. 20, подъ 1191 годонъ.

⁴⁶⁾ Тамже III, стр. 215.

⁴⁷⁾ Sart. Lappenb. II, s. 39: „Si hospes veniens de superioribus partibus terrae versus gotlandiam ire voluerit, dabit ecclesiae sancti vridach marcam argenti, non plus.“

Лербергъ⁴⁸⁾, совсѣмъ неосновательно: въ самомъ дѣлѣ съ какой стати Нѣмцы въ договорѣ съ Новгородомъ стали бы говорить, что они, Нѣмцы, должны платить въ пользу *своей же* церкви гривну серебра? для подобнаго опредѣленія мѣсто было бы въ скрѣ, а не въ договорѣ съ Новгородомъ, какъ справедливо замѣтилъ Сарторій⁴⁹⁾). Предположеніе Ризенкампфа, что церковь Пятницы прежде нѣмецкая впослѣдствіи перешла къ Русскимъ⁵⁰⁾, также нельзя называть удачнымъ: уступка церкви въ пользу иновѣрцевъ въ ту пору показалась бы дѣломъ страннымъ, да едва ли была и возможна: ни Нѣмцы неуступили бы своей церкви Новгородцамъ, ни г҃ь неприняли бы католической божницы отъ Нѣмцевъ. Очевидно св. Пятница была патрональная церковь новгородского купечества, и Нѣмцы имѣли къ ней обязательство, именно какъ къ церкви купеческой. Нелегко впрочемъ сказать, за что именно нѣмецкіе купцы платили гривну серебра въ пользу этой церкви. Если обратимъ вниманіе на то, что ее платили не всѣ Нѣмцы, а только тѣ, которые ѻздили торговать по новгородской области, то можно полагать, что означенная плата взималась именно за право торговли въ Новгорода: ибо отправляясь торговать внутрь новгородской области нѣмецкіе купцы являлись конкурентами домашнему купечеству, а потому если не наравнѣ съ нимъ привлекались къ уплатѣ проѣздныхъ и другихъ пошлинъ, то по крайней мѣрѣ дѣлали небольшой взносъ въ купеческую церковь. Недавно было выражено мнѣніе, что пятницкая церковь была построена поморскими т. е. славянскими гостями, принявшими въ Новгородѣ православіе⁵¹⁾. Но въ лѣтописи названы заморскіе купцы, а не поморскіе славянскіе гости, которыхъ она со всѣмъ не знаетъ. Да опять какой бы смыслъ былъ въ томъ, что Нѣмцы обязываются платить въ пользу пятницкой церкви поморского купечества? Что это за право поморскихъ Славянъ? При чёмъ тутъ самъ Новгородъ? Все это вопросы, при искусственной теоріи г. Гедеонова неразрѣшимые.

Но если заморское купечество съ патрональнымъ храмомъ

⁴⁸⁾ Untersuchungen, s. 270.

⁴⁹⁾ Urk. Gesch. II, s. 39 (Anmerkung 3).

⁵⁰⁾ Der deutsche Hof zu Nowgorod, s. 74.

⁵¹⁾ Гедеоновъ. Варяги и Русь, I, стр. 348.

Св. Пятницы было новгородское, что неподлежить никакому сомнѣнію, то спрашивается: въ какомъ отношеніи оно стояло къ знаменитому купечеству иванскому? ⁵²⁾.

Иванское купечество, устройство котораго завершилось жалованною грамотой Всеволода Мстиславича около 1130 года ⁵³⁾, состояло изъ богатѣйшихъ новгородскихъ купцовъ; чтобы стать членомъ иванского купечества требовалось уплатить ему гильдейскій капиталъ въ 50 гривенъ серебра; внесшій такую сумму получалъ имя «пошлиго», т. е. потомственаго почетнаго купца; слѣдовательно иванскіе купцы въ Новгородѣ были купцы первой статьи или первой гильдіи. Половина купеческаго вклада шла въ казну церкви св. Ивана Предтечи на Опокахъ, по которой прозывалось само купечество; какъ употреблялась другая половина, въ жалованной грамотѣ Всеволода не говорится: быть можетъ изъ нея составлялся общій капиталъ купечества, который потомъ употреблялся на общія нужды и предпріятія. При церкви Св. Ивана сосредоточивалась торговля воскомъ, который взвѣшивали въ притворѣ церкви иванскіе старосты, двое пошлыхъ купцовъ; непошлиные купцы не имѣли права держать старощенія, ни взвѣшивать воскъ. Пошлины, взимаемыя имъ въ казну иванской церкви, за провѣсь воска, составляли доходъ исключительно этой церкви: ни городъ, ни владыка, ни бояре недолжны были вступаться въ иванскій «вощеной вѣсь»; въ ея же пользу шла половина пошлини за взвѣшиваніе воска при спасской церкви въ Торжкѣ; наконецъ мѣстность вокругъ иванской церкви («буевище, петрятино дворище») отдавалась въ аренду, которая тоже доставляла некоторый доходъ въ церковь Св. Ивана. Расходы церкви были слѣдующіе: князю ежегодно платилось 25 гривенъ; такая же сумма отпускалась на храмовой праздникъ (24 июня), который справлялся съ большой торжественностью и сопровождался богатымъ угощеніемъ со стороны купцовъ для почетныхъ гостей; за службу владыкѣ въ этотъ день дарили гривну серебра и сукно ипское, архимандриту юрьев-

⁵²⁾ Въ прекрасномъ очеркѣ иванского купечества „Св. великий Иванъ на Опокахъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1870, Августъ) г. Никитскій некасается однако вопроса объ отношеніяхъ заморскаго и иванского купечества.

⁵³⁾ Доп. къ Ак. Истор. I, № 3.

скому и игумену антоніевскому — по полгривиѣ; на содержаніе двоихъ священниковъ отпускалось по 8-ми гривенъ въ годъ; дьякона — 4, дьячка и сторожей — по 3 гривны. Нѣть сомнѣнія, что такие подарки и содержаніе причта по тому времени были очень значительны и давать ихъ могла только такая богатая купеческая церковь, какъ Св. Иванъ на Опокахъ. — При церкви была учреждена дума по дѣламъ торговли и купеческаго суда; во главѣ ея стоялъ тысяцкій великаго Новгорода; съ нимъ судили и правили трое старостъ отъ житыхъ людей и двое купеческихъ старостъ. Дума была поставлена независимо отъ города и посадника, которые не имѣли права входить въ дѣла иванскаго купечества ни въ какихъ случаяхъ: управление и судъ по дѣламъ иванскаго да и всего новгородскаго купечества принадлежали этой думѣ: ибо судъ торговый и судъ тысяцкаго — одно и тоже⁵⁴⁾). Изъ нѣмецкихъ документовъ видимъ, что судъ Новгородцевъ съ Нѣмцами по дѣламъ торговли или въ случаяхъ какихъ-либо столкновеній производился также во дворѣ церкви Св. Ивана т. е. невидѣлся изъ общей сферы купеческихъ дѣлъ; сами Нѣмцы такъ привыкли къ суду въ этомъ мѣстѣ, что не хотѣли ни гдѣ кромѣ него судиться, и жаловались когда это мѣсто обходилось⁵⁵⁾). На судѣ Нѣмцевъ предъ тысяцкимъ присутствовалъ и посадникъ, какъ видно изъ нѣмецкой грамоты договора 1270 года; но всегда ли онъ тамъ присутствовалъ трудно сказать. По нашему мнѣнію его присутствіе, или точнѣе —

⁵⁴⁾ Никитскій въ указан. очеркѣ, стр. 215 — Доп. къ А. И. I, стр. 3—4: „и язъ князъ великий Всеиводъ поставилъ есми св. Ивану три старости отъ житыхъ людей и отъ черныхъ-тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты: управляти имъ всякая дѣла и Иванская и торговая, и гостиная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступатца и инымъ посадникомъ въ иванское ни во что же, ни бояринъ новгородскимъ“.

⁵⁵⁾ *Sart Lappenb. Urk. Gesch. II, 38:* „Placita hospitum inter hospites et Ruthenos habenda sunt in curia sancti Johannis coram duce, oldermanno, Nogardiensibus, et non coram aliquo alio“. — Schut en twist tuschen den dudeschen un den Nogarderen, dhe twist sal endegen up sente Johannis houe uor deme borchgreuen, deme hertogen unde uor dhen copluden“. Ibid. s. 99.—Quod forum justiciarum mercatorum debet esse in curia s. Johannis, et non alias, coram duce et duobus senioribus Theutonicorum“. — Подробнѣе о судѣ съ нѣмцами ср. въ указан. выше очеркѣ г. Никитскаго, стр. 217—220.

его предсѣдательство на судѣ съ Нѣмцами было необходимо по крайней мѣрѣ въ случаѣахъ наиболѣе важныхъ; въ самомъ дѣлѣ иныя дѣла съ Нѣмцами по своему значенію могли выйти за предѣлы простыхъ купеческихъ тяжбъ; они могли повести къ столкновеніямъ съ лифляндскими Нѣмцами и Ганзой, къ запрещенію торговли или даже къ открытой враждѣ съ ними т. е. затронуть интересы всего Новгорода, а не одного только купечества; поэтому естественно предположить, что посадникъ, какъ представитель всего Новгорода, засѣдалъ въ такихъ случаѣахъ на судѣ съ Нѣмцами. Впрочемъ что касается собственно новгородскихъ купцовъ, то между ними иванскіе всѣхъ ближе стояли къ Нѣмцамъ; въ ихъ рукахъ находилась торговля воскомъ, который на ряду съ мѣхами составлялъ главный предметъ заморского отпуска; съ другой стороны есть указанія, что иванскіе купцы продавали въ розницу нѣмецкія сукна, которыхъ сами они покупали у Нѣмцевъ цѣльными штуками: ибо упоминаемый въ одномъ церковномъ уставѣ «локоть иванскій» т. е. образцовая мѣра для суконъ, главной статьи нѣмецкаго привоза въ Новгородъ, по всейѣѣоятности хранился въ иванской церкви, либо въ иванской купеческой думѣ, а самая продажа суконъ на этотъ локоть производилась иванскими купцами: они были богатые купцы — суконники. Ко дню храмового праздника иванскихъ купцовъ пріурочивались переговоры съ Нѣмцами и сроки перемирія. Такъ въ 1371 году въ Нейгаузенѣ (новомъ городкѣ) было заключено съ нѣмецкими послами перемиріе до иванова дня 1373-го года.⁵⁶⁾ При заключеніи договора съ Ганзой въ 1436 году иванскіе купецкіе старосты принимали большое участіе: они неразъ приходили къ ганзейскимъ посламъ во дворѣ, гдѣ уговаривались о вознагражденіи частныхъ истцовъ съ обѣихъ сторонъ о срокѣ мира, о взвѣшиваніи воска и прочихъ предметахъ; по окончаніи всѣхъ переговоровъ во дворѣ церкви Св. Ивана читали и укрѣпляли печатями договорныя грамоты по русски и по нѣмецки, которыми размѣнялись на обѣ стороны⁵⁷⁾. Наконецъ во дворѣ иванской церкви сберегали

⁵⁶⁾ Ropp. Hanserecesse, I, № 288.

⁵⁷⁾ Ibid. № 586, s. 519: „waert desse breff gelesen, belevet unde beseghelt vor sunte Johannes“.

тяжебный товаръ до рѣшенія дѣла законнымъ судомъ: въ 1375 году въ Новгородъ пріѣхалъ купецъ Брунсвикъ съ своей компанией; новгородецъ Максимъ, одинъ изъ компаньоновъ Аввакума, недавно задержанного въ Дерптѣ, заявилъ на Брунсвика и его товарищѣ искъ, взялъ двоихъ приставовъ отъ тысяцкаго и посадника и арестовалъ у пріѣзжихъ товаръ, который до времени суда былъ снесенъ въ иванскую церковь⁵⁸⁾). Всѣ эти данныя показываютъ большое значеніе иванского купечества въ Новгородѣ и его ближайшія отношенія къ ганзейскимъ Нѣмцамъ. Послѣ того что же оставалось на долю заморского купечества? Какова могла быть его роль на ряду съ такимъ первостатейнымъ купечествомъ, какъ иванское? При скучности извѣстій на эти вопросы можно отвѣтить только гадательно; по нашему мнѣнію иванское и заморское въ сущности есть одно и тоже купечество, или правильнѣе — заморское есть вѣтвь иванского. Около 1156 года (построеніе пятницкой церкви) заморскіе купцы начинаютъ обособляться отъ иванскихъ, пробуютъ устроиться въ самостоятельное купечество; однако это обособленіе неудалось, — и заморское купечество неразвилось на степень большой купеческой корпораціи, равной по значенію иванской. Оно и понятно: новгородскіе купцы постепенно были вытѣснены изъ моря Нѣмцами и Шведами; великий Новгородъ неустроилъ государственного флота въ защиту купеческаго, тогда какъ Ганза уже въ XIV вѣкѣ имѣла большія когги, вооруженные пушками. Правда Новгородцы не разъ предпринимали, какъ увидимъ, торговые поѣздки на Готландъ и въ Германію во все время сношеній съ Ганзой; но при этомъ нѣть никакихъ признаковъ, чтобы эти поѣздки совершили именно члены особенного заморского купечества, которое бы руководило заморской торговлей Новгорода; послѣ XII вѣка о немъ нѣть никакихъ извѣстій, между тѣмъ какъ иванская старина была памятна долго спустя послѣ паденія великаго Новгорода⁵⁹⁾.

⁵⁸⁾ Bunge, LEK. Urk. III, № 1103: „dat gut vorden se in sunte Johannes kerken“. — Такой же случай былъ въ началѣ XV вѣка; см. тамже IV, № 1506.

⁵⁹⁾ Въ грамотѣ отъ 1556 года царь Иванъ Васильевичъ говорилъ новгородскимъ дьякамъ: „какъ къ вамъ ея наша грамота придетъ, и вы бъ часа того въ Новгородѣ выбрали людей, да тое бъ есте вѣчную

Но въ XII вѣкѣ, въ эпоху готландской торговли новгородские заморские купцы нерѣдко плавали на Готскій берегъ и въ Любекъ; въ то время между Новгородомъ и общимъ нѣмецкимъ купечествомъ нестояли Орденъ и Лифляндія; само общее купечество на Готландѣ небыло организовано такъ строго, какъ виослѣдствіи, когда оно обратилось въ Ганзу; въ ту пору оно только что начинало торговать съ Новгородомъ, и немогло недопустить морскихъ плаваній Новгородцевъ на Готландъ и въ Германію. Прямая свѣденія объ этихъ плаваніяхъ восходятъ къ первой половинѣ XII вѣка, хотя всѣ эти плаванія сопровождались большой неудачей для новгородскихъ купцовъ. Такъ подъ 1130 годомъ въ лѣтоиси записано: «идуце изъ заморія съ Готь (Готланда) потони лодій семь, а сами истопша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, но нази, а въ дому придоша нази»⁶⁰⁾. Въ 1134 году въ Даніи, вѣроятно въ Шлезвигѣ, новгородские купцы были арестованы⁶¹⁾. Другой арестъ они испытали въ 1157 году, когда датскій король Свенъ IV-й при осадѣ Шлезвига захватилъ много русскихъ купцовъ, а товаръ ихъ роздать сзоимъ воинамъ⁶²⁾. Въ 1142 году среди моря на Новгородцевъ, возвращавшихся домой, напалъ шведскій король, который плыть на 60-ти шнекахъ въ сопровожденіи одного епископа⁶³⁾. Что новгородские заморские купцы бывали и въ Любекѣ, доказатель-

пошлину подъ Иваномъ Святымъ на меня, царя и великаго князя величи брати тѣмъ людемъ, которыхъ вы выберете». Доп. къ Ак. Ист. I, № 95. Какіе именіо товары вѣсили при иванской церкви показываетъ уставная таможенная грамота Новгороду 1571 года: „а воскъ, и медъ, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темьянъ вѣсить по старинѣ на крюкъ у Ивана Святого подъ церковью на петрятинѣ дворищѣ; а таможникомъ въ то невступатися ни во что“. А. А. Эксп. I, № 282.—Воскъ и медъ издавна составляли предметы отпускной торговли Новгорода; остальные товары — главныя статьи нѣмецкаго привоза; изъятіе этихъ товаровъ изъ вѣденія таможниковъ и порученіе вѣсить ихъ особеннымъ новгородскимъ выборнымъ въ нѣкоторой степени напоминаетъ еще древній порядокъ, когда вѣсили воскъ иванскіе старости.

⁶⁰⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 6.

⁶¹⁾ Тамже: „рубоща Новгородъ за моремъ въ Дони“.

⁶²⁾ Lehrberg, Untersuchungen, s. 268.

⁶³⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 9: „приходи свѣйскѣ и князь съ еписко-

ствомъ тому служить жалованная грамота Любеку императора Фридриха I, въ которой между купцами съ востока, посѣщающими Любекъ, на первомъ мѣстѣ названы русскіе⁶⁴⁾. Конечно еще чаще Новгородцы плавали на ближайшій къ нимъ Готландъ, гдѣ они имѣли свой дворъ и церковь; впервые обѣ этомъ дворѣ или «становищѣ» упоминается въ договорѣ Александра Невскаго съ Нѣмцами 1260 года⁶⁵⁾; однако съ полной вѣроятностью его начало можно относить къ тому же времени, когда и Готы построили свой дворъ съ церковью въ Новгородѣ т. е. къ половинѣ XII вѣка.

Подъ конецъ этого столѣтія случился долговременный перерывъ въ торговлѣ Новгорода съ Готами и Нѣмцами: подъ 1188 годомъ лѣтопись разсказываетъ о захватѣ новгородскихъ гостей на Готландѣ, вслѣдствіе чего и Новгородъ непустилъ своихъ купцовъ на весенне плаваніе, а Варяговъ т. е. готскихъ купцовъ отправилъ безъ мира и недаль имъ проводника⁶⁶⁾. По тону лѣтописнаго разсказа можно догадываться, что сами Готы спѣшили поскорѣе уладить дѣло, которое разстроилось по ихъ винѣ; но миръ долго не могъ состояться частію потому что Новгородъ хотѣлъ дать Варягамъ миръ на всей волѣ своей, а частію по причинѣ смуты, волновав-

номъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодяхъ, и биша ся неуспиша неничто, и отлучиша ихъ 3 лодѣ, избиша ихъ полутораста". — Извѣстіе вирочемъ очень неясное; невидно, были ли это Новгородцы, или готскіе купцы, и успѣли ли они отбиться отъ шведовъ.

⁶⁴⁾ *Sart-Lappenb. Urk. Gesch. II, 9:* „Ruthenii, Gothi, Normanni et ceterae gentes orientales absque teloneo et absque hansa ad civitatem saepe dictam (Любекъ) veniant et libere recedant”.

⁶⁵⁾ Рус. Лив. А. стр. 9.—Въ XVII вѣкѣ шведскіе чиновники доносили своему правительству: „In Wisbya sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque conuehendis ac permutandis mercibus proprium”. По одной упсальской рукописи это мѣсто приводить *Сарторій*, Gesch. des hans. Bund. I, 381.

⁶⁶⁾ П. С. Р. Л. III, 20: „рубоша Новгородцѣ Варязи на Гтѣхъ, Нѣмеце въ Хоружьку и въ Новотѣржцѣ, а на весну непустиша изъ Новагорода ни одного мужа за море, ни слы (посла) вдаша Варягомъ, но пустиша я безъ мира”. Опять неясное извѣстіе: что за мѣстности „въ Хоружьку и въ Новотѣржцѣ”? Есть ли это переведныя названія какихънибудь мѣстностей на Готландѣ, или дѣло идетъ о Новомъ Торжкѣ, гдѣ Новгородцы величи схватить нѣмецкихъ купцовъ въ отместку за арестъ своихъ купцовъ на Готландѣ, — трудно сказать.

шихъ самый Новгородъ и по непрочному положенію тамъ князя Ярослава Владимировича (свояка Всеволода III Юрьевича, вел. князя суздальскаго). Въ 1195 году Новгородцы пезахотѣли держать у себя Ярослава и стали просить у Всеволода сына его; но великий князь разсердился и взялъ подъ стражу новгородскихъ пословъ съ посадникомъ Мирошкой во главѣ; Ярославъ остался въ Новгородѣ, а противники его были въ плѣну у суздальскаго князя. На слѣдующій годъ Всеволодъ даже вступилъ съ войскомъ въ новгородскую землю; впрочемъ до кровоцролитія дѣло недошло: Всеволодъ, Ярославъ и южные князья даже признали свободу Новгорода выбирать себѣ князя, гдѣ онъ хочетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: кѣ имъ любо, ту же собѣ князя поимаютъ»⁶⁷⁾. Однако пословъ новгородскихъ Всеволодъ все еще не отпускаль; тогда наконецъ Новгородъ изгналъ Ярослава. Тотъ сѣль въ Торжкѣ, стать собираять дани въ волости Торжка, по всему Верху, Мстѣ и за Волокомъ; между тѣмъ Новгородъ всю зиму оставался безъ князя, потомъ призвалъ изъ Чернигова Яropolка Ярославича, но чрезъ полгода изгналъ его и снова обратился къ Ярославу. Такимъ образомъ восторжествовала суздальская партія, — да иначе и быть немогло: сидя въ Торжкѣ Ярославъ прекратилъ всю торговлю Ногорода съ Поволжемъ. На этотъ разъ вмѣстѣ съ Ярославомъ возвратился и посадникъ Мирошка; это было въ 1197 году; спустя два года Всеволодъ отозвалъ Ярослава, а на его мѣсто посадилъ сына Святослава⁶⁸⁾. Ко времени этого-то послѣдняго княженія Ярослава въ Новгородѣ (1197—1199) и относится первый письменный договоръ Новгорода съ Готами и Нѣмцами, который впрочемъ названъ только подтвержденіемъ старого мира: «се язъ князь Ярославъ Володимеричъ сгадавъ съ посадникомъ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и съ всѣми Новгородци потвердихомъ мира старого съ посломъ Арбудомъ и съ всѣми нѣмецкими сыны и съ Готы и съ всѣмъ латинскимъ языккомъ, послалъ есмь послана своего Григу на сей правдѣ»⁶⁹⁾. Послѣднія слова указываютъ, что посолъ

⁶⁷⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 23. Это положеніе высказали князья, а не вѣче, какъ толкуетъ его г. Костомаровъ (Сѣвернор. Народоправ. I, стр. 78).

⁶⁸⁾ Тамже, стр. 23—25.

⁶⁹⁾ Рус. Лив. Ак. № 1.

Григорій былъ отправленъ на Готландъ съ договорной грамотой для утвержденія ея печатью общаго купечества т. е. здѣсь былъ тотъ же порядокъ, который повторился спустя лѣтъ 30 въ Смоленскѣ, когда князь Мстиславъ Давыдовичъ отправилъ своихъ пословъ въ Ригу и на Готландъ для окончательного утвержденія договорной грамоты печатью общаго купечества. Но и на этотъ разъ дѣло непришло къ концу: весной 1201 года Новгородъ все еще «пустилъ Варяговъ безъ мира», и только осенью того года «далъ миръ на всей волѣ своей», что случилось уже при новомъ князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ⁷⁰⁾.

Хотя Ярославова грамота по нѣкоторымъ признакамъ есть проектъ, однако несомнѣннымъ нужно признать, что Готы и Нѣмцы согласились на миръ съ Новгородомъ именно по этой грамотѣ. Что она проектъ, видно во 1-хъ изъ того, что у ней недостаетъ конца, на что обратилъ вниманіе И. И. Срезневскій⁷¹⁾; во 2-хъ въ самой грамотѣ говорится, что она дана послу Григорію, только еще отправляющемуся на Готландъ; въ грамотѣ видѣнъ также намекъ на непрочное положеніе Ярослава въ Новгородѣ: «а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить». Но что грамота получила значеніе дѣйствительного договора, доказываетъ то обстоятельство, что она переписана рядомъ съ договоромъ 1260 года съ Нѣмцами на одномъ пергаминномъ листѣ: очевидно она имѣла значеніе настоящаго документа, если послы находили нужнымъ ее переписывать на ряду съ договоромъ, вполнѣ авторитетнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ она должна была имѣть такое значеніе: новый князь Святославъ былъ данъ по желанію той же суздальской партии, которая поддерживала прежняго князя Ярослава, такъ что въ передѣлкѣ договорной грамоты непредставлялось никакой нужды съ прибытіемъ нового князя. Порядки торговли въ грамотѣ Ярослава опредѣляются слѣдующимъ образомъ: новгородскіе купцы и послы безпрепятственно могутъ плавать на Готландъ и въ пѣмецкую землю, а Готы и Нѣмцы, или какъ тѣ и другіе называются вмѣстѣ—Варяги, безпрепятственно прѣезжаютъ въ Повгородъ. Если новгород-

⁷⁰⁾ П. С. Р. Л. Ш, 25.

⁷¹⁾ Изв. 2 отдѣлен. Ак. Наукъ. Т. VI, стр. 155.

скій князь вступить въ разладъ съ Новгородомъ, то гости, не смотря на то, могутъ продолжать торговлю, а потомъ подтвердить миръ съ новымъ княземъ⁷²⁾). Для провода нѣмецкой лодыи, Новгородъ обѣщаетъ давать «кормника» т. е. лоцмана, но о платѣ за проводы, ни о другихъ отношеніяхъ, въ какія могли стать Нѣмцы къ лоцманамъ, договоръ неупоминаетъ⁷³⁾). Въ одной статьѣ встрѣчаемъ важное указаніе, что Нѣмцы уже тогда торговали не въ одномъ Новгородѣ: «оже тяжа родиться — сказано въ ней — в иное земли въ русскихъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прошати, искати Новугороду не надобѣ, а тяжа на города». Подъ городами «иной земли нельзя разумѣть конечно новгородскіе пригороды, напримѣръ Ладогу, Псковъ, Торжекъ и другіе; пригороды относились къ новгородской землѣ, тянули къ Новгороду по управлению и суду, въ томъ числѣ и по суду съ нѣмецкими гостями, за исключеніемъ впрочемъ Пскова, который весьма рано начинаетъ торговля и договариваться съ Нѣмцами независимо отъ Новгорода. Подъ иной землей нужно разумѣть области, не принадлежащи Новгороду, какъ-то: полоцкую, смоленскую, а быть можетъ и суздальскую. Въ самомъ дѣлѣ Всеволодъ и его своякъ Ярославъ могли требовать у Новгорода пропуска нѣмецкихъ куницъ и въ суздальскую землю, гдѣ сами Новгородцы были обыкновенными гостями; для суздальскаго князя было бы гораздо выгоднѣе, если бы къ нему прїѣзжали сами Нѣмцы и безъ посредства Новгородцевъ продавали ему заморскіе товары; оговорка, что въ случаѣ тяжбы Нѣмцевъ съ другими городами Новгородъ ни за что не отвѣчаетъ, пока-

⁷²⁾ „Аче будетъ судъ князю новгородскому Новгородѣ или нѣмецкому въ Нѣмчихъ, а въ томъ миру ити гостю домовъ бес пакости“. Слова „аче будетъ судъ“ г. Владимірскій-Будановъ объясняетъ: „если умретъ князь Новгородскій“ (Хрестом. по истор. рус. права, I, стр. 102). По нашему мнѣнію важнѣе было предусмотрѣть случаи разладовъ великаго князя съ Новгородомъ, или нѣмецкаго сеньера съ общиной, чѣмъ ихъ смерть, тѣмъ болѣе, — что касается Новгорода — то князья тамъ умирали весьма рѣдко, тогда какъ оставляли его по неудовольствію съ вѣчемъ весьма часто.

⁷³⁾ Статья о лоцманахъ, какъ и другія мѣста договора 1199 года, выражены довольно неясно; является возможность разной постановки знаковъ препинанія, дающей до некоторой степени различный смыслъ.

зывается, какъ Новгороду быlobы нежелательно, чтобы Нѣмцы вели торговлю въ его земли. При взысканіи долговъ устанавливается слѣдующій порядокъ. Если должникъ будетъ запираться, то истецъ долженъ представить двѣнадцать человѣкъ послуховъ, которые присягаютъ въ справедливости иска, послѣ чего кредиторъ получаетъ свой долгъ; во всякомъ случаѣ должника нельзя посадить въ «погребъ»: можно приступить къ его имуществу, но личность его остается неприкосновенной; при томъ тяжба можетъ быть отложена до слѣдующаго года, и если только въ слѣдующій пріѣздъ должникъ неплатить, тогда заявя князю и людямъ можно приступить къ его имѣнію. Но большинство статей договора опредѣляютъ штрафы за уголовныя преступленія: за убійство полагается вира въ десять гривень серебра; за посла, заложника (таля) и священника вира удвоется; за несправедливый арестъ и самоуправство виновникъ платить 12 гривенъ старыхъ кунъ, за ударъ оружіемъ или пайкой — 6 гривенъ кунъ. Строго караются преступленія противъ женской чести: за побои, нанесенные замужней женщинѣ или дѣвицѣ, виновный платить ей 40 гривенъ кунъ за безчестье, и столько же гривень штрафа въ пользу князя; если кто сорветъ повязку съ головы женщины (*«повои»*) и она окажется съ открытой головой, *«простоволоса»*, виновный платить за безчестье 6 гривенъ кунъ; даже за оскорблениe холопки положена гривна серебра. Если возникнетъ условная тяжба безъ видимыхъ слѣдовъ преступленія (*«оже тяжа родится без крови»*), то обѣ стороны, обвиняющая и обвиняемая — должны представить свидѣтелей, затѣмъ бросить жеребій, какой сторонѣ принимать присягу: данное подъ присягой показаніе и рѣшаетъ все дѣло. Въ заключеніе замѣтимъ, что количество штрафа, назначаемаго въ договорѣ за преступленія, какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, которое положено за тѣ же преступленія въ Русской Правдѣ; въ этомъ отношеніи справедливо сказано въ лѣтописи, что договоръ Ярослава данъ Варягамъ на всей волѣ новгородской.

ГЛАВА III.

Со второй половины XII вѣка въ прибалтійскій край энергически направляется нѣмецкая колонизація. Въ короткое время по всему юговосточному берегу побережью Балтійского моря разливается нѣмецкая жизнь; отъ Голландіи до Эстляндіи звучитъ нѣмецкая рѣчь, всюду виденъ предпріимчивый нѣмецкій колонистъ. Главный пріютъ этой жизни составляютъ города, выростающіе очень быстро; такъ отъ 1170 по 1250 годъ, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, на пространствѣ приблизительно въ 250 миль, явились слѣдующіе города: Ростокъ, Рига, Стральзундъ, Ревель, Кульмъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Данцигъ, Эльбингъ, Висмаръ, Грейфсвальдъ, Мемель, Перновъ и Кенигсбергъ¹⁾. Находясь при морѣ и устрояя свою внутреннюю жизнь преимущественно по любецкому праву города быстро богатѣли чрезъ свою промышленность и торговлю, служа въ тоже время опорой дѣлу обращенія туземцевъ въ католичество и подчиненія ихъ нѣмецкому господству. И правъ рижскій архіепископъ, который выразился о купцахъ, что послѣ Бога они всего болѣе помогли обращенію къ вѣрѣ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и Пруссіи²⁾. За купцами наибольшую услугу тому же дѣлу оказало духовенство. Лица съ характеромъ болѣе идеальнымъ были одушевлены желаніемъ проповѣди среди язычествующихъ балтійскихъ Славянъ, Литовцевъ, Ливовъ и Эстовъ; нѣкоторые простирали свою ревность и на схизматиковъ Русскихъ, которыхъ также хотѣли привести въ лопо католической церкви. Болѣе практические духовные видѣли впереди основаніе новыхъ епархій и полученіе доходовъ съ новообращенной паствы. Въ помощь рижской каѳедрѣ и для

¹⁾) K. Schlötzer. Die Hansa und der deutsche Ritterorden in Ostseeländer, s. 25—27, 1851.

²⁾) Bunge. LEK Urk. I, № 440: „omnes terrae supradictae maxime post deum ope mercatorum ad fidem catolicam sunt conversae“ (рижскій архіепископъ Іоаннъ въ привилегіи купцамъ 1275 г.).

болѣе вѣрной ея поддержки противъ язычниковъ и схизматиковъ былъ учрежденъ ливонскій орденъ Мечепосцевъ, вскорѣ соединившійся съ орденомъ въ Пруссіи. Наконецъ тоже воинственное стремленіе на востокъ выказываютъ Датчане и Шведы. Такой напоръ цѣлаго тевтонскаго племени требовалъ немалаго напряженія силъ со стороны славянскаго, литовскаго и финскаго племенъ для его отраженія; однако этотъ напоръ вовсе не былъ подавляющимъ, и если бы Новгородъ и Псковъ съ одной стороны и полоцкіе князья съ другой встрѣтили пришельцевъ съ болѣшимъ единодушіемъ, и лучше сумѣли воспользоваться силами финскихъ и литовскихъ племенъ, доведенныхъ до отчаянія наступавшими Нѣмцами, то конечно послѣдніе не успѣли бы утвердиться въ прибалтійскомъ краѣ, и потомъ грозить безопасности русскихъ земель. Но именно этого единодушія со стороны западныхъ русскихъ городовъ и недоставало; напротивъ весьма рано обнаружилась рознь Новгорода и Пскова какъ въ отношеніи Нѣмцевъ, такъ и между собою. Въ 1229 году великий князь Ярославъ Всеволодовичъ собрался въ походъ на Ригу, и уже привелъ полки изъ суздальской земли; но Псковичи, испугавшись силы Ярослава, и нежелая ссориться съ Нѣмцами, которые въ случаѣ размѣрия нападали прежде всего на псковскую волость, поспѣшили заключить миръ съ Ригой, причемъ выговорили себѣ помощь Нѣмцевъ на тотъ случай, если бы великий князь обратилъ свои силы на Псковъ³⁾; затѣмъ послали сказать Ярославу и Новгородцамъ: «кланяемся тебѣ, князь, а къ намъ неходи; мы взяли миръ съ Рижанами, и въ походъ съ вами непойдемъ: ходили вы Колываню и Кеси, взяли серебро, правды цеучинили, а затѣмъ воротились въ Новгородъ, только раздраживши Нѣмцевъ, которые за то избили нашу братью, а иныхъ взяли въ полонъ; если вы и теперь такъ надумали, то мы будемъ противъ васъ со святою Богородицей⁴⁾. Слыша такія рѣчи Новгородъ отказался идти съ Ярославомъ на Ригу, и князь

³⁾ П. С. Р. Л. III, 43: „слышавше Пльсковици, яко приведе Ярославъ полки, убоявшеся того взяша миръ съ Рижаны, Новъгородъ выложивъше, а ркуче: то вы, а то Новгородци, а намъ ненадобе, но оже поидуть на насъ, то вы намъ помозите, и они рекоша: тако буди“.

⁴⁾ Тамже, IV, 178, 1228.

былъ принужденъ распустить свои полки. По указаннымъ причинамъ т. е. изъ боязни быстрыхъ нападеній Нѣмцевъ на свою землю и сомнительности выгоды отъ совмѣстнаго участія съ Новгородцами, Псковичи были расположены соблюдать миръ съ Нѣмцами очень строго, и даже помогали имъ въ походѣ на Литву 1237 года ⁵⁾). Въ послѣдующее время рознь Новгорода и Пскова неоднократно высказывалась весьма рѣзко: Новгородъ далеко на всегда поддерживалъ Псковъ противъ Ордена, особливо когда сталъ замѣчать въ своемъ пригородѣ стремление къ независимости, — и не разъ псковскій лѣтописецъ, повѣствую о нападеніи Нѣмцевъ, горько жалуется, что Новгородцы непомогли Пскову ⁶⁾). Вслѣдствіе того Псковъ начинаетъ ближе держаться князей литовскихъ, что крайне смущаетъ Орденъ; при Гедиминѣ, когда тотъ владѣлъ Полоцкомъ и Витебскомъ, когда подручникомъ ему былъ смоленскій князь Иванъ Александровичъ, когда наконецъ во Псковѣ сидѣлъ литовскій князь Давыдъ, также подручный Гедимину, Орденъ такъ встревожился, что поспѣшилъ вступить съ Новгородомъ въ союзъ, направленный противъ литовского князя и всѣхъ его сторонниковъ, въ томъ числѣ и противъ Пскова. Въ силу этого союза, который обозвали вѣчнымъ (*ewige vorbindige*), Новгородъ и Орденъ обязались помочь другъ другу въ войнѣ противъ Литвы, и незаключать съ нею отдѣльного мира безъ вѣдома другъ друга. «И если — говорилось въ договорѣ — Псковичи не отстанутъ отъ Литовцевъ, то мы, Орденъ, должны помочь Новгородцамъ, и вмѣстѣ съ ними воевать на Псковичей, покуда тѣ непридуть въ подданство Новугороду» ⁷⁾.

⁵⁾ Там же, III, 50, 1237.

⁶⁾ Вотъ два примѣра: „гонци мнози гоняху отъ Пскова къ князю великому Юрю и къ Новугороду со многою печалю и тугою; а въ то время притужно бише вельми Пскову, а князь великій Юри и Новогородцы непомогоша“. П. С. Р. Л. IV, 184, 1323. — Во время нападеній Нѣмцевъ на псковскую и новгородскую область въ началѣ XV вѣка „Новгородцы всего того небрегоша Псковичемъ въ перечину, а Псковичи много челомъ биша Новугороду, а Новогородцы непомогоша Псковичемъ нимало“. Тамъ же, 200, 1409.

⁷⁾ Bunge, LEK. Urk. II, № 68: „were och dat also, dat de Plescowere van den Lettowen nicht laten ne wolden, so scolde wi den Nowgarderen helpen dar to, und orlogen also lange mit den Nowgarderen und

При Витовтѣ отношенія по видимому измѣняются: сохранился договоръ литовскихъ князей съ Орденомъ, по которому они отказывались отъ всѣхъ завоеваній, какія сдѣлаетъ Орденъ въ псковской землѣ одинъ или съ помощью Литовцевъ⁸⁾. Но едва ли можно вѣрить искренности этого договора; по всей вѣроятности хитрый Витовтъ давалъ Ордену волю воевать Псковъ только для того, чтобы удобнѣе потомъ отнять это завоеваніе въ свою пользу; да и сами Псковичи въ крайнемъ случаѣ скорѣе признали бы власть литовского князя, чѣмъ нѣмецкаго Ордена. Къ розни политической и церковной, разъединившей Новгородъ и Псковъ и ослаблявшей ихъ силы, нужно прибавить ихъ торговое соперничество. Ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ договоровъ Новгорода съ Ганзой нѣть упоминанія о Псковѣ, — явный знакъ, что пригородъ Псковъ торговалъ и договаривался съ Нѣмцами на собственной волѣ гораздо раньше того времени, когда Новгородъ призналъ Псковъ своимъ младшимъ братомъ. Мы видѣли, какъ въ 1229 году Псковичи въ договорѣ съ Ригой «выложили» Новгородцевъ; съ своей стороны Новгородцы при заключеніи договора съ Ганзой въ 1392 году «вымирили» Псковичей⁹⁾. Правда послы псковскіе иногда бываютъ въ Новгородѣ по дѣламъ нѣмецкой торговли, а Новгородцы иногда принимаютъ посредничество для примиренія Пскова съ Нѣмцами; но это посредничество обыкновенно было мало успѣшно. Въ 1436 году Псковичи аресто-

se mit uns up de Pleschowere bet se den Nowgarderen underdanich werden“. — Договоръ заключенъ въ Генварѣ 1323 года при владыкѣ Давыдѣ, посаднике Варѳоломеѣ и тысяцкомъ Абрамѣ.

⁸⁾ Рус. Лив. А. № 138: „terrae et dominia Rutenorum de Plescow qualitercunque per nos, siue per ipsum Ordinem, conjunctim aut divisim acquisitae fuerint, aut alias qualitercunque devenerint solus Ordo easdem perpetuo obtineat impediemus“ (Свитригайло договаривается съ Орденомъ въ 1402 году по примѣру Витовта).

⁹⁾ П. С. Р. Л. IV, 194: „прѣѣхаша послы нѣмецкіе въ великій Новгородъ миру имати съ Новымгородомъ великимъ, и взяху Новгородцы миръ съ Нѣмци, а Псковичъ вымирили вонъ, и взяху Псковичи миръ особѣ“. Въ договорѣ Новгорода съ Орденомъ 1482 года установлено: „а во псковскомъ дѣлѣ послы и гости непорубати новгородскаго Нѣмцомъ, а въ новгородскомъ дѣлѣ послы и гости непорубати псковскаго“. Сборникъ Муханова, № 27 (изд. 2, 1866). Такое условіе ставили конечно еще раньше.

вали у себя ганзейскихъ купцовъ въ количествѣ 24-хъ лицъ; въ то время какъ въ Новгородъ лѣтомъ того года жили ганзейскіе послы и вели тамъ переговоры о разныхъ дѣлахъ, туда же прибыли псковскіе послы, — посадникъ Юрій самъ четвертъ. Посадникъ началъ жаловаться новгородскимъ и ганзейскимъ уполномоченнымъ, что псковскіе купцы были ограблены въ области дерптскаго епископа, посажены подъ арестъ и побиты; ганзейскіе послы отвѣчали, что это дѣло до нихъ некасается, такъ какъ они не имѣютъ ни какихъ приказаний отъ дерптскаго епископа, присланы въ Новгородъ не отъ него и не для такого дѣла, впрочемъ спросили съ своей стороны: а по какой причинѣ Псковичи схватили нѣмецкихъ гостей и держать ихъ въ тяжкомъ заключеніи? Посадникъ отвѣчалъ: по той причинѣ, что псковскіе купцы были побиты, взяты въ плѣнъ и ограблены въ землѣ дерптскаго епископа, на что Нѣмцы по прежнему возражали, что имъ нѣть дѣла до дерптскаго епископа. Спустя недѣлю послѣ этого препирательства ганзейскіе послы начали просить Новгородъ о примиреніи ихъ со Псковомъ: «тогда мы стали — пишутъ послы въ своеемъ отчетѣ — говорить Новгородцамъ о Псковичахъ, которыхъ они считаютъ своими младшими братьями¹⁰⁾, чтобы уговорили ихъ освободить нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ вопреки божеской правдѣ и крестоцѣлованію они схватили съ товарами и держать въ плѣну». Новгородъ согласился, и около петрова дня отправилъ своихъ пословъ во Псковъ переговорить по дѣлу Нѣмцевъ; но спустя двѣ недѣли посольство воротилось безъ успѣха: ибо Псковичи неприняли благословенія владыки и новгородскаго слова, и Нѣмцевъ не освободили¹¹⁾. До какой степени доходило торговое соперничество между Новгородомъ и Псковомъ видно напримѣръ изъ слѣдующаго обстоятельства: въ одномъ письмѣ отъ начала XV вѣка Новгородъ зоветъ къ себѣ ревельскихъ

¹⁰⁾ Любопытно, что Нѣмцы усвоили себѣ это русское понятіе: „spreke wy als van den Plescauweren, de se vor ore jongesten brodere heilenden“ Ropp, Hansereccesse, s. 517.

¹¹⁾ Ibid. s. 518: „also were Naugarden bode wedder kommen unde de Plescauwer, ore jongeste brodere, wolden des ertzebisscopes van Naugarden zegeninghe unde groten Nougarden woert nicht nomen, so dat se Dutzschen loesleten“.

купцовъ, прося ихъ ѿхать прямо въ Новгородъ, а не на Псковъ: «а гостю братии вашеи хто поѣдетъ въ великій Новгородъ и вы имъ велите ѿхати новгородскимъ путемъ, а на Псковъ имъ пути нѣтъ»¹²⁾. Конечно Нѣмцы понимали это соперничество, и умѣли имъ пользоваться къ своей выгодѣ. Ко всему этому нужно присоединить разладъ и борьбу партій внутри Новгорода и Пскова, доходившую до того, что вожаки партій вступали въ дружбу съ Нѣмцами, чтобы доставить перевѣсъ себѣ и своей партіи, какъ поступилъ напримѣръ Твердило Иванковичъ, измѣннически предавшій Псковъ Нѣмцамъ въ 1240 году¹³⁾. Вообще у вождей партій незамѣтно ни прочно опредѣленной политики по отношенію къ Нѣмцамъ, ни предусмотрительности: за близорукость ихъ достаточно говорить то обстоятельство, что они находили возможнымъ вступать въ союзы съ Орденомъ, направленные противъ своихъ же братьевъ. Конечно великій князь могъ бы примирить партіи и соединить всѣ силы Новгорода и Пскова противъ ихъ враговъ, какъ это было напримѣръ при Александрѣ Невскомъ; но власть великаго князя въ этихъ городахъ была сильно ограничена; въ частности чтобы недать князю усиливаться во время войны опираясь на военную партію, Новгородъ лишаетъ его права начинать войну: «а безъ новгородского ти слова, княже войны незамышляти»¹⁴⁾. Взять все это въ соображеніе мы поймемъ, какъ Нѣмцы могли утвердиться въ прибалтійскомъ краѣ, несмотря притомъ на внутренній разладъ, обнаружившійся въ ихъ собственной средѣ. Съ первыхъ же поръ духовенство Лифляндіи вступило въ ожесточенную вражду съ Орденомъ изъ-за полученія доходовъ съ новообращенныхъ туземцевъ, вообще изъ-за верховнаго надъ ними вліянія; съ другой стороны Орденъ подъ предлогомъ распространенія вѣры старался увеличить свои владѣнія чрезъ постоянныя войны съ язычниками и схизматиками, что существенно препятствовало какъ проповѣди ка-

¹²⁾ По одной рукоп. Румянцев. музея эти слова приводитъ г. Аристовъ, Промышл. др. Руси, стр. 201.

¹³⁾ П. С. Р. Л. IV, 179, 1240: „бяху перевѣтъ держали съ Нѣмци Плесковичи, подвелъ Твердила Иванковичъ съ инѣми, а самъ нача владѣти Псковомъ съ Нѣмцы, воюя села Новгородскія“.

¹⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Догов. I, № 8.

толической, такъ равно и мирной торговлѣ горожанъ; кроме того рыцари требовали у городовъ людей и денегъ на ведение войны, вообще старались и надъ ними распространить свою власть. Между самими городами существовала большая рознь: такъ и Рига и лифляндскіе города стремились присвоить въ свое вѣденіе торговлю по западной Двинѣ, и вытѣснить оттуда ганзейскихъ купцовъ, въ тоже время домогаясь увеличить свое вліяніе на дѣла новгородской конторы. Такимъ образомъ также рознь интересовъ, тоже стремленіе вступать въ отдѣльные договоры, заключать отдѣльные миры, «sunderliche vriede» постоянно существуютъ и среди Нѣмцевъ, хотя эта рознь между ними значительно меньше, чѣмъ Русскими; по крайней мѣрѣ противъ Новгорода и Пскова они дѣйствовали съ гораздо большимъ согласіемъ, чѣмъ тѣ противъ нихъ.

При такомъ положеніи дѣль торговыя сношенія Новгорода съ Ганзой становились чрезвычайно усложненными, — и для обѣихъ сторонъ нужно было не мало времени и хлопотъ, чтобы согласить всѣ частные интересы. Лифляндскіе Нѣмцы хотѣли собственныхъ выгодъ въ ущербъ общей Ганзы; съ другой стороны у Русскихъ выходили постоянныя столкновенія съ Орденомъ и лифляндскими городами, которые весьма невыгодно отзывались на ганзейскихъ купцахъ въ Новгородѣ. А тутъ Данія и Швеція хотѣли преслѣдовать относительно Русскихъ свои особенные виды: Швеція не только хотѣла овладѣть землей Еми и Кореловъ въ Финляндіи, но и претендовала на главный торговый путь Новгорода и Ганзы, т. е. на берега Невы и Финского залива, что для торгующихъ сторонъ создавало новые затрудненія и хлопоты. Чтобы осмотрѣться среди этихъ сложныхъ отношеній считаемъ удобнымъ разсмотрѣть порознь: во первыхъ торговлю Риги и лифляндскихъ городовъ въ области западной Двины, верхняго Днѣпра и въ Новгородѣ; во вторыхъ разсмотрѣть, какое вліяніе на ходъ русско-ганзейской торговли оказывали Орденъ, Данія и Швеція.

Съ половины XII вѣка готландскіе купцы начали посѣщать устье западной Двины, какъ показываетъ древняя ливонская хроника. Съ купцами стали прѣѣзжать и проповѣдники католической вѣры; первымъ былъ августинскій монахъ Мейнгардъ, построившій съ позволенія князя полоц-

каго церковь и замокъ въ Иескулѣ; въ 1188 году онъ былъ уже епископомъ небольшой паствы въ Иескулѣ. Его преемникъ епископъ Бертольдъ палъ въ сраженіи съ Ливами, нехотѣвшими принимать новой вѣры. Но третій епископъ Альбертъ, одинъ изъ знаменитыхъ людей своего вѣка, повелъ дѣло обращенія туземцевъ въ католичество съ чрезвычайной энергией; получая отъ папы полномочіе проповѣдывать крестовый походъ въ Ливонію, онъ почти ежегодно былъ въ Германіи, и каждый разъ возвращался оттуда съ многочисленными пилигриммами. Строились замки и церкви; туземцевъ крестили и облагали оброкомъ. Специально въ подмогу церкви былъ учрежденъ въ 1201 году военно-монашескій орденъ Мечносцевъ; въ томъ же году было положено основаніе городу Ригѣ, причемъ основатель принялъ во вниманіе удобство мѣстности для торговой пристани¹⁵⁾. Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ епископа Дитрихъ, впослѣдствіи цистерціанскій аббатъ, еще до заложенія Риги хлопоталъ передъ папой о запрещеніи купцамъѣздить мимо новаго города къ устью рѣки Аа (*Semigall-Aa*); запрещеніе клонилось къ той цѣли, чтобы сдѣлать изъ Риги принудительный рынокъ. Общее нѣмецкое купечество на Готландѣ подтвердило это распоряженіе, и само оказывало содѣйствіе при построеніи новаго города. Такое участіе готландскаго купечества въ этомъ дѣлѣ наводитъ на мысль, что оно и прежде обращало вниманіе на торговлю при устьѣ Даины, и что бременскіе купцыѣздили туда съ вѣдома всего купечества, потому что они сами составляли часть этого купечества, какъ это видно изъ смоленского договора 1229 года. Важно и то обстоятельство, что епископъ Альбертъ пожаловалъ Ригѣ готландское право, и та съ первыхъ же поръ стала выбирать себѣ особенного фогта. Въ 1211 году епископъ далъ готландскому купечеству слѣдующую важную привилегію: всѣ купцы, особенно готландскіе — говоритъ онъ — плаваютъ по Даинѣ безпошлино; всѣ гавани Лифляндіи считаются вольными; ни одинъ рижскій гражданинъ, или нѣмецкій купецъ

¹⁵⁾ *Scriptores rerum Livonicarum I*, B. 1, 1853, s. 74: „eadem estate in campo spatiose, juxta quem portus navium esse poterat, Riga civitas aedificatur“.

не обязанъ носить горячаго желѣза, или вступать по принужденію на судебній поединокъ; имущество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе никто не смѣеть отнимать у нихъ; убийца можетъ откупиться за свое преступленіе сорока марками серебра¹⁶⁾). Въ 1226 году въ Ригѣ былъ учрежденъ городской ратъ,—знакъ, что община, спустя четверть вѣка послѣ своего основанія, достигла уже значительной степени развитія. Изъ этого новаго города и начались живыя торговыя сношенія съ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ.

Первые свѣдѣнія о торговлѣ рижскихъ Нѣмцевъ съ Русскими сообщаются въ хроникѣ Генриха Лотыша; по его словамъ, еще до основанія Риги нѣмецкіе купцы однаждыѣхали отъ устья Двины во Псковъ по зимнему пути, но около Юрьева были ограблены Унгавніями, однимъ эстонскимъ племенемъ¹⁷⁾). Въ годъ основанія Риги одинъ купецъ спускался внизъ по Двинѣ, намѣреваясь проплыть мимо Риги, но тутъ былъ задержанъ рижскими Нѣмцами, и въ произошедшей скорѣ убитъ вмѣстѣ съ кормчимъ, послѣ чего остальные люди на суднѣ принуждены были воротиться обратно¹⁸⁾). Вообще въ то время, при всеобщемъ восстаніи Ливовъ, Эстовъ и Лотышей, и при враждѣ, какую съ первого раза Русскіе оказали къ Нѣмцамъ, нелегко было вести торговлю. «Въ то время—говорить Генрихъ Лотышъ—церковь ливонская находилась въ угнетеніи отъ русскихъ и литовскихъ племенъ, которыя намѣревались ее уничтожить; а посему Рижане опредѣлили послать къ князю полоцкому освѣдомиться, нельзя ли будетъ заключить миръ на какихъ нибудь условіяхъ; для сего былъ посланъ Рудольфъ Эрихъ съ нѣсколькими другими лицами». Но такъ какъ это посольство недостигло Полоцка—ибо на пути было вовлечено въ битву съ Эстами у Вендена—«то посланъ былъ Арнольдъ, братъ воинства Христова (рыцарь) къ князю полоцкому для того,

¹⁶⁾ *Bunge, LEK. Urk. I, № 20.*—Въ 1225 году епископъ также говорилъ о себѣ папскому легату: „consessit civibus in genere jus Gotorum, et specialiter libertatem a duello, teloneo, candente ferro et naufragio. Ibidem. № 75.

¹⁷⁾ *Script. rer. Livon. I, B. 1, S. 118.*

¹⁸⁾ *Ibid. S. 74.*—Очень вѣроятно, что это былъ русскій купецъ изъ Полоцка: *Bonnel, Rus. Livländ. Chronographie, Commentar. S. 45.*

чтобы этотъ послѣдній заключилъ миръ и открылъ рижскимъ купцамъ свободный путь въ свою землю. Князь принялъ ихъ ласково, хотя не безъ тайного коварства; вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ Лудольфа изъ Смоленска, мужа благороднаго и весьма богатаго; всѣ вмѣстѣ они пришли въ Ригу, и изложили условія князя, которыя понравились Рижанамъ; тогда между княземъ и Ригой былъ заключенъ вѣчный миръ, но съ тѣмъ условіемъ, что Ливы, или вмѣсто нихъ епископъ должны давать дань князю полоцкому; и всѣ возрадовались, тѣмъ болѣе, что теперь стало возможно воевать съ Эстами и другими соседними племенами»¹⁹⁾. Въ этомъ первомъ торговомъ договорѣ Русскихъ съ Ригой 1210 года по всей вѣроятности участвовалъ и Витебскъ, судя по его всегдашней близкой связи съ Полоцкомъ, а также и Смоленскъ; на участіе послѣдняго указываетъ упомянутый выше нѣмецкій купецъ Лудольфъ изъ Смоленска, который, судя по его прозванію, часто бывалъ въ Смоленскѣ по дѣламъ торговли²⁰⁾. Вѣроятно онъ получилъ полномочіе для заключенія договора отъ князя Мстислава Романовича, княжившаго въ то время въ Смоленскѣ (1197—1212 г.). Что Нѣмцы въ его княженіе уже торговали въ Смоленскѣ, видно изъ договора, заключеннаго съ Нѣмцами его сыномъ, неизвѣстнымъ по имени смоленскимъ княземъ около половины XIII вѣка, въ которомъ этотъ князь ссылается на порядки, существовавшіе при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ²¹⁾. Чрезъ два года по заключеніи договора полоцкій князь назначилъ рижскому епископу свиданіе близъ Герцике; по словамъ Генриха Лотыша, описавшаго это свиданіе съ живыми подробностями, полоцкій князь Владимиръ началъ убѣждать и грозить епископу, чтобы онъ отсталъ отъ прооповѣди и крещенія Ливовъ, его подданныхъ, которыхъ онъ, князь, воленъ крестить, или оставить вовсе некрещеными: ибо — замѣчаетъ лѣтописецъ — русскіе князья неимѣютъ обычая обра-

¹⁹⁾ Scriptor. rer. Livon. I, B. 1, 144—146.

²⁰⁾ Это соображеніе принадлежитъ г. Кунику: Рус. Лив. А. стр. 405.

²¹⁾ Рус. Лив. А. стр. 452: „како то было при моемъ отци, при Мстиславѣ при Романовичѣ“.

щать къ христіанской вѣрѣ покоренныхъ язычниковъ, а только собираютъ съ нихъ дань. На это епископъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отказаться отъ предпріятія, возложенаго на него св. отцомъ папой; Владіміръ разсердился,—и дѣло едва недошло до столкновенія людей, бывшихъ въ свитѣ князя и епископа. Но потомъ помирились на слѣдующихъ условіяхъ: князь полоцкій отказался отъ своихъ верховныхъ правъ на Ливонію, а противъ Литовцевъ и другихъ язычниковъ заключилъ съ епископомъ союзъ; что касается купцовъ, то по прежнему Двина объявлена свободною для ихъ плаваній. Почему князь полоцкій отказался отъ Ливоніи, Генрихъ необъясняетъ: быть можетъ князь находилъ труднымъ сопротивляться могуществу епископа, все больше возраставшему: а быть можетъ и ливонскій лѣтописецъ чего нибудь не договариваетъ, преувеличивая подвиги своего обожаемаго епископа ²²⁾). Въ 1216 году Владіміръ снова разсorился съ Ригой; побуждаемый Эстами онъ собралъ большое войско изъ Полочанъ и Литвы, и хотѣлъ уже плыть для осады Риги, но входя на корабль нечаянно умеръ, въ чемъ ливонскій лѣтописецъ усматриваетъ для него небесную кару ²³⁾). Какъ видно несогласія Русскихъ съ Нѣмцами продолжались съ тѣхъ поръ вплоть до времени калкской битвы; въ ливонской хроникѣ вслѣдь за описаніемъ этой битвы говорится: «князь смоленскій, полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возстановленъ по всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна» ²⁴⁾). Долго ли сохранялся этотъ миръ, и долго ли шла безпрепятственно торговля съ Полоцкомъ и Смоленскомъ, неизвѣстно; вѣрно только, что договору 1229 года предшествовало «розлобье», которое и было устранино этимъ знаменитымъ договоромъ.

Основатель Риги и ливонского ордена епископъ Альбертъ умеръ 17 Генваря 1229 года ²⁵⁾). Вскорѣ послѣ его смерти, частію быть можетъ вслѣдствіе ея, между Смоленскомъ и Ригой начались мирные переговоры: смоленскій князь Мстиславъ

²²⁾ Scriptor. rer. Liv. I, B. 166—168.

²³⁾ Ibid. 198.

²⁴⁾ Ibid. 266.

²⁵⁾ Bonnel. Rus. Livl. Chronogr. Comment. S. 66.

Давыдовичъ²⁶⁾ отправилъ въ Ригу своего «лучшаго попа» Еремѣя и умна мужа Пантелей, сотекаго Смоленска, для заключенія торгового договора; посредничество въ этомъ дѣлѣ приняли на себя рыцарь Раульфъ изъ Касселя и нѣмецкій купецъ Тумашъ смоленскій. Изъ Риги посольство отправилось на Готландъ для совѣщанія съ общимъ нѣмецкимъ купечествомъ, гдѣ и была составлена первоначальная редакція договорной грамоты; по возвращеніи въ Ригу написали другую окончательную редакцію договора, который былъ утвержденъ печатью всего купечества изъ слѣдующихъ городовъ: Визби, Любека, Сеста, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда, Бремена и Риги. Съ русской стороны кромѣ Смоленска въ договоръ также включены Полоцкъ и Витебскъ²⁷⁾. По своей подробности и по важности внутренняго содержанія смоленскій договоръ 1229 года, или „мстиславова правда“ есть важнѣйшій между всѣми древне-русскими памятниками этого рода. Договоръ начинается изложеніемъ уголовныхъ преступленій и штрафовъ, которыми можно было за нихъ откупаться: за убійство свободного человѣка платится вира въ 10 гривень серебра, или сорокъ гривенъ кунами, пѣнзяями, т. е. чеканною монетою, которая вѣроятно приходила въ Смоленскъ путемъ нѣмецкой торговли; за убійство холопа полагается одна гривна серебра, а за ударъ ему—одна гривна кунъ; за членовредительство, напр. переломъ руки или выбитье глаза платится пять гривенъ серебра; за выбитый зубъ три гривны серебра, за ударъ палкой до кровавыхъ или синихъ пятенъ, и за раны безъувѣчья платится полторы гривны серебра; за

²⁶⁾ У Давыда Ростиславича Смоленского было два сына Мстислава: старшій по просьбѣ Новгородцевъ сталъ ихъ княземъ съ 1184 года, но чрезъ три года былъ изгнанъ ими (П. С. Р. Л. III, 18—19). Младшій Мстистлавъ-Ѳедоръ родился въ 1193 г. заключилъ договоръ съ Нѣмцами въ 1229 г. и умеръ въ 1230 году (П. С. Р. Л. II, 143; IV, 29). Новгородскимъ княземъ онъ никогда не былъ; поэтому соображеніе *Rizengamfa* (d. deut. Hof zu Nowgor. S. 66), будто Мстиславъ Давыдовичъ, бывши въ Новгородѣ узналъ выгоды нѣмецкой торговли, и потомъ пожелалъ завести контору въ Смоленскѣ, становится неумѣстнымъ.

²⁷⁾ Семь договорныхъ грамотъ по двумъ редакціямъ — готландской и рижской — отлично изданы г. *Куникомъ* въ Русск. Лив. Ак. Прилож. I. Тексту предпослано весьма обстоятельное историко-критическое введеніе и описание всѣхъ грамотъ.

ударъ по уху, за дранье волосъ и за легкій ударъ палкой— три четверти гривны серебра; за убійство посла и священника и за оскорблениe имъ во всѣхъ этихъ случаяхъ полагается двойной штрафъ. Этотъ подробный анализъ преступленій едвали былъ сдѣланъ заранѣе и *a priori*; скорѣе онъ указываетъ, что преступленія подобнаго рода въ дѣйствительности нерѣдко случались между пріѣзжими Нѣмцами и Смоленянами. За насилие свободной женщинѣ виновникъ платить десять гривень серебра; за насилие рабѣ, засвидѣтельствованное послухами, или женщинѣ, уже извѣстной легкостью поведенія, платится одна гривна серебра²⁸⁾. Лице, обвиняемое въ важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, нельзя вызывать противъ его воли на судъ Божій, а именно на испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и судебный поединокъ; но поединки между самими иностранцами на чужой землѣ, напр. между Нѣмцами въ Смоленскѣ, стоять внѣ вѣденія мѣстной власти. О должникахъ и взысканіи долговъ договоръ содержитъ слѣдующія постановленія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя держать должника подъ тяжкимъ арестомъ въ дыбѣ или погребѣ; но его можно посадить въ желѣза, если за него не будетъ поручителей; при взысканіи долговъ иностранный кредиторъ преимуществуетъ предъ туземнымъ и даже предъ самимъ княземъ: иностранецъ удовлетворяется прежде всѣхъ. Наслѣдникъ должника платить его долгъ. На судѣ должно доказывать свой искъ двумя свидѣтелями, землякомъ и чужестранцемъ; за самовольный и несправедливый арестъ должника или предполагаемаго преступника виновникъ платить три гривны. При взысканіи долга бываетъ слѣдующій порядокъ: кредиторъ извѣщаетъ о своихъ требованіяхъ власть, которая предварительно побуждаетъ должника къ расплатѣ; если это не подѣстествуетъ, то она должна дать пристава на должника; если приставъ не вытребуетъ долга впродолженіе недѣли, должникъ обязанъ представить за себя

²⁸⁾ Въ преступленія подобнаго рода купцы впадали очень естественно; ониѣ ъздили въ чужестраннія конторы безъ женъ; браки же между купцами и туземными женщинами были строго запрещены. *Сарторій* (Gesch. des hans. Bund. II, S. 353) объ этомъ предметѣ замѣчаетъ: Ганза, какъ и папа, хорошо сознавала, что брачные связи съ туземными женщинами тотчасъ же бы выдали всѣ купеческія тайны. Впрочемъ на Руси онъ были совсѣмъ невозможны по разности вѣровѣданія,

поруку; въ случаѣ отсутствія таковой кредиторъ имѣть право взять должника къ себѣ на домъ, вѣроятно для заработка долга личнымъ трудомъ и услуженіемъ; кромѣ того онъ могъ посадить несостоятельного должника въ желѣза, или наконецъ обратить его въ холопство; но изъ холопства его имѣютъ право выкупить отдѣльные лица или вся община²⁹⁾). Но чтобы избѣжать вмѣшательства толпы въ видахъ отмщенія за земляка и насильственного захвата товаровъ, постановляется общее правило: при всѣхъ денежныхъ и торговыхъ тяжбахъ истецъ долженъ знать только истца. Другіе торговые порядки опредѣляются въ договорѣ слѣдующимъ образомъ. Прибывши на волокъ, находящійся между западной Двиной и Днѣпромъ, нѣмецкіе купцы должны уведомить о себѣ волоцкаго тіуна, а тотъ обязанъ немедленно послать артель волочанъ для перевозки Нѣмцевъ съ ихъ товарами и для сбереженія ихъ на пути отъ нападеній «погани», вѣроятно разбойничихъ литовскихъ шаекъ. Если одновременно съ Нѣмцами на волокъ приѣдутъ смоленскіе купцы, то нужно рѣшать жеребьемъ, кого везти впереди; гости изъ другихъ русскихъ городовъ во всякомъ случаѣ перевозятся послѣ. Взявши товаръ волочане всѣ вмѣстѣ отвѣчаютъ за его пропажу на пути; предварительно нагрузки товаровъ на «кола» (телѣги) ихъ взвѣшиваются на особенныхъ вѣсахъ, данныхъ Нѣмцами; если эти вѣсы попортятся, ихъ нужно повѣрять другими, находящимися въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ. По приѣздѣ въ Смоленскъ нѣмецкіе купцы даютъ княгинѣ «поставъ частины» (полотна), а волоцкому тіуну — готскія перчатки въ награду за его хлопоты³⁰⁾). Какъ вознаграждались сами волочане въ договорѣ несказано: судя потому что волочане находятся подъ вѣденіемъ особенного княжескаго тіуна можно думать, что вся организація дѣла перевозки принадлежала князю, что поэтому онъ самъ или его тіунъ производили расчетъ волочанамъ.

²⁹⁾ Рус. Лив. А. стр. 430: „аже Смолняне не дадуть ему (кредитору надъ должникомъ) воле, Смолняномъ самимъ платити долгъ тъ“ (текстъ С.).

³⁰⁾ „Рукавицъ пырстаты ютыськие“. Выраженіе „рукавицы перстаты“ постепенно сократилось въ „перстатки, перчатки. А такъ какъ вмѣсто „готскія“ въ Новгородѣ и Смоленскѣ говорилось еще „варяжскія“, то съ другой стороны выраженіе „рукавицы варяжскія“ могло сократиться въ „варяжски, вѣреи“.

Были ли они жители волока, какъ думаетъ Карамзинъ³¹⁾, или они прѣѣзжали изъ Смоленска на волокъ къ известному сроку по приказу тіуна, изъ грамоты невидно; во всякомъ случаѣ вѣрно, что они составляли изъ себя артель съ круговою по-рукой. Въ другихъ смоленскихъ договорахъ о волочанахъ уже неупоминается, а въ одной грамотѣ около 1300 года указывается, что для проѣзда отъ Витебска до Смоленска Нѣмцы нанимали иногда людей витебскаго князя, которые провожали ихъ чрезъ Двину и Касплю, потомъ волокомъ до Диѣира³²⁾. Бывало и такъ, что нѣмецкіе купцы запасались проводниками въ самой Ригѣ: такъ въ 1213 году магистръ Ордена Фольквишъ провожалъ купцовъ вверхъ по Двинѣ, причемъ натолкнулся на толпу Литовцевъ, которыхъ и разсѣялъ³³⁾. Даѣе о торговлѣ договоръ мстиславовъ содержитъ слѣдующія постановленія. Иностранные купцы могутъ свободно торговать всякаго рода товарами, Нѣмцы въ Смоленскѣ, а Русскіе — въ Ригѣ, Визби и Любекѣ. Купленные Нѣмцами въ Смоленскѣ дворы съ принадлежащею къ нимъ землею (дворищами), а равно земля, находящаяся около нѣмецкой церкви (св. Маріи, какъ и на Готландѣ) должны состоять въ полномъ распоряженіи Нѣмцевъ, и князь смоленскій не можетъ ставить въ нихъ татарскихъ или иныхъ пословъ³⁴⁾. Главный предметъ закупки Нѣмцевъ въ Смоленскѣ былъ воскъ; торговые вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшивался — такъ называемый воцній пудъ или капъ — должны были повѣряться образцовыми вѣсами, находившимися въ православной и католической церквяхъ. Нѣмцы могутъ свободно отѣѣзжать изъ Смоленска въ другіе города безъ платы проѣзжихъ пошлинъ (мыта), но торговыя пошлины они платятъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ двухъ капій воску — одну куну, за купленную гривну золота — одну ногату, за серебро въ издѣліяхъ — одну куну, а за гривну серебра въ слиткѣ — только двѣ вѣкши; за переплавку

³¹⁾ Ист. Г. Р. III, стр. 128.

³²⁾ Рѣчка Каспля впадаетъ въ Двину нѣсколько выше Витебска; въ XIII вѣкѣ по ней плавали въ учанахъ, судахъ большого типа. Рус. Лив. А. стр. 27.

³³⁾ Script. rer. Liv. I, B. 1, s. 178.

³⁴⁾ Приписка о дворахъ находится при двухъ грамотахъ мстиславова договора по рижской редакціи, и вѣроятно сдѣлана около половины XIII вѣка, когда и Смоленскъ подпалъ подъ татарскую власть.

серебра платилась куна съ гривны ³⁵⁾; но если Нѣмцы про-
даютъ золото и серебро въ Смоленскъ, то они вовсе не пла-
тятъ вѣсовыхъ пошлинъ. Этѣ данныя объ обращеніи въ смо-
ленской торговлѣ золота, серебра и серебряныхъ издѣлій до-
казываютъ, что тамошняя торговля была довольно обширна, и
далеко уже немѣновая; видно, что Смоленскъ, находясь между
Новгородомъ и Киевомъ, на такомъ важномъ пути, какъ Днѣпръ,
былъ значительнымъ по богатству и населенности городомъ;
о населенности Смоленска свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что
въ 1230—1231 г. въ немъ умерло отъ моровой язвы 32
тысячи жителей,—цифра весьма значительная, если даже пред-
положить, что нѣкоторая часть умершихъ относится не къ
одному городу, а и къ ближайшей его окрестности ³⁶⁾). Какъ
въ срединномъ пункѣ между сѣверною и южною Русью въ
Смоленскѣ обращались предметы торговли кievskої и новго-
родской; любопытное извѣстіе по этому предмету даетъ лѣто-
пись при описаніи свиданія между великимъ княземъ кіевскимъ
Изяславомъ Мстиславичемъ и братомъ его Ростиславомъ смо-
ленскимъ, причемъ они обмѣнялись другъ съ другомъ подар-
ками: «Изяславъ да дары, что отъ рускии землѣ и отъ всихъ
царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары, что отъ верхнихъ
земль и отъ Варягъ», т. е. новгородскихъ и заморскихъ ³⁷⁾).
Есть указаніе, что смоленскіе купцы проникали и въ суздаль-
скую землю: такъ въ 1216 году Ярославъ Всеволодовичъ, потер-
пѣвъ пораженіе подъ Юрьевомъ, прибѣжалъ въ Переяславль
и съ досады захватилъ новгородскихъ и смоленскихъ гостей,
послѣднихъ въ числѣ 15 человѣкъ, и посадилъ ихъ въ пог-
ребъ ³⁸⁾). Наконецъ по Двинѣ чрезъ Витебскъ и Полоцкъ
Смоленяне производили торговлю съ Нѣмцами, которая не-
сомнѣнно для нихъ была очень важна, и которая длилась
хотя и съ перерывами во все продолженіе XIII—XV вѣковъ,
причемъ обѣ стороны — Смоленскъ и Рига — старались при-
держиваться знаменитой мстиславской правды 1229 года. Такъ

³⁵⁾ Смоленская гривна серебра = 4 грив. кунъ = 80 ногатамъ =
200 кунамъ = 1920 вѣкшамъ. Прозоровскій, монета и вѣсь въ древ-
ней Россіи (Зап. Археол. общ. кн. XII).

³⁶⁾ П. С. Р. Л. IV, 29.

³⁷⁾ Тамже, II, 39, 1148.

³⁸⁾ Тамже, IV, 25, 1216.

около половины XIII ст. договоръ Мстислава съ Нѣмцами былъ подтвержденъ неизвѣстнымъ по имени смоленскимъ княземъ, сыномъ Мстислава Романовича ³⁹⁾). Въ существенныхъ чертахъ этотъ возобновленный договоръ сходень съ правою 1229 года, но редакція его статей отличается особенной ясностью; нѣкоторыя изъ нихъ выражены какъ будто съ намекомъ, что именно онъ были нарушены, что изъ-за нихъ и нужно было возобновить договоръ. Такъ въ самомъ началѣ грамоты говорится, что мѣста на корабляхъ должны быть вольные для Смолѣннина и Нѣмца: какъ видно Нѣмцы невсегда охотно брали Русскихъ на свои суда, или взявши оказывали имъ на пути разныя притѣсненія; въ концѣ внесена статья, установляющая штрафъ за вырванье бороды боярину или куноемцу (тіуну), по всей вѣроятности вызванная какимъ нибудь недавнимъ случаемъ въ этомъ родѣ. Две новые статьи особенно любопытны; по одной князь выговариваетъ себѣ право вѣдѣть отѣзду гостей въ другія земли, какъ это бывало при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ и братѣ Мстиславѣ: «о немъ (отѣздѣ) ся прошати, а мнѣ є по думѣ пущати»; это право станетъ понятно при томъ предположеніи, что князь обѣщался давать Нѣмцамъ проводниковъ на волокъ и въ сосѣднія княжества. Въ концѣ грамоты князь Мстиславичъ дѣлаетъ оговорку, что онъ не будетъ разбирать ссоръ между Нѣмцами и людьми того князя, который бы вѣхалъ въ Смоленскъ, а также ссоръ Нѣмцевъ съ гостями изъ другихъ русскихъ городовъ ⁴⁰⁾). Что это за князь, который бы могъ вѣхатъ въ Смоленскъ, имѣется ли тутъ въ виду обыкновенное посѣщеніе смоленского князя какимъ нибудь его родственникомъ или со-сѣдомъ, или враждебное нападеніе кого нибудь на Смоленскъ и временный его захватъ, сказать не легко: быть можетъ неуказывается ли здѣсь на раздѣленіе Смоленска между нѣсколькими князьями, изъ коихъ каждый «держалъ тіуна на своей части» и бралъ доходы каждый со своей трети? Что Смоленскъ подобно Москвѣ, Твери и Рязани былъ дѣлимъ князь-

³⁹⁾ Рус. Лив. А. стр. 451—453, Прилож. II.

⁴⁰⁾ Рус. Лив. А. стр. 453: „аже вѣдеть братъ мои которыи въ Смолѣнскъ, а учинится вамъ свада съ ихъ мужьми, вамъ ся вѣдати съ ними самѣмъ; или гость ис которое земле придетъ въ мои Смолѣнскъ, а будѣть вы съ нимъ свада, а вѣдайте ся съ ними сами“.

ями на части, на это указываетъ прямо лѣтопись подъ 1054 годомъ: «по семъ—говоритъ она о братьяхъ Ярославичахъ—раздѣлиша Смоленскъ на три части ⁴¹⁾; въ такомъ случаѣ дѣло было бы понятно: князь отклоняетъ отъ себя разборъ тяжебныхъ дѣлъ, происходящихъ не въ его части города, а у другаго его совладѣтеля. Что касается до неподсудности князю дѣлъ между Нѣмцами и купцами другихъ русскихъ городовъ, то это обстоятельство, по нашему мнѣнію, указываетъ на существованіе въ Смоленскѣ особенного купеческаго суда наподобіе торгового суда иванскаго купечества въ Новгородѣ. Въ самомъ дѣлѣ значительная торговля Смольнянъ должна была повести къ организаціи ихъ въ купеческія общества или купечества съ собственнымъ судомъ и самоуправленіемъ; намеки на это можно видѣть въ договорѣ 1229 года, при заключеніи котораго, какъ мы видѣли, интересы городского купечества представлялъ сотскій Пантелей; въ договорѣ князя Мстиславича ясно различаются его собственные люди и Смольняне ⁴²⁾; наконецъ въ Смоленскѣ не менѣе Новгорода было развито сильное вѣче, иногда вступавшее съ княземъ въ рѣзкое несогласіе ⁴³⁾. Поэтому со стороны общей возможности неѣтъ препятствій признать независимость первостатейнаго смоленскаго купечества отъ суда княжескаго; что такое купечество должно было устроиться въ Смоленскѣ слѣдуетъ думать и потому, что Смоленскъ въ обоихъ договорахъ выговариваетъ себѣ право заморскихъ поѣздокъ на Готландъ и въ Любекъ; осуществленіе же этихъ поѣздокъ неиначе могло быть, какъ при организаціи особенного общества купцовъ, вносящихъ извѣстный вкладъ на постройку уchanовъ, на издержки плаванія и тому подобныя общія нужды; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что это купечество имѣло право суда какъ по своимъ собственнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ гостей, пріоѣзжающихъ въ Смоленскѣ изъ другихъ русскихъ го-

⁴¹⁾ П. С. Р. Л. V, 139.

⁴²⁾ Рус. Лив. А. стр. 453: „тоже есмь с вами рядъ свой доконьчалъ про свое муже, и про свое Смоляны“.

⁴³⁾ П. С. Р. Л. III, 19, 1186: „вѣстань бысть Смоленскѣ пропажи князьмъ Давыдомъ и Смоляны, и много головъ паде луцьшихъ мужъ“. Въ концѣ XIV и началѣ XV в. въ Смоленскѣ какъ и въ Новгородѣ сильно боролись партіи русская и литовская; эта борьба облегчила Витовту покореніе города.

родовъ, но не Нѣмцевъ: тяжбы ихъ съ Смолинянами разбирались самъ князь, или его бояре и тіуны. Впрочемъ въ договорахъ послѣдующаго времени неупоминается ни о заморскихъ Нѣмцахъ, ни о поѣздкахъ Смолинянъ въ Любекъ и на Готландъ: такъ договорная грамота Федора Ростиславича Чернаго 1284 года писана только на имя рижского архиепископа и другихъ рижскихъ властей ⁴⁴⁾). Другая грамота этого князя любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ на практическое примѣненіе закона о несостоятельныхъ должникахъ: въ томъ же 1284 году князь разбиралъ дѣло Нѣмца Биреля и Армановича о нѣмецкомъ колоколѣ, причемъ оказалось, что Бирель правъ, а Армановичъ виноватъ, и какъ несостоятельный должникъ былъ выданъ и съ дворомъ своимъ Нѣмцамъ; невидно впрочемъ, какимъ образомъ колоколъ сталъ предметомъ тяжбы между Бирелемъ и Армановичемъ; неизвѣстно также, былъ ли это обыкновенный колоколъ, или колоколъ—вѣсы, о которыхъ упоминается въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1407 года ⁴⁵⁾). Къ самому концу XIII вѣка относится договоръ смоленского князя Александра Глѣбовича, который «хочетъ съ Нѣмцами такой же любви, въ какой находились его отецъ и дядя» Глѣбъ и Федоръ Ростиславичи, и обѣщаетъ имъ чистый путь до Смоленска; свою грамоту онъ посыпаетъ на имя только рижского рата, вовсе умалчивая объ епископѣ и магистрѣ Ордена; тотъ же князь сполна подтвердилъ договоръ 1229 года посредствомъ надписи на одномъ экземпляре мстиславской правды ⁴⁶⁾). Однако сомнительно, чтобы Смолиняне воспользовались правомъ поѣздокъ въ Любекъ и на Готландъ, а заморскіе Нѣмцы сравнялись въ правахъ смоленской торговли съ рижскими купцами, какъ бы то слѣдовало по договору 1229 года; дѣло въ томъ, что съ конца XIII вѣка Рига получаетъ преобладающее влияніе на дѣла этой торговли: изъ одной записи рижской долговой книги, относящейся къ

⁴⁴⁾ С. Г. Г. и Д. П., № 3.

⁴⁵⁾ Рус. Лив. А. № 164. Правая грамота о колоколѣ тамже № 37. На судѣ съ княземъ присутствовали бояре и окольничий Лука; это первое по времени упоминаніе объ окольничемъ, а не въ договорной грамотѣ сыновей Калиты 1341 года, какъ полагаетъ г. Калугинъ (Архивъ истор. юридич. свѣдѣній кн. 2, полов. 1, изд. г. Калачова).

⁴⁶⁾ Рус. Лив. А. № 47. Срав. тамъ же, стр. 420, текстъ мстиславова договора подъ литтерой В.

1289 году, видно, что деньгами нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ распоряжаются рижскіе ратманы ⁴⁷⁾). Послѣдній договоръ Смоленска съ Ригой былъ заключенъ въ княженіе Ивана Александровича (1330 – 1359 г.); въ договорѣ князь пишетъ, что онъ «докончалъ по тому докончанію, какъ его братъ старѣйшій Гедиминъ и его дѣти Глѣбъ (Наримонтъ) и Ольгердъ, княжившіе въ то время въ Полоцкѣ и Витебскѣ ⁴⁸⁾; такъ какъ Гедиминъ съ своими сыновьями заключилъ торговый договоръ съ Ригой въ 1338 году ⁴⁹⁾), то по всей вѣроятности и договоръ смоленскаго князя относится къ этому же времени. При Витовтѣ Смоленскѣ окончательно переходитъ подъ власть Литвы, что немѣшало ему продолжать торговыя сношенія съ Ригой, какъ это видно изъ полоцкихъ договорныхъ грамотъ XV и XVI в., но Полочане пишутъ въ одной изъ грамотъ, что они пропустятъ рижскихъ купцовъ въ Витебскѣ и Смоленскѣ подъ тѣмъ только условiemъ, если Рига дастъ имъ свободный проѣздъ за море и предоставить свободные пути въ Лифляндіи помимо Риги ⁵⁰⁾). Такимъ образомъ торговля Смоленска по временамъ становилась въ зависимость отъ Полоцка; да и для Риги Смоленскѣ утратилъ свое прежнее значеніе, вѣроятно вслѣдствіе его отдаленности и неудобства поѣздокъ по верховьямъ Двины и волоку; съ того времени, т. е. приблизительно съ конца XIV вѣка торговля Риги сосредоточивается въ полоцкой конторѣ.

Длинный рядъ договоровъ, которые Полоцкъ отдельно отъ Смоленска заключалъ съ Ригой начинается 1264 годомъ; первый договоръ этого года писанъ отъ имени литовскаго князя Гердена, который прежде всего отказывается въ пользу Ордена отъ такъ называемой лотыгольской земли; почти одновременно съ нимъ написали свои грамоты Изяславъ князь полоцкій и другой Изяславъ, вѣроятно князь витебскій: оба заявляютъ, что они хотятъ имѣть съ Нѣмцами миръ и лю-

⁴⁷⁾ Das Rigische Schuldbuch, herausg. v. H. Hildebrand. SPB. 1872, S. 87, № 1336: „domus s. Spiritus tenetur domino Arnaldo Crispo et Andree parvo ex parte ecclesiae beatae virginis in Smalencike XII mrc. arg. Quando repoposcerint in VIII diebus sequentibus solvere debent“.

⁴⁸⁾ С. Г. Г. и Д. П. № 8.

⁴⁹⁾ Р. Лив. А. № 83.

⁵⁰⁾ Тамже, № 266. Срав. также №№ 279 и 384.

бовь, какъ было при первыхъ князьяхъ полоцкихъ, и выговаривають Витеблянамъ и Полочанамъ права вольной торговли въ Ригѣ, на Готскомъ берегу и въ Любекѣ⁵¹⁾). Въ княженіе Витена полоцкій владыка Іаковъ посыпалъ въ Ригу грамоту о пропускѣ въ Полоцкъ жита; изъ грамоты, замѣчательной по ея добродушному тону, невидно, почему прекратился подвозъ хлѣба въ Полоцкъ, по военнымъ ли обстоятельствамъ, или по какому неудовольствію между Полоцкомъ и Ригой⁵²⁾). При владыкѣ Григоріѣ и князѣ Наримонте около 1330 года былъ сдѣланъ особенный уговоръ съ Ригой о взвѣшиваніи разнаго рода товаровъ, преимущественно воска и соли, и о взиманіи вѣсовыхъ пошлинъ⁵³⁾). При Гедиминѣ, расположениемъ котораго такъ дорожила Рига, и въ которомъ она хотѣла найти себѣ защитника противъ властолюбиваго Ордена, былъ также заключенъ договоръ о торговлѣ съ обозначеніемъ границъ, внутри которыхъ купцы могли безопасно ее вести⁵⁴⁾). Но самое большое количество полоцкихъ договорныхъ грамотъ падаетъ на время Витовта, княженіе котораго составляетъ эпоху въ торговлѣ Нѣмцевъ съ Русью и Литвой; договоры Витовта настолько подробно опредѣляли отношенія торгующихъ сторонъ, считались настолько удовлетворительными, что и въ позднѣйшее время Полоцкъ и Рига не разъ возобновляли договоры именно витовтова времени⁵⁵⁾). Права торгующихъ сторонъ и торговые порядки въ этихъ договорахъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: торговля всякаго рода товарами производится полоцкими и рижскими купцами свободно и безпрепятственно, кромѣ мелочной торговли (*parva mercancia, quae pluckinghe dicitur*), которую Нѣмцы немогутъ вести въ Полоцкѣ, а Полочане въ Ригѣ; кромѣ того Нѣмцы неимѣютъ права держать въ Полоцкѣ корчмы т. е. продавать въ розницу хмѣльные напитки. Съ обѣихъ сторонъ купцы имѣютъ право свободнаго прїѣзда и отѣзда, даже въ случаѣ войны между

⁵¹⁾ Тамже, № 25; обѣ грамоты переписаны на одномъ листѣ.

⁵²⁾ Тамже, № 38; грамота отъ конца XIII вѣка.

⁵³⁾ Тамже, № 74.

⁵⁴⁾ Тамже, № 83.

⁵⁵⁾ Договоры Полоцка при Витовтѣ многочисленны; главнѣйшіе см. въ Рус. Лив. А. №№ 122, 153—154, 160—161, 164—165; ихъ подтвержденіе представляютъ №№ 242, 255 и др.

великимъ княземъ литовскимъ и магистромъ Ордена. Нѣмцы могутъ торговать въ Полоцкѣ съ пріѣзжими новгородскими и московскими купцами, но Полочане выговариваютъ себѣ право «ходить между ними» т. е. право нѣкотораго посредства и надзора за пріѣзжими купцами на томъ основаніи, что Новгородцы у себя дома также непозволяютъ торговать въ гостинномъ дворѣ безъ посредства Новгородца, и Москвичи берутъ на нихъ, Полочанахъ, тамгу⁵⁶⁾). Вѣсовщики должны цѣловать крестъ въ увѣреніе, что будутъ вѣсить по совѣсти; положивши товарь и гири они должны отнять руки и отступить отъ вѣсовъ для устраниенія всякаго подозрѣнія. Соль вѣсится на пудномъ ремнѣ (вѣроятно родъ большаго безмѣна), а воскъ на скалкахъ; для серебра существуютъ особенные, болѣе чувствительные вѣсы; вѣсы, называемые колоколы и скалки, Нѣмцы должны привезти и уставить въ Полоцкѣ на собственный счетъ; но если они попортятся, то отправляютъ ихъ въ Ригу для починки уже Полочане на ихъ счетъ. Въ случаѣ проступка купца, когда онъ напримѣръ сталъ бы продавать подмѣшанный воскъ, онъ отсылается для суда въ свой городъ и судится тамъ у своихъ судей,— черта любопытная, которой нельзя подмѣтить въ спошенихъ Нѣмцевъ съ Новгородомъ, гдѣ пересылка виновныхъ до Визби или Любека, или оттуда въ Новгородъ была бы затруднительна по отдаленности этихъ мѣстъ, не говоря уже о томъ, что Новгородъ не всегда позволялъ бы уйти преступнику отъ его суда, тогда какъ при близкомъ сосѣдствѣ Полоцка и Риги пересылка преступниковъ была весьма удобна и въ томъ отношеніи цѣлесообразна, что устраняла лишній поводъ къ неудовольствіямъ и столкновеніямъ, и безъ того часто происходившимъ. Однажды Нѣмцы поссорились даже съ самимъ Витовтомъ; разъ князь спросилъ у нихъ въ Полоцкѣ въ долгъ сукна, обѣщаючи уплатить деньги въ Вильнѣ; но нѣмецкіе купцы отказали подъ тѣмъ формальнымъ предлогомъ, что имъ на Руси и въ Литвѣ запрещено торговать въ кредитъ. Витовтъ сильно разсердился: «вы нанесли мнѣ позоръ — говорилъ онъ — сравнявши меня съ купцами», и затѣмъ запретилъ Нѣмцамъ вести торговлю въ Полоцкѣ, такъ что они даже съѣстные припасы могли

⁵⁶⁾ Тамже, № 154.

покупать только втихомолку. Рижскій ратъ поспѣшилъ успо-
коить великаго князя заявлениемъ, что онъ порицаетъ по-
ступокъ купцовъ и сожалѣть о немъ; Витовтъ остался до-
воленъ такимъ заявлениемъ и снова позволилъ Нѣмцамъ тор-
говлю въ Полоцкѣ⁵⁷⁾). Но главный предметъ споровъ между
Полоцкомъ и Ригой были заморскія плаванія, которыхъ По-
лоцкъ постоянно требовалъ для своихъ купцовъ, угрожая въ
противномъ случаѣ непропускать рижскихъ купцовъ дальше
Полоцка⁵⁸⁾). Другой разъ Полоцкъ жалуется, что Рига не-
пропускаетъ русскихъ купцовъ не только за море, но даже
не во всѣ мѣстности Лифляндіи⁵⁹⁾). Съ своей стороны Рига
въ письмѣ въ Данцигъ отъ 1470 года откровенно сознается,
что у нея съ давнихъ поръ происходитъ много споровъ съ
Полочанами изъ-за того, что тѣ хотятъ плавать за море со
своими товарами, но что она, Рига, никогда немогла позво-
лить имъ этого⁶⁰⁾). Очевидно Рига хотѣла привязать къ
своему рынку всю торговлю Русскихъ изъ области западной
Двины; для этой цѣли она открывала русскимъ и литовскимъ
купцамъ обширный кредитъ особенно подъ воскъ и мѣху.
Любопытныя данныя по этому предмету представляютъ риж-
ская долговая книга: цѣлая третъ записей, относящихся въ
этой книжѣ до Русскихъ, положительно говорить о воскѣ,
какъ предметѣ уплаты со стороны Русскихъ; иногда они
доставляютъ его въ огромномъ количествѣ: такъ пѣкто Вас-
илий обѣщается однажды поставить своему нѣмецкому кре-

⁵⁷⁾ Тамже, №№ 135—136.

⁵⁸⁾ Тамже, № 266, стр. 236: „князя великого купцомъ Поло-
чаномъ у Ризе торговати доброволно, и за море путь чистъ водою и
сухимъ путемъ какъ издавна бывало, по старому. А дастъ ли панъ
князь вашъ мештеръ купцомъ Полочанонъ за море путь чистъ, а у насъ
вашимъ купцомъ Ризкимъ путь чистъ к Витебску и к Смоленску“.

⁵⁹⁾ Тамже, № 279, стр. 242: „ажъ вы намъ поставляете одинъ
Юрьевъ противъ всеѣ нашеї дороги, а вѣдь намъ и вамъ свѣдомо, што
не писанъ Юрьевъ у старихъ записехъ, и вы намъ отлазите однимъ
Юрьевомъ противу всеѣ нашеї дороги“.

⁶⁰⁾ Тамже, № 258: „van langen tyden her vele twist unnd moege mit
den plosskouwsrn in eynem punte gehat hebben, dat se ywerlde wolden
unnd noch willen van Rige uth tor zeewert mit erer kopenschopp zegeln,
unnd sso ghy unnd juwe seligen vorfares van oldinges en dat nye hebbeu
willen steden hebben“.

дитору сразу полласта — т. е. 15 капей или приблизительно около ста восьмидесяти пудовъ⁶¹⁾). Воскъ привозили на продажу обыкновенно перетопленнымъ (сера resoluta, was geschmolten), причемъ ему давали форму круглыхъ кусковъ вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ; вообще воскъ составлялъ едва ли не самую главную статью отпускной рижской торговли: изъ Литвы, знаменитой своими лѣсами и Руси онъ шелъ чрезъ Ригу въ западную Европу въ громадномъ количествѣ. Тѣ изъ Русскихъ, которые поселялись въ Ригѣ на постоянное жительство и получали тамъ права гражданства, служили кажется посредниками этой торговли между Нѣмцами и своими пріѣзжими земляками; въ качествѣ рижскихъ гражданъ они пользуются правомъ заморской торговли, какъ напримѣръ нѣкто Тимошка, который около 1327 года оказывается ведущимъ торговлю въ Любекѣ⁶²⁾). Кромѣ Русскихъ, селившихся въ Ригѣ на постоянное жительство, тамъ была значительная колонія временно-пріѣзжихъ Русскихъ, состоявшая изъ купцовъ и разнаго рода промышленниковъ, напримѣръ кормчихъ и носильщиковъ; въ Ригѣ упоминается еще цѣлая улица, населенная Русскими, а въ предмѣстии ея — русская деревня⁶³⁾). Недопуская полоцкихъ купцовъ до заморскихъ поѣздокъ Рига въ тоже время старалась препятствовать и ганзейскимъ купцамъ проникать въ область западной Двины; это видно изъ того, что ганзейское собраніе 1383 года писало магистру Ордена и городу Ригѣ, чтобы они допустили свободное плаваніе по Двинѣ всѣмъ купцамъ; чрезъ пять лѣтъ другое собраніе рѣшило отправить въ Лифляндію посольство, которое должно было настаивать или совсѣмъ запереть Двину, или же допускать по ней плаваніе не однимъ рижскимъ купцамъ⁶⁴⁾). Такимъ образомъ торговые сношенія Полоцка и Риги ограничивались поѣздками ихъ купцовъ

⁶¹⁾ D. Rig. Schuldbuch, S. 103, № 1623.

⁶²⁾ Ibid. S. 96, № 1511.

⁶³⁾ Рус. Лив. А. стр. 203: „здесь появился было повѣtrie на люди на тыхъ, которыи у васъ у Ризе были кормники и тяглеци“. Письмо отъ 1465 г. — Въ нашей замѣткѣ (Ж. М. Н. П. 1877, Февраль) мы старались доказать, что большинство русскихъ поселенцевъ Риги были изъ Полоцка и вообще изъ двинской области.

⁶⁴⁾ Sartorius. Gesch. des hans. Bund. II, S. 446—447.

другъ къ другу, но иногда одна сторона позволяла купцамъ болѣе дальнія поѣздки, если другая была готова дать такое же позволеніе: Полоцкъ пропускалъ Нѣмцевъ до Смоленска и Москвы, если Рига давала Полочанамъ свободный путь за море ⁶⁵⁾). Но конечно наиболѣе часто посѣщаемыми рынками оставались Рига и Полоцкъ; въ послѣднемъ рижскіе купцы составляли также значительную колонію, но жили не на собственномъ дворѣ, какъ въ Смоленскѣ, а по квартирамъ у полоцкихъ мѣшканъ; при Витовтѣ имъ было отведено мѣсто подъ церковь ⁶⁶⁾). Всѣ вмѣстѣ они составляли одну корпорацію, которая выбирала изъ своей среды ольдермана, но по важнѣйшимъ дѣламъ находилась въ зависимости отъ рижскаго рата, который посыпалъ ей въ руководство разныя инструкціи. Такъ въ одной инструкціи отъ 1393 года, составляющей родъ небольшой скры, рижскій ратъ постановляетъ, что никто не долженъ покупать въ Полоцкѣ воска, подмѣшанного саломъ и вообще нечистаго воска; никто не долженъ покупать кожаныхъ и мѣховыхъ товаровъ свыше четверти тысячи штукъ (*quartir*); прежде покупки мѣховой товаръ должно брать съ собой на домъ и тамъ его тщательно разсмотреть; не должно покупать мѣховъ испорченныхъ, какъ то: подстриженныхъ, или повышиненныхъ, или подкрашенныхъ; равно нельзя покупать мѣховъ нецѣльныхъ (спищихъ изъ лоскутовъ), а также волоса остиженного съ мѣховъ; никто недолженъ вступать съ Русскими въ компанію, или брать ихъ товары на коммиссію. Всѣ эти правила — добавляетъ ратъ — должно соблюдать подъ опасеніемъ штрафа въ 10 марокъ серебра ⁶⁷⁾.

На пути между Полоцкомъ и Смоленскомъ важнымъ торговымъ пунктомъ былъ *Витебскъ*, гдѣ Нѣмцы также вели торговлю, кажется преимущественно по зимамъ. Въ одну изъ

⁶⁵⁾ Рус. Лив. А. стр. 236: „а какъ Гарманъ вашъ намъ слюбилъ и руку даль, что нашимъ купцомъ Полочанонъ за море путь чистъ торговати и мы потому слюбеню по Гарманову нашихъ есмо купцовъ пропустили къ Витебску и къ Смоленску, оли жъ и на Москвѣ побывали“.

⁶⁶⁾ H. Hildebrand. Das deutsche Kontor zu Polozk (Baltische Monatschrift, 1873). Въ этой статьѣ много интересныхъ подробностей, заимствованныхъ частію изъ документовъ, еще ненапечатанныхъ.

⁶⁷⁾ Рус. Лив. А. № 117.

зимъ въ концѣ XIII столѣтія они потерпѣли много обидъ отъ витебскаго князя Михаила Константиновича, которыя подробно описаны въ жалобѣ рижскаго рата, адресованной на имя упомянутаго князя⁶⁸⁾. О личности этого князя ничего неизвѣстно; быть можетъ онъ былъ сынъ того Константина, который уступилъ Нѣмцамъ Лотыголу, судя потому что грамота отзывается объ этомъ Константинѣ, какъ расположенномъ къ Нѣмцамъ князѣ. Вѣроятно въ грамотѣ есть нѣкоторыя преувеличеныя подробности, которыя описываются со словъ самихъ потерпѣвшихъ купцовъ; но во всякомъ случаѣ жалоба рижскаго рата принадлежитъ къ числу интересныхъ памятниковъ изъ исторіи торговыхъ сношеній Русскихъ съ Нѣмцами. Изъ нея оказывается между прочимъ, что нѣмецкіе купцы иногда заводили торговлю плѣнниками, которыхъ набирали грабительскія литовскія шайки; однажды такая шайка стояла подъ Витебскомъ, и одинъ Нѣмецъ, вооружившись мечемъ, вышелъ изъ города къ тому мѣсту, где Литовцы разбили свой лагерь съ памѣреніемъ купить плѣнницъ («дѣвки купити»); дорогой онъ заблудился и подошелъ къ одному монастырю, находившемуся въ окрестности Витебска, какъ вдругъ изъ него выскочили три монаха и съ ними еще четвертый человѣкъ, бросились на Нѣмца, обезоружили его и избили; князь же на другой день взялъ его, оковалъ цѣпями, а товаръ его на три берковца воску отнялъ себѣ⁶⁹⁾. Другой разъ князь захватилъ товаръ убійцы, который бѣжалъ къ нему, боясь мести своихъ земляковъ; тутъ же князь захватилъ товаръ другого ни въ чемъ невиноватаго купца, а именно волчьи мѣха на сумму пяти марокъ серебра. Въ одинъ день князь запретилъ Нѣмцамъ производить торговлю другъ съ другомъ, объявя во всеуслышаніе: «гость съ гостемъ неторгуй!» Узнавъ такое распоряженіе

⁶⁸⁾ Тамже, № 49. Грамота отъ конца XIII вѣка; по порученію рижскаго рата ее очевидно писалъ какой нибудь русскій человѣкъ, проживавшій въ Ригѣ; какъ образчикъ живой русской рѣчи того вѣка она очень интересна.

⁶⁹⁾ Надо полагать, что монахи приняли нѣмецкаго купца за лазутчика; въ виду Литовцевъ, расположившихся подъ самымъ Витебскомъ, они естественно были подозрительны ко всякому прохожему, а тѣмъ болѣе вооруженному.

купецъ Фридрихъ пошелъ къ князю и попросилъ у него особеннаго позволенія продать одному человѣку мѣшокъ соли; но когда онъ хотѣлъ было взвѣшивать соль, дворяне князя, стоявшіе на гостинномъ дворѣ, отняли у него ключъ отъ клѣти и ушли прочь; потомъ явился княжескій дѣтскій и отъ имени князя взялъ его подъ арестъ, заковалъ въ желѣза и предалъ истязаніямъ, а князь въ то время послалъ другихъ приставовъ на подворье Фридриха, и тѣ захватили его товаръ на четыре капи воску. Однажды князь увидаль у нѣмецкихъ купцовъ красиваго коня, принадлежавшаго ратману Герлаху, и пожелалъ его себѣ купить; Нѣмцы несоглашались продать чужого коня, но потомъ когда князь предложилъ имъ проводниковъ отъ Витебска до Смоленска и обратно до Полоцка, то уступили коня; въ сопровожденіи княжескаго пристава они поѣхали въ Смоленскъ, гдѣ и подарили ему кусокъ скарлата (краснаго сукна); но приставъ получая подарокъ скоро ускакалъ въ Витебскъ, оставивъ Нѣмцевъ безъ провода; ратманы по этому случаю требуютъ у князя назадъ либо лошадь, либо деньги. Разъ при отѣздѣ купцовъ изъ Витебска въ Смоленскъ Литовцы перехватали ихъ подъ самымъ городомъ, перевязали ихъ и ограбили у нихъ товаръ, а князь ничего не сдѣлалъ для ихъ защиты. Послѣднія обвиненія состоять въ томъ, что князь неплатить долговъ и беретъ лишнія вѣсовыя пошлины. Имѣли ли какое послѣдствіе всѣ эти жалобы, остается неизвѣстнымъ, какъ равно и то, почему витебскій князь причинилъ Нѣмцамъ описанная обиды; невымѣщалъ ли онъ на нихъ убытки своихъ Витеблянъ, которые около того же времени были ограблены подъ Ригой на десять берковцевъ воску, при чемъ у нихъ былъ убитъ еще одинъ человѣкъ. Оправданіе по этому дѣлу писалъ рижскій архиепископъ къ смоленскому князю Щеодору Ростиславичу; неотвергая грабежа и убийства онъ говоритъ однако, что въ преступленіи виноваты не Рижане⁷⁰⁾.

Еще одна рижская контора находилась въ *Динабургъ* или *Невинъ*, какъ онъ называется въ полоцкихъ грамотахъ⁷¹⁾. Въ одномъ письмѣ рижскій ратъ передаетъ тамошнимъ куп-

⁷⁰⁾ Рус. Лив. А. № 34.

⁷¹⁾ Тамже, №№ 266 и 279.

цамъ распоряженіе Ганзы непокупать у Русскихъ извѣстнаго сорта мѣховъ, и еще присоединяетъ просьбу неиграть въ шашки, какъ въ азартную и опасную для купцовъ игру ⁷²⁾). Наконецъ внутри Литвы въ городѣ *Ковно* была также знаменитая купеческая контора, основанная и руководимая преимущественно купцами изъ Данцига; процвѣтаніе этой конторы, какъ и полоцкой, относится ко времени Витовта ⁷³⁾). Такъ глубоко и съ разныхъ сторонъ проникали внутрь Литвы и западной Руси нѣмецкіе купцы, и нѣтъ сомнѣнія, что при своей предпримчивости и настойчивости съ одной стороны и покровительствѣ великихъ князей литовскихъ съ другой, они умѣли извлекать изъ тамошней торговли большіе барыши.

Обращая исключительно въ свою пользу двинскую торговлю, Рига въ тоже время стремится увеличить права лифляндскихъ купцовъ на новгородскомъ дворѣ; она желаетъ, чтобы званіе дворового ольдермана давалось не только гражданамъ Любека и Визби, какъ это опредѣлялось въ правилахъ скры ⁷⁴⁾, но и лифляндскимъ уроженцамъ, чтобы постановленія конторы о торговлѣ и разныхъ торговыхъ порядкахъ дѣлались съ вѣдома и согласія лифляндскихъ городовъ. Замѣтно вообще, что Рига ненравилось преобладаніе Любека въ новгородскомъ дворѣ, и она пускала въ ходъ противъ него тайные интриги: въ концѣ XIII вѣка о рижскихъ купцахъ ходила молва, что они втихомолку вычеркнули тѣ статьи скры, въ которыхъ опредѣлялись права Любека; конечно Рига отрицала взводимое на ея купцовъ обвиненіе, и высказывала готовность слѣдовать правиламъ скры во всей ихъ полнотѣ безъ тѣхъ извращеній, которые въ пей кѣмъ-то сдѣланы ⁷⁵⁾; однако едвали можно утверждать, чтобы упомянутый слухъ былъ совершенно безосновательною клеветой. Наконецъ Рига хотя и

⁷²⁾ Тамже, № 128.

⁷³⁾ *Hirsch.* Handels- und Gewerbsgesch. Danzigs. S. 160—172 (das Kontor in Kauen).

⁷⁴⁾ *Sartor. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 275: „des houes olderman sal men keysen to ener did van Lubeke, tor anderentid van Gotlande“.

⁷⁵⁾ Там же, S. 190—191: „quod articulus, qui nomen tangebat civitatis Lubeke in jure curiae Nogardiensis deletus erat in libro juris, ipsius curiae, qui scra dicitur, nobis molestum erat et nobis ignorantibus et sine nostro consensu dicimus contigisse. Sed nec presentibus protesta-

не вдругъ достигаетъ своихъ цѣлей: въ 1361 году ганзейскіе уполномоченные, бывши въ Новгородѣ постановили, а собраніе 1366 года подтвердило, что на будущее время контора не можетъ дѣлать никакихъ важныхъ распоряженій безъ вѣдома и согласія лифляндскихъ городовъ⁷⁶⁾). Еще на ганзейскомъ собраніи 1363 года за лифляндскими городами было признано право держать въ новгородскомъ дворѣ особенную квартиру или все равно — составлять тамъ особенную треть, хотя и съ оговоркою, показывающею нѣкоторое недовѣріе къ лифляндскимъ городамъ со стороны Ганзы⁷⁷⁾). Въ силу этого права лифляндскіе купцы могли съ тѣхъ поръ назначаться въ ольдерманы двора, что ясно было выражено на томъ же собраніи въ такомъ постановленіи, что ольдерманомъ двора можетъ быть всякий купецъ, изъ какого бы ганзейскаго города онъ нибыль, мужъ способный и честный, который и остается въ своей должности безсмѣшно, развѣ только совершилъ какое либо преступленіе⁷⁸⁾). Тѣмъ не менѣе прежнее правило о выборѣ ольдермановъ поперемѣнно изъ любецкихъ и визбійскихъ гражданъ оставалось въ своей силѣ; спустя десять лѣтъ послѣ вышеприведенного постановленія новгородская контора пишетъ въ 1373 году въ Любекъ, что рижскіе купцы жалуются на то, что ихъ обходятъ при выборѣ ольдермана; по этому случаю контора имѣла общее собраніе, на которомъ былъ поднятъ вопросъ: запомнить ли кто-нибудь, чтобы риж-

mur, quod illo jure et vigore scripture semper uti volumus, sicut dictus liber, scra nuncupatus, continebat, antequam deletio predicta procederet ad effectum“.

⁷⁶⁾ *Die Recessse u. a. Akt. II, S. 336—337:* „mercatores in Nougardia jacentes nulla debent per ampla, magna et gravia facere instituta, nisi cum prescitu et consensu civitatus Lubicensis, Wisbicensis et aliarum ab intra, quibus inde litteras ante mittere debent“... myt witschop der stede Lubeke und Wysbu und anderen stede, de van binnen landes liggen, als Rige, Darpte und Reval“. (Тамже изъ скры по списку стокгольмской библиотеки).

⁷⁷⁾ Тамже, стр. 236: „illi de Riga admissi sunt ad servandum tertiam partem curie Nogardensis, dummodo fecerint, quod facere tenentur, ut aliae partes, addita eciam ista conditione, quod si per admissionem predictam privilegia communis mercatoris in curia Nougardensi paterentur aliquod detrimentum ipsi de Riga et alii admissi pro illo detimento satisfacere tenentur.“

⁷⁸⁾ Тамже, стр. 236.

скіе купцы выбирались въ сльдерманы, — и всѣ сказали, что этого никогда не было⁷⁹⁾). Выходитъ такимъ образомъ, что права лифляндскихъ городовъ неосуществлялись на дѣлѣ; по всей вѣроятности онѣ были даны Ганзой только съ цѣллю задобрить лифляндскіе города и привлечь ихъ къ участію въ предстоявшей датской войнѣ. Явные признаки недовѣрія Ганзы къ лифляндскимъ городамъ высказываются и въ другихъ случаѣахъ; такъ въ концѣ XIII вѣка Лифляндія предлагала заморскому нѣмецкому купечеству перевести рынокъ изъ Новгорода въ какой нибудь городъ Лифляндіи; то сначала согласилось было на нѣкоторое время прекратить свои поѣздки въ Новгородъ, но потомъ нашло полезнымъ опять возобновить сгорѣвшій новгородскій дворъ⁸⁰⁾). Очевидно Ганза боялась ущерба своей торговли съ переводомъ рынка въ Лифляндію; ганзейскіе купцы всегда могли опасаться, что въ Лифляндіи на нихъ взглянутъ, какъ на чужихъ гостей, и примѣнять къ нимъ запрещеніе: «гость съ гостемъ не торгуй», что и дѣйствительно случалось въ XVI вѣкѣ. Любопытно, что по закрытии новгородского двора въ 1494 году Лифляндія весьма мало выказывала охоты помочь Ганзѣ въ возстановленіи его, а Ніенштедтъ прямо говоритъ, что послѣ этого закрытия русскіе товары пошли въ Ригу, Ревель и Дерпть, отчего эти города начали сильно богатѣть⁸¹⁾). Все это Ганза, конечно предусматривала раньше, а потому и старалась придерживаться Новгорода, несмотря на нѣкоторая важныя неудобства тамошней торговли; ибо въ Новгородѣ ганзейскіе купцы могли совершать свои дѣла безъ всякаго чужого посредства; тоже удобство конечно представлялось и Новгородцамъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы у Ганзы и Лифляндіи не было общихъ интересовъ въ русской торговли, или чтобы между ними постоянно господствовало торговое соперничество и недовѣріе; напротивъ Любекъ во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ратамъ Риги, Ревеля и Дерпта важныя порученія, рекомендуетъ новгородской конторѣ слушаться полезныхъ совѣтовъ, которые могутъ дать лифляндскіе города, какъ ближе знающіе русскія отно-

⁷⁹⁾ Тамже, II, стр. 75.

⁸⁰⁾ Bunge, LEK. Urk. I, № 452. Kortmann, Die Recessse, I, 7—8.

⁸¹⁾ Monumenta Livon. antiqu. II, S. 33.

шениа; часто лифляндские послы ведутъ отъ имени Ганзы переговоры съ Новгородомъ: наконецъ во время разладовъ съ Русскими Ганза нерѣдко принимаетъ сторону Лифляндіи и прекращаетъ торговлю съ Новгородомъ и Псковомъ⁸²⁾. Но все это не можетъ сгладить черты указанной розни между Лифляндіей и Ганзой: фактъ остается тотъ, что Ганза долго недавала равныхъ правъ для купцовъ Лифляндіи на новгородскомъ дворѣ, и не соглашалась перевести свой главный рынокъ ни въ одинъ городъ Лифляндіи. И пусть нѣмецкіе историки становятся на ту точку зрењія, что Ганза, Лифляндія и Орденъ выполняли на восточной окраинѣ одну и туже культурную задачу; до пѣкоторой степени такая точка зрењія на ихъ мѣстѣ конечно справедлива, но она не должна намъ мѣшать видѣть разладъ, господствовавшій между самими носителями нѣмецкой культуры. Въ самомъ дѣлѣ для ганзейскихъ купцовъ дѣло казалось проще: для нихъ на первомъ планѣ стояли интересы безпрепятственной торговли съ Новгородомъ, между тѣмъ какъ Лифляндія и Орденъ мѣшали ея правильному ходу своими частыми ссорами съ Новгородомъ и Псковомъ, за которыхъ Ганза платила арестомъ своихъ купцовъ и товаровъ, а иногда долговременнымъ перерывомъ торговли, и все это въ сущности за чуждые ей интересы. Съ другой стороны если для Новгорода и Пскова близость лифляндскихъ городовъ была выгодна въ отношеніи торговомъ, то слишкомъ близкое сопѣдство съ ними было также причиною частыхъ столкновеній по дѣламъ той же торговли и неопределенности границъ: такъ Псковъ находился почти въ непрерывной войнѣ съ своими соседями, Орденомъ и дерптскимъ епископомъ, съ которыми никакъ не могъ окончательно размежеваться. Самое закрытие двора въ концѣ XV вѣка ближайшимъ образомъ было обусловлено, какъ увидимъ, столкновеніемъ великаго князя Ивана Васильевича съ лифляндскими Нѣмцами, и смѣло можно сказать, что если бы между Ганзой и Русью нестояли Лифляндія съ Орденомъ, то мирный ходъ торговли больше бы отъ того выигралъ. Чтобы выяснить еще больше нашъ взглядъ обратимся къ Ордену.

⁸²⁾ Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы представимъ подробнѣе отношенія лифляндскихъ городовъ къ Ганзѣ.

Какъ верховная власть страны Орденъ держалъ въ своихъ рукахъ миръ и войну, и слѣдовательно оказывалъ существенное влияніе на ходъ торговли. Учрежденный въ помощь рижской церкви и поставленный первоначально подъ главенство рижского епископа, Орденъ стремится къ освобожденію отъ этого главенства и постепенно становится верховнымъ правителемъ земли. Уже при Альбертѣ I-мъ возникъ споръ о томъ, въ какой мѣрѣ и надъ какою частью пріобрѣтаемыхъ земель должны иметь власть рижская каѳедра, Орденъ и городъ Рига; для решения этого спора въ Лифляндію пріѣзжалъ папскій легатъ, который порѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что все новыя земельныя пріобрѣтенія должны дѣлиться между упомянутыми властями поровну; однако въ примѣненіи этого правила на практикѣ постоянно встрѣчались недоразумѣнія и споры⁸³⁾. Преемники Альберта неотличались ни его умомъ, ни энергией, а Орденъ между тѣмъ все больше усиливается и пріобрѣталъ значеніе, особенно вслѣдствіе возраставшей необходимости бороться со своимъ смертельнымъ врагомъ Литовцами, которые напоминали ему палестинскихъ Сарациновъ⁸⁴⁾. Въ половинѣ XIV вѣка рижскіе архиепископы отказались отъ верховныхъ правъ надъ Орденомъ, а папскою буллою 1397 года было постановлено, что на будущее время въ архиепископы можетъ назначаться только орденскій братъ⁸⁵⁾. Конечно рижское духовенство не сразу уступило свои права; вмѣстѣ съ городомъ Ригой оно вступило въ открытую войну съ Орденомъ, стараясь привлечь на свою сторону сильнаго Гедимина; въ тоже время, т. е. вначалѣ XIV вѣка оно написало папѣ грозный доносъ на Орденъ, въ которомъ обвиняло его въ нерадѣніи и даже прямой измѣнѣ дѣлу католической вѣры въ Пруссіи и Лифляндіи⁸⁶⁾. Доносъ былъ расчи-

⁸³⁾ Bunge, LEK. Urk. I, № 83: „terrarum, quae fuerint ed cultum fidei conversae, partem unam episcopo et ecclesiae suaе, aliam magistro et fratribus militiae Christi et tertiam partem civibus Rigensibus adsignamus“.

⁸⁴⁾ Litwini, *Sarraceni dictarum partium* (т. е. Пруссіи и Лифляндіи) — выражается однажды Орденъ. Voigt, Gesch. Preussens, IV, S. 242.

⁸⁵⁾ Bunge, LEK. Urk. IV, № 1446. Впрочемъ эта булла была скоро отменена.

⁸⁶⁾ Voigt. Gesch. Preus. IV, 234—249.

танъ хитро: въ туже пору во Франціи происходилъ судебный процессъ надъ тампліерами, и рижское духовенство спѣшило пользоваться нерасположеніемъ папы и высшаго западнаго духовенства къ орденамъ. Дѣло кончилось однако не въ пользу рижского духовенства: Орденъ отклонилъ отъ себя большинство обвиненій, да притомъ мало боялся папскаго отлученія, если бы таковое послѣдовало: гохмейстеръ Ордена въ то время переселился изъ Венеціи въ Маріенбургъ, что имѣло смыслъ демонстраціи, направленной противъ враговъ Ордена. Подъ конецъ Орденъ восторжествовалъ надъ духовенствомъ; въ тоже время и Рига, обыкновенно стоявшая на сторонѣ архиепископа, должна была признать надъ собой верховенство Ордена; наконецъ присоединеніе къ нему Эстляндіи еще болѣе усилило его могущество. Сверхъ того Орденъ дѣлалъ себѣ постоянная завоеванія на счетъ русскихъ и литовскихъ земель. Однимъ изъ первыхъ по времени пріобрѣтеній его была такъ называемая лотыгольская земля или Лотыгола, принадлежавшая прежде Полоцку, а потомъ уступленная Ордену какимъ то полоцкимъ княземъ по имени Константиномъ; въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1264 года уступка этой земли представляется какъ фактъ уже совершившійся, и Полочане отказываются отъ всякихъ на нее притязаній; очень вѣроятно, что этотъ Константинъ былъ крещеный Литвинъ, и уступилъ Ордену Лотыголу за поддержку противъ другихъ литовскихъ князей, претендовавшихъ на Полоцкъ⁸⁷⁾. Подобный случай былъ въ XIV вѣкѣ, когда Андрей Ольгердовичъ уступалъ Ордену даже самый Полоцкъ на ленныхъ условіяхъ⁸⁸⁾; эта сдѣлка впрочемъ не имѣла значенія потому уже одному, что Полоцкъ въ моментъ передачи его Ордену принадлежалъ не Андрею, а его брату Ягелло. Есть однако указаніе, что Орденъ успѣвалъ хотя и на короткое время владѣть Полоцкомъ. Въ 1310 году папа

⁸⁷⁾ Г. Боннель въ приложениі къ своей хронографіи (стр. 323) высказываетъ предположеніе, что Константинъ былъ сынъ Товтивила, и что уступленная имъ Лотыгола есть то, что впослѣдствіи называлось польскіе Инфлянты. Эту уступку поспѣшили утвердить за Орденомъ папы Иннокентій IV и Урбанъ IV.

⁸⁸⁾ Bunge, LEK. Urk. III, №№ 1226—1227. Въ послѣднемъ читаемъ: „regnum in Ploscow in feudum recepimus a magistro Livoniae et ab Ordine“.

Климентъ V-й со словъ упомянутаго выше доноса рижскаго духовенства обвинялъ Орденъ между прочимъ въ томъ, что онъ отступилъ отъ Полоцка, который по завѣщанію полоцкаго князя, крещенаго въ католичество и умиравшаго безъ законныхъ наследниковъ, былъ уступленъ рижской церкви. На слѣдствіи, наложенному по этому дѣлу, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что дѣйствительно былъ одинъ полоцкій князь, обращенный въ католичество, въ княженіе котораго въ Полоцкѣ поселилось — было католическое духовенство, но рыцари своими насилиями людямъ полоцкаго князя довели дѣло до того, что пришли язычники (Литовцы) и изгнали Нѣмцевъ, а частію перебили ихъ и взяли въ плѣнъ. На это обвиненіе Орденъ отвѣчалъ, что Полоцкъ былъ всегда русскимъ городомъ, но отвѣчалъ такъ конечно только послѣ неудачи, его постигшей⁸⁹⁾; очевидно Орденъ въ этомъ случаѣ нашелъ себѣ болѣе сильныхъ соперниковъ въ лицѣ князей литовскихъ. Послѣ Полоцка дѣллю нападеній Ордена служила земля псковская, а иногда новгородская. При такихъ воинственныхъ стремлѣніяхъ онъ являлся большою помѣхой для мирныхъ торговыхъ сношеній Ганзы съ Русью: волей-неволей Ганза должна была входить въ планы Ордена, исполнять его совѣты и просьбы. Такъ въ 1268 году магистръ Ордена Конрадъ фонъ-Мандернъ уговаривалъ Любекъ не посыпать на тотъ годъ товаровъ въ Новгородъ, и когда получилъ на это согласіе, то съ обѣихъ сторонъ былъ составленъ въ Любекѣ слѣдующій протоколъ: «граждане Любека — говоритъ магистръ — хотя и съ ущербомъ для себя, но по обычаю предпочитая выгодамъ честь, благосклонно приняли нашу просьбу, присоединивши впрочемъ слѣдующія условія: если между Русскими и Латинами будетъ заключенъ миръ, то въ мирный договоръ должны быть включены означенные граждане и купцы, если же, чего да не будетъ, кто нибудь отдельно отъ другихъ и по своей только волѣ захочетъ вести войну съ Русскими, то любецкіе граждане и купцы не должны испытывать препятствій для свободнаго ввоза и вывоза товаровъ въ Новгородъ и обратно, но должны пользоваться привилегіями и правами торговли по землѣ и водѣ; но если, чего Богъ не дай — добавляетъ ма-

⁸⁹⁾ Тамже, II, №№ 630 и 638.

гистръ Ордена — все христіанство вынуждено будетъ вести войну съ Русскими, по причинѣ ихъ заносчивости, то мы, Орденъ, принуждены будемъ повторить просьбу къ упомянутымъ гражданамъ и всему купечеству, чтобы они вѣру, насажденную въ Лифляндіи кровю многихъ христіанъ, неставили въ опасность изъ-за интересовъ своей торговли»⁹⁰). Спустя нѣсколько недѣль другой магистръ Ордена пишетъ изъ Лифляндіи подобное же письмо, уведомляя рать Любека, что онъ будто бы разрушилъ до основанія городъ Псковъ, ставшій убѣжищемъ предателей христіанской вѣры (намекъ на Довмонтта и другихъ Литовцевъ, поселившихся во Псковѣ), а съ Новгородомъ заключилъ перемиріе, магистръ просить все купечество не посыпать русскихъ земель съ товарами, а прежде отправить посольство въ Лифляндію и потомъ въ Новгородъ для окончательного подтвержденія мира съ Русскими; при этомъ чтобы успокоить Ганзу прибавляетъ постановленіе лифляндскихъ городовъ, что изъ Риги также ни одинъ купецъ не долженъѣздить въ Новгородъ до окончательного утверждения мира⁹¹). Около двухъ лѣтъ Ганза дѣйствительно не торговала съ Новгородомъ, наконецъ заключила мирный договоръ 1270 года, въ которомъ однако, какъ увидимъ, о лифляндскихъ городахъ неупомянуто ни однимъ словомъ: послѣ совмѣстнаго дѣйствія съ Лифляндіей и Орденомъ она предпочитаетъ заключить съ Новгородомъ отдельный договоръ, что ясно указываетъ, какъ неохотно она входила въ планы Ордена. Ровно столѣtie спустя обстоятельства сложились точно также, какъ въ 1268 году: Новгородъ и Псковъ разсорились съ лифляндскими Нѣмцами, послѣдовало запрещеніе торговли, къ которому должна была присоединиться и Ганза. Вотъ что писалъ тогда ландмейстеръ Ордена въ Любекѣ: «изъ вашей памяти конечно нескрылось, какъ Русские изъ Пскова съ давнихъ поръ причиняютъ намъ и дерптской епархіи невыносимый вредъ и тягости, вслѣдствіе чего мы даже противъ воли должны вести съ ними споры и войны; чрезъ коммандора феллинского мы старались уладить дѣло мирнымъ путемъ, требуя возна-

⁹⁰) Тамже, I, № 308: „Fidem catholicam, in Livoniae partibus multorum proborum sanguine plantatam, non sinerent suis mercimoniis extirpari“.

⁹¹) Тамже, I, № 410.

тражденія съ Русскихъ за свои убытки; и хотя Новгородцы не отвергали ни мира, ни перемирія, но въ тоже время вступили со Псковомъ въ тайное соглашеніе, и направились къ замку, недавно выстроенному дерптскимъ епископомъ, пристроили машины и начали его осаждать; услыхавши же, что идетъ большое войско изъ Ливоніи и Эстоніи, ночью поспѣшно отступили, предварительно разрушивши машины⁹²⁾). Итакъ чтобы схизматики русскіе, которые вступили въ заговоръ противъ упомянутой епархіи съ завистниками христіанъ Литовцами, неуспѣли бы какъ нибудь съ помощью торговли, мы убѣждаемъ всѣхъ и во имя Господа молимъ, какъ и прежде васъ молили, неотправлять впредь товаровъ къ невской пристани, ибо изъ того можетъ произойти великий вредъ для всего христианства⁹³⁾). Любекъ еще раньше принялъ къ свѣдѣнію запрещеніе русской торговли, сдѣланное въ Лифляндіи и сообщилъ его въ Стральзундъ и другіе города⁹⁴⁾), но въ письмѣ къ ландмейстеру 1368 года жалуется, что лифляндскіе купцы сами же первые нарушаютъ постановленіе о запрещеніи русской торговли, подвозя свои товары въ пристань Невы, Выборгъ и Нарву⁹⁵⁾). Какъ видно вслѣдствіе этой жалобы Орденъ принялъ строгія мѣры противъ нарушителей постановленій, и арестовалъ у лифляндскихъ купцовъ, производившихъ непозволенную торговлю, разныхъ товаровъ на сумму до 30 тысячъ марокъ, которые магистръ Ордена возвратилъ купцамъ не раньше 1371 года при заключеніи перемирія съ Русскими въ

⁹²⁾ О походѣ подъ Нейгаузенъ или Новый городокъ въ лѣтописи читаемъ: „ходиша Новгородцы съ Плесковичи къ Новому городку нѣмецкому, и отъпдоша невземше, занеже бяше твердъ городъ, и нѣсколько людей пострѣляша съ города“. П. С. Р. Л. III, стр. 89. Впрочемъ это извѣстіе относится быть можетъ къ другому походу.

⁹³⁾ Die Recessus u. a. A. I, N 398: „Ne igitur Ruthenos cismaticos... mercatorum auxilio confortari contingat, universitatem vestram hortamur in Domino studiosius rogantes, sicut etiam alias per nos vobis extitit humiliter supplicatum, ne de cetero merces in portum, Nu, dummodo aliquo modo possit fieri, ducere seu ordinare velitis, quia christiani tati dampna non modica exinde poterunt provenire“.

⁹⁴⁾ Тамже, № 396.

⁹⁵⁾ Тамже, № 397: „vestri homines et vestrates predictum portum Nu, et Wiborgh atque Narwe solent visitare et ibi mercandizare, prout ipsis placet“.

Нейгаузенъ⁹⁶⁾). До какой степени высокомѣрно Орденъ позволялъ себѣ обходиться съ купцами, и какое вліяніе на нихъ могъ оказывать даже внѣ своихъ владѣній показываетъ слѣдующій случай, бывшій въ Новгородѣ въ 1324 году, о которомъ рижскій ратъ пишетъ въ Любекъ въ письмѣ того же года. Упрекнувъ Орденъ за вѣроломное нарушеніе мира съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ и за его притѣсненія тѣмъ сторонамъ, которыхъ не соглашаются вмѣстѣ съ нимъ быть такими же вѣроломными, какъ то: епископъ эзельскій, городъ Дерптъ и особенно Рига, ратъ продолжаетъ: «не далѣе какъ въ прошлую зиму магистръ и братья Ордена вступили въ мирный договоръ съ Новгородомъ на такомъ условіи, что вслѣдствіе его наши сограждане, прибывшіе въ Новгородъ для торговли, были лишены свободы и имущества: сами Новгородцы захватили товаръ нашихъ гражданъ, а ихъ самихъ выдали головой рыцарямъ, о чёмъ посадникъ и тысяцкій публично заявляли на вѣчѣ предъ всѣми присутствовавшими, и только при помощи купечества изъ вашего и другихъ городовъ арестованные были освобождены, за что приносимъ вамъ безпредѣльную благодарность. Но вскорѣ послѣ того въ Новгородѣ прѣхалъ рыцарь Оттонъ Брамгорнъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ нами щѣловалъ крестъ Гедимину, и нашихъ освобожденныхъ согражданъ снова схватилъ и держалъ подъ арестомъ, доколѣ съ милостью божіей и при помощи вашихъ купцовъ они опять не освободились»⁹⁷⁾. Чтобы понять этотъ поступокъ Ордена относительно рижскихъ купцовъ надо вспомнить, что въ ту пору онъ находился въ открытой враждѣ съ архиепи-

⁹⁶⁾ Тамже, № 36: „magister eciam mercatoribus omnia bona eorum restituit, illicite, furtive ac contra prohibitionem magistri ipsis mercatoribus consentientibus cum dictis Ruthenis mercata et contracta, tempore guerre arrestata ad 30,000 marcaram“.

⁹⁷⁾ Рус. Лив. А. Н. 62. Этотъ любопытный документъ напечатанъ впервые и только тамъ; приведемъ изъ него нѣсколько подлинныхъ словъ: „manifestum est; quia modo in hyeme Magister et Fratres Ordinis.. cum Ruthenis in Nogardia pacem osculando crucem inierunt tali conditione, quod omnes de nostris concivibus, Nogardia adventantes privati sint corporibus atque rebus; ispi vero Rutheni bona predictorum nostrorum civium obtinendo, capita vero eorundem dictis fratribus presentando, quod dux et borgrauius ibidem in Nogardia in foro communi et in publico colloquio coram cunctis astantibus publicarunt“.

скопомъ рижскимъ и городомъ Ригой; трудное понять, какъ Новгородъ позволилъ у себя своевольно распоряжаться какому-то пріѣзжему рыцарю; надо думать, что кромѣ обязательства, принятаго на себя по договору съ Орденомъ недружить съ его врагами, слѣдовательно въ томъ числѣ и съ гражданами Риги, Новгородъ имѣлъ противъ нея какія нибудь особенные неудовольствія: по крайней мѣрѣ около 1307 года новгородской владыка Феоктистъ писалъ въ Ригу грамоту о выдачѣ грабителей и товаровъ, отнятыхъ у новгородскихъ купцовъ, какъ кажется въ самой Ригѣ⁹⁸⁾; но выдала ли Рига требуемое, неизвѣстно. Въ томъ же письмѣ въ Любекъ Рига сообщаетъ интересное извѣстіе, что рыцари нарушаютъ миръ съ литовскимъ княземъ съ тою цѣлію, чтобы подъ предлогомъ военного положенія двинской области прервать сообщеніе Риги съ Литвой и Русью; но сами рыцари въ тоже время втихомолку ведутъ торговлю съ литовскими купцами въ своихъ замкахъ⁹⁹⁾. Этому извѣстію вполнѣ можно довѣрять: рыцари были богатые помѣщики, сбывавшіе купцамъ предметы своего обширнаго хозяйства; конечно они вели эту торговлю чаще чрезъ коммиссіонеровъ, каковыми служили имъ преимущественно любецкіе купцы, но при случаѣ, какъ видно, рыцари могли обходиться и безъ посторонняго посредства, находя это для себя болѣе выгоднымъ. Изъ рижской долговой книги видно, что рыцари и магистръ Ордена давали рижскимъ купцамъ круглые суммы денегъ въ долгъ подъ проценты¹⁰⁰⁾. Вообще о двинской торговлѣ навѣрное можно сказать, что Орденъ являлся въ ней болѣшимъ конкурентомъ Риги; этимъ объясняется участіе братьевъ Ордена въ торговыхъ договорахъ съ Русскими наряду съ представителями купечества; мы уже видѣли, что при заключеніи договоровъ 1210 и 1229 года посредничество принимали на себя рыцари Ордена, а въ договорной грамотѣ 1229 года находится статья, которая ясно

⁹⁸⁾ Тамже, № 50: „что избили братию нашю у васъ и товаръ понимали, за то вамъ Богъ помози; аже есте разбойниковъ изыскали, по христиному челованію правду держите, братеи нашей товаръ дайте и разбойники“.

⁹⁹⁾ Тамже, стр. 40.

¹⁰⁰⁾ Такъ магистръ даваль по 40, то 100 и 140 марокъ серебра. Rig. Schuldb. №№ 110, 220, 1336, 1813 etc.

показываетъ, что Орденъ смотрѣлъ на торговлю по Двинѣ, какъ дѣло зависящее отъ его власти: о рыцаряхъ тамъ говорится, что они «дали Двину вольну отъ устья до верху, по водѣ и по берегу, всякому гостю русскому и пѣмецкому, ходящимъ внизъ и вверхъ» — какъ будто значительная доля Двины не принадлежала Полоцку и Витебску¹⁰¹⁾. Наконецъ въ договорѣ съ Нѣмцами смоленского князя Ивана Александровича на первомъ планѣ стоитъ орденская власть, представителемъ которой для заключенія договора въ Смоленскъ прѣѣжалъ одинъ рыцарь¹⁰²⁾. Полоцкія договорные грамоты обыкновенно пишутся также на имя Ордена; въ самой Ригѣ рыцари позволяли себѣ употреблять противъ полоцкихъ купцовъ разныя насилия, какъ было напримѣръ въ концѣ XV вѣка¹⁰³⁾; въ закрытіи Двины для заморскихъ Нѣмцевъ и въ недопущеніи полоцкихъ купцовъ въ море виновата конечно не одна Рига, а и Орденъ, построившій въ самомъ устьи Двины крѣпкій замокъ. Что касается новгородской конторы, то Орденъ хотѣлъ сбывать и туда свои товары: однажды въ концѣ XIV столѣтія онъ успѣлъ провести въ Новгородъ одного ломбардскаго купца, везшаго товаръ Ордена; Ломбардѣцъ умѣлъ какъ-то проникнуть во дворъ, однако скоро былъ узнанъ и арестованъ на основаніи правилъ двора, строго запрещавшихъ доступъ въ него всякому неганзейскому, а тѣмъ болѣе чужестранному купцу; въ отместку за то магистръ Ордена арестовалъ въ Лифляндіи нѣсколько ганзейскихъ купцовъ, и какъ видно по письму Ростока преимущественно гражданъ этого города¹⁰⁴⁾. Прускій Орденъ также желалъ участвовать въ торговлѣ на новгородскомъ дворѣ черезъ купцовъ Данцига; Ганза, узнавши это на собраніи 1388 года порѣшила, чтобы прусскіе купцы торговали въ новгородской конторѣ только своими товарами и на свои капиталы, а не привозили бы туда товары господъ духовныхъ и свѣтскихъ,

¹⁰¹⁾ Рус. Лив. А. стр. 441.

¹⁰²⁾ С. Г. Г. и Д, II, № 8: „а прїѣздили ко мнѣ на докончанье изъ Риги отъ mest'я Пѣсковъ, божии дворянинъ“.

¹⁰³⁾ Рус. Лив. А. стр. 235: „князь вашъ мештеръ Полочаномъ у Ризе торговати недалъ, а ешо и товаръ у нихъ нограбилъ, и суды отнималъ... такую имъ соромоту учинилъ“.

¹⁰⁴⁾ *Sart. Lappenh. Urk. Gesch.* II, № 161.

и непускали бы въ оборотъ чужія деньги ¹⁰⁵). Итакъ Орденъ оказывалъ двоякое вляніе на ходъ торговли: то онъ мѣшалъ ей своими войнами, причемъ для своихъ цѣлей убѣждалъ Ганзу прекращать торговлю съ Русскими; то въ мирное время онъ велъ торговлю чрезъ коммиссіонеровъ или даже безъ нихъ, и въ такомъ случаѣ оказывался важнымъ конкурентомъ для купцовъ, потому что при своемъ богатствѣ и власти могъ сдѣлать эту торговлю весьма для себя прибыльною.

Берега Финского Залива, главнаго торгового пути между Ганзой и Новгородомъ, были заняты съ юга Датчанами, а съ сѣвера — Шведами.

Еще съ конца XII вѣка начались набѣги Датчанъ на Эзель и Эстляндію; въ началѣ слѣдующаго вѣка вмѣстѣ съ Нѣмцами они учащаютъ свои походы на востокъ. Въ 1219 году Вольдемаръ II-й, сопутствуемый двумя епископами, предпринялъ въ Эстляндію крестовый походъ, результатомъ кото-раго было основаніе Ревеля. Впрочемъ власть датскаго короля надъ Эстляндіей никогда не была прочна; въ первое же время ливонскій Орденъ едва не отнялъ у Вольдемара его завоеванія; Эсты не разъ поднимали восстаніе противъ пришельцевъ, а вассалы короля, пользуясь отдаленностью отъ Даніи, неслушались распоряженій королевскаго намѣстника и своеизвѣничили, какъ хотѣли. Какъ Эсты, такъ и ихъ господа упражнялись въ грабежѣ товаровъ и людей, выброшенныхъ бурею на берега Эстляндіи, невзирая на торжественные обѣщанія епископа эзельскаго и королевскаго намѣстника въ Ревелѣ, что нѣмецкіе купцы будутъ пользоваться свободой отъ берегового права по берегамъ Эстляндіи; даже при помощи короля любецкій ратъ въ концѣ XIII вѣка немогъ добиться у эстляндскихъ рыцарей выдачи по-грабленныхъ товаровъ ¹⁰⁶). Что касается Новгорода, издавна собиравшаго дань на эстляндской Чуди, то онъ также враждебно встрѣтилъ Датчанъ въ Эстляндіи, какъ Нѣмцевъ въ Ливоніи: Ярославъ Всеволодовичъ въ 1223 году предпринялъ походъ на самый Ревель ¹⁰⁷); на поляхъ Эстляндіи

¹⁰⁵) *Hirsch. Handels- und Gewerbsgesch. Danzigs*, S. 156.

¹⁰⁶) Объ этомъ любопытный эпизодъ разсказанъ въ книѣ г. *Фортинаскоаго*, Примор. венд. города, стр. 189—191.

¹⁰⁷) II. С. Р. Л. III, стр. 39.

близъ Раковора или Везенберга разразилась битва 1268 года, вызванная, какъ увидимъ ниже, претензіями датскихъ и ливонскихъ рыцарей на правый берегъ Наровы и западную часть Водской пятины. Наконецъ обѣ стороны рѣшили помириться: съ этой цѣлію въ княженіе Андрея Александровича около 1300 года начались переговоры съ намѣстникомъ Ревеля; оттуда пришло посольство въ Новгородъ, а князь въ свою очередь отправилъ «къ королевымъ мужамъ въ Колывань» сына своего и отъ Новгорода двоихъ пословъ, какъ видно изъ вѣроятной грамоты, врученной посламъ¹⁰⁸⁾; для окончательного утвержденія мира послы ѿздили къ датскому королю, откуда возвратились въ 1302 году¹⁰⁹⁾). До нась не дошло перемирной грамоты; по всей вѣроятности кромѣ опредѣленія границъ въ ней было писано о свободѣ торговли для купцовъ обѣихъ сторонъ и о свободномъ проѣздѣ сквозь Эстляндію. Въ 1323 году королевскій намѣстникъ въ Ревель снова объявилъ свободу отъ берегового права и безпрепятственный проѣздъ нѣмецкимъ купцамъ до Новгорода съ оговоркою: «доколѣ сами Новгородцы будуть расположены къ западнымъ христіанамъ»¹¹⁰⁾). Но въ половинѣ XIV вѣка поднялось сильное восстаніе Эстовъ противъ датского господства, которое взялся усмирить Орденъ; дѣло кончилось тѣмъ, что датскій король Вальдемаръ III-й, видя трудность борьбы и въ тоже время нуждаясь въ деньгахъ, продалъ Эстляндію нѣмецкому гохмейстеру, а тотъ перепродалъ ее магистру ливонскому; съ тѣхъ поръ рѣка Нарова стала служить границей между владѣніями Ордена и новгородскою землей. Съ того же времени Ревель начинаетъ быстро возвышаться и приобрѣтать большое значеніе; послѣ Риги онъ становится важнѣйшимъ между всѣми городами остзейскаго края. Для ганзейскихъ кораблей онъ былъ необходимой станцией на пути въ Новгородъ; здѣсь собиралась корабельная подать (Pfundzoll); наконецъ ревельскій ратъ ведетъ большую переписку по дѣламъ новгородскаго двора, что доказывается

¹⁰⁸⁾ Рус. Лив. А. № 43.

¹⁰⁹⁾ Р. С. Р. Л. III, стр. 68, 1302: „того же лѣта посылаша послы за море въ Донскую землю, и привезоша миръ докончавше“.

¹¹⁰⁾ Рус. Лив. А. № 57, стр. 34: „quamdiu ipsi cives Nogardin-
ses amici christianitatis fuerint et fautores“.

громаднымъ числомъ документовъ, сохранившихся въ ревельскомъ архивѣ¹¹¹⁾). Есть извѣстія, что Новгородъ и въ XV вѣкѣ договаривался съ Даніей: такъ въ 1428 году Дерптъ пересыпалъ въ Ревель письмо нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, въ которомъ тѣ извѣщаютъ о недавнемъ возвращеніи новгородскихъ пословъ изъ Даніи и заключеніи съ нею пятилѣтнаго мира¹¹²⁾). Такъ какъ въ то время Данія не соприкасалась непосредственно съ новгородской землей, то очевидно договоръ былъ заключенъ для обезпеченія новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ за моремъ въ Даніи. Съ тою же цѣлію вѣроятно великій князь Иванъ Васильевичъ заключилъ миръ съ датскимъ королемъ въ 1493 году¹¹³⁾; а одинъ изъ лифляндскихъ историковъ сообщаетъ извѣстіе, будто въ силу этого договора великій князь началъ воевать со Швеціей за Финляндію и въ тоже время обѣщался прекратить торговлю ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ¹¹⁴⁾.

И въ XIII вѣкѣ Шведы продолжали свои воинственные походы на восточные берега Балтійскаго моря; эти походы, бывшіе продолженіемъ древнихъ норманскихъ набѣговъ, по временамъ принимали видъ настоящихъ крестовыхъ походовъ для обращенія Еми, Кореловъ и Ижеры, а также для войны съ схизматическими Новгородцами, какъ знаменитые походы Биргера и Магнуса, столь неудачно окончившіеся для Шведовъ. Съ конца того вѣка ихъ стремленіе на берега Финскаго залива еще больше усиливается: они хотятъ утвердиться въ южной Финляндіи и въ самомъ устьи Невы. Для закрѣпленія своихъ завоеваній Шведы строили укрѣпленные города, какъ то: Выборгъ, Тавастгусъ, Ландскрону, Кексгольмъ и нѣкоторые другие городки; съ своей стороны Новгородцы отвѣчали Шведамъ нападеніями на ихъ новые го-

¹¹¹⁾ Гер. Гильдебрандъ. Отчеты о розыскан. произведен. въ рижск. и ревельск. архив. по части рус. исторіи.

¹¹²⁾ Тамже, № 85, стр. 38.

¹¹³⁾ Рус. лѣтоп. по Никон. списку VI, стр. 136, 1493: „тогожъ лѣта Юна пришёлъ посолъ изъ нѣмецъ къ великому князю отъ датскаго короля Ивана о любви и о братствѣ“. Великій князь отправилъ съ нимъ въ Данію своихъ пословъ; на другой годъ они возвратились и размѣнялись грамотами. Тамже, стр. 140.

¹¹⁴⁾ Hadebusch. Livländ. Jahrbücher, I, letz. Abschn. S. 246 (1780).

рода и вторжениями вглубь Финляндіи. Вследствіе этой войны въ области, по которой пролегалъ древнѣйшій и самый важный торговый путь изъ Германіи въ Новгородъ, торговля должна была терпѣть большой уронъ: нѣмецкимъ купцамъ нельзя было ѿздить по Невѣ и Волхову; они должны были предпринимать поѣзdkи окольнымъ путемъ чрезъ Нарову и Чудское озеро и оттуда сухимъ путемъ до Новгорода; этотъ путь если не былъ длиннѣе, за то менѣе былъ безопаснѣй, потому что пролегалъ между Эстляндіей, Новгородомъ и Псковомъ на границахъ этихъ земель, гдѣ собирались разные воровскіе люди, грабившіе проѣзжихъ купцовъ. Поэтому нѣмецкое купечество хлопотало предъ шведскими королями, чтобы ему и въ военное время былъ дозволенъ свободный проѣздъ въ Новгородъ по Финскому заливу и Невѣ; въ 1295 году Биргеръ далъ такое позволеніе, но очевидно съ неохотою, уступая, какъ онъ говорилъ, только просьбѣ императора, и то съ небольшимъ на одинъ годъ, обязавъ притомъ купцовъ непривозить въ Новгородъ оружія, желѣза, стали и разныхъ металлическихъ издѣлій, и убѣждая ихъ ни дѣломъ, ни совѣтомъ непредпринимать ничего вреднаго для Шведовъ. Тутъ же Биргеръ дѣлаетъ общее замѣчаніе, которое не разъ повторяли лифляндскіе Нѣмцы, а позже король польскій и другіе властители Европы, что отъ морской торговли Русскіе, ихъ враги, могутъ усилиться, — мысль конечно вѣрная, но только наполовину: ибо Ганза нехуже другихъ умѣла препятствовать морской торговлѣ Новгорода, какъ Рига и Орденъ препятствовали торговлѣ Полоцка, Витебска и Смоленска¹¹⁵⁾). Впрочемъ что касается Шведовъ, то Ганза и Новгородъ, одинаково терпя отъ ихъ воинственныхъ нападеній, сообща хлопотали о безопасноти торгового пути по Финскому заливу и Невѣ. Въ 1300 году Шведы высадились

¹¹⁵⁾ Грамота Биргера у *Bunge*, LEK. Urk. I, № 559. Между прочимъ вотъ что говорить король: „quamvis hoc nobis damnosum noverimus, largam licentiam conferimus ad Nogardiam navigandi hac conditioне adjecta, quod nullus de memoratis civitatibus ad Ruthenos navigans arma, ferrum, caliben vel expensas quascunque nisi pro usibus personae propriae, secum ferre praesumat; nullus etiam de predictis facto vel consilio, per se vel per alios, oculte vel manifeste, attemptet procurare, puod in nostrum vel regni nostri cedere possit praejudicium vel gravamen“.

при устьи Невы и начали строить укрепление Ландскрону на месте нынешнего С.-Петербурга; несмотря однако на это новгородский великий князь Андрей Александрович въ грамотѣ Любеку обезпечиваетъ немецкимъ купцамъ свободный проѣздъ по Невѣ подъ защитою его, князя, и новгородскихъ проводниковъ; онъ высказываетъ надежду, что Шведы покинутъ землю Св. Софіи и снесутъ свою крѣпость недавно построенную; въ послѣднемъ случаѣ князь проситъ Любчанъ прислать въ Новгородъ пословъ, чтобы они вмѣстѣ съ новгородскими могли отправиться къ шведскому королю для заключенія мира¹¹⁶⁾). Шведы однако неоставили добровольно Ландскроны, а потому весной 1301 года Новгородцы собрались въ походъ и разрушили ее до основания¹¹⁷⁾). Снова возгорѣлась вражда съ обѣихъ сторонъ, длившаяся почти всю первую четверть XIV вѣка: Шведы въ 1313 году сожгли Ладогу, а въ 1317 году грабили новгородскихъ купцовъ на Ладожскомъ озерѣ; съ своей стороны Новгородцы предпринимали два похода въ южную Финляндию¹¹⁸⁾, а въ 1322 году подступали подъ Выборгъ, хотя должны были воротиться безъ всякаго успѣха. Наконецъ осенью 1323 года при князѣ Юріѣ Даниловичѣ, посадникѣ Варѳоломеѣ и тысяцкомъ Аврамѣ Новгородъ заключилъ съ Швеціей знаменитый орѣховскій договоръ, по всейѣ вѣроятности не безъ участія Ганзы, потому что для немецкихъ купцовъ въ немъ выговорены важныя льготы; они не только приобрѣли право безпрепятственного плаванія по Финскому заливу и Невѣ, но и право сухопутныхъ поѣздокъ отъ Выборга до новгородской земли чрезъ Корелію; въ списѣ орѣховского договора на русскомъ языке, отысканномъ недавно въ Швеціи, обѣ этомъ говорится слѣдующимъ образомъ: «гостю гостити безъ пакости изъ всей немецкой землѣ, изъ Любка, изъ Готскаго берега и Свѣйской землї по Невѣ»

¹¹⁶⁾ Грамота въ русскомъ переводе напечатана въ приложении къ договору 1270 г. Андреевскаго, стр. 102—103. Боннель относитъ ее ко времени между построениемъ Ландскроны и разрушениемъ ея (Chronogr. Commentar. S. 138).

¹¹⁷⁾ П. С. Р. Л. III, 67—68. Bonnel, Chroogr. s. 97.

¹¹⁸⁾ О походахъ Новгородцевъ на Тавастгусъ 1311 года и на Або 1318 г. см. у Лерберга, Untersuchungen, S. 184—198.

въ Новгородъ горою и водою, а Свѣямъ всѣмъ изъ Выбора города гости непереимати, также и нашему гостю чистъ путь за море»¹¹⁹⁾). Граница между шведской и новгородской Финляндіей проводится отъ рѣки Сестры, впадающей въ Финскій заливъ, на сѣверъ вплоть до «кайна моря» т. е. до Сѣвернаго океана у береговъ Лапландіи. Орѣховскій миръ былъ неразъ подтверждаемъ и послѣ, какъ напримѣръ въ 1339 году; многочисленные латинскіе списки его XV—XVII вѣковъ свидѣтельствуютъ, какъ онъ былъ важенъ для обѣихъ сторонъ. Тѣмъ неменѣе Шведы и позже непереставали препятствовать торговлѣ Новгорода съ Ганзой: изъ Выборга они всегда имѣли возможность «перенять» купеческія суда, идущія по Финскому заливу; шведскимъ же королямъ постоянно было непріятно, что Новгородъ получаетъ отъ Нѣмцевъ нѣкоторыя средства для борьбы съ ними за Финляндію: въ 1352 году король Магнусъ снова жаловался Ганзѣ, что нѣмецкіе купцы усиливаютъ Русскихъ, подвозя къ нимъ оружіе, сукно, желѣзо, соль, соленую рыбу и прочія жизненные средства, — вопреки папскимъ распоряженіямъ, имъ самимъ известнымъ и въ большой ущербъ ему, королю; въ тоже время Магнусъ жаловался на безчестье, оказанное шведскимъ плѣннымъ въ Новгородѣ: ибо нѣмецкіе купцы попрекали Шедовъ, что они пираты и злодѣи, которые стараются уничтожить торговлю нѣмецкаго купечества, посыпающаго Новгородъ, — упрекъ хотя и жесткій, но нужно признаться — далеко небезосновательный. До какой степени озлобленіе Нѣмцевъ и Новгородцевъ на Шедовъ было сильно, доказываетъ наконецъ третья жалоба короля: когда одинъ нѣмецкій купецъ, движимый состраданіемъ къ плѣннымъ Шедамъ, проживавшимъ въ Новгородѣ, сталъ оказывать имъ

¹¹⁹⁾ Я. К. Грофъ. Библіогр. и историч. замѣтки (Прилож. къ XXXI т. Запис. И. Ак. Н. 1877). Подлинной договорной грамоты несохранилось, а только списки ея по двумъ редакціямъ, изъ коихъ одну считаются за особенный договоръ 1339 года (Ленстремъ. О мирныхъ договорахъ между Россіею и Швеціею въ XIV вѣкѣ. Учен. Зап. Казанск. Унів. кн. 2, 1855). Г. Боннель справедливѣе доказываетъ, что это только двѣ редакціи одного и того же договора 1323 года (Chronogr. Сом. с. 153—155). Впрочемъ этотъ вопросъ заслуживаетъ пересмотра, болѣе тщательного.

нѣкоторую помошь деньгами и вещами, то дворъ исключилъ этого купца изъ своей среды, а Новгородцы взяли его и казнили смертью ¹²⁰⁾.

ГЛАВА IV.

Одновременно съ развитіемъ колонизаціи и городской жизни въ прибалтійскомъ краѣ т. е. приблизительно съ XIII вѣка нужно полагать начало Ганзы нѣмецкихъ городовъ съ Любекомъ во главѣ. Съ тѣхъ поръ права суда и управлениія отдельныхъ купеческихъ корпорацій, производившихъ торговлю на Готландѣ, въ Лондонѣ и другихъ чужестранныхъ рынкахъ, переходятъ на городскіе совѣты, которые берутъ въ свое руководство внутреннюю и внѣшнюю торговлю, все регулируютъ и направляютъ къ одной общей цѣли. Еще въ пору своего самостоятельного существованія заграничныя купеческія корпораціи или ганзы въ собственномъ смыслѣ не разъ нуждались въ содѣйствіи городовъ: связанныя съ ними происхожденіемъ и общимъ правомъ онѣ въ сомнительныхъ случаяхъ обращались къ городскимъ совѣтамъ за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ права, апеллировали туда какъ въ высшія судебныя инстанціи, или наконецъ просили содѣйствія городовъ для выполненія своихъ постановленій ¹⁾). При томъ для отдельныхъ купеческихъ корпорацій, по крайней мѣрѣ въ первое время не было обязательно поступленіе въ общую нѣмецкую Ганзу; такъ напримѣръ гамбургскіе купцы долго

¹²⁰⁾ Kortmann. Die Recessse u. a. Akt. I, s. 109: Unum mercatorum, qui ipsis captivis compaciens, bona sua distribuit et pecunias exposuit ad tegendum eorum nuditatem et ad emendum et procurandum quibusdam necessaria vitae, quoad victim, qui alias fame et sciti destructi fuissent, extra suum consortium ejeserunt, quem statim Rutheni ob eorum invidiam decollarunt". Эти плѣнныя Шведы понали въ Новгородъ вѣроятно въ послѣднюю войну съ Магнусомъ 1348—9 года.

¹⁾ Lappenberg. Urk. Gesch. der Ursprung d. deut. Hansa, I, S. XXI.

составляли свои особенные гильдии въ Утрехтѣ, Слюйсѣ и Осткеркенѣ подъ именемъ фландрскихъ гостей; они сами управлялись и судились, а въ случаѣ нужды апеллировали въ Гамбургъ ²⁾). Однако такие случаи независимости отдѣльныхъ купеческихъ гильдій на ряду съ общей Ганзой очень рѣдки: дальнѣйшая исторія вѣнчней нѣмецкой торговли шла именно въ духѣ централизаціи, въ подчиненіи всѣхъ купцовъ руководству городскихъ ратовъ. Такое сосредоточеніе управлія купеческихъ дѣлъ въ городскихъ ратахъ случилось конечно въ ущербъ самостоятельности отдѣльныхъ купеческихъ гильдій, торговавшихъ за границей; но взамѣнъ того онѣ пріобрѣли въ городскихъ совѣтахъ, а особенно въ городскихъ союзахъ такую защиту своихъ правъ, какой прежде при своихъ малыхъ силахъ онѣ немогли себѣ обеспечить. Число такихъ городскихъ союзовъ въ сѣверной Германіи съ XIII вѣка, особенно со временемъ междуцарствія быстро возрастаетъ; изъ нихъ важнѣе были тѣ, которые заключалъ съ разными городами Любекъ и вендскіе города. Такъ въ 1241 году Любекъ вступилъ въ договоръ съ Гамбургомъ о свободѣ торговли ихъ купцовъ другъ у друга, — договоръ по замѣчанію Копмана означающій связь Балтійского моря съ Нѣмецкимъ ³⁾), хотя еще Сарторій справедливо сомнѣвался считать этотъ договоръ за начало Ганзы ⁴⁾). Затѣмъ Гамбургъ вступаетъ въ торговые и оборонительные союзы съ Бременомъ, Брауншвейгомъ и другими саксонскими городами; въ свою очередь саксонскіе города договариваются съ вендскими ⁵⁾). Въ концѣ XIII вѣка Любекъ вступаетъ въ договоръ съ Визби и Ригой о защитѣ купцовъ, плавающихъ по Балтійскому морю ⁶⁾). Но самый важный союзъ, впослѣдствіи привлекшій къ себѣ почти всѣ города нижней и средней Германіи, и такимъ образомъ послужившій ядромъ общей

²⁾ Ibid. Срав. также ст. K. Копмана: Hamburgs Stellung in der Hansa (Hans. Geschichtsblatt. 1875).

³⁾ Die Recessse u. a. Akt. I, s. XXXII. Подробнѣе о немъ Копманъ разсуждаетъ въ особой статьѣ: der Vertrag zwischen Hamburg und Lübeck v. S. 1241 (Hans. Geschichtsbl. 1872).

⁴⁾ Gesch. des hans. Bund. I, 371—379.

⁵⁾ Koppmann. Die Recessse, I, S. XXXIV—V.

⁶⁾ Sart-Lapp. Urk. Gesch. II, №№ 41 und 48.

нѣмецкой Ганзы, былъ союзъ венскихъ городовъ: Любека, Висмара, Ростока, Стральзунда и Грейфсвальда ⁷⁾). Однако несмотря на то, что въ Любекѣ и съ ближайшими съ нимъ венскими городахъ идея общей нѣмецкой Ганзы была наиболѣе сильна, чѣмъ въ другихъ городахъ, — такъ какъ Любекъ съ венскими городами наиболѣе выигрывалъ при осуществлѣніи этой идеи, — несмотря на то союзъ венскихъ городовъ нерѣдко ослабѣвалъ, а въ началѣ XIV вѣка, благодаря хитрой политикѣ датского короля Эриха Менведа, совершенно разстроился: Любекъ очутился даже во враждѣ со Стральзундомъ и Висмаромъ; вслѣдствіе того венскіе города больше прежняго должны были подчиниться Даніи и вассаламъ имперіи. Но со второй половины того же вѣка венскій союзъ снова крѣпнетъ; датскій король Вальдемаръ III завоевалъ Визби, центръ прежняго нѣмецкаго купечества и одну изъ важнѣйшихъ торговыхъ станцій на Балтійскомъ морѣ; кромѣ того онъ намѣревался подчинить своей власти всю сѣверную Германію въ тѣхъ размѣрахъ, какими Данія владѣла въ началѣ XIII вѣка, и такимъ образомъ осуществить на дѣлѣ титулъ «короля Славіи». Для венскихъ городовъ теперь предстояла борьба не только за всю будущность ихъ торговли на Балтійскомъ морѣ, но и за свое независимое существованіе. Правда первая война съ королемъ нѣбыла удачна для Любека и венскихъ городовъ; за то вторая подняла ихъ значеніе до высокой степени: по стральзундскому миру 1370 года чины датского королевства обязались выслушивать на будущее время согласіе Ганзы при избраніи новаго короля. Съ эпохи стральзундскаго мира начинается блестящій вѣкъ Ганзы, какъ торговаго и политического союза. Конечно нѣмецкая имперія никогда немогла признать самостоятельности ганзейскаго союза, хотя по своей слабости и терпѣла его существованіе; но нужно также замѣтить, что въ сущности Ганза содѣйствала видамъ имперіи: ибо Ганза докончила онѣмеченіе прибалтійскихъ Славянъ; она же сдер-

⁷⁾ Въ прекрасномъ изслѣдованіи объ этомъ союзѣ г. Фортинскій особенно удачно выставляетъ на видъ одну сторону въ вопросѣ объ образованіи ганзейскаго союза, именно—развитіе *внутренней свободы* городовъ параллельно съ развитіемъ городскихъ союзовъ, а также домашней и заграничной торговли.

живала напоръ Даніи, которая стремилась овладѣть съверной Германіей. Главная сила союза состояла въ обширномъ флотѣ, посредствомъ которого онъ хо́зяйничалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ; въ этомъ отношеніи исторія Ганзы есть исторія морскаго могущества Германіи: въ средніе вѣка ганзейскій союзъ былъ на съверѣ Европы первостепенною морскою силой, особенно чувствительной для трехъ съверныхъ государствъ, соединенныхъ кальмарскою уніей, — и нѣтъ сомнѣнія, что ганзейская политика была одною изъ причинъ, мѣшавшихъ осуществленію этой уніи.

И однако было бы совершенно невѣрно представлять этотъ союзъ сильнымъ и прочно организованнымъ; напротивъ за все время своего существованія Ганза обнаруживала признаки далеко несовершенной организаціи и большой внутренней слабости. Крѣпкой центральной власти, связующей города, не существовало: ганзетаги собирались далеко не всегда исправно; ихъ рѣшенія оставались часто безъ исполненія, если отдельные города находили невыгоднымъ слѣдовать имъ. Согласить всѣхъ къ однообразному дѣйствію было весьма трудно, такъ какъ интересы городовъ, составлявшихъ союзъ, расходились весьма далеко. Кельнъ съ вестфальскими городами издавна стремился къ преобладанію въ лондонской конторѣ: въ XIII вѣкѣ онъ це допускалъ въ свою ганзу ни любецкихъ, ни гамбургскихъ купцовъ, и тѣ должны были организоваться въ свои отдельныя ганзы; при Эдуардѣ IV-мъ Кельнъ совершенно даже вытѣснилъ любецкихъ купцовъ съ лондонского двора и къ великому огорченію Ганзы очутился его полнымъ хозяиномъ⁸⁾. Тѣже вестфальскіе города въ вопросѣ объ апелляціи на приговоры новгородскаго двора вмѣстѣ съ Визби представляли оппозицію Любеку и венскимъ городамъ, по прежнему желая имѣть высшей инстанціей Визби, а не Любекъ. Выше мы представили, какъ Рига съ лифляндскими городами домогалась увеличить права своихъ купцовъ въ Новгородѣ и какъ въ тоже время стремилась удалить ганзейскихъ купцовъ изъ области западной Двины. Данцигъ съ прусскими городами

⁸⁾) R. Pauli. Die Haltung der Hansestdte in den Rosenkriegen. (Hans. Geschichtsblt. 1874).

также требовалъ себѣ большихъ правъ въ новгородскомъ дворѣ, чѣмъ уступала ихъ Ганза: они требовали права имѣть тамъ особенного ольдермана и священника, права сухопутныхъ поѣздокъ въ Новгородъ, наконецъ права привозить туда польскія сукна ⁹⁾). Нерѣдко союзъ разстраивался до такой степени, что почти переставалъ существовать, и только Любекъ съ венскими городами хлопоталъ тогда о поддержаніи «купеческой храмины». Противъ ослушниковъ своихъ распоряженій Ганза имѣла одно сильное средство,—это изгнаніе изъ союза съ лишенiemъ всѣхъ ганзейскихъ правъ и запрещенiemъ всякихъ сношеній съ опальнымъ городомъ или купцомъ. Но такое рѣшительное средство можно было употреблять изрѣдка и съ большой осторожностью; притомъ оно невсегда было дѣйствительно по отношенію къ большимъ городамъ: Бременъ напримѣръ трижды былъ исключаемъ изъ Ганзы, но повидимому ниразу не находилъ для себя чувствительной утрату ганзейскихъ правъ ¹⁰⁾). Если же несмотря на эти недостатки своей внутренней организаціи Ганза достигла большого политического значенія въ сѣверной Европѣ; если посредствомъ своихъ конторъ въ Новгородѣ, Бергенѣ, Брюгге и Лондонѣ она захватила въ свои руки обширную торговлю, и стала посредницей между востокомъ и западомъ съ одной стороны, и югомъ и сѣверомъ Европы съ другой, то причина всему этому лежитъ въ крайней раздробленности феодальной Европы вообще и нѣмецкой имперіи въ особенности: Ганза была сильна безсиліемъ другихъ, и только сравнительно съ малоустроенной имперіей можетъ называться благоустроеннымъ союзомъ. За то усиленіе нѣмецкихъ князей, бывшее однимъ изъ важныхъ слѣдствій реформаціи, оказалось для Ганзы весьма опаснымъ: «князья ревниво наблюдали, чтобы какой нибудь городъ не вздумалъ уклониться отъ ихъ юрисдикціи: а когда въ городахъ къ религіозному движению присоединилось соціальное, какъ въ Мюнстерѣ и Бременѣ, то князья въ высшей степени подозрительно стали смотрѣть на всякое безъ исключенія сво-

⁹⁾) T. Hirsch. Hand- u. Gewerbgesch. Danzigs, 156—157.

¹⁰⁾) D. Schäfer. Bremens Stellung in der Hansa. (Hans. Geschichtsblät. 1874). Самъ Любекъ, глава союза, въ началѣ XV вѣка былъ лишенъ некоторое время ганзейскихъ правъ за демократическое движение внутри города и реформу рата.

бодное движение общинъ»¹¹⁾. Въ Германіи отношенія измѣнились также не въ пользу Ганзы. Съ развитіемъ королевской власти, съ пробужденіемъ національного чувства и сознанія народныхъ интересовъ для Ганзы стало невозможно удержать свои старинныя монополіи; а съ открытиемъ Америки и развитіемъ мореплаванія по Атлантическому океану усиливаются старые соперники Нѣмцевъ Голландцы и Англичане. Въ 1598 году декретомъ королевы нѣмецкій дворъ въ Лондонѣ былъ закрытъ, купцы изгнаны, а 60 кораблей ихъ арестованы¹²⁾. Со временемъ реформаціи усиливается Швеція, и король ея Густавъ Ваза рѣшительно заявляетъ: «нельзя больше терпѣть того, чтобы Любекъ обходился съ тремя великими царствами съвера, какъ съ мелочнымъ товаромъ»¹³⁾. Но самый ранній и наиболѣе чувствительный ударъ Ганзѣ былъ нанесенъ великимъ княземъ московскимъ Иваномъ III Васильевичемъ, который въ 1494 году приказалъ опечатать нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, а купцовъ въ количествѣ сорока девяти человѣкъ — посадить въ тюрьму. Какъ велико было значеніе новгородской конторы видно изъ того, что Ганза послѣ ея закрытія несчитала выgodнымъ поддерживать контору въ Брюгге, такъ какъ безъ новгородской она не могла существовать.

Теперь обратимся къ нѣмецкому двору въ Новгородѣ, прослѣдимъ его внѣшнюю судьбу и разсмотримъ его внутреннее устройство.

На Торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ, на Варяжской улицѣ стоялъ древній варяжскій или готскій дворъ. Упомянутая улица, по изысканіямъ нашихъ ученыхъ совпадающая съ нынѣшнею Нутною улицей¹⁴⁾, по всей вѣроят-

¹¹⁾ Тамже, стр. 34.

¹²⁾ R. Pauli. Der hansische Stahlhof in London. (Bilder aus alt-England. 1876. Gota).

¹³⁾ K. v. Schlotzer. Verfall und Untergang der Hansa und d. deutschen Ritterordens, S. 198. (1853).

¹⁴⁾ Митр. Евгенія и г. Красова. Впрочемъ эти изслѣдователи не вполнѣ согласны въ опредѣленіи мѣстности готскаго и нѣмецкаго дворовъ; г. Красовъ даже отожествляетъ оба двора, что совсѣмъ невѣрно, и вообще колеблется точнѣе обозначить мѣстность нѣмецкаго двора (О мѣстоположеніи древн. Новгорода, стр. 97—100).

1494.

ности получила свое название отъ варяжской купеческой колонии, изстари устроившейся въ Новгородѣ. Неподалеку отъ готского двора на нынѣшней большой Михайловской улицѣ стоялъ нѣмецкій дворъ св. Петра¹⁵⁾; ближайшими сосѣдями того и другого были михайловскіе уличане¹⁶⁾. Судя по различицѣ платы, которую Нѣмцы давали новгородскимъ извощикамъ за провозъ своихъ товаровъ съ берега Волхова, — 10 кунъ съ лады до готского двора и 15 кунъ—до нѣмецкаго, нужно заключить, что первый былъ ближе къ берегу Волхова, чѣмъ второй. Нельзя не замѣтить, что Нѣмцы выбрали для своихъ дворовъ весьма удобное мѣсто: неподалеку волховская пристань; вдоль берега рѣки тянулись луга, изстари уступленные Готамъ и Нѣмцамъ во владѣніе¹⁷⁾; съ другой стороны весьма близко торговище, центръ новгородской торговли; путь къ нему съ готского двора лежалъ черезъ княжій дворъ, къ которому съ другой стороны примыкаль псковскій торговый дворъ¹⁸⁾. Рядомъ съ нѣмецкимъ дворомъ находилась церковь св. Ивана Предтечи на Опокахъ, гдѣ производился судъ между Нѣмцами и Новгородцами: значитъ и судная палата была у Нѣмцевъ подъ рукою. Конечно такое выгодное мѣсто они приобрѣли не даромъ, какъ обѣ этомъ можно догадываться по разсказу о построеніи нѣмецкой божницы, а разъ приобрѣвши его дорожили каждой пядью своей земли. По договору 1270 года они требуютъ, чтобы мѣсто вокругъ готского двора на разстояніи восьми шаговъ было свободно отъ построекъ, склада товаровъ, и дровъ, и чтобы имъ оставался свободный проходъ до торговища черезъ княжій дворъ¹⁹⁾; они также не

¹⁵⁾ Красовъ. О мѣстополож. древ. Новгорода, стр. 99.

¹⁶⁾ Bunge. LEK. Urk. III, № 1082 „Welk ungemak gescheen is in der goten houe dat hebbe wi geendiget mit unsen naburen van sunte Michelsstrate“ (Проектъ догов. 1371 г.).

¹⁷⁾ См. гл. II, примѣч. 17.

¹⁸⁾ Sart-Lappenb. Urk. Gesch. II, 42: „via a curia Gotensium trans curiam regis usque ad forum libera erit et aedificiis inoccupata“. — II. С. Р. Л. IV, 109, 1406: „погорѣ княжъ дворъ отъ готкого двора до псковскаго“.

¹⁹⁾ Sart-Lapp. II, 42: „Circa curiam Gotensium secundum justiciam antiquam ad 8 passus aedificia poni non debent, nec lignorum congeries circumponi, nec aliquid in ea fieri debet preter ipsorum voluntatem“.

позволяли Новгородцамъ строить лавокъ или останавливаться съ товарами на мостовой, которую они сами поддерживали вокругъ своего двора²⁰⁾. Съ своей стороны Новгородъ настаивалъ, чтобы при перестройкѣ ограды вокругъ двора Нѣмцы не захватывали земли больше прежняго²¹⁾. Послѣ пожара 1299 года, истребившаго нѣмецкій дворъ, ганзейскій посолъ хлопоталъ въ Новгородѣ объ увеличеніи мѣста подъ новый дворъ; въ тоже время онъ просилъ позволенія провести водосточную трубу отъ церкви до берега Волхова²²⁾; согласился ли тогда Новгородъ на эти просьбы, неизвѣстно; если и согласился, то по всей вѣроятности за извѣстную плату со стороны Нѣмцевъ. Что касается водопровода, то вопросъ о немъ Нѣмцы поднимали неразъ и въ XV вѣкѣ. Въ 1431 году контора писала въ Дерптъ, что водопроводъ день ото дня портится, и вода не имѣетъ никакого стока со двора, что по этому случаю прикащикъ двора (*des houes knecht*) говорилъ съ улицкими старостами (*mid den oldesten van der straten*), а тѣ обѣщались доложить Новгороду просьбу Нѣмцевъ, чтобы исправить водопроводъ отъ церкви къ рѣкѣ²³⁾. Въ 1436 году ганзейскіе послы прошли позволенія устроить водопроводъ отъ нѣмецкаго двора до готскаго, но не получили никакого отвѣта²⁴⁾, а изъ одного документа 1437 года узнаемъ, что Новгородъ соглашался на проведеніе трубы только при томъ условіи, если Нѣмцы позволятъ православной церкви въ Ревель имѣть дверь съ улицы²⁵⁾. Наконецъ съ давнихъ поръ Новгородъ привлекалъ Готовъ и Нѣмцевъ къ участію въ мощеніи городскихъ улицъ, вѣроятно ближайшихъ къ ихъ дворамъ, какъ это видно изъ устава о мостовыхъ. Исторіографъ Карам-

²⁰⁾ *Bunge, LEK. Urk. III, № 1082:* „juwe koplude de en solen nicht stan up nnser brugge to beidentsidēn vor unseme houe

(проектъ 1371 г.).

²¹⁾ *Sart. Lappenb. II, S. 100.*

²²⁾ *Ibid. s. 160:* „de curia Teutonicorum laciōri in reedificando.. de caua ab ecclesia ducenda ad aquam, dictam Wolchouwe“ — говорилъ между прочимъ ганзейскій посолъ въ Новгородѣ.

²³⁾ *Ropp. Hanserecesse, I, № 217, S. 146—147.*

²⁴⁾ *Ibid. s. 520.*

²⁵⁾ *Г. Гильдебрандъ. Отчетъ о розыск. произведен. въ рижск. и ревельск. архив. стр. 42, № 140.*

зинъ²⁶⁾ справедливо соображаетъ, что этотъ уставъ не можетъ быть приписанъ Ярославу I Владимировичу, а скорѣе Ярославу Всеволодовичу; другіе впрочемъ думаютъ, что распоряженіе о мощеніи новгородскихъ улицъ было сдѣлано именно старымъ Ярославомъ²⁷⁾; но въ такомъ случаѣ нужно предположить, что статья о привлечениіи Готовъ и Нѣмцевъ къ поддержанію мостовой внесена въ *письменный* уставъ не раньше второй половины XII вѣка т. е. времени основанія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ; быть можетъ она внесена въ то же время, когда написанъ первый до насъ дошедшій договоръ Новгорода съ Нѣмцами и Готами, т. е. въ самомъ концѣ этого столѣтія, при князѣ Ярославѣ Владимировичѣ.

Что касается частнѣе готскаго двора, то приблизительно съ половины XIV вѣка ратманы Визби сдаются его въ наймы Ганзѣ. До насъ дошелъ цѣлый рядъ документовъ, въ которыхъ изложены самыя условія найма. Такъ въ 1414 году уполномоченный Визби пишетъ, что онъ получилъ съ ревельского рата наемную плату за готскій дворъ въ количествѣ сорока марокъ серебра за 12 лѣтъ, слѣдовательно по $3\frac{1}{3}$ марки въ годъ, — и возобновилъ контрактъ на слѣдующіе 10 лѣтъ на такихъ условіяхъ. Ганза платить городу Визби по 5 марокъ серебра въ годъ; на землѣ, принадлежащей готскому двору, Нѣмцы могутъ строить новыя зданія на ихъ собственный счетъ; если по истеченіи означенного срока Готы захотятъ сами владѣть своимъ дворомъ, то они должны представить понятыхъ, двоихъ готскихъ купцовъ и двоихъ Новгородцевъ: столько же понятыхъ должны представить и Нѣмцы, и всѣ вмѣстѣ произвести оцѣнку вновь построенныхъ Нѣмцами зданій; по уплатѣ оцѣночной суммы Готы могутъ вступить во владѣніе своимъ прежнимъ дворомъ; наконецъ если въ продолженіе означенныхъ десяти лѣтъ готскіе купцы прїѣхали бы въ Новгородъ, то они имѣютъ право остановиться въ своемъ дворѣ бесплатно²⁸⁾. Но такие случаи прїѣзда готскихъ купцовъ повидимому были рѣдки.

²⁶⁾ И. Г. Р. II, прим. 108. „Князю до нѣмецкого вымola (т. е. мостить), Нѣмчемъ до Евана вымola; отъ Евана вымola Готомъ до Геральда вымola до задньего“. Срав. Выше, прим. 20, и II гл. примѣч. 23.

²⁷⁾ Какъ думаетъ г. Барсовъ. Географія начальной хѣтописи, стр. 174.

²⁸⁾ Рус. Лив. Ак. № 185.

Изъ другихъ контрактовъ XV и XVI вѣковъ видно, что Готы во все это время ни разу не воспользовались правомъ выкупа своего двора; уже давно застроенный нѣмецкими зданіями въ сущности онъ сталъ собственностью Ганзы, такъ что Готамъ плата шла за одно только мѣсто; да и самыи дворъ, судя по незначительности арендной платы, быль очень не великъ.

Гораздо обширнѣе былъ нѣмецкій дворъ Св. Петра. Около 1260 года, въ княженіе Александра Невскаго Нѣмцы пріобрѣли у Новгорода три новыхъ зданія къ своему прежнему двору: «а которыхъ трое дворца выпросили ваша братья послы, а тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли», — замѣчаетъ Новгородъ въ договорѣ съ Нѣмцами этого года²⁹⁾). Кромѣ того до 1270 года Нѣмцы пріобрѣли еще дворъ отъ Готовъ, причемъ вѣроятно обязались держать около него мостовую³⁰⁾). Съ половины XIV вѣка они берутъ въ наймы новый готскій дворъ. Наконецъ въ 1331 году на раду съ нѣмецкимъ и готскимъ дворомъ упоминаются нѣсколько другихъ зданій, находившихся по близости съ ними, и отчасти невходившихъ въ общую ограду³¹⁾). Такимъ образомъ съ увеличенiemъ ганзейской компаніи увеличивались и размѣры двора. Кромѣ того прикупка новыхъ зданій для Нѣмцевъ обусловливалаась частыми пожарами, свирѣпствовавшими въ деревянномъ Новгородѣ, отъ которыхъ нерѣдко терпѣль и нѣмецкій дворъ. Любопытно, что отдѣльныя части двора въ XIV вѣкѣ носятъ русскія названія; въ скрѣ упоминаются клѣти (kleten), подклѣти (potklet), ропаты (rapaten), гриди-ница (gridenissen) и погребъ (pogribben)³²⁾. И это понятно: при перестройкѣ двора Нѣмцы пользовались услугами новгородскихъ плотниковъ; отъ нихъ они и усвоили русскія названія построекъ. Сверхъ упомянутыхъ частей двора внутри его находились еще слѣдующія зданія: такъ называемая новая по-

²⁹⁾ Тамже, № 16.

³⁰⁾ См. гл. II, прим. 23.

³¹⁾ Рус. Лив. А. стр. 56: „dat vornemen de duschen, de in der hoten houe stonden, in anderen houen., do vloghen de duschen, de ut anderen houen waren ein del in der gotten hof, un bleuen darinne de nacht; des morgen ghenc mäle weder in den hof, dar he inne ston; to in sunte peters hof.“

³²⁾ Sart. Lappenb. II, S. 269, 272, 273, u. a.

стройка (*neuwerk*), Морневегова камера (*Mornewegs-kammer*), названная вѣроятно по имени строителя, любецкаго купца, сильно разбогатѣвшаго отъ новгородской торговли ³³⁾, комната для молотья (*malstoue*), вѣроятно на ручныхъ жерновахъ, больница (*seykstoue*) и пивоварня (*brühaus*) ³⁴⁾. Изъ жилыхъ помѣщений (*dornsen*) одно специально назначено было для священника (*des papen dornsen*), другое — для переводчика (*tolkes klet*). Въ клѣтяхъ были лавки (*loes*); клѣти вѣлько было запирать вверху и внизу, — значитъ онѣ были двухъэтажныя, что также указываетъ на новгородскій обычай постройки ³⁵⁾. Всѣ эти зданія и церковь Св. Петра были обнесены досчатымъ заборомъ (*tune, planken*); но часть прѣзжихъ останавливалась и внѣ двора (*buten houes*) въ зданіяхъ, также принадлежавшихъ Нѣмцамъ ³⁶⁾.

Съ увеличеніемъ ганзейской корпораціи и съ развитіемъ я торговли въ Новгородѣ развивался и дворовый уставъ. Въ концѣ XIII вѣка любецкій ратъ прислалъ новгородскому двору нѣсколько правилъ, внесенныхыхъ потомъ въ скру ³⁷⁾. Въ 1338 году общее купечество въ Готландѣ также постановило нѣсколько распоряженій, обязательныхъ для новгородской конторы ³⁸⁾. Наконецъ въ 1370 году ганзейскіе послы, бывшіе въ Дерптѣ, подвергли пересмотру всю дворовую скру, причемъ оказалось, что много листовъ изъ нея повырѣзано, много статей внесено лишнихъ, написанныхъ людьми невѣжественными, по выражению пословъ; результатомъ этого пересмотра была новая редакція скры, состоящая

³³⁾ Ibid. S. 266, Anmerk. 6.

³⁴⁾ Ibid. S. 271, 272, 273.

³⁵⁾ Ibid. S. 269, 273, 274.

³⁶⁾ Ibid. S. 270. Срав. Рус. Лив. А. стр. 57.

³⁷⁾ Эти правила составляютъ такъ называемую вторую скру, состоящую преимущественно изъ статей любскаго права. Напечат. у *Сарторія-Лаппенберга Urk. Gesch.* II, S. 200—212; въ переводѣ г. Андреевскаго, въ приложениі къ договору 1270 года, она занимаетъ статьи 28—86.

³⁸⁾ Напечат. также у *Сарторія* (II, 350—354), но съ петочнымъ замѣчаніемъ, что это суть приложенія къ скрѣ, составленныя ганзейскими послами, бывшими въ Россіи (I, 136). Изъ списка этой скры, напечатанной въ Рус. Лив. А. (№ 64) видно, что она составлена уполномоченными Ганзы на Готландѣ. Въ переводѣ Айдреевскаго она занимаетъ стат. 87—110.

изъ постановленій, которыя дѣлало само купечество двора въ XIV вѣкѣ³⁹⁾). Такимъ образомъ источникомъ скры послужили не только распоряженія, исходившія изъ любецкаго рата, отъ ганзейскихъ собраний и особенныхъ уполномоченныхъ, которыхъ Ганза отправляла въ Новгородъ, но также постановленія самого новгородскаго двора; слѣдовательно онъ не былъ лишенъ нѣкоторой законодательной власти. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что высшее завѣданіе дѣлами новгородской конторы перешло къ городскимъ ратамъ. Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ не былъ постояннымъ ганзейскимъ поселеніемъ въ родѣ напримѣръ бергенской конторы; каждогодно по нѣсколько разъ, въ Новгородѣ на сѣмьну однихъ купцовъ приѣзжали другіе съ новымъ составомъ лицъ, изъ разныхъ городовъ и не въ одинаковомъ числѣ. Естественно, что при такихъ условіяхъ управление дворомъ сосредоточилось въ самихъ ганзейскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Любекѣ, а не во дворѣ съ его постоянно сменяющимся населеніемъ, хотя для него все таки оставалась нѣкоторая доля самоуправленія и суда. Сѣмью двороваго купечества объясняется и фактъ поддѣлокъ скры, засвидѣтельствованный ганзейскими послами; въ самомъ дѣлѣ при частой перемѣнѣ жителей двора, при несогласіи воззрѣній дворовыхъ ольдермановъ на вопросы, касающіеся жизни компаніи, открывалось большое поле для недоразумѣній и злоупотребленій, несмотря на тяжкій штрафъ угрожавшій всякому, кто сталъ бы своевольно вписывать въ скру новые правила, или уничтожать прежнія. Для предупрежденія поддѣлокъ было постановлено держать скру всегда въ церкви; но не было запрещено снимать съ нея копіи по нѣмецки и по русски⁴⁰⁾). Наконецъ въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ указаніе, что подлинникъ скры хранился въ ревельскомъ ратѣ⁴¹⁾.

На основаніи правиль скры XIII и XIV вѣка и другихъ

³⁹⁾ Это такъ называемая третья скра также въ сборнике Сарторія (II, 265—292). Въ началѣ она называется слѣдующимъ образомъ: „kerken recht, unde des houes recht, unde al Sante Peters recht“.

⁴⁰⁾ *Sart. Lappenb. Urk. Gesch.* II, S. 353.

⁴¹⁾ *Bunge, LEK. Urk.* IV, № 1622: „se dar neen boek en hebben, dar se sik an holden moegen“,—пинетъ контора; какъ видно тамъ не было даже копіи скры.

данныхъ внутренняя жизнь ганзейского двора въ Новгородѣ и его порядки представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Старое дѣление купцовъ на лѣтнихъ и зимнихъ, на сухопутныхъ и морскихъ сохраняется въ XIV и XV вѣкѣ; по прежнему одинъ поѣздъ по распродажѣ товаровъ уѣзжалъ, уступая мѣсто другому; зимніе гости должны оставить дворъ при послѣднемъ санномъ пути, или по первому пути водяному; лѣтніе гости должны уѣхать по послѣднему пути водяному или по первому санному⁴²⁾). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно когда было свободное помѣщеніе, зимніе гости могли проводить во дворѣ и лѣто, уплатя подать лѣтнихъ гостей; равнымъ образомъ лѣтніе гости могли оставаться на зиму, уплатя подать зимнихъ гостей; но больше года и дня ни въ какомъ случаѣ нельзя было проживать въ новгородскомъ дворѣ⁴³⁾). Однако бывали и такие случаи, что между отѣзгомъ прежнихъ гостей и прїездомъ новыхъ оставался нѣкоторый промежутокъ времени; въ такомъ случаѣ ворота двора велѣно было запирать и ключи отъ него отдавать—предварительно опечатавши ихъ—на сохраненіе одинъ новгородскому владыкѣ, а другой юрьевскому архимандри ту⁴⁴⁾). Но въ 1443 году Дерптъ увѣдомлялъ Ревель, что владыка и архимандритъ незахотѣли принять ключей отъ Нѣмцевъ⁴⁵⁾), вѣроятно по случаю неудовольствій, возникшихъ тогда между Новгородомъ и Нѣмцами. По прежнему всѣ прїѣзжіе во дворъ дѣлились на хозяевъ, прикащиковъ и прислугу; хозяинъ обязанъ доставить на мѣсто своего прикащика подъ штрафомъ въ пять марокъ серебра; подъ страхомъ такого же штрафа прикащикъ не могъ остаться во дворѣ противъ воли своего хозяина; самъ хозяинъ могъ уѣхать до срока, оставя вмѣсто себя прикащика, и за это неплатилъ никакого штрафа; но если весь товаръ распроданъ, то хозяинъ немедленно долженъѣхать со двора и

⁴²⁾ *Sart. Lappenh.* II. 351.

⁴³⁾ Ibid. 278.

⁴⁴⁾ Ibid. 269: „wan men utvaret, so scal men de slotelte besegelen, unde don den enen biscope van Nougarden, den anderen deme abate van sunte Juriane.

⁴⁵⁾ Г. Гильдебрандъ. Отчетъ о розыскѣ, иропизв. въ риж. и рев. арх. стр. 47.

взять съ собой прикащика. Живя во дворѣ купцы-хозяева могутъ продавать свой товаръ не только Русскимъ, но и другимъ хозяевамъ и прикащикамъ двора, если хотятъ скорѣе распродать товаръ; они имѣютъ право мѣнять свои товары на русскіе, или покупать русскіе товары на чистыя деньги для продажи ихъ у себя дома; но перепродажа русскихъ товаровъ и дальнѣйшая торговля ими во дворѣ была запрещена ⁴⁶⁾). Первоначально не считали нужнымъ обращаться къ посредству торговыхъ маклеровъ, и скра 1338 года запрещаетъ держать ихъ во дворѣ; но позже они являются во дворѣ, и для нихъ былъ написанъ особенный уставъ ⁴⁷⁾). Количество товаровъ, которое могъ привезти купецъ одинъ или въ компаніи съ другимъ, или взявши его на коммисію, или просто для доставки во дворѣ, ограничивается суммою въ тысячу марокъ серебра: товаръ сверхъ этой суммы арестуется въ пользу св. Петра; споръ о цѣнѣ привезенного товара, еслибы таковой случился, разрѣшается въ самомъ дворѣ: потому что только на мѣстѣ можетъ опредѣлиться настоящая цѣна товара и излишекъ его противъ положенной суммы ввоза ⁴⁸⁾). Можетъ быть Ганза этимъ правиломъ хотѣла гарантировать менѣе состоятельныхъ купцовъ противъ крупныхъ капиталистовъ, которые могли подорвать мелкихъ торговцевъ ⁴⁹⁾; но это распоряженіе могло имѣть еще и ту цѣль, чтобы во дворѣ ненакоплялось слишкомъ много товаровъ, причемъ цѣна ихъ естественно должна была упасть къ выгодѣ Новгородцевъ. По прежнему купцы и присуга дѣлились на артели, вѣроятно для хозяйственныхъ цѣлей; во главѣ артели стоялъ староста (фогтъ), выбиравшій себѣ двоихъ помощниковъ — одного изъ хозяевъ, а другого — изъ прикащиковъ; вмѣстѣ съ ними онъ назначалъ особыхъ надсмотрщиковъ надъ огнемъ и свѣтомъ, надъ клѣтками и отдельными жилыми помѣщеніями; по субботамъ фогтъ чинилъ разбирательство, и могъ судить виновныхъ въ нарушеніи дисциплины до 15-ти кунъ. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за

⁴⁶⁾ *Sart. Lappenberg.* II, 351.

⁴⁷⁾ *Ibid.* 352.

⁴⁸⁾ *Ibid.* 354, 278.

⁴⁹⁾ Тамже, стр. 278, примѣч. 5 (Сарторія).

исправнымъ употребленіемъ мебели и посуды, наблюдать за тоцкою печей и вообще за осторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ; двое слугъ, затоплявшихъ печи, должны были постоянно держать на готовѣ котель съ водой; если они заснуть, а огонь разгорится такъ сильно, что покажется большое пламя, то они должны платить штрафъ въ 10 марокъ серебра. Во дворѣ велѣно было соблюдать всевозможную тишину: дрова нужно было рубить днемъ, а не ночью, когда ложатся спать; лошадей нужно держать на привязи, а не давать имъ ходить по двору; запрещено было дразнить собакъ и возбуждать ихъ къ лаю; подъ штрафомъ 10 марокъ серебра запрещено было лазить черезъ дворовый заборъ. Но особенный предметъ заботы для всѣхъ составляла церковь св. Петра; правила о сторожкѣ церкви, о расположениіи внутри ея товаровъ и о церковномъ благочиніи вообще занимаютъ въ скрѣ довольно значительное мѣсто (*kerkenrecht*). Двое братьевъ, двое компаньоновъ, торгующихъ на общей капиталѣ, наконецъ двое слугъ не могли держать ночной стражи въ церкви: спать въ ней должны только хозяинъ съ прикащикомъ посторонняго купца⁵⁰⁾. Тѣ, которые провожали сторожей для ночевки, должны были дожидаться у дверей церкви, пока она не будетъ заперта изнутри, а потомъ запереть ее и спаружи, а ключи ея отдать ольдерману двора⁵¹⁾. Къ сторожкѣ церкви были обязаны всѣ живущіе какъ внутри двора, такъ и внѣ его; за обѣдомъ одни должны напоминать другимъ о наступающей для нихъ очереди. Если ночные сторожа въ церкви (*kerkenschleper*) забудутъ потушить огонь, или закрыть окна на ночь, то платить штрафъ. Если кто оставитъ церковь незапертою, или вынесетъ церковный ключъ со двора, то платить штрафу 10 марокъ серебра; если даже находясь во дворѣ будетъ имѣть ключъ наружу, такъ что его замѣтитъ Русскій, то и за это виновный платить марку серебра⁵²⁾. При вносаѣ въ церковь товары велѣно соблюдать осторожность, какъ бы не повредить дверей или петлей; входить въ церковь нужно было со свѣчей въ подсвѣчникѣ, а солому, въ которую обертыва-

⁵⁰⁾ Тамже, 265.

⁵¹⁾ Тамже, 273.

⁵²⁾ Тамже, 266.

лись тюки, убирать; въ самой церкви оберегаться, чтобы не занять слишкомъ много мѣста въ ущербъ другимъ, не уронить товарныхъ тюковъ, подвѣшенныхъ вдоль стѣнъ на веревкахъ; каждый могъ протянуть для своихъ товаровъ только одну веревку; запрещено было занимать лѣстницу, ведущую въ камеру Морневегову и такъ называемую новую постройку, которая, какъ видно, были соединены съ церковью⁵³⁾). Вдоль стѣнъ разставляли воскъ, мѣдь, олово и свинецъ, предварительно наложивши на нихъ клейма; болѣе громоздкія вещи, напримѣръ, большія бочки и тюки, велѣно было ставить въ особенномъ углубленіи подъ сводомъ⁵⁴⁾; вино ставили подлѣ алтаря, причемъ рекомендовалось незаливать его виномъ, а частію въ морневеговой камерѣ⁵⁵⁾). Вѣсы заранее нужно отправлять въ церковь, прежде чѣмъ ее запрутъ; съ наступленіемъ вечера сукно и другие товары, которые на день приносили въ клѣти и выставляли какъ образчики для новгородскихъ покупателей, велѣно также уносить обратно въ церковь⁵⁶⁾). Наканунѣ воскресенія средину церкви нужно было разобрать отъ всѣхъ товаровъ въ виду имѣющаго быть на завтра богослуженія; въ церкви послѣ службы держали совѣтъ объ общихъ дѣлахъ (стевенъ); за нарушеніе благочинія во время службы или за отсутствіе изъ церкви послѣ того, какъ священникъ оповѣстилъ собраніе, виновный подвергался известному штрафу, равно и тотъ, кто бы проспалъ назначенный стевенъ⁵⁷⁾). Въ томъ случаѣ, когда купцы станутъ разѣзжаться изъ Новгорода, такъ что во дворѣ останется менѣе шести хозяевъ и девяти прикащиковъ, церковь было велѣно запирать навсегда, причемъ было строго запрещено причислять къ хозяевамъ прикащика для пополненія указанного числа⁵⁸⁾; какъ видно такое число считали необходимымъ для сторожки и защиты церкви отъ Русскихъ.

⁵³⁾ Тамже, 266—267.

⁵⁴⁾ Подъ этимъ сводомъ (*swichbogen*) вѣроятно разумѣется подвалъ или углубленіе въ церковной стѣнѣ, какъ это бывало часто въ новгородскихъ церквахъ. Сарт. Лаппенб. II, стр. 267.

⁵⁵⁾ Тамже, стр. 268.

⁵⁶⁾ Тамже, 270.

⁵⁷⁾ Тамже, 267—268.

⁵⁸⁾ Тамже, 269.

Правила скры о торговлѣ съ Новгородцами показываютъ, что Нѣмцы не довѣряли имъ и боялись съ ихъ стороны обмановъ. На торговлю съ Русскими изъ двора запрещено было выходить по одиночкѣ; нужно было выходить по крайней мѣрѣ вдвоемъ, но не съ роднымъ братомъ, или съ компаньономъ; или съ собственнымъ слугой, такъ какъ упомянутыя лица въ случаѣ какой нибудь тяжбы съ Русскими не могли бы быть достаточно авторитетными свидѣтелями на судѣ⁵⁹⁾). Сторговавши у Новгородца товаръ, Нѣмецъ не долженъ платить ему тотчасъ всѣхъ денегъ, а производить расплату по доставкѣ товара во дворъ. Русскій отвѣчаетъ за проданный товаръ до тѣхъ поръ, какъ онъ не будетъ принесенъ во дворъ; равнымъ образомъ Нѣмецъ отвѣчаетъ за свой товаръ, пока онъ не будетъ вынесенъ со двора; такимъ образомъ приносъ и выносъ товара со двора считается временемъ окончательной сдѣлки⁶⁰⁾). Съ наступленіемъ вечера по данному знаку вѣльно было прекращать торговлю съ Русскими, а самый дворъ запирать; если кто задержитъ Русскаго во дворѣ до того времени, какъ будутъ спущены съ цѣпи собаки, и они причинятъ ему какой нибудь вредъ, то дворъ за это не будетъ въ отвѣтѣ: самъ задержавшій пусть и вѣдается съ пострадавшимъ Русскимъ⁶¹⁾). Запрещено пускать Русскаго въ подклѣть, гдѣ продавалось вино, пиво и медъ, и особенно строго запрещено допускать его къ церкви: если Русскій вступитъ только на первую ступеньку церкви,—выражается скра, —то сторожъ, допустившій это, платить штрафу 10 марокъ серебра⁶²⁾). Уплата серебромъ Новгородцу, на дому у него, была строго запрещена, равно доставка на домъ какого нибудь товара, или даваніе туда сукна для образчика⁶³⁾). Запрещено торговать съ Русскимъ въ кредитъ, вступать съ нимъ въ компанію, брать его товаръ на комиссію или для доставки его въ ка-

⁵⁹⁾ Тамже, 274.

⁶⁰⁾ Тамже, 274. Срав. въ Смоленск. договорѣ 1229 года: „аще который товаръ взметь Роусинъ у Нѣмчина, а понесеть изъ двора, тыи товаръ неворочаєтся“. (Рус. Лив. А. стр. 433).

⁶¹⁾ Тамже, 274.

⁶²⁾ Тамже, 266.

⁶³⁾ Тамже, 275.

кой нибудь нѣмецкій городъ. Нѣкоторымъ Новгородцамъ, вѣроятно замѣченнымъ со стороны неблагонадежности, доступъ во дворъ былъ совершенно закрытъ; ихъ не иначе можно было допускать вновь во дворъ, какъ получа на то позволеніе Ганзы⁶⁴⁾. Наконецъ были запрещены азартныя игры, какъ въ своемъ, такъ и въ русскомъ дворѣ⁶⁵⁾.

По прежнему высшими властями двора были ольдерманъ двора и ольдерманы Св. Петра; существенные измѣненія противъ прежняго порядка состоять въ томъ, что теперь ихъ выбираетъ не всегда само дворовое купечество, а особенные для того присылаемые въ Новгородъ уполномоченные Ганзы; при томъ ольдерманы выбираются изъ купцовъ только Любека и Визби, а не изъ всѣхъ городовъ безъ различія, какъ было въ эпоху готландской торговли, въ XII вѣкѣ. Когда ольдерманъ двора вступаетъ въ свою должность, ольдерманы Петра передаютъ ему всѣ ключи; отъ его воли зависить смѣнить ихъ, или оставить въ прежней должности; въ случаѣ выбытія ольдермановъ Петра дворовый ольдерманъ самъ можетъ назначить новыхъ на мѣсто выбывшихъ; въ противномъ случаѣ ихъ выбираютъ уполномоченные Ганзы также изъ купцовъ Любека и Визби; любопытно, что выборъ могъ пасть даже не на дворового купца, а на лице, находящееся въ данное время въ дворѣ. Наконецъ дворовый священникъ также назначался поперемѣнно то Любекомъ, то Визби⁶⁶⁾). Отсюда достаточно видно, какое большое влияніе на новгородскомъ дворѣ имѣли Любекъ и Визби, хотя не одинъ исключительно Любекъ, какъ онъ того добивался. Впрочемъ въ XV вѣкѣ должность ольдермана двора невсегда замѣщалась; полагаютъ⁶⁷⁾, что уже въ то время начался тотъ порядокъ, который предписываетъ скра XVI вѣка; по этой скрѣ мѣсто дворового ольдермана заняли два присяжныхъ ольдермана Св. Петра; ихъ выборъ производили представители четырехъ квартиръ, на которыхъ дѣлился дворъ: каждая квартира или четъ назначала троихъ избирателей, а эти избиратели, числомъ 12-ть, уже изъ своей среды выбирали

⁶⁴⁾ Тамже, 200 — 201; 353.

⁶⁵⁾ Тамже, стр. 277. Подъ русскимъ дворомъ разумѣется вѣроятно псковскій, лежавшій неподалеку отъ готскаго и княжаго дворовъ.

⁶⁶⁾ Тамже, стр. 275 — 276.

⁶⁷⁾ Riesenkampf. D. deutsche Hof zu Nowgorod, 32—33.

двоихъ ольдермановъ; въ случаѣ если число купцовъ во дворѣ непревышало тридцати человѣкъ, тогда ненужно было выбирать и ольдермановъ, а только такъ называемыхъ предстоятелей (*vorsteher*) ⁶⁸⁾. Это предположеніе въ значительной степени подтверждается фактами. Въ 1433 году новгородскій дворѣ жаловался въ Ревель, что нѣкоторые посѣтители двора, особенно изъ молодыхъ, ведутъ себя въ Новгородѣ весьма не-прилично, торгуютъ съ Русскими въ кредитъ и бражничаютъ съ ними; особенно дурно они ведутъ себя по лѣтамъ, когда во дворѣ нѣтъ присяжныхъ ольдермановъ (*sworen olderlude*), потому что на предстоятелей двора (*vorstendere*) они обращаются мало вниманія и неслушаются ихъ; поэтому контора просить увеличить права предстоятелей, дабы они могли судить виноватыхъ строже ⁶⁹⁾). Отсюда ясно видно, что предстоятелямъ двора давались меньшія полномочія, чѣмъ ольдерманамъ, а этимъ по всей вѣроятности меньше, чѣмъ дворовому ольдерману; степень полномочія, предоставлявшагося дворовымъ властямъ, соразмѣрялась такимъ образомъ съ количествомъ купцовъ, въ данное время проживавшихъ во дворѣ: чѣмъ больше была гангейская компанія, тѣмъ осторожнѣе она должна была вести себя въ Новгородѣ, тѣмъ значительнѣе права, которыми облекались дворовые власти — предстоятели, ольдерманы Петра и ольдерманъ двора. Поэтому мы думаемъ, что должность дворового ольдермана не была окончательно уничтожена въ XV вѣкѣ; очень возможно, что во главѣ большого купеческаго поѣзда Ганза по прежнему становила полномочнаго ольдермана двора ⁷⁰⁾. Назначенные въ должность

⁶⁸⁾ *Willebrandt.* Hansische Chronick, III, S. 101.

⁶⁹⁾ *Ropp.* Hanserecesse, № 220.

⁷⁰⁾ Кромѣ названныхъ должностныхъ лицъ въ XV вѣкѣ упоминается еще прикащикъ двора „houes knecht“. Въ 1434 году уполномоченные лифляндскихъ городовъ постановили, что въ повгородскомъ дворѣ никто неможетъ продавать меду, пива или какихъ другихъ напитковъ кромѣ прикащика двора (*Ropp*, Hanserecesse, № 226, S. 153). Въ этомъ ли состояла главная роль прикащика, или онъ также былъ представителемъ конторы въ томъ случаѣ, когда въ ней проживало небольшое количество купцовъ, — сказать трудно; во всякомъ случаѣ онъ не былъ только цѣловальникомъ, а входилъ и въ другія дѣла: въ 1431 году напримѣръ онъ имѣлъ разговоръ съ улицкими старостами Новгорода о почишкѣ водопровода. См. выше, стр. 135.

ольдермановъ должны были безпрекословно принимать ее; за отказъ выбранный платилъ штрафъ въ 10 марокъ серебра, а за отказъ въ третій разъ виновный лишался навсегда правъ двора и кромѣ того платилъ штрафъ въ 50 марокъ серебра⁷¹⁾; какъ видно должности ольдермановъ не смотря на ихъ почетность, были очень тяжелы. За то ольдерманъ двора получалъ громадную власть: виновнаго въ убійствѣ онъ могъ при- судить къ смертной казни, виновнаго въ нанесеніи раны ору- жиемъ — къ отсѣченію руки; всякаго вора какъ за большое, такъ и за малое воровство осуждалъ на висѣлицу⁷²⁾. Такимъ образомъ въ отдаленномъ новгородскомъ дворѣ, где было можно получить много барышей, а иной разъ — все потерять, Ганза старалась держать строгіе порядки; все время новго- родскій дворъ состоялъ какъ бы на военномъ положеніи, осо- бенно въ пору розмирья съ Новгородомъ; окруженный со всѣхъ сторонъ заборомъ, цѣлые сутки охраняемый сторожами, а ночью кромѣ того цѣпными собаками, онъ иногда походилъ на вооруженный лагерь посреди непріятелей, готовыхъ перейти въ наступленіе. Правда Нѣмцы требовали, чтобы въ ихъ дворъ не входили биричи и шестники (*biriz, schelke*) и только послу тысяцкаго (*nuncius ducis*) давали право звать Нѣмца на судъ съ Новгородцами; они требовали также, чтобы насильно вры- вавшіеся во дворъ судились по всей строгости законовъ, а именно приговаривались бы къ штрафу въ 20 марокъ серебра, чтобы тѣ которые бросали внутрь двора камни или стрѣлы, или стали бы портить заборъ вокругъ двора, наказывались суммой въ 10 марокъ серебра; они требовали, чтобы на пло- щади между готскимъ и нѣмецкимъ дворомъ небыло кулач- ныхъ боевъ, потому что въ самомъ дѣлѣ толпа Новгородцевъ, разгоряченная дракой, могла броситься къ нѣмецкому двору, и свои расходившіяся силы испробовать на его воротахъ и заборѣ; наконецъ требовали, чтобы ихъ двору были предоставлены права неприкосновенного убѣжища, такъ чтобы преступ- ники, бѣжавшіе къ нимъ во дворъ, невыдавались Новгороду, а судились бы какъ лица, скрывшіеся въ православной церкви⁷³⁾; но отъ всѣхъ этихъ требованій до выполненія ихъ

⁷¹⁾ *Sart. Lappenh.* II, S. 276.

⁷²⁾ *Ibid.* 277 — 278.

⁷³⁾ *Ibid.* S. 37: „Curiae hospitum adeo debent esse liberae, ut si

было очень далеко, и нерѣдко двору грозила серьезная опасность. Однажды въ ноябрѣ 1331 года между Нѣмцами и Новгородцами произошла драка, во время которой одинъ Новгородецъ былъ убитъ; на другой день надъ Нѣмцами разразилась гроза: съ вѣча прибѣжала толпа Новгородцевъ, изрубила заборъ и вломившись во дворъ начала грабить клѣти; сами Нѣмцы заперлись въ своей церкви, гдѣ съ трепетомъ ожидали своей участіи ⁷⁴⁾). Въ 1412 году контора писала въ Ревель, что недавно Новгородцы украли въ готскомъ дворѣ девять бочекъ меду, для чего проломали заборъ, что они собирались обокрасть и нѣмецкую церковь, и уже пристроили было мостки, одинъ конецъ которыхъ уперли въ заборъ, а другой—къ церковному окну; что они два раза врывались во дворъ и впредь грозятъ ограбить ихъ и убить, а дворъ поджечь, такъ что они, Нѣмцы, вотъ уже нѣсколько ночей неспятъ на обоихъ дворахъ ⁷⁵⁾). Быть можетъ такие ужасы рисовало отчасти напуганное воображеніе Нѣмцевъ: нельзя же въ самомъ дѣлѣ было вѣрить угрозамъ какойнибудь проходящей мимо праздной толпы,—но несомнѣнно, что по временамъ положеніе двора действительно было очень опасное, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда по приказанію Новгорода Нѣмцы цѣлый недѣли сидѣли подъ арестомъ внутри своего двора и дожидались, когда Новгородъ получить удовлетвореніе за своихъ купцовъ, которымъ были нанесены обиды въ Лифляндіи или за моремъ.

Однако сама ганзейская компанія въ Новгородѣ не могла выдержать до конца характеръ строгой корпораціи, поступающей всегда на точномъ основаніи ей предписанныхъ правилъ.

aliquis excessum commiserit et ad eas confugerit, non debet dari extra eas in manus alicujus, sed placitari debet pro eo, ac si esset in propria ecclesia constitutus. Что обычай убѣжища въ храмъ для спасенія тамъ отъ преслѣдователей былъ и уважался въ Новгородѣ, на это есть ясные указанія, кроме даннаго мѣста; такъ въ 1287 г. бояринъ Семенъ Михайловичъ спасся въ Софійскомъ храмѣ (*Карамзинъ. И. Г. Р. IV, 90*). Этотъ обычай, идущій изъ временъ библейскихъ, особенно долженъ былъ приняться въ Новгородѣ при страстной борьбѣ его партій, и конечно владыки, роль которыхъ какъ миротворцевъ достаточно известна, съ охотой поддерживали его.

⁷⁴⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 57.

⁷⁵⁾ Тамже, стр. 149.

Напротивъ отдельные лица находили дворовыя правила обременительными для себя, а потому пытались обойти ихъ; тщетно съ каждого пріѣзжаго отбиралась присяга, что онъ безпрекословно будетъ исполнять всѣ правила двора⁷⁶⁾; частные интересы лежали ближе къ сердцу, чѣмъ ганзейскіе, и расчеты превозмогали совѣсть. Такъ Ганза предписывала юзить во дворъ только извѣстными путями; въ 1346 году она запретила юзить въ Новгородъ сухимъ путемъ на Пруссію и Курляндію, а также чрезъ Швецію, т. е. вѣроятно на Выборгъ; въ тоже время запретила плаваніе отъ береговъ Курляндіи и Эзеля: плыть въ Новгородъ можно было только отъ Риги, Пернова и Ревеля⁷⁷⁾. Но неоднократное повтореніе этого правила показываетъ, что оно часто нарушалось отдельными лицами, которые достигали во дворъ контрабандными путями. Ганза запрещала торговлю съ Русскими въ кредитъ, однако и сама не была послѣдовательна въ этомъ пунктѣ: ибо въ договорахъ съ Новгородомъ предусматриваются случаи торговли въ кредитъ, и постановляются правила о взысканіи долговъ съ неисправныхъ должниковъ; поэтому на запрещеніе кредита въ скрѣ нужно смотрѣть неиначе, какъ только на временное распоряженіе; а при допущеніи кредита неимѣло смысла правило, опредѣлявшее *tachitum* ввоза въ тысячу марокъ. Наконецъ несмотря на запретъ вступать съ Русскими въ близкое общеніе, особенно вступать съ ними въ односторонніе договоры, которые нужно было заключать отъ имени всей Ганзы⁷⁸⁾, нѣкоторые изъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ успѣвали сближаться съ Новгородцами на столько, что пріобрѣтали между ними себѣ пріятелей, вѣроятно между ближайшими сосѣдями двора, напримѣръ михайловскими уличанами: такъ въ 1331 году по поводу упомянутой выше ночной ссоры и убийства нѣкоторые Новгородцы, по словамъ Нѣмцевъ дружественно настроенные къ нимъ, совсѣмъ имъ снести товаръ изъ клѣтей въ церковь, такъ какъ въ городѣ неспокойно и противъ

⁷⁶⁾ *Sart. Lappenb. Urk. Gesch. II, S. 280.* Вотъ формула присяги: „dat eme Got also helpe unde alle godes hilghen unde de gude here sante peters, dat he den willekore dusses breyues hebbe geholden sunder aller hande argelist“.

⁷⁷⁾ Тамже, стр. 279.

⁷⁸⁾ Тамже, стр. 276.

Нѣмцевъ начинается сильное возбужденіе ⁷⁹⁾). Не говоримъ уже о владыкѣ, посаднике и тысяцкомъ, которые большею частію стояли за порядокъ и во всякую пору готовы были оказать Нѣмцамъ защиту и покровительство, особливо если тѣ умѣли вовремя доставить имъ нѣкоторый гостинецъ. Для всего Новгорода Нѣмцы были по временамъ весьма желанными гостями; въ 1230 году по всей Руси свирѣпствовалъ голодъ, даже въ суз达尔ской землѣ хлѣбъ получали изъ Булгаръ, въ Смоленскѣ былъ голодъ и моръ, но особенно ужасень голодъ былъ въ Новгородѣ: по словамъ лѣтописца люди Ѳли мохъ, сосновую кору и листъ; другіе Ѳли конину, собачье и кошачье мясо, а нѣкоторые терзали даже трупы; но «вскорѣ прибѣгоша Нѣмцы изъ заморія съ житомъ и съ мукою, и сътвориша много добра, а уже бо баштеть при кончинѣ градъ сій», — добавляетъ лѣтописецъ; услуга Нѣмцевъ тѣмъ больше была дорога, что великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, разсorясь съ Новгородомъ, занялъ Торжокъ и такимъ образомъ прекратилъ подвозъ хлѣба съ низовья ⁸⁰⁾). Сами Новгородцы въ продолженіе цѣлаго дня были обыкновенными гостями въ готскомъ и нѣмецкомъ дворахъ; мало того — во дворѣ приходили совсѣмъ для иныхъ цѣлей, чѣмъ торговыхъ: въ XII вѣкѣ, въ эпоху еще новгородского «дувѣрія» новгородскія женщины носили къ прѣзжему варяжскому священнику молитвовать своихъ дѣтей ⁸¹⁾.

Короче сказать — въ дѣйствительности отношенія Нѣмцевъ къ Новгороду слагались далеко иначе, чѣмъ предписывала скра. Одно дѣло было писать распоряженія идалека и совсѣмъ другое — жить въ Новгородѣ: для ганзейской корпораціи невозможно было невойти въ кругъ жизни этого города, стать отъ него совершенно особнякомъ; напротивъ для нея, особенно для ея отдельныхъ членовъ гораздо выгоднѣе было войти въ болѣе тѣсное знакомство съ Новгородцами, — и только Ганза съ ея

⁷⁹⁾ Рус. Лив. А. стр. 56.

⁸⁰⁾ П. С. Р. Л. III, 47 — 48.

⁸¹⁾ „А оже се носили къ варяжскому попу дѣти па молитву“, спрашивалъ Кирикъ. „Шесть недѣль опитимиши, рече (владыка), занеже аки двовѣрци суть“. Памятники Росс. словесн. XII вѣка, стр. 202.

подозрительной политикой, съ ея неумѣреннымъ стремлениемъ къ опекѣ и регламентаціи могла пожалѣть, что данные ею правила нестрого соблюдаются въ новгородскомъ дворѣ.

ГЛАВА V.

Древнѣйшій путь, по которому Новгородъ производилъ свою торговлю съ Варягами и Нѣмцами, шелъ по Волхову, Невѣ и Финскому заливу, слѣдовательно почти сполна внутри новгородскихъ владѣній; крайними пунктами этихъ владѣній на западѣ въ XII и XIII вѣкахъ, до которыхъ впервые дос-тигали Нѣмцы, и съ тѣхъ поръ становились гостями вели-каго Новгорода, имѣя право требовать отъ него отвѣта за вредъ, случавшійся имъ на пути до двора, были острова Котлинъ и Березовые: «а старый миръ до Котлина,» — го-ворить въ этомъ смыслѣ договоръ съ Нѣмцами 1260 года¹⁾. Весьма вѣроятно, что на островѣ Котлинѣ Новгородцы имѣли тогда свое «становище», куда они приставали сами, отправ-ляясь на Готландъ, равно и Нѣмцы, щахавши оттуда въ Нов-городъ. Что до XIV вѣка, то существованіе тогда новгород-ской станціи на Котлинѣ сомнительно: по всей вѣроятности Шведы, утвердившись въ Выборгѣ и овладѣвшіи Березовыми островами, прежде принадлежавшими Новгороду, успѣли занять и Котлинѣ; но по договору 1270 года граничными пунктами новгородскихъ владѣній на западномъ взморье считаются именно эти острова: Березовые (*berko*) по латинской редак-ціи, и Котлинѣ (*ketlingen*)—по нѣмецкой. На Котлинѣ, либо въ устьи Невы Новгородъ въ XIII вѣкѣ держаль морскую стражу, вѣроятно противъ нечаянныхъ нападеній Шведовъ или морскихъ разбойниковъ, а быть можетъ также для до-ставленія помощи и охраны щущимъ съ Готланда своимъ и нѣмецкимъ купцамъ; къ сожалѣнію въ точности неизвѣстно

¹⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 9.

ни мѣсто сторожевой станціи, ни организація самой стражи, о которой впервые и единственно упоминается въ сказаніи о побѣдѣ надъ Шведами Александра Невскаго ²⁾). Проѣхавши Котлино озеро, какъ называлась въ старину часть Финскаго залива между Котлинъ и устьемъ Невы ³⁾, нѣмецкія когги вступали въ Неву и слѣдовали до Ладоги, а Новгородъ на встрѣчу гостямъ высыпалъ лоцмановъ, которые должны были взять ихъ съ товарами на свои, вѣроятно плоскодонныя лодыи, такъ какъ когги, суда большихъ размѣровъ, если и могли миновать невскіе пороги, то уже не могли пройти сквозь пороги волховскіе, гораздо болѣе опасные; поэтому перегрузка товаровъ на лодыи происходила по крайней мѣрѣ въ Ладогѣ, если нераньше, напримѣръ при устьи Ижоры. Въ латинской редакціи договора 1270 года порядокъ перевозки товаровъ по Волхову опредѣляется довольно подробно. Приходя къ порогамъ зимніе гости объявляютъ старостѣ лоцмановъ (*oldermanno vectorum*), чтобы на слѣдующій день онъ распорядился отправкой ихъ съ товарами до Новгорода; утромъ вскипятивши котелокъ пищи, вѣроятно щей или кашицы (*decoquetur unum caldarium*), лоцманы должны немедленно везти нѣмецкихъ гостей; они должны быть люди благонадежные и сильные, чтобы могли хранить весь товаръ въ цѣлости. Доѣхавши до рыбачьей избы (*taberna piscatorum*) лоцманы получаютъ съ Нѣмцевъ свою плату за провозъ, а именно: каждый лоцманъ береть восемь куньихъ мордокъ и два полотенца, или вмѣсто ихъ три купни мордки, послѣ чего гости отвозятся дальше; лѣтніе гости платили съ каждой лодыи четыре хлѣба, да чашку масла, или деньгами двѣ куны за хлѣбъ, а за масло — три мордки. По нѣмецкой редакціи то-

²⁾ П. С. Р. Л. I, 205: „бѣ иѣко мужъ старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгуй; поручено же ему бысть страже морская, вспріять же святое крещеніе и живище посредѣ роду своего погана суща“.

³⁾ „Выборгъ градъ стоитъ на Котлинѣ озерѣ; на озерѣ островъ Котлинъ, да островъ Березовый“. Древн. российск. Идрографія, изд. Н. Новикова, Спб. 1773, стр. 186. Вирочемъ авторъ этой идрографіи плохо зналъ западную русскую окраину, какъ это видно изъ слѣдующаго его показанія: „а отъ Выборга озеро Котлино вдоль 150 верстъ, а попереѣ — 50, а изъ Котлина озера вытекла рѣка Нева, а пада въ Ладожское озеро противъ Оришика“. Тамже, стр. 187.

гоже договора плата опредѣляется нѣсколько иначе: каждый лоцманъ получаетъ пять марокъ кунъ, или вмѣсто того окорокъ ветчины; за полпути отъ Ладоги до Новгорода — три марки кунъ, либо половину окорока. За лодью, разбившуюся у пороговъ, нѣмецкій гость не отвѣчаетъ, а только платить наемную за нее плату; лоцманъ же неотвѣчаетъ за товаръ, погибшій у пороговъ при крушениі лодьи. Если гости на пути поссорятся съ лоцманами, а потомъ помирятся, то дѣло больше невчинается въ Новгородѣ; но если помириться неуспѣютъ, то жалобщики должны явиться на судъ тысячаго во дворѣ Св. Ивана. Послѣ рыбачьей избы на Волховѣ упоминаются нѣсколько другихъ остановокъ⁴⁾: на островѣ гостиннопольскомъ (*gestefelt*) Нѣмцы платили какъ сейчасъ увидимъ, мыть или проѣзжую пошлину⁵⁾; очень вѣроятно, что на этомъ островѣ кромѣ таможенной избы, гдѣ жиль новгородскій мытникъ, было особенное торговое поселеніе. За гостиннопольемъ упоминаются «*witlage*» и «*drennenborch*». Первое изъ этихъ названій Кругъ относить приблизительно къ мѣстности Соснинской пристани верстахъ въ 132-хъ отъ Ладоги, а отъ Ильменя верстахъ въ 74-хъ⁶⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что это название тожественно съ «*vitta*» т. е. небольшимъ земельнымъ участкомъ, застроеннымъ лавками, магазинами и жилыми помѣщеніями; такого рода земельными участками или виттами владѣли напримѣръ любецкіе купцы въ Шоненѣ на основаніи привилегій, дававшихся имъ королями датскими⁷⁾; въ новгородской же землѣ такимъ словомъ Нѣмцы очевидно обозначаютъ лавки или рядки, довольно обычный видъ новгородскихъ поселковъ, составляющихъ нѣчто среднее между городомъ и деревней, или точнѣ — переходную ступень отъ деревни къ городу; такихъ рядковъ въ новгородской землѣ особенно много было по Мстѣ, какъ по важнѣйшему пути для внутренней торговли Новгорода; часть ихъ была также

⁴⁾ Довольно подробное описание волховского пути и волховскихъ пороговъ можно читать у *Круга* въ его: *Forschungen in der älter. Geschichte Russlands*, II, s. 629 — 632.

⁵⁾ Островъ гостиннопольскій на Волховѣ, верстахъ въ 34-хъ отъ Ладоги имѣеть до 2 верстъ длины и 150—300 сажень ширины.

⁶⁾ *Forschungen*, II, 633.

⁷⁾ *Фортинский. Примор. вендск. города.* стр. 199, примѣч. 2.

по Волхову особенно въ ближайшѣй мѣстности къ Новгороду⁸⁾. — Что касается «drellenborch», то Кругъ конечно спра-ведливо относить это название къ уроцищу «Холопій горо-докъ» (нѣмецкое drellenborch есть буквальный переводъ этого слова), находящемуся на правой сторонѣ Волхова верстахъ въ 19-ти отъ Ильменя и въ 2-хъ отъ Хутынского монасты-ря; но трудно сказать, почему нѣмецкимъ прикащикамъ поз-волено было только условно посѣщеніе этихъ рядковъ и хо-лопьяго городка⁹⁾). Наконецъ гости прибывали въ Новго-родъ; къ прѣзду ихъ тамъ должны быть приготовлены телѣги для перевозки товаровъ съ берега во дворъ; за провозъ извощики получали по 15 кунъ съ лодки до нѣмецкаго двора, и по 10-ти до готскаго. Кроме извощиковъ къ услугамъ Нѣмцевъ были носильщики (dregers); но въ 1436 году на этихъ носильщиковъ Нѣмцы жаловались, что они насильно предлагають свои услуги, непозволяя самимъ Нѣмцамъ пе-реносить свой товаръ, тогда какъ Новгородцы неиспытываютъ никакихъ подобныхъ принужденій въ лифляндскихъ городахъ: ибо тамъ они сами разносятъ свои товары, или съ помощью своихъ холоповъ (dellen)¹⁰⁾. Относительно извощиковъ Нѣмцы также оговаривались, что ихъ предложения недолжны быть для нихъ обязательны: они могутъ пользоваться и своими лошадьми, если онѣ у нихъ будутъ; о лоцманахъ замѣчали, что изъ нихъ слѣдуетъ выбирать людей хорошихъ и притомъ столько, сколько было издавна, но небольше, конечно съ тою цѣллю, чтобы не платить имъ лишняго. Кроме лоцмановъ Нов-городъ давалъ Нѣмцамъ на обратный путь до Готланда «по-словъ» т. е. проводниковъ, а по договору 1260 года нѣ-

⁸⁾ Значеніе этихъ рядковъ очень хорошо опредѣлено въ статьѣ къ сожалѣнію нынѣ уже покойнаго А. К. Ильинскаго въ Журн. М. Н. П. 1876, Іюнь. О рядкахъ по Волхову ближе къ Новгороду см. на стр. 269 — 270; положеніе „witelage“ какъ разъ подходитъ къ одному изъ тутошнихъ рядковъ.

⁹⁾ Самый текстъ латинской грамоты въ этомъ мѣстѣ очень невра-зумителенъ: „cum mercatores ascendunt Wolcove et veniunt ad veritin (?) ritsagen prima die famuli mercatorum non intrabunt ritsagen, sed se-cunda die intrabunt et exibut, cum venerint dhrelleborch“. *Sart. Lap-penb. Urk. Gesch. II, 37.* Но Дрейеръ и Кругъ вѣрнѣ читаютъ вмѣсто ritsagen — vitlagen. Тамже, стр. 37. *Forschungen, II, 633.*

¹⁰⁾ Ropp, Hanserecesse, s. 509.

мецкіе купцы должны были брать новгородскаго посла еще на Готландъ, гдѣ было новгородское становище¹¹⁾; Новгородъ ручался за безопасность нѣмецкихъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда они ѿхали въ сопровожденіи его пословъ, какъ изъ Новгорода на готскій берегъ, такъ и обратно. Равнымъ образомъ Новгородъ ни зачто не ручался, еслибы Нѣмцы углубились въ землю Кореловъ т. е. на сѣверъ отъ Невы къ Выборгу, но позволяя торговать съ прибрежными Инграми и Корелами, жившими въ западной части Вотской пятины. Наконецъ по берегамъ Невы и Финскаго залива Нѣмцамъ позволено было рубить лѣсъ для починки судовъ и дрова для варки пищи.

Но описанный водный путь¹²⁾ кромѣ неудобствъ, какія представляются порогами на Невѣ, Ладожскомъ озере и особенно на Волховѣ, часто былъ небезопасенъ отъ нападеній Шведовъ, и отчасти Кореловъ, которые ударились въ разбой, тѣснимые съ двухъ сторонъ Шведами и Новгородцами. Поэтому въ пору войнъ со Шведами нѣмецкіе купцы ѿздили по Наровѣ, которая впрочемъ также имѣеть свои трудные пороги, потомъ отъ Нарвы ѿхали сухопутемъ до Новгорода, или продолжали плыть также вѣроятно какъ и по Волхову на лодьяхъ съ помощью туземныхъ лоцмановъ до Пскова, а оттуда сухимъ путемъ достигали Новгорода. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ плаваній по порожистымъ рѣкамъ¹³⁾, Нѣмцы въ позднѣйшее время предпочитали сухопутныя дороги изъ лифляндскихъ городовъ: Риги, Пернова и Ревеля. Въ грамотѣ великаго князя Андрея Александровича 1301 года сказано: «дахомъ имъ (Нѣмцамъ) три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ»¹⁴⁾ Нѣть сомнѣнія, что подъ горнimi здѣсь разумѣваются сухопутныя дороги; но какія именно?

¹¹⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 9: „а зимній гость оже непоиметь нашего посла, ни новгородцкыи купецъ из Новагорода или съ Гацкого берега, оже без посла пойдуть, то Новугороду тяжа ненадобѣ, въ старый миръ“. Почти такая же статья въ договорѣ 1270 года, гдѣ послы или проводники называются „bode“.

¹²⁾ На основаніи латинской и нѣмецкой редакцій договора 1270 года.

¹³⁾ И другія важнѣйшія рѣки въ сѣверозападномъ краѣ, какъ Мста и западная Двина, имѣютъ свои пороги.

¹⁴⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 25.

Г. Аристовъ по догадкѣ распредѣляетъ ихъ такъ: два пути шли отъ Ревеля и Дерпта, третій изъ Риги и Ревеля чрезъ Псковъ¹⁵⁾). Конечно означенные города служили исходными пунктами дорогъ въ области псковскую и новгородскую; но едва ли въ приведенномъ мѣстѣ грамоты говорится объ этихъ путяхъ: вѣдь большая часть ихъ идетъ по Лифляндіи, тогда какъ князь очевидно говоритъ о путяхъ, *сполна находящихся* въ новгородской волости; онъ могъ ручаться за безопасность нѣмецкихъ гостей только на этихъ путяхъ, а не тѣхъ, которые шли въ новгородской землѣ. Съ полной вѣроятностью можно полагать, что одинъ путь шелъ отъ Нарвы, а другой — отъ Пскова; труднѣе сказать, какой былъ третій путь: не шелъ ли онъ къ Новому Торгу? Что во всякомъ случаѣ Нѣмцы ъздили торговатъ внутрь новгородской волости по разнымъ пригородамъ и торговымъ мѣстамъ въ родѣ рядковъ, это неподлежитъ сомнѣнію. Въ латинской редакціи договора 1270 года назначается плата въ пятницкую церковь съ тѣхъ гостей, которые возвращаются изъ новгородской области¹⁶⁾). Въ нѣмецкой редакціи тогоже договора постановлено, что гости безпрепятственно могутъ ъздить водою и сухимъ путемъ всюду, куда простирается господство Новгорода¹⁷⁾). Весьма ясное указаніе по тому же предмету встрѣчаемъ въ скрѣ отъ конца XIII вѣка: «если кто обѣщаетъ — сказано въ ней — представить за себя поручителя, и если поручитель, котораго онъ назвалъ по имени, находится въ странѣ, то онъ долженъ представить его въ теченіе 14-ти дней»; далѣе разъясняется: «внутри страны значить, сколь далеко господство Новгорода сюда простирается»¹⁸⁾). Полагая, что на позовъ поручителя во дворъ требовалось семь сутокъ, да столько же времени для прїѣзда его въ Новгородъ изнутри области съ того мѣста, гдѣ онъ получилъ позовъ, мы будемъ имѣть представленіе о томъ, какъ далеко нѣмецкіе купцы заѣзжали внутрь области: въ недѣлю можно было уѣхать довольно далеко.

¹⁵⁾ Промышл. древн. Руси, стр. 201.

¹⁶⁾ См. гл. II, примѣч. 47.

¹⁷⁾ *Sart. Lappenberg. Urk. Gesch.* II, 99.

¹⁸⁾ Перев. Андреевскаго, О договорѣ 1270 г. стр. 72.

Наконецъ Нѣмцы посылали молодыхъ прикащиковъ въ разныя мѣста новгородскаго края для обученія русскому языку ¹⁹⁾, вѣроятнѣе въ тѣ именно пункты, куда сами ониѣ здили для торговли; къ числу такихъ пунктовъ смыло можно отнести Новый Торгъ, важнѣйшій послѣ Новгорода и Пскова торговый городъ.

Упомянутая плата въ церковь св. Пятницы должна быть рассматриваема, какъ плата за право внутренней торговли, или какъ родъ мыта, проѣзжей пошлины. Совершенно определено о проѣзжихъ пошлинахъ говорять сами Нѣмцы въ латинской грамотѣ 1270 года. Въ гостинномъ полѣ, гдѣ находился особенный новгородскій мытникъ (*teloniarius*), каждая нѣмецкая лодья, нагруженная цѣннымъ товаромъ (*bonis*), платила пошлины марку кунъ; лодья съ тяжелымъ товаромъ (*gravibus*), какъ-то: мясомъ, мукой и пшеницей, платила полмарки; но лодья съ жизненными припасами (*victualibus*), вѣроятно тѣми, которые шли на потребленіе самимъ Нѣмцамъ, освобождалась отъ мыта ²⁰⁾. Въ самомъ Новгородѣ нѣмецкіе купцы платили торговыя пошлины «по двѣ кунѣ отъ капи и отъ всякого вѣснаго товара, что кладуть на скалви, и продавше и купивше» ²¹⁾. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что торговля Нѣмцевъ въ Новгородѣ по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ небыла совсѣмъ безпошлинною; но этѣ пошлины были очень незначительны, какъ видно по отзыву Нѣмцевъ, называвшихъ новгородскую торговлю безпошлинной. Въ Лифляндіи новгородскіе и псковскіе купцы также платили мыть; неподалеку отъ Дерпта на рѣкѣ Эмбахѣ стоялъ шлагбаумъ, или по русскому выражению «колода», гдѣ брались пошлины на дерптскаго епископа ²²⁾; но въ договорѣ съ Дерптомъ Новгорода и Пскова 1474 года сборъ этихъ пошлинъ отменяется: «а колоду на обѣ стороны отложихомъ» ²³⁾.

¹⁹⁾ „Hospites libere et sine contradictione pueros suos mittant ad discendum loquelas quocunque volunt“. *Sart. Lappenb. Urk. Gesch.* II, 38.

²⁰⁾ *Ibid.* 36.

²¹⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 9 (договоръ Александра Невскаго, 1260 г.).

²²⁾ Nyenstdts Chronik, 6.—„А что подъ пискуплимъ городомъ колода церезъ рѣку за замъкомъ, а туды новгородскому купцу путь цистъ“.
Рус. Лив. А. стр. 87.

²³⁾ Сборникъ Муханова, № 19.

Одною изъ первыхъ заботъ Ганзы было ввести на чужестранныхъ конторахъ тѣ мѣры и вѣсы, которые были употребительны въ нѣмецкихъ городахъ. Въ 1282 году она добилась въ Брюгге того, что на будущее время положено было употреблять вѣсы только съ двумя чашками, а отнюдь не «Ponder»²⁴⁾; въ Новгородѣ того же самаго Нѣмцы достигли еще раньше: въ договорѣ 1260 года обѣ этомъ читаемъ: «пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ,—по своей воли и по любви» — добавляютъ Новгородцы, ясно показывая, что этого добивались Нѣмцы²⁵⁾). Упомянутыя скальвы были именно вѣсы съ двумя чашками или скалками (scalen, beide scalen, libra); о способѣ взвѣшиванія на этихъ вѣсахъ встрѣчаемъ указаніе въ полоцкомъ договорѣ съ Нѣмцами 1330 года: при взвѣшиваніи воска на этихъ вѣсахъ, которые поэтому еще назывались «wazwicht», т. е. вощеной вѣсъ, нужно было «языкъ пускати на товаръ», т. е. наблюдать, чтобы язычекъ или вѣсовая стрѣлка принялъ свободное движение, а потомъ стала по отвѣсной линіи, какъ это бываетъ при равновѣсіи скалокъ; выраженіе «пускатъ языкъ на товаръ» указываетъ, что стрѣлка въ этихъ вѣсахъ помѣщалась подъ плечомъ вѣсовъ, и потому колебалась надъ товаромъ. Для устраненія всякаго подозрѣнія вѣсовщикъ долженъ при взвѣшиваніи отнять руки отъ скалокъ, и отступить прочь²⁶⁾). Что до пуда (ponder, pondarium), то это кажется былъ родъ большаго безмѣна, на которомъ взвѣшиваніе производилось съ помощью подвижного ремня, какъ обѣ этомъ можно заключать изъ сравненія русскаго и нѣмецкаго текста упомянутаго полоцкаго договора: тамъ гдѣ по нѣмецки сказано «das solt schal men wegen *in dem runder*», въ русскомъ текстѣ стоитъ: «соль вѣсити у *пудный ремень*», который въ другомъ мѣстѣ поэтому прямо называется «soltpunder», т. е. соляной пудъ²⁷⁾). Какъ видно взвѣшиваніе на ремнѣ Нѣмцы находили неудовлетворительнымъ, а потому уговорили Новгородцевъ замѣнить ихъ болѣе чувствительными скалками;

²⁴⁾ Фортинский. Примор. венд. города, стр. 296.

²⁵⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 9.

²⁶⁾ Тамже, стр. 54. Сравн. стр. 125.

²⁷⁾ Тамже, стр. 127.

но отложили ли пудъ навсегда, это неизвѣстно навѣрное. Для взвѣшиванія серебра употреблялись особенные вѣсы (*scala argenti*); вѣсовщикъ вѣсилъ его для Нѣмцевъ бесплатно, вѣроятно въ томъ случаѣ, когда они производили имъ уплату въ Новгородѣ; взявъ у гостя серебро для переплавки, т. е. въ слитки извѣстнаго вѣса (гривна, марка) вѣсовщикъ обязанъ при возвращеніи его исключить примѣсь, а гость получая обратно свое серебро имѣть право повѣрить точность вѣсовъ, такъ что онъ можетъ поперемѣнно класть серебро и разновѣсы то на одну, то на другую чашку. Вѣсовщикъ серебра и всякихъ другихъ товаровъ долженъ цѣловать крестъ въ знакъ того, что будетъ на обѣ стороны вѣсить правильно; въ 1335 году Нѣмцы требовали, чтобы пробирщики серебра отвѣчали всѣ вмѣстѣ, если одинъ изъ нихъ взялъ серебро для переплавки скроется²⁸⁾). Что дѣйствительно въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ серебряники составляли артель съ круговою порукой, видно изъ дѣла серебряника Федора Жеребца, который между прочимъ говорилъ на судѣ: «на всѣхъ есмь лиль и на всю землю, и вѣсилъ *съ своею братьею ливци*²⁹⁾). Обыкновенной вѣсовой единицей для воска и другихъ вѣсовыхъ товаровъ служила капь, опредѣлявшаяся въ 8 ливонскихъ фунтовъ; болѣе крупной единицей былъ берковецъ, который въ полоцкомъ договорѣ 1330 года приравнивается къ шиффунту³⁰⁾ Сукно мѣряли на локти (*reb, funis sancti Petri*), но неизвѣстно, былъ ли онъ равенъ иванскому локтю³¹⁾. Въ оптовой торговлѣ сукна продавались поставами, въ которыхъ считалось около 37 аршинъ³²⁾.

Главный предметъ нѣмецкаго привоза въ Новгородъ составляли сукна, преимущественно фландрскія, частію аглицкія, нѣмецкія и польскія. Богатые новгородскіе бояре и купцы любили носить цветные кафтаны изъ «нѣмецкихъ» суконъ; духовныя лица употребляли черныя сукна, хотя монастырскіе уставы неодобряли ношенія платьевъ изъ нѣмецкаго

²⁸⁾ *Sart. Lappenh.* Urk. Gesch. II, 40—41, 161.

²⁹⁾ П. С. Р. Л. IV, 126, 1447.

³⁰⁾ *Sart. Lappenh.* II, с. 42. Рус. Лив. А. стр. 54. Шиффунтъ = 20 ливонск. фунт. = $2\frac{1}{2}$ русскимъ капямъ.

³¹⁾ *Ibid.* II, 202, 271.

³²⁾ Карамзинъ. И. Г. Р. VI, пр. 140.

сукна, предписывая довольствоваться простымъ домашнимъ сукномъ³³⁾). Наиболѣй извѣстностью въ Новгородѣ пользовалось сукно ипрское или иское: на праздникѣ рожества Ивана Предтечи иванскіе купцы дарили имъ владыку и намѣстника великаго князя; каждый вступающій въ иванское купечество подносилъ кусокъ этого сукна тысяцкому³⁴⁾. Тѣмъ же сукномъ дарили великаго князя въ его прѣездѣ въ Новгородъ: въ 1475 году Иванъ Васильевичъ получилъ отъ владыки и новгородскихъ бояръ всего 70 поставовъ искаго сукна, въ томъ числѣ 18ъ отъ одного владыки, причемъ каждый поставъ лѣтопись оцѣнивается въ тридцать рублей³⁵⁾). Изъ постановленій скры видно, что въ Новгородѣ прочно установилась мода только на извѣстные сорта суконъ, которые Ганза и предписывала туда доставлять, потому что только такія сукна можно было съ успѣхомъ надѣяться сбыть въ Новгородѣ; къ такимъ сукнамъ кромѣ искаго относились диксмюйденское и лангемаркское³⁶⁾; сукна, поддѣланныя подъ эти сорта и купленныя не на мѣстѣ ихъ производства, привозить было запрещено подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебра и опасенiemъ потерять самыя сукна. Изъ черныхъ суконъ, такъ называемыхъ капеляковъ (*cappales ranni*), можно было привозить только тѣ, которыя производились въ Ахенѣ и Кельнѣ; вообще невѣльно было ввозить въ Новгородъ тѣ сукна, торговля которыми была запрещена въ брюгской конторѣ, какъ-то: оберлейгскія, девентерскія, и сукна поддѣланныя на манеръ коминскихъ и верверскихъ; обѣ этихъ сукнахъ, нѣкоторое время привозившихся въ Новгородъ, скра замѣчаетъ, что на нихъ Нѣмцы понесли большиe убытки и выслушали изъ-за нихъ много порицаній со стороны Русскихъ. Вслѣдствіе также упрековъ со стороны Новгородцевъ

³³⁾ „а одѣяніе потребно имати у игумена обычное, а не пѣмечскихъ суконъ“. Ак. Истор. I, № 5, стр. 8 (устави. грамота Спѣтогорскому монастырю).

³⁴⁾ Доп. къ Ак. Истор. I, № 3.

³⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 142—143. Степенной посадникъ Василий Есиновичъ поднесъ великому князю „три постава искаго сукна рудожелтыхъ“.

³⁶⁾ Впрочемъ въ Новгородѣ кажется всѣ лучшиe сорта привозныхъ суконъ вообще назывались искими.

неведомо было продавать нецѣлые сукна и обрѣзки; дѣло въ томъ, что въ пачкахъ оказывались сукна, сшитыя изъ лоскутковъ неравнаго качества и даже разнаго цвѣта; но рѣзанныя аглицкія сукна продавать въ Новгородѣ не было запрещено. Въ одно время была запрещена торговля скарлатнымъ сукномъ, другой разъ предписывалось продавать зеленая сукна. Изъ полотенъ въ Новгородѣ шли также только известные сорта: однажды было запрещено продавать поперингенскія полотна вмѣсто валансьенскихъ³⁷⁾. И зиму, и лето во дворѣ жили особенные надзиратели за сукнами и полотнами (*wandfinder*): они должны были наблюдать, чтобы каждая пачка имѣла привѣщенную печать, чтобы верхнее сукно, служившее оберткой для пачки, было одинакового качества со всею пачкой; если окажется, что верхнее сукно будетъ другого качества, чѣмъ все сукно содержимое въ ней, то виновный платилъ штрафъ въ 10 марокъ серебра, а самое сукно терялъ въ пользу двора. Надзиратели также должны были смотрѣть, чтобы сукна имѣли всегда определенный размѣръ; обыкновенная жалоба со стороны Новгородцевъ состояла въ томъ, что привозимыя Нѣмцами сукна коротки; такъ въ 1433 году контора писала въ Ревель, что много споровъ у нея было съ Русскими изъ-за суконъ, которые оказывались дѣйствительно короче определенной длины, что Новгородцы купивши сукно и перемѣрявши его находили, что въ немъ недостаетъ локтей трехъ или четырехъ, а потому возвращали сукно во дворъ³⁸⁾. Кромѣ фландрскихъ и аглицкихъ въ Новгородѣ привозились низшаго сорта сукна нѣмецкія и польскія: въ 1382 году прусскіе купцы жаловались, что Ганза запрещаетъ имъ торговать въ Новгородѣ польскимъ сукномъ; на возраженіе конторы, что привозъ разносортныхъ суконъ повредилъ бы сбыту въ Новгородѣ фландрскаго сукна, Данцигъ отвѣчалъ, что любецкіе купцы однако возять же въ Новгородѣ польское сукно³⁹⁾. Какъ высшіе такъ и низшіе сорта суконъ и тканей, напримѣръ дерюгу (*paclenewant*) продавали только цѣлыми пачками и

³⁷⁾ *Sart. Lappenh.* II, № 106.

³⁸⁾ *Ropp, Hanserecesse*, № 220.

³⁹⁾ *Hirsch. Hand. und Gewerbsgesch. Danzigs*, 156.

штуками; строго было запрещено рѣзать во дворѣ на кафтанъ или исподнее платье⁴⁰⁾). Нѣть сомнѣнія, что продажа суконъ по мелочи принадлежала новгородскимъ купцамъ, и именно знатнѣйшимъ между ними — иванскимъ, а новгородскіе купцы перепродавали ихъ въ Москву, гдѣ уже въ концѣ XIV вѣка упоминаются купцы-суконники⁴¹⁾, и въ другіе города сѣверовосточной Руси.

Вина, особенно красныя, необходимыя при совершеніи литургіи, составляли другую важную статью нѣмецкаго привоза; этимъ виномъ изъ Новгорода и Пскова снабжалась вся сѣверовосточная Русь, какъ изъ Киева — западная⁴²⁾). Кромѣ краснаго привозилось еще бѣлое вино⁴³⁾), потомъ пиво и медъ. Продажа ихъ была только оптовая, цѣлыми бочками; распивочная продажа или корчемство была запрещена подъ штрафомъ въ 50 марокъ серебра и лишеніемъ всѣхъ правъ двора; притомъ торговатъ хмѣльными напитками было позволено только въ нѣмецкомъ дворѣ, а не въ готскомъ, такъ какъ Новгородцы жаловались на безпорядки, происходившіе при торговлѣ въ этомъ дворѣ⁴⁴⁾). Въ 1405 году уполномоченные лифляндскихъ городовъ постановили держать въ новгородскомъ дворѣ особенныхъ надсмотрщиковъ вина (*winfinder*), которые обязаны были наблюдать, чтобы вино неподмѣшивалось водой и вообще неподдѣлывалось бы никакимъ способомъ; виновные въ поддѣлкѣ должны платить штрафъ въ 50 марокъ серебра и лишиться всѣхъ правъ двора⁴⁵⁾); тѣже лифляндскіе уполномоченные на сѣзданіи 1434 года подтвер-

⁴⁰⁾ Третья скра распространяется о сукнахъ съ большой подробностью. *Sart. Lappenh.* II, 285 — 289.

⁴¹⁾ Аристовъ. Промышл. древ. Руси, 189.

⁴²⁾ Но предварительно употребленія церковь повелѣвала освящать вино и разные овощи, доставляемые Нѣмцами. „Что мы сынове пишете, что изъ нѣмеческихъ земель приходитъ къ вамъ что потребно вино, или хлѣбъ, или овощъ, ино сынове очистивъ то молитвою отъ іерса, подобаетъ ясти и пити“,— пишетъ митрополитъ Фотій во Псковѣ (Ак. Ист. I, № 22.)

⁴³⁾ Въ 1436 году Новгородцы говорили Нѣмцамъ, что они должны были бы поднести въ подарокъ великому князю двѣ бочки вина: „2 vaten wyns, also ein vaten roden wyns, unde dat andere blanckes wyns“. *Korr, Hanserecesse*, 510.

⁴⁴⁾ *Sartor. Lappenh.* II, 288 — 289.

⁴⁵⁾ *Bunge, LEK, Urkundenb.* IV, № 1656.

дили распоряженіе скры слѣдующимъ образомъ: «никто не долженъ во дворѣ продавать пиво, медъ и прочіе напитки кромѣ прикащика двора, и то днемъ, а не ночью, притомъ бочками и другими большими мѣрами (spannen), но отнюдь не по мелочи»⁴⁶⁾. Въ договорахъ съ Нѣмцами Новгородъ и Псковъ неразъ повторяютъ запрещеніе для нихъ корчемства; если же принять во вниманіе, что по псковской судной грамотѣ продажа хмѣльныхъ напитковъ въ розницу запрещается и людямъ великаго князя, то нужно заключить, что право мелочной торговли этими напитками, какъ привозными, такъ и домашними принадлежало самимъ городамъ Пскову и Новгороду, которые вѣроятно поручали ихъ продажу своимъ присяжнымъ цѣловальникамъ⁴⁷⁾.

Предметъ насущной потребности соль составляла значительную статью нѣмецкой торговли въ Новгородѣ и съверо-западной Руси. Правда еще въ XII вѣкѣ Новгородцы добывали соль по берегамъ Бѣлаго моря (соль-морянка), какъ это видно изъ уставной грамоты Святослава Ольговича 1137 года,—потомъ въ области двинской, новоторжской, въ старой Русѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ края⁴⁸⁾; но этой домашней соли, вываривавшейся въ небольшихъ размѣрахъ и патріархальнымъ образомъ, было далеко недостаточно для населенія, и потому значительную ея часть доставляли въ Новгородъ Нѣмцы. Изъ Любека и Данцига соль привозили въ Лифляндію еще неупакованную въ мѣшки; упаковка соли въ мѣшки и ея взвѣшиваніе происходили въ лифляндскихъ городахъ, а оттуда уже готовую для продажи ее везли въ Новгородъ и Псковъ⁴⁹⁾. Въ 1436 году Новгородцы жало-

⁴⁶⁾ Ropp, Hanserecesse, 153, № 226.

⁴⁷⁾ А корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ неторговать». „А пива и корчмы Нѣмцомъ непродовати Новѣгородъ, а ни по пригородомъ“. Сборникъ Муханова, №№ 19 и 27.—„А княжимъ людемъ по дворамъ корчмы нодержать ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду непродавати“. Псков. судная грамота, изд. Владимірско-Буданова (Хрестом. по истор. рус. права. стр. 184).

⁴⁸⁾ Аристовъ, Промышл. древ. Руси, 70—71.

⁴⁹⁾ Hildebrand. D. Rig. Schuldbuch, s. LVI. Срав. Карамзина И. Г. Р. VI, пр. 421: „а Колыванци и Ругодивци сами у заморскихъ купцовъ изъ кораблей соль и медъ вѣсять, а новгородскимъ купцомъ

вались ганзейскимъ посламъ, что соляные мѣшки неимѣютъ узаконенного вѣса; на это послы не безъ тайной ироніи отвѣчали, что вѣроятно соль на пути отсырѣла и растаяла: известное дѣло, что взятое отъ воды въ воду и обращается»⁵⁰⁾. Однако Новгородъ несогда убѣждался такими доводами: въ 1407 году онъ рѣшилъ покупать соль у Нѣмцевъ неиначе, какъ на вѣсъ, причемъ слѣдовательно они стали бы платить и вѣсовыя пошлины⁵¹⁾, но какъ видно опять отступилъ отъ этого постановленія. Что соль была большой потребностью для Руси видно изъ запрещеній привоза ея въ Новгородъ и Псковъ, которая постановляла Ганза въ пору разладовъ съ Русскими: такъ въ 1368 году она согласилась съ запрещеніемъ лифляндскихъ городовъ привозить въ Новгородъ соль и соленую рыбу⁵²⁾; въ 1436 году нѣмецкіе купцы, арестованные во Псковѣ писали въ Лиѳляндію, чтобы оттуда пріостановили подвозъ соли во Псковъ, дабы тѣмъ принудить его скорѣе къ ихъ освобожденію⁵³⁾. Больше склады соли данцигскіе купцы имѣли въ ковенской конторѣ; оттуда она расходилась по всей Литвѣ вплоть до Смоленска и Полоцка; въ Полоцкѣ между прочимъ привозилась соль байская и лисабонская⁵⁴⁾.

Какъ часто доставляли Нѣмцы хлѣбъ, мясо и соленую рыбу, трудно сказать по недостатку данныхъ. Извѣстно, что Новгородъ терпѣлъ большую нужду въ хлѣбѣ отъ неурожаевъ, часто постигавшихъ его область, или во время раздоровъ съ великими князьями, которые тогда прекращали подвозъ хлѣба по Волгѣ въ Торжокъ; весьма вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ часть хлѣба доставляли въ Новгородъ ганзейскіе и лифляндскіе купцы. Выше мы видѣли, какъ заморскіе Нѣмцы

у себѣ продаютъ соль и медъ вѣсятъ же, и вѣсче на нихъ смилють; и они въ одномъ Новгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати», — т. е. для того чтобы неплатить вѣсовыхъ пошлинъ, тогда какъ сами они брали пошлины за провѣсъ съ ганзейскихъ купцовъ.

⁵⁰⁾ Ropp, Hanserecesse, 511.

⁵¹⁾ Bunge, LEK. Urk. IV, № 1730.

⁵²⁾ Kortmann, Die Recessse, I, № 396.

⁵³⁾ Ropp, Hanserecesse, 508.

⁵⁴⁾ Hirsch, Hand. u. Gewerbsgesch. Danzigs, 164, Рус. Лив. Ак. № 184.

выручили Новгородъ въ 1231 году⁵⁵⁾; что и позже хлѣбъ привозился въ Новгородъ изъ Германіи, объ этомъ нужно заключать по тѣмъ запрещеніямъ, которыя постановлялъ Орденъ насчетъ хлѣбной торговли: въ 1442 году онъ запретилъ Ревелю доставку хлѣба въ Новгородъ: въ 1446 году Орденъ просилъ о томъ же Любекъ и короля шведскаго, — а узнавъ, что данцигскіе купцы несмотря на запрещеніе привозили въ Новгородъ хлѣбъ и медъ, гермейстеръ писалъ лифляндскому магистру, чтобы онъ задержалъ виновныхъ купцовъ и сообщилъ ему ихъ имена для наказанія ихъ⁵⁶⁾. Такимъ образомъ Орденъ употреблялъ противъ Новгорода тоже самое средство, что великие князья тверскіе и московскіе.

Съ давнихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ новгородской земли добывалась желѣзная руда, изъ которой съ большимъ или меньшимъ искусствомъ выдѣлывалось желѣзо, какъ напримѣръ въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, въ Заволочьи въ посадѣ Непоксѣ и другихъ мѣстностяхъ⁵⁷⁾). Въ книгѣ Вотской пятини конца XV вѣка находимъ любопытныя данныя о добываніи и разработкѣ желѣзной руды въ разныхъ погостахъ Копорскаго уѣзда по берегамъ Финскаго залива: такъ въ Толдожскомъ погосте было 10 домницъ, и жители платили ежегодно своимъ владѣльцамъ по 100 крицъ желѣза, 28 сошниковъ, 4 лемеши и $2\frac{1}{2}$ прута; жители Каргальского погоста платили своимъ владѣльцамъ 40 прутьевъ желѣза, то-поръ, сковороду и еще нѣсколько крицъ; руду тамъ копали на такъ называемыхъ Красныхъ горахъ, для ея плавленія были устроены 24 доменныхъ печи; въ Дятлинскомъ погосте названы 24 домницы и 2 печи, руду копали также на Красныхъ горахъ⁵⁸⁾). Эти данныя о количествѣ доменныхъ печей указываютъ, что обработка желѣзной руды здѣсь подвинулась довольно далеко; оченьѣроятно притомъ, что эта обработка началась тамъ съ давнихъ поръ туземцами Финнами, кото-

⁵⁵⁾ Гл. IV, прим. 80.

⁵⁶⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. V, пр. 316; Гильдебрандъ, Отчетъ о ро-зыск. въ риж. и ревел. архивахъ, стр. 47, № 202.

⁵⁷⁾ Аристовъ, Промышл. древн. Руси, 111 — 112.

⁵⁸⁾ Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (Зап. Рус. Геогр. Общ. VIII, прилож. I, стр. 50 — 54).

рые издавна славились кузнечнымъ ремесломъ. Однако для промысловаго новгородскаго населенія: плотниковъ, кузнецовыхъ, каменьщиковъ, охотниковъ и прочаго городскаго и сельскаго люда домашняго желѣза была далеко недостаточно; и неподлежитъ сомнѣнію, что вопреки запрещенію Ордена и королей шведскихъ Нѣмцы привозили въ Новгородъ значительное количество желѣза и разныхъ желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій. Что касается мѣди, олова и свинца, о которыхъ прямо говорится въ скрѣ, какъ предметахъ привоза въ новгородскій дворъ, то и на эти металлы въ Новгородѣ должно было существовать большое требованіе, особенно при его многочисленныхъ церквяхъ⁵⁹⁾), для которыхъ были нужны колокольная мѣдь и колокола, свинцовые и жестяные листы на кровлю, олово, мѣдь и сплавы изъ нихъ на церковные суды, ризы для образовъ и пр. Весьма вѣроятно, что литейныя и нѣкоторыя другія металлическія работы производились въ самомъ Новгородѣ пріѣзжими нѣмецкими мастерами; призывать художниковъ съ запада — замѣчаетъ г. Забѣлинъ — было весьма обыкновеннымъ дѣломъ на сѣверѣ Россіи⁶⁰⁾. Но другія издѣлія доставлялись въ Новгородъ конечно готовыми: такъ бронзовыя доски съ литыми изображеніями, вѣланыя во врата Софійскаго собора, очевидно были работаны въ Германіи и потомъ уже на самомъ мѣстѣ вѣланы во врата⁶¹⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи еще теперь попадаются колокола съ иностранными надписями, конечно вылитые не у насъ, потому что въ противномъ случаѣ они непосили бы чужезычныхъ надписей⁶²⁾; надо полагать, что въ древнюю пору, пока искусство отливать колокола у насъ не развилось, они привозились изъ западной Европы въ ко-

⁵⁹⁾ Число церквей въ Новгородѣ въ половинѣ XV вѣка г. Соловьевъ полагаетъ до 230-ти. Истор. Россіи, IV, 231.

⁶⁰⁾ О металлич. производствѣ въ Россіи до XVII вѣка (Зап. Археол. Общ. V, 10).

⁶¹⁾ Аделунгъ (Корсунскія врата, перев. Артемьева, 1834) полагаетъ, что они были отлиты въ Магдебургѣ, такъ какъ на одной изъ нихъ изображенъ епископъ магдебургскій Вихманъ.

⁶²⁾ Въ одномъ селѣ тульской губерніи, веневскаго уѣзда есть колоколъ съ латинской и нѣмецкой надписями 1646 года (Аделунгъ, Корсун. врата, стр. 222). Во Владимѣрѣ на Клязьмѣ въ церкви Николы Мокраго также есть колоколъ съ голландской надписью.

личествѣ большемъ, чѣмъ въ послѣдствіи, когда это искусство достигло на Руси весьма значительной степени развитія, когда притомъ увеличилось и самое количество нужнаго для того металла. Наконецъ что касается драгоцѣнныхъ металловъ, то въ скрѣ, какъ мы видѣли, небыло запрещено Нѣмцамъ торговать въ Новгородѣ на серебро, уплата которыемъ производилась или на вѣсъ, или деньгами. Западноевропейскія деньги разныхъ названій заходили въ западную Русь путемъ нѣмецкой торговли въ большомъ количествѣ, обращаясь на ряду съ русскими деньгами: такъ въ русскихъ источникахъ называются шкилики (шиллинги), любецкіе т. е. пфенниги (или пенязи) и ортуги (шведская монета); во многихъ случаяхъ замѣтно, что нѣмецкая марка серебра, вѣсовая и денежная, равнялась новгородской гривнѣ; были известны и части марки, напр. четверцѣ (ферtingъ), ушко и полушкѣ (halu-oehr), поль овря, какъ говорится въ русскомъ текстѣ полоцкаго договора 1330 года, откуда съ другимъ удареніемъ вѣроятно произошло название полушки⁶³⁾). Въ Новгородъ приходили также золотые корабленики или побели (nobelen), невсегда однако доброкачественные: въ 1436 году Новгородцы жаловались, что нѣмецкіе купцы привозятъ къ нимъ фальшивые корабленики и серебряные слитки, которые только снаружи имѣютъ хорошее серебро, а внутри — плохое⁶⁴⁾). Какъ отдельныя боярскія семейства въ Новгородѣ были богаты золотыми деньгами, можно судить по количеству золотыхъ монетъ, поднесенныхъ ими въ даръ великому князю въ 1475 году: Яковъ Коробовъ въ два раза подарилъ великому князю 240 штукъ золотыхъ корабленыхъ, Казимиръ — 100, Исааковы — 110, и пр., — всего отъ разныхъ семействъ 770 золотыхъ. Казна владыки также была богата ими: въ три раза онъ одинъ поднесъ великому князю 750 золотыхъ корабленыхъ, кромѣ серебряныхъ и золоченыхъ вещей⁶⁵⁾). Впрочемъ нужно замѣтить, что под-

⁶³⁾ Сборникъ Муханова №№ 19 и 27. Рус. Лив. Ак. № 74. П. С. Р. Л. III, 109, 1420.

⁶⁴⁾ Ropp, Hanserecesse, 510.

⁶⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 142—143. Корабленики различались большіе и малые: Лука Федоровъ поднесъ въ князю „20 золотыхъ корабленыхъ, да 20 золотыхъ меньшихъ“. Большия иначе *двойные* червонцы: Карамзинъ, И. Г. Р. VI, 63; срав. прим. 141.

песеніе такихъ богатыхъ подарковъ великому князю, вмѣстѣ съ нѣмецкими сукнами и винами, составляло въ то время исключительный случай: владыка хотѣлъ задобрить великаго князя, который сталъ приступать къ монастырскимъ владѣніямъ; бояре угощали и дарили его изъ болзни его опалы; въ сущности это скорѣе было вымогательство со стороны Ивана Васильевича, чѣмъ добровольные ему подарки: быть можетъ чтобы удовлетворить великаго князя, боярамъ потребовалось собрать сбереженія, накопленныя трудомъ цѣлаго ряда ихъ предковъ.

Наконецъ въ скрѣ указано, что прикащики могли продавать въ Новгородѣ по мелочи слѣдующіе товары: перчатки парами, крашеную пряжу на фунты, полотна невысокаго качества на локти, сѣру гравенками, иголки сотнями и тысячами, далѣе четки, пергаминъ и сафьянъ также въ небольшихъ количествахъ⁶⁶⁾). Въ 1436 году ганзейскіе послы говорили Новгороду, чтобы Нѣмцамъ была предоставлена мелочная торговля по старинѣ въ тѣхъ лавочкахъ, которыя они выстроили на улицахъ, тѣмъ болѣе что сами Новгородцы въ лифляндскихъ городахъ разносятъ свои товары по домамъ, и торгуютъ въ розницу вездѣ, гдѣ имъ любо, въ чемъ никто имъ непрепятствуетъ; но въ договорной грамотѣ этого года обѣ этомъ спорномъ вопросѣ неупомянуто ни однимъ словомъ; послы пишутъ въ отчетѣ, что уже послѣ запечатанія договорной грамоты они еще разъ просили Новгородѣ позволить Нѣмцамъ розничную торговлю, но не получили никакого отвѣта⁶⁷⁾). Въ договорѣ Новгорода и Пскова съ Дерптомъ 1474 года обѣ этомъ предметѣ сказано: «всякій товаръ Псковичамъ (въ Лифляндіи) на розницу продавати добровольно, или вмѣстѣ» т. е. оптомъ⁶⁸⁾; такая же свобода мелочной торговли предоставляется Нѣмцамъ во Псковѣ за исключеніемъ корчевства; но о Новгородѣ въ этомъ пунктѣ договоръ умалчиваетъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ позволительно заключить, что въ запрещеніи розничной торговли (*placinge*) обѣ стороны небыли послѣдовательны; но на какіе

⁶⁶⁾ *Sart. Lappenh.* II, 370, 271. Срав. выше, стр. 77, прим. 59.

⁶⁷⁾ *Ropp, Hanserecessus*, 510, 520.

⁶⁸⁾ Сборникъ Муханова, № 19.

товары и на долго ли когда простидалось запрещение, сказать нелегко.

Одним изъ важнейшихъ предметовъ новгородского отпуска былъ воскъ. Обширная новгородская область, покрытая сплошными лѣсами, Литва и Низовье, особенно земля рязанская, гдѣ издавна славились пчеловодствомъ между прочимъ Мордва и Черемисы, доставляли въ Новгородъ громадное количество воску; здѣсь онъ находилъ всегда вѣрный сбытъ ганзейскимъ купцамъ: въ католической Европѣ былъ большой спросъ на восковыя свѣчи. Но это большое требование на воскъ и его сравнительная дороговизна были причиной его разнообразной подѣлки и порчи: при перетопкѣ къ нему подмѣшивали сало, смолу, гороховую муку, перемолотые желуди, песокъ, мелко стертый кирпичъ и т. под. материалы. Нѣмцы всячески старались пріобрѣсть въ Новгородѣ чистый воскъ, потому что подѣланный воскъ, когда онъ попадалъ во Фландрию и другие европейскіе рынки, возбуждалъ на ганзейскихъ купцовъ большія нареканія. Въ 1342 году дворъ заключилъ съ Новгородомъ особенный договоръ о торговлѣ воскомъ: новгородскій владыка, намѣстникъ великаго князя Федоръ, тысяцкій Астафій, двое купецкихъ старостъ и новгородское купечество съ одной стороны ⁶⁹⁾ и представители нѣмецкаго двора, большею частию вестфальскіе купцы съ другой уговорились, «что послѣ петрова дня въ торговлѣ не должно больше быть фальшиваго воска: торговать нужно чистымъ воскомъ, какъ Богъ его дастъ, какъ онъ самъ уродится съ его естественной примѣсью ⁷⁰⁾; Новгородцы недолжны покупать дурного воску ни у низовскихъ гостей, ни у Кореловъ; съ петрова дня торговля такимъ воскомъ должна быть прекращена въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Дерптѣ, Ригѣ, Ревель и на Готландѣ». Воскъ, называемый въ этомъ договорѣ «mit sines se-

⁶⁹⁾ О посадникахъ и боярахъ въ договорѣ неупоминается; по всейѣроятности съ нѣмецкимъ дворомъ уговаривалось иванское купечество, на что указываютъ тысяцкій и двое купецкихъ старостъ, называемыхъ въ договорѣ. Эта договорная грамота включена въ третью скру: *Sart. Lapp. II*, S. 282 — 283.

⁷⁰⁾ Ibid., S. 283: „de dudeschen scolen nemen reyne was van den Nougarderen, also als is got geuet mit sines selues vote, also als he seluen geworden is“.

lues vote», есть тотъ же, что въ рижской долговой книгѣ означается «сера cum pede» т. е. воскъ съ его природнымъ нечистымъ осадкомъ, который остается послѣ перетопки; этотъ природный осадокъ отличается отъ искусственной примѣси «valsch voet», какъ говорится въ другомъ мѣстѣ скры ⁷¹⁾). Иногда и этотъ природный осадокъ отбрасывали, и такимъ образомъ получали совершенно чистый воскъ, «сера sine pede», или какъ сказано въ полоцкомъ договорѣ 1330 года «воскъ безъ подсады» ⁷²⁾). Въ торговлѣ различались воскъ русскій, литовскій и лотышскій; въ рижской долговой книгѣ упоминаются какіе-то мало извѣстные сорта: «medewas» и «crogwas» ⁷³⁾). Въ скрѣ находимъ немало постановлений о воскѣ, показывающихъ важность торговли имъ для ганзейскихъ купцовъ. И зиму, и лѣто во дворѣ содержались особенные браковщики воска (wraker, wasfinder); купленный въ городѣ воскъ Нѣмцы немогли вносить въ церковь, пока браковщики неизслѣдуютъ его доброкачественности (кажется его пробуравливали); воскъ, оказавшійся удовлетворительнымъ запечатывали т. е. клали на него клеймо, и уже тогда вносили въ церковь; никто неимѣлъ права печатать (bezegeln) воскъ кромѣ браковщиковъ ⁷⁴⁾). Вывозъ со двора незапечатаннаго воска былъ запрещенъ подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебра и потерей самого товара; такой же штрафъ платилъ тотъ, кто покупалъ воскъ завѣдомо фальшивый; кромѣ того такой воскъ велѣно немедленно сжигать во дворѣ ⁷⁵⁾). Упоминается еще воскъ называемый «stolpen»: относится ли это название до формы, какую давали ему при перетопкѣ (столбъ?), или оно означаетъ какой нибудь плохой, либо поддѣланный сортъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ его велѣно забраковывать ⁷⁶⁾). На счетъ взвѣшиванія воска въ скрѣ замѣчено, что

⁷¹⁾ Ibid. S. 281.

⁷²⁾ Рус. Лив. А. стр. 54: „вѣсити чистый воскъ безъ подсады, безъ смолы, безъ сала, какъ верхъ, тако исподъ“.

⁷³⁾ Hildebrand. D. Rig. Schuld. LI—XV; издатель собралъ нѣсколько интересныхъ свѣденій о торговлѣ воскомъ. Что касается „medewas“ (записи № 355 и 1638), то это название кажется нужно объяснять изъ русского языка: неозначаетъ ли оно желтаго воска, цвѣтомъ похожаго на медъ, или воска, не вполнѣ свободнаго отъ примѣси меда?

⁷⁴⁾ Sart. Lappenb. II, 284.

⁷⁵⁾ Ibid. 274.

⁷⁶⁾ Ibid. 284.

Нѣмцы вѣсять его въ Новгородѣ по тому же способу, какой употребителенъ въ нѣмецкихъ городахъ, причемъ запрещено давать посулъ (passul) новгородскому вѣсовщику ⁷⁷⁾. Много споровъ и хлопотъ для обѣихъ сторонъ представлялось въ вощаной торговлѣ; въ одномъ постановленіи скры 1315 года замѣчено, что купцы потратили тогда много денегъ великому князю и его приближеннымъ изъ-за фальшиваго воска ⁷⁸⁾, т. е. вѣроятно съ цѣллю устраниТЬ таковой изъ торговли. Обыкновенно Нѣмцы требовали у Новгородцевъ привѣска (upgift) къ покупаемому воску на тотъ случай, что онъ можетъ оказаться невполнѣ чистымъ; съ своей стороны Новгородцы и Псковичи выговаривали, чтобы Нѣмцы не помногу «колупали» отъ вощаныхъ кусковъ, т. е. вѣроятно для удостовѣренія въ его добротности, или быть можетъ въ качествѣ того же привѣска ⁷⁹⁾. Встрѣчаются данные о цѣнѣ воска: такъ по рижской долговой книжѣ шипфунтъ перетопленнаго воска стоилъ въ концѣ XIII вѣка $11\frac{1}{2}$ марокъ серебра; въ XV вѣкѣ онъ былъ уже гораздо дороже: въ Данцигѣ тогда платили за русскій воскъ отъ 30 до 50 марокъ серебра шипфунтъ ⁸⁰⁾.

На ряду съ воскомъ мѣха составляли другую важную статью новгородской торговли. Охота была однимъ изъ важнейшихъ занятій новгородского населенія, а торговля съ Ганзой несомнѣнно развивала этотъ промыселъ еще больше. Государственная дань великому Новгороду со стороны инородцевъ состояла главнымъ образомъ въ мѣхахъ, собирать которые отправлялись особенные новгородскіе даньщики; да и внутри новгородской области для всего населенія мѣха долго имѣли значеніе денегъ на ряду съ серебромъ, составлявшимъ большую рѣдкость среди обыкновенного люда. Сами великие князья очень дорожили охотой въ новгородской землѣ, а Новгородъ съ своей стороны постоянно вносилъ въ договоры съ

⁷⁷⁾ Ibid. 283 — 284, 286.

⁷⁸⁾ Ibid. 281.

⁷⁹⁾ Hildebrand. D. Rig. Schuldb. LIV. Сборникъ Муханова, № 19: „а воскъ Юрьевцомъ колупати не помногу, по старинѣ, по крестному цѣлованію“.

⁸⁰⁾ D. Rig. Schuldb. LV. Hirsch, H. n. G. Geschichte Danzigs, S. 256.

ними статьи о мѣстѣ и срокѣ киплжеской охоты; когда же князья позволяли себѣ слишкомъ ею увлекаться, то Новгородъ громко высказывалъ имъ свое неудовольствіе: «чemu еси отъяль Волховъ гогольными ловци, а поле отъяль еси заячьими ловци», — упрекалъ онъ въ 1270 году Ярослава Ярославича ⁸¹⁾. На счетъ охоты и промысловъ въ дальнихъ краяхъ новгородской земли князья заключали съ Новгородомъ особенные ряды: такъ они выговаривали себѣ право слать ватаги своихъ промышленниковъ на Терскій берегъ и Печору для битья пушнаго звѣря и птицы ⁸²⁾. Для той же цѣли въ самомъ Новгородѣ устроилось особенное купечество, или быть можетъ вѣрнѣе промышленная артель «Югорцевъ»: во всякомъ случаѣ на артельное ихъ устройство указываетъ фактъ построенія ими собственной церкви Св. Троицы ⁸³⁾. Большое количество мѣховъ, накоплявшихся въ новгородской казнѣ и у отдѣльныхъ купцовъ, находило удобный сбыть ганзейскимъ Нѣмцамъ; но вслѣдствіе большаго спроса мѣха, какъ и воскъ, подвергались разнообразной подделькѣ. Мы видѣли, что въ скрѣ полоцкой конторы, данной изъ рижского рата, запрещено покупать мѣха подстриженные, выщипанные, подкрашенные и нецѣльные; въ скрѣ новгородского двора также запрещается покупать вообще всякіе фальшивые мѣха (*falsch werk*) ⁸⁴⁾. Передъ пасхой 1376 года Нѣмцы уговаривались съ новгородскими уполномоченными, бывшими въ Лифляндіи, о прекращеніи впредь торговли поддѣльными

⁸¹⁾ П. С. Р. Л. III, 61. — С. Г. Г. и Д. I, № 1: „а въ Русу ти, княже, ъздити осень, а лѣтѣ не ъздити, ъздити на Озвадо звѣри гонить“. Тамже, № 2: „а свины (кабановъ) ти бити за 60 верстъ отъ города... а на Озвадо ти, княже, ъздити лѣтѣ звѣри гонить, а въ Русу не ъхати, ъхати ти въ Русу на третю зиму, а въ Ладогу княже, ъхати на третie лѣто.“

⁸²⁾ Ак. Археogr. Эксп. I, №№ 1 — 3.

⁸³⁾ П. С. Р. Л. III, 133, 1365: „Югорци заложиша церковь каменную святую Троицу на Редятинѣ улицѣ“. Издатели напрасно предлагаютъ вмѣсто „Югорци“ читать: Юрьевцы; они также несправедливо замѣ чаютъ, что это название въ другихъ мѣстахъ невстрѣчается; въ Новгор. 4 лѣтоп. подъ тѣмъ же годомъ читается: „Югорциною заложиша церковь камену, святую Троицу на Редятинѣ улицѣ“ (Тамже, IV, 65).

⁸⁴⁾ *Sart. Lappenb.* II, 279.

мѣхами⁸⁵⁾. Къ сожалѣнію мы лишены возможности ближе знать, въ чемъ заключалась тогда поддѣлка мѣховъ и кожи; трудно напримѣръ сказать, какие мѣха разумѣются въ скрѣ подъ названіями *doyenissen*, *troyenissen*, *sceuenissen*; попытки Сарторія объяснить ихъ вышли у него неудовлетворительны, что и самъ онъ признаетъ⁸⁶⁾; Кругъ едва ли также вѣрно производить «*doyenissen*» отъ шкуры *дойной* коровы⁸⁷⁾, но самый приемъ его объяснять этотъ терминъ скры изъ русскаго языка нельзя непризнать вѣрнымъ. Въ одной рукописи румянцевскаго музея говорится, что около 1437 года изъ Пскова въ Нарву отправлялись соболи-тройники, что очевидно есть *troynissen* или *troyenissen* скры⁸⁸⁾; въ такомъ случаѣ *dou-nissen* не означаетъ ли *двойники*, а *sceuenissen* — *сшитые*, нецѣльные мѣха? Но что именно значатъ тройники и двойники, — мѣха ли сшитые изъ трехъ или двухъ лоскутовъ, или эти названія указываютъ на какойнибудь способъ поддѣлки или выдѣлки ихъ, сказать весьма трудно: быть можетъ дѣло понятнѣе станетъ лицамъ, ближе знакомымъ съ промысломъ скорнячества. Въ 1346 году было строго запрещено покупать эти мѣха во всѣхъ русскихъ и лифляндскихъ городахъ, какъ въ большихъ, такъ и малыхъ количествахъ: въ противномъ случаѣ виновникъ подвергался пенѣ въ 10 марокъ серебра и отобранію самаго товара въ пользу двора⁸⁹⁾. Но въ прежнее время мѣха *sceuenissen* покупались Нѣмцами и привозились во Фландрію: въ одномъ фландрскомъ тарифѣ XIII вѣка обозначено, что эти мѣха продаются тысячами съ платой пошлины по 4 денара съ тысячи⁹⁰⁾; около 1335 года обѣ этихъ мѣхахъ было поручено любецкому послу го-

⁸⁵⁾ *Bunge*, LEK. Urk. III, № 1114: na paschen en sal men nein hardink konen, dat en si als is got geuen heuct am ledere efte ummekaret, men sal al hardink in sinem wesene laten: nicht limen, noch besceren, noch bliken, noch inbinden, noch lappen, noch de houede noch de uote afsniden, und sal wesen sunder arlerleye falschheit“.

⁸⁶⁾ Urk. Gesch. II, S. 58, 160, 280 (въ примѣчаніяхъ къ тексту).

⁸⁷⁾ Forschungen, II, 636 — 637.

⁸⁸⁾ На эту рукопись указалъ *и. Аристовъ*, Промышл. древн. Руси, примѣт. 631. — *Troynissen* Кругъ сближаетъ съ *truie* = свиная кожа: Forschungen, II, 638.

⁸⁹⁾ *Sart. Lappemb.* II, 280, 287.

⁹⁰⁾ Ibid. 58.

ворить въ Новгородѣ⁹¹⁾, — а въ данцигской торговлѣ они встречаются и въ XV вѣкѣ: тысяча этихъ мѣховъ стоила тамъ отъ 5 до 8 марокъ⁹²⁾, — видно, что они были невысокаго качества. Изъ дешевыхъ былъ также мѣхъ, называемый «pulchrum opus», вѣроятно бѣличій или заячій, употреблявшійся на опушку платьевъ: его обыкновенно покупали тысячами, а однажды небольшая компанія купцовъ купила его въ Новгородѣ сорокъ тысячъ штукъ⁹³⁾. О лучшихъ сортахъ мѣховъ, — соболиныхъ, куньихъ, бобровыхъ и лисьихъ въ скрѣ неѣтъ упоминанія, быть можетъ потому что въ этихъ сортахъ было менѣе поддѣлокъ, чѣмъ въ нисшихъ, продававшихся притомъ большими пачками въ 250, 500 и 1000 шкурокъ, тогда какъ лучшіе мѣха считались десятками (tendelingе) и сороками (tummer)⁹⁴⁾. Но неподлежитъ сомнѣнію, что на ряду съ дешевыми Нѣмцы покупали и дорогіе мѣха; молчаніе о нихъ скры ничего недоказываетъ, потому что мы ее имѣемъ не въ полномъ видѣ; по всей вѣроятности были, но недошли до насъ и подробные тарифы въ родѣ тѣхъ, какие напримѣръ остались отъ брюггской конторы. Что торговля Новгорода мѣхами была обширна, доказываетъ уже фактъ ихъ разнообразной поддѣлки; скорнячество было весьма развитымъ промысломъ въ древней Руси; русскіе поселенцы въ Ригѣ также занимались въ ней этимъ промысломъ⁹⁵⁾. Однако возможно, что сравнительно съ болѣе древнею эпохой, напримѣръ арабской торговли теперь на сѣверѣ Руси было уже меньше пушнаго звѣря, который частію былъ побитъ, а частію ушелъ за уральскій хребетъ, преслѣдуемый можно сказать по пятамъ русскими колонистами.

Въ договоры съ великими князьями тверскими и московскими Новгородъ постоянно включалъ статьи на счетъ пошлинъ съ льна и хмѣля⁹⁶⁾; но на сколько была развита въ

⁹¹⁾ Ibid. 160.

⁹²⁾ Hirsch, H. u. G. Gesch. Danzigs, 260.

⁹³⁾ Sart. Lappenh. II, 158.

⁹⁴⁾ Ibid. 280, 287.

⁹⁵⁾ Въ числѣ рижскихъ гражданъ русского происхожденія называются *Jachim pellifex, Smene pellifex*. D. Rig. Schuldbuch, №№ 702, 1357 etc.

⁹⁶⁾ „А что, княже, мыть по твоей земли и по иной волости и

ту пору обработка льна на Низу, за Волокомъ въ нынѣшней вологодской губерніи, потомъ собственно въ новгородской и псковской землѣ, — по недостатку данныхъ судить трудно; неизвѣстно также, какъ значителенъ былъ отпускъ льна Нѣмцамъ. Во всякомъ случаѣ ленъ неимѣлъ въ то время того значенія, какое имѣть онъ теперь въ отпускной рижской торговлѣ, хотя для фландрскихъ полотняныхъ фабрикъ онъ и тогда былъ необходимъ, и при большемъ развитіи льноводства могъ уже въ ту пору составить важную статью русской торговли; въ 1453 году Ганза подтвердила, чтобы льняная торговля въ Россіи велась правильнымъ образомъ⁹⁷⁾. Наконецъ Нѣмцы вывозили хмѣль, необходимый для приготовленія пива и другихъ хмѣльныхъ напитковъ, потомъ разные продукты домашняго и лѣснаго хозяйства, какъ-то: кожи, быть можетъ иногда и выдѣланныя (юфть), строевой лѣсъ, смолу, золу и проч. Но при отсутствіи данныхъ составить болѣе подробную распись товаровъ, вывозившихся Нѣмцами изъ Новгорода и западной Руси, а тѣмъ болѣе — опредѣлить количество вывозившагося сырья каждого вида порознь — трудно.

Къ этой расписи необходимо сдѣлать еще два замѣчанія. Во первыхъ не всегда предметы привоза непремѣнно оставались таковыми; они напротивъ могли стать предметами вывоза, и на оборотъ: отпускные изъ Новгорода товары могли стать для него предметами ввозными отъ Нѣмцевъ. Если ганзейскіе купцы нерѣдко привозили въ Новгородъ хлѣбъ, то во время урожая въ новгородской землѣ, или соѣдніхъ съ нею областяхъ, въ привозѣ его непредставлялось нужды: хлѣбъ могъ тогда даже покупаться Нѣмцами вслѣдствіе его изобилія и дешевизны⁹⁸⁾. Или напримѣръ медъ, несмотря на его обилие въ Руси, могъ по временамъ привозиться въ Новгородъ, когда по случаю холодной весны и лѣта тамъ былъ на него

по всей сужданской земли, а то княже имати по 2 вѣкии отъ лодѣй, и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба“. С. Г. Г. и Д. I, № 2 и пр. Въ продолженіе двухъ вѣковъ, — отъ конца XIII до конца XV в. эти пошлины оставались неизмѣнными.

⁹⁷⁾ Willebrandt. Hans. Chronik, II, 222.

⁹⁸⁾ П. С. Р. Л. IV, 208, 1434: „того же лѣта бысть въ нѣмецкой земли голодъ и хлѣбъ дорогъ вельми, а въ Псковѣ у святой Троицы далъ Богъ хлѣба много и дешево, по девяти денегъ зобница“.

неурожай. Во вторыхъ должно замѣтить, что привозомъ отъ нихъ и вывозомъ другихъ перечисленныхъ сейчасъ товаровъ дѣло неограничивалось; пусть въ новгородскомъ дворѣ была запрещена перепродажа купленныхъ товаровъ, но внѣ двора, напримѣръ въ Лифляндіи, могли имѣть мѣсто новая мѣна товаровъ и другія дальнѣйшія операциіи надъ ними, какъ между ганзейскими и лифляндскими купцами, такъ между ними и Русскими, постоянно торговавшими въ городахъ Лифляндіи. Такимъ образомъ въ дѣйствительности торговая операциіи были гораздо болѣе сложны, чѣмъ простой ввозъ однихъ товаровъ и вывозъ другихъ.

Какъ велики были торговые обороты новгородско-ганзейской торговли можно судить по количеству купцовъ, проживавшихъ въ новгородскомъ дворѣ. Въ одномъ мѣстѣ третьей скры замѣчено, что въ трехъ клѣтяхъ могутъ помѣщаться 24 хозяина, да шестеро въ избѣ толмача кромѣ прислуги, жившей при хозяевахъ; сверхъ того съ позволенія ольдермана тамъ могли помѣщаться и еще пѣсколько хозяевъ⁹⁹⁾. Въ 1331 году Новгородъ требовалъ отъ нѣмецкаго двора выдачи 50 человѣкъ для изслѣдованія дѣла о ночномъ убийствѣ Новгородца¹⁰⁰⁾; въ 1425 году Новгородъ арестовалъ у себя 150 ганзейскихъ купцовъ¹⁰¹⁾; наконецъ Иванъ Васильевичъ при закрытіи двора арестовалъ 49 купцовъ. Конечно число лицъ, составлявшихъ тотъ или другой поѣздъ, немогло быть постояннымъ: смотря по различнымъ обстоятельствамъ ганзейские купцы на Руси были то многочисленнѣе, или по тогдашнему выражению «сильнѣе»¹⁰²⁾, то малочисленнѣе. Но если принять во вниманіе, что снаряженіе судовъ на плаваніе изъ Германіи въ Новгородъ требовало большой суммы, покрыть

⁹⁹⁾ *Sart. Lappenb.* II, 269.

¹⁰⁰⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 58.

¹⁰¹⁾ *Ropp, Hanserecessus*, 510. Въ слѣдующей главѣ скажемъ подробнѣе объ этомъ арестѣ.

¹⁰²⁾ Подъ 1362 годомъ въ псковской лѣтописи сказано: „тогда баше гость силенъ нѣмецкій“. П. С. Р. Л. IV, 191. — Однажды Нѣмцы говорили въ Новгородѣ, что они уплатили бы великому князю слѣдующіе ему по старинѣ подарки, если бы они были сильнѣе въ то время, какъ великий князь посѣтилъ Новгородъ: „wen hir de duzsche koerpan sterke were“. *Ropp, Hanserecessus*, 512.

которую легче могла большая компания; если далее припомнимъ обширность помѣщенія въ новгородскомъ дворѣ, и наконецъ прямыя данныя о количествѣ купцовъ, проживавшихъ въ Новгородѣ, то мы будемъ имѣть право заключить, что число ганзейскихъ купцовъ въ новгородскомъ дворѣ вообще было значительно, и следовательно несмотря на ограничение ввоза цифрою въ тысячу марокъ серебра сумма привозимыхъ товаровъ въ Новгородѣ была очень велика; притомъ торговля производилась и въ кредитъ. Около 1373 года новгородская контора писала въ Любекъ, что дворѣ переполнены сукнами и всякими другими товарами, а потому просила задержать поѣздъ лѣтнихъ гостей, прибытие которыхъ могло бы нанести конторѣ окончательный ущербъ¹⁰³⁾; такое же извѣстіе о накопленіи товаровъ во дворѣ встрѣчается въ XV вѣкѣ¹⁰⁴⁾. Оно и понятно: нѣмецкія сукна и вина шли не въ одинъ Новгородъ, а гораздо далѣе его; воскъ и мѣха приходили въ него не только изъ его области, но и изъ другихъ отдаленныхъ краевъ, напримѣръ Поволжья, связи съ которымъ вообще много оживляли ганзейскую торговлю Новгорода. О низовской торговлѣ того времени вотъ что замѣчаетъ г. Соловьевъ: «съ достовѣрностью можно положить, что утвержденіе татарского владычества въ средней Азіи въ низовьяхъ Волги и Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній очень много способствовало развитію восточной торговли; время отъ Калиты до Дмитрія Донскаго должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли»¹⁰⁵⁾. Къ этимъ словамъ почтенного историка нужно прибавить, что означенный періодъ времени былъ самымъ цвѣтущимъ и въ исторіи ганзейской торговли Новгорода, какъ это видно изъ постановленій третьей скры, сдѣланныхъ именно отъ 1315 по 1370 годы; замѣтно, что Ганза вела тогда живую

¹⁰³⁾ Kortmann. Die Recessse, II, № 66: „scribitis de pluralitate pannorum et aliorum bonorum ad presens in curia Nogardensi constitutorum et quomodo timetis, quod veniens hospes estivalis, hoc est zomergast, faciat vobis et bonis vestris prejudicium et detrimentum“ (Любекъ отвѣтчаетъ конторѣ).

¹⁰⁴⁾ Рус. Лів. А. стр. 101: „zokumpst des zomergastes des moste de korpman gans uerderbet werden, wente de kerke to Nogarden vul guedes licht boven und beneden“.

¹⁰⁵⁾ Истор. Россіи, IV, 264.

торговлю въ Новгородѣ, и потому спѣшила регулировать ее въ постановленіяхъ скры. Конечно одновременное процвѣтаніе торговли въ двухъ сосѣднихъ областяхъ новгородской и поволжской, притомъ связанныхъ превосходнымъ воднымъ путемъ, Волгой, не есть случайное совпаденіе; оно указываетъ напротивъ, что большой размѣръ торговли въ одной области былъ обусловленъ обширностью торговыхъ оборотовъ въ другой. Для Новгорода торговля съ Поволжьемъ была важна не столько азіатскими товарами въ родѣ бисера, жемчуга и разныхъ самоцвѣтныхъ камней, какъ было въ эпоху арабской торговли, хотя и теперь, въ XIV в. въ Новгородѣ и на всей Руси отнюдь неминовалась мода на эти предметы украшенія; она была важна также не восточными пряностями, ибо эти пряности екорѣ могли доставить въ Новгородъ ганзейские купцы, покупавшіе ихъ во Фландріи и другихъ рынкахъ западной Европы, куда въ изобиліи доставляли ихъ итальянские купцы, производившіе торговлю съ Византіей и Левантомъ: торговля съ Поволжьемъ для Новгорода, а чрезъ него и для Ганзы была выгодна съ другихъ сторонъ: оттуда приходили въ Новгородъ хлѣбъ, воскъ, ленъ и хмѣль; на оборотъ въ Поволжье сбывались нѣмецкіе товары; такимъ образомъ чрезъ Новгородъ оно входило въ кругъ западноевропейской торговли. Древній торговый путь, славный въ эпоху арабской торговли, отмѣченный арабскими деньгами, еще разъ оживился въ XIV вѣкѣ, и даже быть можетъ больше, чѣмъ тогда.

ГЛАВА VI.

Теперь въ хронологическомъ порядке прослѣдимъ сношениія Новгорода съ Ганзой и разсмотримъ ихъ торговые договоры ¹⁾.

Въ то время какъ Нѣмцы поселялись въ прибалтійскомъ краѣ, а Новгородъ и Псковъ вели съ ними продолжительную, хотя совсѣмъ недружную войну, заморское нѣмецкое купечество должно было чувствовать себя въ стѣсненномъ положеніи: съ одной стороны папы, рижское духовенство и Орденъ призывали всѣхъ западныхъ христіанъ къ борьбѣ противъ язычниковъ и схизматиковъ Русскихъ, требовали, чтобы купцы прервали всякия сношениія съ тѣми и другими; да и само готландское купечество принимало немалое участіе въ судьбѣ Риги и всѣхъ вообще колонистовъ новаго края; съ другой стороны купцы немогли нечувствовать, что перерывъ торговли съ Русскими изъ-за цѣлей, преслѣдуемыхъ папами и Орденомъ, приносить имъ большой убытокъ; притомъ заморское купечество могло опасаться, что въ промежутки замиренія лифляндскіе купцы поспѣшать извлечь выгоды изъ своего сосѣдства и начнуть торговывать съ Русскими. Вотъ почему несмотря на войну лифляндскихъ Нѣмцевъ съ Русскими заморское купечество съ острова Готланда вело торговлю съ Новгородомъ, и постепенно добивалось тамъ увеличенія своихъ правъ. Такъ заморскіе купцы гостили въ Новгородѣ въ княженіе Константина Всеволодовича (1204—1209), отъ кого получили нѣкоторыя льготы для своего двора, упоминаемыя въ договорѣ 1270 года по латинской редакціи ²⁾. Въ 1226 году, въ княженіе Ярослава Всеволодовича Нѣмцы, по извѣстію Татищева, заключили съ Новгородомъ особенный

¹⁾ При составленіи этого очерка хронологическія даты мы будемъ заимствовать изъ труда Э. Боннеля. Russischländische Chronographie.. bis zum Jahre 1410. S. Petersburg, 1862.

²⁾ *Sart-Lapp. Urk. Gesch. II, S. 42:* „... libertate, quam rex edit Constantinus“.

договоръ: «въ Новградъ — говорить онъ — прибыли послы изъ Любека, привезли товара такое множество, какова николи неваживали, и просили отъ братіи своея многихъ городовъ и земель о любви и пріязни; и Новгородцы приняли ихъ въ любовь, и учинили договоръ, что всѣмъ купцамъ туда и оттуда ходить съ товары и торговатъ, гдѣ и сколько кто хочетъ, не платя пошлины, а въ строеніи церквей отказали»³⁾. Въ 1231 году во время голода и разлада съ Ярославомъ Нѣмцы оказали большую услугу Новгороду подвозомъ хлѣба⁴⁾. Какъ далѣе шла торговля, какое положеніе заняли заморскіе Нѣмцы во время войнъ Александра Невскаго съ Шведами и Орденомъ, на это нѣть ясныхъ указаній въ источникахъ; по договору съ Нѣмцами Александра Невскаго отъ 1260 года можно догадываться, что они держали тогда сторону Лифляндіи: «что ся учинило тяже — говорится въ немъ — межи Новгородци и межю Нѣмци и Гты и со всѣмъ Латинскымъ языкомъ, то все отложихомъ»⁵⁾. Частнѣе въ договорѣ упоминается о тѣжбѣ Новгорода съ Нѣмцами по дѣлу какого-то Ратши; но въ чёмъ она состояла, и кто былъ самый Ратша, въ договорѣ нѣть никакихъ намековъ: не былъ-ли онъ тотъ прусскій выходецъ, который прибыль въ Новгородъ именно въ княженіе Александра Невскаго, и потомъ сталъ родонаучникомъ нѣсколькихъ дворянскихъ родовъ въ Твери и Москвѣ⁶⁾? Или это тотъ Ратиборъ тысяцкій, который въ 1270 году является сторонникомъ великаго князя Ярослава Ярославича? Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ вѣрно, что къ дѣлу Ратши стали прикоcновены нѣмецкіе купцы, и что трое изъ нихъ во время смуты были убиты; дѣло кончилось тѣмъ, что за двоихъ убитыхъ Новгородъ уплатилъ виру въ 20-ть гривенъ серебра, а одного виновнаго въ убий-

³⁾ Истор. Россійская, III, стр. 445. Какъ понимать извѣстіе объ этой безпошлинной торговлѣ, мы старались показать въ предыдущей главѣ. О церквяхъ — во II-й главѣ.

⁴⁾ Татищевъ (Истор. Рос. III, 458) объ этомъ случаѣ говоритъ: „открылъ Богъ милосердіе свое, какъ скоро ледъ прошелъ, пришли Нѣмцы изъ-за моря“. Конечно поѣздъ лѣтнихъ гостей приплывалъ въ Новгородъ нераньше окончанія невскаго ледохода: такъ бывало всегда.

⁵⁾ Рус. Лив. А. стр. 9.

⁶⁾ Карамзинъ. Ист. Г. Р. IV, примѣч. III. Срав. В. С. Борзаковский, Истор. Тверскаго княжества, стр. 224.

ствѣ выдалъ Нѣмцамъ головой⁷⁾). По всей вѣроятности это дѣло было однимъ изъ ближайшихъ побужденій къ заключенію договора, по соображеніямъ Боннеля состоявшемуся въ генварѣ или февралѣ 1260 года въ бытность Александра Невскаго въ Новгородѣ⁸⁾. Сравнительно съ договоромъ Ярослава Владимиrowича онъ имѣеть ту особенность, что весь занятъ опредѣленiemъ торговыхъ порядковъ, тогда какъ первый преимущественно устанавливаетъ штрафы за уголовныя преступленія; вмѣстѣ съ нимъ онъ составляетъ небольшую сводную грамату, такъ сказать торговую правду; очень вѣроятно, что именно этой мыслью руководились, переписывая обѣ грамоты на одномъ листѣ. Такъ какъ въ предыдущемъ изложеніи, говоря о торговыхъ порядкахъ, мы уже исчерпали содержаніе договора 1260 года, то теперь припомнимъ его только вкратце: Новгородцы имѣютъ право свободной торговли на Готландѣ (о Любекѣ несказано), а Нѣмцы, Готы и всѣ Латины — въ Новгородѣ; отправляясь на Готландъ зимніе гости должны брать «посла» (проводника); если они невозьмутъ проводника или новгородскихъ купцовъ, то Новгородъ неотвѣчаетъ за вредъ, который они могутъ потерпѣть на пути до Котлина; онъ также неотвѣчаетъ за безопасность купцовъ въ корельской землѣ; соглашаясь на просьбу Нѣмцевъ Новгородъ уступилъ имъ три двора «по своей волѣ»; вмѣсто прежняго пуда онъ поставилъ на торгу скальвы также «по своей волѣ и любви»; Нѣмцы обязались платить вѣсовую пошлину по двѣ куны отъ кани при продажѣ и покупкѣ всякаго вѣсомаго товара; наконецъ о тяжбахъ разнаго рода въ договорѣ замѣчено вообще: «гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати». До-

⁷⁾ „А в Ратшину тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за двѣ голове, а третью выдахомъ“. Срав. въ смоленскомъ договорѣ князя Мстиславича: „аже убьютъ мужа вольного, тѣ выдати разбойники (убийцѣ), колико то ихъ было будетъ; не будетъ разбойниковъ — то дати за голову 10 гривенъ серебра“. Рус. Лив. А. стр. 451.

⁸⁾ Rus. livl. Chronogr. Comment. S. 88. Между прочимъ авторъ говоритъ: „тогда великий князь помогалъ татарскимъ чиновникамъ производить перенеси новгородского населенія; быть можетъ заключеніемъ мира съ нѣмецкими купцами онъ хотѣлъ пріобрѣсти расположение нѣкоторой части огорченаго народа, ибо этимъ миромъ онъ обеспечивалъ Новгороду безпрепятственный ходъ торговли“. Это соображеніе имѣеть свою цѣну.

говоръ заключенъ отъ имени великаго князя Александра, сына его Дмитрія, посадника Михаила Федоровича, тысяцкаго Жирослава и всѣхъ Новгородцевъ; къ грамотѣ привѣшены три печати, изъ коихъ одна съ именемъ владыки Далмата ⁹⁾. Съ другой стороны договоръ заключали три посланнѣца: нѣмецкій, любецкій и готскій. Первый быть можетъ былъ представителемъ Риги, но нельзя полагать, чтобы онъ былъ представителемъ всей Лифляндіи, въ томъ числѣ Дерпта и Ревеля. Что послѣдніе два города неучаствовали въ мирномъ договорѣ, вѣроятно по ходу дальнѣйшихъ событій: ибо спустя два года Новгородцы предприняли походъ на Дерптъ, а чрезъ восемь лѣтъ произошла знаменитая битва подъ Раковоромъ. Относительно этой битвы намъ слѣдуетъ вдаться въ нѣкоторыя подробности, чтобы уяснить ходъ событій, предшествовавшихъ заключенію договора 1270 года.

Въ 1241 году, когда Александръ Невскій покинулъ Новгородъ, Орденъ въ союзѣ съ эстляндскими рыцарями предпринялъ завоевать землю Водь на востокѣ отъ Наровы; сначала дѣло пошло удачно: рыцари построили замокъ близь Копорья, захватили земли по Лугѣ и чинили разъѣзды почти вплоть до Новгорода; били новгородскихъ гостей и собирали дань на туземцахъ ¹⁰⁾; Орденъ предложилъ уже эзельскому епископу распространить его юрисдикцію на вновь завоеванный край, и епископъ выдалъ грамоту, гдѣ изложилъ на какихъ условіяхъ и какой частью завоеванной земли будутъ владѣть Орденъ и епископъ ¹¹⁾. Побѣда Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ въ 1242 году неокончательно разсѣяла мечты Ордена и эзельского епископа о владѣніи Водью; правда послѣ пораженія нѣмцы говорили: «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, то ся всего отступаемъ» ¹²⁾, но въ 1255 году папа разрѣшалъ своему легату, рижскому архиепископу Альберту поставить особеннаго епископа надъ землею Води, Ингрей и Корелей ¹³⁾. Этъ притязанія лифляндскихъ и датскихъ рыцарей на водскую пя-

⁹⁾ Рус. Лив. А. стр. 8.

¹⁰⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 53.

¹¹⁾ Bunge, LEK, Urk. III, Nachtr. № 169^a.

¹²⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 54.

¹³⁾ Bunge, LEK. Urk. III, Nachtr. № 283^b.

тину конечно сильно раздражали Новгородъ; что мирный договоръ 1260 года непрекратилъ натянутыхъ отношеній между обѣими сторонами, видно изъ послѣдующихъ событий: въ 1262 году Новгородцы съ княземъ Дмитриемъ Александровичемъ, полоцкимъ Тевтивиломъ и другими князьями ходили на Дерптъ и опустошили его окрестности¹⁴⁾). Около того же времени во Псковѣ поселился Довмонтъ, обнаруживавшій воинственное настроеніе противъ Нѣмцевъ, что сильно беспокоило Орденъ. Вотъ почему когда Новгородцы и Псковичи съ Довмонтомъ пошли на Эстляндію, то лифляндскіе Нѣмцы невыдержали обѣщаннаго нейтралитета¹⁵⁾; у Раковора Новгородцы и Псковичи встрѣтили громадное ополченіе не только датскихъ рыцарей, но также нѣмецкаго Ордена и дерптскаго епископа. Началась кровопролитная битва (18 февр. 1268 г.), въ которой пали дерптскій епископъ и новгородскій посадникъ; тысяцкій пропалъ безъвести.. Битва по видимому имѣла нерѣшительный исходъ: обѣ стороны приписывали побѣду себѣ; въ одномъ сходятся русскія и лифляндскія лѣтописи: тѣ и другія хвалятъ храбрость Довмонта. Раздосадованный участіемъ въ битвѣ Псковитянъ Орденъ рѣшился имъ отомстить: лѣтомъ 1268 года магистръ выступилъ противъ нихъ съ большимъ войскомъ, сжегъ Изборскъ, подступилъ съ суши и озера подъ Псковъ, но успѣль помочь только посады; появленіе новгородского войска заставило Нѣмцевъ снять осаду и заключить перемиріе. Къ этому времени относится приведенный выше протоколъ Ордена и Любека о прекращеніи русской торговли, и письмо къ заморскимъ купцамъ по тому же предмету; въ послѣднемъ значилось между прочимъ: «всеусерднѣйше просимъ всѣхъ васъ непосѣщать съ вашими товарами русскихъ земель, но прежде отправить къ намъ вашихъ пословъ для окончательнаго утвержденія мира, поступая такимъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы ваши права, такъ часто нарушаляемыя русскими, получили бы съ нашей помощью надлежащую прочность»¹⁶⁾.

¹⁴⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 57.

¹⁵⁾ Тамже, стр. 59: „перемогайтесь съ Колыванци и съ Раковорци, а мы къ нимъ неприставаемъ“, — говорили рыцари новгородскому послу.

¹⁶⁾ *Bunge, LEK. Urk. I, № 410.*

Въ отвѣтъ на это предложеніе заморское купечество отправило въ Лифляндію троихъ пословъ — одного отъ Любека и двоихъ отъ Визби, — снабдивши ихъ грамотой, въ которой были изложены старинныя права и вольности купцовъ, торгующихъ въ Новгородѣ; вѣроятно въ 1269 г. посольство отправилось изъ Лифляндіи въ Новгородъ, но успѣха не имѣло: Новгородъ непринялъ предложенной ему грамоты, — и миръ былъ заключенъ только на слѣдующій годъ; причина тому заключалась вовсе не въ содѣржаніи самой грамоты, какъ сей часъ увидимъ, а въ неопределенныхъ отношеніяхъ Новгорода къ Эстляндіи и Лифляндіи, съ которой было заключено только перемиріе, а потомъ — въ домашнихъ неурядицахъ Новгорода, въ его раздорахъ съ великимъ княземъ Ярославомъ.

Ярославъ Ярославичъ Тверской началъ княжить въ Новгородѣ съ 1265 года; съ этого же года идетъ рядъ письменныхъ договоровъ Новгорода съ великими князьями. Въ договорахъ Ярослава нѣть статьи, что великий князь не имѣеть права начинать войны безъ новгородскаго согласія; но именно въ этомъ пунктѣ Ярославъ неоднократно расходился съ Новгородомъ. Такъ чрезъ два года по заключеніи первого договора Ярославъ хотѣлъ идти на Псковъ, чтобы изгнать оттуда Довмонта; однако Новгородъ воспротивился этому намѣренію, послѣ чего великий князь отѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ въ немъ намѣстникомъ своего племянника Юрия Андреевича. Съ этимъ намѣстникомъ Новгородцы ходили къ Раковору, но скоро отступили такъ какъ городъ оказался очень крѣпкимъ; Новгородцы обратились къ великому князю, и тотъ отправилъ къ нимъ вмѣсто себя князя Святослава, вѣроятно съ вспомогательной дружиной. Снова отправились подъ Раковоръ, гдѣ и произошла упомянутая битва, исходъ которой, какъ мы видѣли, былъ нерѣшительный: Новгородцы дѣйствовали недружно, потому что намѣстникъ великаго князя, неизвѣстно съ умысломъ или изъ боязни, преждевременно оставилъ поле битвы ¹⁷⁾), — и только храбрость Довмонта поправила дѣло. Перемиріе, заключенное

¹⁷⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 60: „а Юрии князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть“.

подъ Псковомъ, непримирило окончательно Новгорода съ лифляндскими и эстляндскими рыцарями, а потому въ Новгородѣ образовалась партія, хлопотавшая о томъ, какъ бы заключить съ Нѣмцами прочный миръ при помощи великаго князя т. е. вѣроятно путемъ продолженія съ ними войны и нанесенія имъ окончательнаго пораженія; но другая партія нехотѣла обращаться къ великому князю ¹⁸⁾). На этомъ разъ возобладала, какъ видно, первая партія: великий князь прибыль въ Новгородъ, но спустя немного оставилъ его, потомъ опять воротился съ дороги по просьбѣ Новгородцевъ: должно быть его присутствіе считали необходимымъ для окончательнаго улаженія дѣлъ съ Нѣмцами, тѣмъ больше что великій князь намѣревался привести въ Новгородъ войско, — частію изъ Татаръ, которыхъ Нѣмцы сильно боялись. Тогда Ярославъ назначилъ тысяцкимъ преданнаго себѣ Ратибора и сталъ готовиться къ походу на Ревель; узнавши это Нѣмцы сильно встревожились и прислали въ Новгородъ съ поклономъ сказать, что они отступаются отъ всякихъ притязаній на правую сторону Наровы ¹⁹⁾). Походъ былъ отложенъ; Ярославъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ идти на Кореловъ, чтобы наказать ихъ за приверженность къ Нѣмцамъ, но и на этотъ разъ Новгородъ не далъ ему согласія. Вскорѣ противъ великаго князя поднялось всеобщее восстаніе: Новгородцы изгнали его отъ себя, упрекая его между прочимъ: «чemu выводиши отъ насть иноземцевъ, которыи у насть живуть.» Кто эти иноземцы, и какимъ образомъ тверской князь могъ ихъ выводить? По нашему мнѣнію справедливо г. Костомаровъ отличаетъ ихъ отъ членовъ нѣмецкой конторы ²⁰⁾; но кто же они? Выѣздъ въ Новгородъ Ратши, служилаго человѣка, отчасти можетъ объяснять дѣло; другой подобный примѣръ

¹⁸⁾ Никон. лѣтоп. III, стр. 49: „того же лѣта (1269) въ Новѣградѣ бысть мятежъ, заратиша межи собою: овіи хотѣша послати къ великому князю Ярославу Ярославичу въ Володимеръ, како бы ся съ Нѣмцами до конца умирить; овіи жъ нехотѣша послати къ вел. князю Я. Я. въ Володимеръ“.

¹⁹⁾ Тамже: „то слышавше Нѣмцы устрашиша и востренетавше прислаша съ великимъ члобитіемъ и со многими дары посыпъ своя и добиша чломъ на всей воли его, и всѣхъ издалиша и великаго баскака и всѣхъ князей татарскихъ и Татаръ: зѣло побояхуся имени татарскаго“.

²⁰⁾ Сѣв. рус. народопр. II, стр. 213.

представляетъ Нѣмецъ Доль, выѣхавшій изъ Курляндіи въ Псковъ, а потомъ переселившися въ Тверь на службу къ князю Александру Михайловичу ²¹⁾). Никоновская лѣтопись сообщаетъ любопытное извѣстіе, что въ 1270 году между защитниками Новгорода противъ Ярослава находилась нѣкоторая часть Нѣмцевъ ²²⁾). На основаніи этихъ данныхъѣ возможно думать, что въ Новгородѣ и Псковѣ жили болѣе или менѣе продолжительное время иностранные служилые люди или Нѣмцы, какъ ихъ вообще тогда называли; по всей вѣроятности великие князья старались перезывать ихъ на свою службу: конечно такія лица, какъ Ратша и Доль, были больше въ своей роли при княжескомъ дворѣ, между дворянами князя, чѣмъ въ Новгородѣ или Псковѣ, хотя Новгородѣ какъ видно сердился на этотъ выводъ иноземцевъ. Возможно кромѣ того, что въ Новгородѣ селились на житѣе иностранные художники и ремесленники, а князья также переманивали ихъ, какъ людей полезныхъ, въ свою область: привлеченіе свѣдущихъ иноземцевъ въ сѣверовосточную Русь началось конечно не со временъ московского государства, а гораздо раньше. Изъ нѣмецкихъ купцовъ нѣкоторые также оставались въ Руси на постоянное жительство и принимали православіе, какъ напримѣръ Св. Прокопій Устюжскій и Св. Исидоръ; оба они были нѣмецкіе купцы. Что въ данномъ случаѣ, когда Новгородѣ упрекалъ Ярослава за выводъ иноземцевъ, нельзя разумѣть ганзейскихъ купцовъ, видно уже изъ того, что они другой годъ не посѣщали новгородскаго двора, и далеко не по винѣ только Ярослава, а по случаю войны Лифляндіи съ Новгородомъ и Псковомъ, и по настоянію Ордена прекратить торговлю съ Русскими; притомъ если бы дѣло шло о заморскихъ нѣмецкихъ купцахъ, то Новгородцы называли бы ихъ не иноземцами,— малоупотребительнымъ названіемъ, а именно нѣмецкими гостями или купцами.— Но какъ бы то ни было, вслѣдствіе этого и другихъ упрековъ Ярославъ и его сторонникъ

²¹⁾ Карамзинъ. Ист. Г. Р. IV, 142, прим. 304. Борзаковскій, Истор. Тверск. княж., стр. 225.

²²⁾ „Новгородцы поставиша около града острогъ по обѣ стороны и многою крѣпостю градъ укрѣпши, и совокупиша со всею землею и со Псковичи, и Нѣмецъ много приведоша въ помошь къ себѣ“. Ч. III, стр. 51.

тысяцкій Ратиборъ принуждены были покинуть Новгородъ. Дѣло вступило въ новый фазисъ: Ратиборъ отправился въ Орду просить у хана войска для наказанія Новгорода: «Новгородцы тебя не слушаютъ, мы дани просили для тебя, а они насъ выгнали, — говорилъ онъ между прочимъ хану. Вслѣдствіе этихъ наговоровъ ханъ готовъ былъ отправить войско на помощь Ярославу, но изъ Новгорода явились болѣе сильные и вѣроятно болѣе богатые противники Ярослава, которые нашли себѣ поддержку въ лицѣ брата его Василья Ярославича Костромскаго; эти новые послы представили дѣло хану совсѣмъ въ другомъ видѣ; они успѣли доказать, что въ смутахъ виноватъ Ярославъ, а не Новгородцы, вслѣдствіе чего ханъ приказалъ остановить войско, назначенное для поддержки Ярослава. Тоже посольство умѣло заинтересовать хана въ новгородской торговлѣ съ Нѣмцами: по всей вѣроятности оно доказывало, что отъ этой торговли проис текаютъ выгоды и для него, хана, который съ 1259 года бралъ на новгородскомъ населеніи «число»: ибо ханъ отправилъ Ярославу приказаніе, чтобы онъ не препятствовалъ торговлѣ Новгорода съ Нѣмцами: «дай путь нѣмецкому гостю на свою волость», — говорилъ Менгу-Тимуръ въ ярлыкъ великому князю²³⁾). Подъ «волостью» вѣроятно разумѣется здѣсь вся вообще новгородская земля, надъ которой Ярославъ былъ великимъ княземъ, а еще вѣроятнѣе — пограничныя и смѣсныя волости Новгорода и великаго князя, т. е. Торжокъ, Волокъ и Бѣжичи: находясь въ разладѣ съ Новгородомъ Ярославъ конечно прекратилъ тамъ торговлю новгородскихъ и нѣмецкихъ купцовъ. Въ тоже время противники великаго князя выхлопотали у хана особенную грамоту о свободѣ торговли новгородскихъ купцовъ по великокняжеской области²⁴⁾). Ярославъ покорился не сразу: съ большимъ войскомъ онъ подступилъ къ Новгороду, но видя противъ себя энергическое возстаніе всего города, притомъ сдаваясь на увѣщанія митрополита

²³⁾ Рус. Лив. А. стр. 14.

²⁴⁾ О ней упоминается въ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ 1270 года: „а гостю нашему гостити по сужданской земли безъ рубежа, по шаревъ грамотѣ“. С. Г. Г. и Д. I, № 3. Срав. приписку на оборотѣ этого договора: “се прѣѣхаша послы отъ Менгутемеря царя сажать Ярослава съ грамотою, — Чевгу и Башни“.

Кирилла, помня наконецъ и ханскій приказъ онъ рѣшился помириться съ Новгородомъ. Въ мирномъ договорѣ, написанномъ по этому случаю, находится статья, намекающая на прежнее поведеніе Ярослава относительно нѣмецкаго двора, а быть можетъ не одного Ярослава, а также брата его и отца, статья, которую Новгородъ включалъ и въ послѣдующіе договоры съ великими князьями: «а въ немецкомъ дворѣ тебѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти неприставливати.» Въ это же самое время, въ концѣ 1270 года стало возможно заключеніе торгового договора съ заморскими Нѣмцами, именно только съ ними: потому что въ договорной грамотѣ не упоминается ни о лифляндскихъ послахъ, ни о сухопутныхъ лифляндскихъ гостяхъ; ганзейскіе послы внесли въ нее только одну статью, намекающую на Лифляндію и Эстляндію: «въ случаѣ войны между Новгородцами и странами окрестными, гость долженъ безпрепятственноѣздить водою и сухимъ путемъ такъ далеко, какъ простирается господство Новгородцевъ»²⁵⁾). Выходитъ такимъ образомъ, что не смотря на всѣ хлопоты Ордена и лифляндскихъ городовъ связать тѣснѣе дѣло заморского купечества съ своимъ собственнымъ, ганзейскіе послы предпочли заключить особенный договоръ, выгородивши Лифляндію. Договорная грамота, дошедшая до насъ только въ нѣмецкомъ переводе, писана отъ имени великаго князя Ярослава, посадника Павши (Павла Онаньича) тысяцкаго Ратибора, отъ всѣхъ старѣйшихъ и всего Новгорода; съ другой стороны названы посолъ любецкій и двое готландскихъ, тѣ самые, которые были въ Новгородѣ годъ тому назадъ. Въ одной грамотѣ, предназначавшейся для отсылки въ Любекъ, лифляндскій магистръ одобрительно отзыается объ этихъ послахъ, говоритъ, что они съ честью справили свое посольство и заслуживаютъ полной похвалы за ихъ дѣйствія²⁶⁾; сомнительно однакожъ, чтобы съ этой рекомендательной грамотой послы отправились въ Германію: вѣрнѣе думать, что они все время оставались въ Лифляндіи, дожидаясь благопріятнаго

²⁵⁾ Перев. Андреевскаго, О договорѣ 1270 г. стр. 31.

²⁶⁾ Грамота отъ 1 Апрѣля 1269 г. Bonnel, Chronogr. Comment. S. 116.

момента для заключенія съ Новгородомъ мирнаго договора; такой моментъ насталъ послѣ примиренія Новгорода съ великимъ княземъ; въ то время послы снова предложили Новгороду прежнюю грамоту, которая и была положена въ основаніе настоящаго договора²⁷⁾.

Сарторій, Карамзинъ, а за ними и другіе послѣдующіе ученые считали латинскую грамоту 1269 года *проектомъ*, и притомъ проектомъ высокомѣрнаго характера, который по-этому и не былъ будто-бы принятъ въ Новгородѣ²⁸⁾; оттого при сравненіи латинской грамоты съ нѣмецкою 1270 года употребляли одинъ простой приемъ, что въ первой полагали отвергнутымъ все то, чего нѣть во второй. Въ вѣрности такого приема мы позволимъ себѣ усомниться: мы утверждаемъ, что въ латинской грамотѣ 1269 года нѣть никакихъ высокомѣрныхъ требованій со стороны Нѣмцевъ, и что она относится къ настоящему договору, какъ подробная его редакція. Конечно слово «*postulant*», стоящее въ заключеніи латинской грамоты, указываетъ на тотъ моментъ, когда Нѣмцы намѣревались предложить ее Новгороду: нѣкоторое время она была дѣйствительно проектомъ, пока не была составлена окончательная редакція²⁹⁾; но вѣдь сущность вопроса состоить въ томъ, была ли она послѣ принятая въ Новгородѣ, или нѣть; сравненіе ея съ настоящею договорною грамотой показываетъ, что она дѣйствительно была принята, послѣ того какъ Новгородъ помирился съ великимъ княземъ и лучше опредѣлилъ свои отношенія къ Лифляндіи и Эстляндіи.

Когда говорили о высокомѣрныхъ предложеніяхъ Нѣмцевъ, то при этомъ имѣли въ виду требованіе ихъ на счетъ жестокой расправы надъ пойманными ворами; посмотримъ однако, насколько тутъ было дѣйствительно много высокомѣрія и

²⁷⁾ Обѣ грамоты — латинская 1269 г. и нѣмецкая 1270 г. много разъ были печатаны порознь и синонитически; подробныя указанія о томъ см. въ Рус. Лив. Ак. стр. 16, и у *Андреевскаго*, Догов. 1270 г. стр. 16—18. Мы ссылались и будемъ ссыльаться на тексты, напечатанные въ сборникѣ Сарторія-Лаппенберга.

²⁸⁾ Urk. Gesch. II, S. 32. Ист. Гос. Рос. III, прим. 244.

²⁹⁾ *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 42: „Iura et libertates prescriptas, quas hospites mercatores sibi in dominio regis et Nogardiensium sibi fieri postulant etc.“.

жестокости. Если гости прибудутъ въ новгородскую область — говорили Нѣмцы, и будуть состоять подъ охраною мира, а случится, что у нихъ будетъ украденъ товаръ на сумму до полумарки кунъ, то воръ можетъ откупиться отъ наказанія двумя марками кунъ; если же сумма украденаго будетъ простираяться до полмарки серебра, то виноватаго должно наказать розгами и клеймить въ щеку: «*virgis decorietur et ad maxillam cauteriabitur*»; за важнѣйшее воровство преступника должно казнить смертю: *capitalem subibit poenam*». Вѣроятно ли — возражаетъ Карамзинъ — чтобы за воровство маловажное клеймили, а за важнѣйшее казнили смертью въ землѣ, гдѣ самый убийца откупался серебромъ³⁰⁾? Но во первыхъ право откупаться за воровство неотрицается и въ данномъ документѣ: ибо уличенный въ воровствѣ до $\frac{1}{2}$ марки серебра могъ освободиться отъ тѣлеснаго наказанія уплаты 10 марокъ серебра или гривень «*redimat se cum 10 mark. argenti*»; во вторыхъ — Нѣмцы непретендовали на самосудъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, а только при извѣстныхъ условіяхъ: если воровство — говорили они — случится на пути между Березовыми островами и Ижерой, то нужно о немъ уведомить ижерскаго тіуна (*oldermanno de Engeren*), который пусть явится на судопроизводство въ теченіе двухъ дней; если въ этотъ срокъ онъ непридется, то сами Нѣмцы будутъ судить вора, смотря по суммѣ украденаго. Такоже должно быть, если воровство совершиено будетъ между Ижерой и Ладогой, между Ладогой и Новгородомъ», т. е. дѣло должно разбираться въ Ладогѣ и Новгородѣ въ присутствіи новгородскихъ властей, причемъ оно всегда могло окончиться денежной сдѣлкой. Статья о доставкѣ вора въ Ладогу или Новгородъ для суда надъ нимъ внесена и въ настоящую договорную грамоту съ общимъ замѣчаніемъ, что вора должно судить по его винѣ: «*sal man ouer en richten na sineme broke.*» Что преступный въ воровствѣ не былъ изъять отъ тѣлеснаго наказанія, въ этомъ нельзя сомнѣваться, если принять во вниманіе, какъ строго въ ту пору смотрѣли на преступленія воровства. Вспомнимъ, что по русской правдѣ татя можно было безнаказанно

³⁰⁾ Ист. Гос. Рос. III, примѣч. 244.

убить «во пса мѣсто»³¹⁾; пусть такое убийство делалось въ припадкѣ сильнаго гнѣва; но во всякомъ случаѣ вѣрно, что татьба считалась тогда тяжкимъ преступленіемъ, и убийство вора вмѣнялось ему, какъ достойное возмездіе. Что Нѣмцы, предлагая строгій судъ надъ ворами, не выказывали излишней претензіи, ясно доказываетъ слѣдующая статья въ смоленскомъ договорѣ 1229 года: «который Русинъ, или Латинескій иметь татя, надъ тѣмъ ему своя воля: камъ его хочетъ, тамъ дѣлаетъ»³²⁾, куда хочетъ, туда и дѣвается, т. е. можетъ принудить виновника личнымъ трудомъ заработать украденную имъ сумму, или можетъ обратить его въ холопа, не говоря о чёмъ нибудь еще болѣе худшемъ, что могло быть сдѣлано съ нимъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Наконецъ въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича, данной жителямъ Двинской земли въ 1397 году, ворамъ опять угрожаютъ большія наказанія; за первое воровство съ виновниказыскивается штрафъ пропорціонально цѣнности украденного; за другое воровство конфискуется все его имѣніе; за третій случай воровства виновный подвергается смертной казни чрезъ повѣщеніе; кромѣ того за каждое воровство клеймили³³⁾. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нужно заключить, что предложеніе Нѣмцевъ о строгомъ судѣ надъ ворами не было съ ихъ стороны заносчивымъ: ибо какъ по ихъ, такъ и по русскимъ понятіямъ воровство было тяжелымъ преступленіемъ наравнѣ съ убийствомъ. Мы охотно согласимся съ другимъ замѣчаніемъ Ка-

³¹⁾ „Оже ублють кого у клѣти или у которые татьбы, то ублють и въ пса мѣсто“ (по кармз. списку въ изд. Владимірскаго-Буданова, Хрест. по ист. рус. права, стр. 55). „Аще ублють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то тои убить“ (по акад. списку въ томъ же изданіи стр. 37).

³²⁾ Рус. Лив. А. стр. 438.

³³⁾ „... а татя впервые продати противу поличного, а въдругіе уличатъ продадутъ его нежалуя, а уличатъ вътретьне — ино повѣсити; а татя всякого пятнити“. (Хрест. по ист. рус. права, стр. 129). Въ комментаріѣ къ этому мѣсту г. Владимірскій-Будановъ замѣчаетъ, что здѣсь впервые въ законодательныхъ памятникахъ является смертная казнь и тѣлесныя наказанія (примѣч. 12). Несчиталъ себя компетентными въ столь важномъ вопросѣ мы замѣтили, что при его решеніи неподобно взять во вниманіе договоры съ Нѣмцами, какъ смоленскій 1229 года, или данный документъ 1269 года.

рамзина, что иноземные купцы опасаясь частаго воровства болѣе, чѣмъ рѣдкихъ убийствъ могли предложить строгій законъ о ворахъ³⁴⁾). Мало того — предложить: онъ имѣлъ дѣйствительную силу. Такъ какъ договоры были обязательны для обѣихъ сторонъ, то Новгородцы могли предъявить тѣ же требованія Нѣмцамъ въ случаѣ преступленій съ ихъ стороны, какія предлагали они сами; если же принять во вниманіе, что въ латинской грамотѣ 1269 года изложены вообще тѣ порядки, какіе издавна были въ торговлѣ Новгорода съ Нѣмцами, «*justicia ab antiquis habita*», какъ говорится въ ней, то придется заключить, что предложеніе о строгой расправѣ съ ворами не было сдѣлано теперь въ первый разъ, что на практикѣ издавна обращались съ ними весьма строго.

Итакъ по нашему мнѣнію въ этомъ пункте грамота Нѣмцевъ не заключаетъ въ себѣ ничего высокомѣрнаго,— а именно съ этой стороны и направлялось главное возраженіе противъ значенія разсматриваемаго документа. Къ этому прибавимъ, что вообще мысль, будто Нѣмцы могли заявлять Новгороду высокомѣрныя требованія, намъ кажется совсѣмъ невѣрной. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ Новгородѣ положеніе ганзейскихъ купцовъ было совсѣмъ другое, чѣмъ напримѣръ въ Бергенѣ или на датскихъ конторахъ; тамъ они дѣйствительно поступали высокомѣрно, и съ помощью военного флота вынуждали для себя разныя торговые привилегіи. Не то въ далекомъ Новгородѣ, до котораго они немогли даже доѣхать безъ помощи новгородскихъ проводниковъ и лоцмановъ; а достигши двора что они могли тамъ предпринять среди большого города, въ которомъ несмотря на сравнительную свою многочисленность они составляли все таки каплю въ морѣ? Конечно Ганза могла вынудить у Новгорода нѣкоторыя уступки путемъ запрещенія съ нимъ торговли; но во 1-хъ запрещая эту торговлю она всегда боялась конкуренціи лифляндскихъ купцовъ и даже своихъ собственныхъ, проникавшихъ въ Новгородъ изъ Литвы и Швеціи по запрещеннымъ путямъ, а во 2-хъ это запрещеніе торговли для нея самой было неменѣе тягостно, чѣмъ для Новгорода. При такихъ условіяхъ и при выгодности новгородской торговли она должна

³⁴⁾ Въ томже указан. выш. примѣчаніи.

была сама дорожить миромъ съ Новгородомъ, идти на уступки ему, а не заявлять излишнихъ требованій, которыя бы могли замедлить ходъ торговли.

Если обратимся къ другимъ предложеніямъ Нѣмцевъ, сдѣланнымъ въ 1269 году, то и они немогли показаться Новгороду чрезмѣрными или неудобоисполнимыми, какъ то напримѣръ, чтобы новгородское правительство цѣловало крестъ лѣтнимъ гостямъ въ знакъ мира и любви, если этого захотѣть гости³⁵⁾); дѣло въ томъ, что затруднителенъ былъ не обрядъ крестоцѣлованія, а выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ; частое повтореніе этого обряда доказываетъ только, какъ часто нарушались съ обѣихъ сторонъ договоры; вообще вѣроломство составляетъ темную сторону въ исторіи торговли Новгорода съ Ганзой,— темную сторону тогдашней жизни вообще.— Въ договорѣ 1270 года невключена статья о торговлѣ Нѣмцевъ съ Корелами и Инграми; но такъ какъ они были подданными великаго Новгорода, то нельзя сомнѣваться, что Новгородъ позволилъ имъ эту торговлю. Въ договорѣ не упомянуто о правѣ Нѣмцевъ посыпать внутрь новгородской земли молодыхъ прикащиковъ для обученія русскому языку, а также о правѣ Нѣмцевъ пользоваться своими лошадьми, если таковыя у нихъ окажутся, неприбѣгая къ услугамъ новгородскихъ извощиковъ, но мы невидимъ основательныхъ причинъ несогласиться Новгороду на подобные умѣренныя предложенія. Заисключеніемъ ихъ въ обѣихъ грамотахъ—латинской и нѣмецкой остается наибольшая часть сходнаго содержанія, что въ синоптическомъ ихъ изданіи видно съ первого взгляда; въ обѣихъ тотъ же порядокъ статей; та и другая излагаютъ старые порядки, какими держалась торговля Нѣмцевъ въ Новгородѣ, «старый миръ» (*olde fredhe, justicia ab antiquis*), — съ тою только разницей, что латинская грамота излагаетъ ихъ подробнѣе, чѣмъ нѣмецкая: это двѣ редакціи одного и того же договора. Что первая легла въ основу второй, доказываютъ слѣдующія слова окончатель-

³⁵⁾ *Sart. Lappenburg. Urk. Gesch. II, S. 35:* „hospites estivales cum venerint in terram, erunt sub antiqua pace et si voluerint hospites, rex, borchrawius, dux et nogardienses discreciores osculabuntur crucem, sicut moris est, in signum pacis et foedus concordiae et amoris“.

ной редакціи договора: «мы (князь и новгородское правительство) разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу правду согласно съ вашими письмами для васъ нѣмецкихъ сыновъ, Готовъ и всего латинскаго языка»³⁶), явное указаніе на предложенія 1269 года. Еще убѣдительнѣе тожество или близкое сходство обѣихъ грамотъ доказываетъ ихъ сравненіе.

Итакъ дословно сходно, или подробнѣе въ одной, а короче въ другой изложены слѣдующіе договорные пункты. Граница новгородской земли на западѣ, внутри которой Новгородъ отвѣчаетъ за безопасность нѣмецкихъ гостей, по нѣмецкой редакціи есть Котлинъ, а по латинской Березовые острова, — разница несущественная, если взять во вниманіе, что Котлинъ и Березовые острова лежать почти на одной линіи, и что послѣдніе принадлежали тогда Новгороду³⁷). Въ обѣихъ грамотахъ условлено, что Нѣмцы могутъ на пути до Новгорода рубить дрова и лѣсъ для починки кораблей. Пойманнаго на пути вора должно судить въ Ладогѣ или Новгородѣ по его винѣ «на sineme broke»; какъ именно судить объясняется въ латинской редакціи договора. Пороговые лоцманы немедленно должны отправлять гостей въ Новгородъ съ помощью надежныхъ людей; подробнѣе обѣ этой перевозкѣ говорить латинская грамота. Прибывши въ Гестефельдъ (гостинное поле) Нѣмцы платятъ пошлины, сколько было издавна «van older tit»; а сколько именно, и съ какихъ товаровъ платились пошлины, опять разъясняеть латинская редакція договора³⁸). Извощики въ Новгородѣ съ каждой выгружаемой лоды берутъ за перевозку товаровъ 15 кунъ до нѣмецкаго двора, и 10 — до готскаго. Дѣла

³⁶⁾ „... bestedeget den fredhe unde beschreuen unse rechtecheit tiegen juwe breue“. Объясненіе послѣднихъ словъ см. у Андреевскаго 1270 г. стр. 19 — 20.

³⁷⁾ Даље въ нѣмецкой договорной грамотѣ постановляется, что гости должны брать на дорогу до Котлина новгородскаго послы (bode) и купцовъ, если они хотятъ безопасности; но они могутъѣхать и безъ послы и проводниковъ на свой рискъ. Этой статьи нетъ въ латинской грамотѣ; но что такой порядокъ былъ и прежде, доказываетъ договоръ Александра Невскаго, где на сей предметъ содержится такое же постановленіе, что и въ договорѣ Ярослава Ярославича.

³⁸⁾ Подробности обѣ этомъ мы привели въ V-й главѣ.

между лоцманами и Нѣмцами, если они поссорятся и не успѣютъ помириться въ дорогѣ, разбираются на судѣ у св. Ивана предъ тысяцкимъ и Новгородцами; тамъ же разбираются всѣ вообще купеческія тяжбы между Новгородцами и Нѣмцами въ присутствіи посадника, тысяцкаго и купцовъ по нѣмецкой редакціи, — тысяцкаго, ольдермана и Новгородцевъ по латинской; но въ другой статьѣ (по нумерации г. Андреевскаго XVI-й) о тяжбахъ сказано, что ихъ должно оканчивать предъ тысяцкимъ, ольдерманами и Новгородцами; чо о посаднике неупоминается: повидимому онъ присутствовалъ на иванскомъ судѣ только въ особенныхъ случаяхъ³⁹⁾). На судѣ иску нужно доказывать двумя свидѣтелями — Нѣмцемъ и Новгородцемъ; ихъ единогласному показанію должно вѣрить; но если они разногласяютъ и не могутъ согласиться, тогда дѣло решается жеребьемъ: чей жеребій выпадетъ, тотъ и правъ въ своемъ показаніи; по латинской редакціи — тоже самое, кромѣ только того, что свидѣтелей должно быть четверо: двое Нѣмцевъ и двое Новгородцевъ. Такимъ образомъ сравнительно съ первымъ договоромъ теперь судебный процессъ упрощенъ: болѣе ужъ не нужно ни двѣнадцати послуховъ, ни присяги; при разногласіи свидѣтельскихъ показаній все дѣло решается простымъ жеребьеваньемъ, въ которомъ должно быть видѣли своего рода судъ Божій.—Неисправнаго должника нельзя сажать въ «погребъ» (pogarden, тюрьма), ни брать за его одежду; на судѣ можетъ звать его посолъ тысяцкаго, а не простой биричъ; къ имуществу его можно было приступить несразу: сначала должно заявить о долгѣ властямъ, потомъ на другой годъ повторить это заявленіе, и только если на третій годъ должникъ не платить, то кредиторъ имѣть право арестовать товаръ (rapden; арестъ = pandinghe); слѣдовательно сравнительно съ договоромъ Ярослава Владиміровича теперь должникамъ предоставляется еще большая льгота: тамъ уплата отсрочивалась только до другого года, а здѣсь — до третьяго. За то несостоятельный должникъ лишается и съ семьей свободы, если

³⁹⁾ Срав. гл. II, прим. 55 и соответствующій текстъ, гдѣ мы изложили обѣ этомъ свое мнѣніе.

никто не выкупить его изъ холопства ⁴⁰⁾; въ нѣмецкой редакціи договора прибавляется, что если жена не поручилась за мужа, то и не отвѣтстваетъ за его долгъ; въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ мужемъ она отвѣтствуетъ за долгъ своимъ лицемъ ⁴¹⁾. Если должникъ имѣеть нѣсколькихъ кредиторовъ, то между ними иностранные удовлетворяются раньше домашнихъ. — Уголовныя статьи также почти сходны въ обѣихъ грамотахъ: за убийство посла, священника и ольдермана полагается двойная вира, за обыкновенного купца — простая, въ 10 гривень серебра; за убийство раба по латинской редакціи положено три гривны. За рану острымъ оружiemъ виновный платить полторы гривны серебра по нѣмецкой редакціи, одну по латинской, за ударъ рукой по лицу или головѣ — три четверти гривны, а по латинской грамотѣ — полгривны. — Предложенія Нѣмцевъ о строгомъ наказаніи лицъ, покушавшихся на безопасность ихъ двора, непротиворѣчать общему принципу: свободнаго положенія гостей на чужбинѣ и строгаго соблюденія ихъ правъ; хотя въ нѣмецкой договорной грамотѣ эти пункты изложены гораздо короче, чѣмъ въ латинской, но и въ первой замѣчается, что преступниковъ должно предать суду и судить по ихъ винѣ. Земли вокругъ дворовъ и луга, которыми гости владѣютъ въ Новгородѣ изстари, принадлежать имъ по праву. Въ случаѣ войны Новгорода съ сосѣдями гости безпрепятственно продолжаютъ вести торговлю, а латинская редакція добавляетъ, что нельзя принуждать гостей къ участію въ войнѣ ⁴²⁾. Если возникнетъссора у купцовъ лѣтнаго

⁴⁰⁾ *Sart. Lapp.* II. 40: „Si autem hospiti solvere non sufficiat, redigetur in servitutem cum uxore et pueris hospiti, et eum si vult hospes deducere poterit, dum tamen antequam eum deducat, publice offerat redimendum; qui autem si de eo intromiserit, hospiti debita persoluet“. Также было въ Смоленскѣ; см. гл. III, прим. 29.

⁴¹⁾ Въ рижской долговой книжѣ также представляется интересный случай личной отвѣтственности мужа и жены: «Terentey Rutenus et uxor sua tenentur Thiderico 3¹, 2 mrcarg». Запись № 1387.

⁴²⁾ *Sart. Lapp* «Nullus eciam hospes theutonicus vel gotensis tenetur ire in expedicionem, nec ad hoc de jure poterit coartari». Но *de facto* гости по всей вѣроятности принимали участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Срав. въ смол. дог. 1229 года: «Латинскому неѣхати на войну съ княземъ, ни съ Русию; аже самъ хочеть, туть Ѣдеть; тако Русину неѣхати съ Латинескимъ на войну ни у Ризѣ, ни на Гочкомъ березѣ; аже хочетъ самъ, туть Ѣдеть». Рус. Лив. А. стр. 438.

поѣзда съ Новгородомъ, то зимнимъ гостямъ до нея нѣть никакого дѣла; равнымъ образомъ лѣтнимъ гостямъ нѣть дѣла до тяжбы зимнихъ гостей. Въ заключеніе латинская грамота содержитъ подробныя правила о вѣсахъ, о двукратной повѣркѣ ихъ въ продолженіе года, о присягѣ, которую должны принимать вѣсовщики товаровъ и серебра и пр.; такъ какъ эти правила несодержать въ себѣ ничего обременительнаго, и по всей вѣроятности имѣли дѣйствительную силу, то мы незатруднились привести ихъ въ свое мѣсто⁴³⁾; въ нѣмецкой редакціи кратко сказано, что вѣсы и гири должно держать правильно; новгородская капь въ обѣихъ грамотахъ приравнивается осьми лисфунтамъ.

Если въ нѣмецкой грамотѣ платы лоцманамъ за провозъ Нѣмцевъ нѣсколько больше той, какую предлагали они сами; если по той же грамотѣ Нѣмцы обязывались платить наемную плату лоцману и въ томъ случаѣ, когда по несчастію его лодья разбьется въ порогахъ, тогда какъ по латинской редакціи Нѣмцы хотѣли въ такомъ случаѣ лишить его наемной платы; то съ другой стороны должно обратить вниманіе на то, что въ латинской грамотѣ есть статьи, направленныя къ выгодѣ Новгородцевъ и однако невнесенные въ окончательную редакцію договора, какъ напримѣръ статьи о платѣ Нѣмцамъ извѣстной суммы въ церковь св. Пятницы, и о взиманіи съ нихъ мыта въ гостинномъ полѣ. Конечно это не значитъ, чтобы Новгородъ отказался отъ своихъ выгодъ, когда сами Нѣмцы предлагали ихъ; по нашему мнѣнію это значитъ, что въ договорѣ 1270 года невнесено и нѣчто другое, чего обѣ стороны неотрицали, что вообще договоры неопредѣляли всѣхъ возможныхъ отношеній, которыя основывались отчасти и на обычаяхъ, «на поплинѣ, на старинѣ», — говоря по новгородски. Мы отнюдь нехотимъ утверждать, чтобы въ сношеніяхъ Новгорода съ Нѣмцами давалось много мѣста обычаю и старины; напротивъ эти сношения регулировались преимущественно въ письменныхъ документахъ: признавая ста-рину и постоянно твердя о ней Новгородцы и Нѣмцы, — особенно послѣдніе спѣшили на всякий случай ее записать, и на составленныхъ записяхъ привести другую сторону къ

⁴³⁾ Въ главѣ V, на стр. 159.

крестоцѣлованію, чтобы такимъ образомъ обычай возвести въ строго обязательный договоръ. Однако вѣрно и то, что всѣ подробности отношеній невозможno было усмотрѣть и внести въ договорныя грамоты; отчасти эти подробности могли логически проистекать изъ общихъ принциповъ, изложенныхъ въ договорахъ; притомъ какіе нибудь непредвидѣнныя случаи на основаніи этихъ общихъ принциповъ могли быть порѣшены на совмѣстныхъ засѣданіяхъ новгородскихъ и нѣмецкихъ представителей въ судной палатѣ у св. Ивана. Въ заключеніе о договорѣ 1270 года нужно сказать, что вмѣстѣ съ двумя первыми онъ составляетъ главный источникъ права новгородской нѣмецкой торговли и его кодексъ: ибо послѣдующіе договоры Новгорода съ Ганзой уже мало имѣютъ новаго содержанія.

Миръ 1270 года, для обѣихъ сторонъ стоявшій такихъ усилій, небылъ однако продолжителенъ. Лѣтъ семь спустя Нѣмцы начинаютъ жаловаться на разныя обиды, причиненные имъ въ новгородской землѣ, на неоднократные случаи ограбленія нѣмецкихъ купцовъ, производившихся будто-бы въ согласіи съ Литовцами; поэтому изъ Лифляндіи было предложено заморскому Нѣмцамъ прекратить подвозъ товаровъ въ Новгородъ и ограничиться торговлей въ Лифляндіи и Эстляндіи⁴⁴⁾). Любекъ въ первое время согласился на это предложеніе: по мнѣнію Копмана на ганзейскомъ собраніи 1277 года была запрещена русская торговля; если это запрещеніе вѣрно пріурочивается именно къ 1277 году, тогда мы имѣемъ въ немъ первый по времени ганзейскій рецессъ относительно новгородской торговли⁴⁵⁾). На слѣдующій годъ

⁴⁴⁾ Bunge, LEK. Urk. I, № 452.

⁴⁵⁾ Вотъ въ какихъ выраженіяхъ было постановлено запрещеніе русской торговли: «Notum sit, quod de communi consensu et consilio ci-vitatum et mercatorum, Nogardiam frequentantium est statutum, quod nullus omnino cuiuscunque conditionis vel status existat versus Nogar-diam transire debeat ullo modo sub poena vtae, bonorum pariter et honoris... Si insuper aliqui Ruteni ad civitatem aliquam seu villam fo-rensem venerint, illi cum bonis suis integri, sicut venerunt, revertentur; et quicunque cum eisdem Rutenis mercaturam aliquam intra civitatem vel extra exercuerint, debent vitam, bona et honorem perdidisse, contradictione qualibet non obstante» (Recesse u. a. Akt. I, S. 7 — 8).

рижскій архіепископъ, магистръ Ордена, ревельскій намѣстникъ, епископы дерптскій и эзельскій отправили Любеку и общему купечеству благодарственное письмо, гдѣ между прочимъ говорилось: «вы присоединились къ нашему желанію, чтобы впредь не искать общаго рынка въ Россіи; съ своей стороны обѣщаемъ вамъ, какъ вы желали, что и мы небудемъ привозить туда никакихъ товаровъ ни на повозкахъ, ни на судахъ; въ нашу же землю свободно пріѣзжайте торговатъ, гдѣ вамъ угодно, и по прежнему пользуйтесь вашими льготами»⁴⁶⁾). Долго ли продолжалось запрещеніе торговли въ Новгородѣ, неизвѣстно въ точности; во всякомъ случаѣ дальнѣйшій ходъ событий нерасполагалъ къ примиренію, а только къ большей враждѣ: по извѣстію одного документа съ 1288 по 1335 годъ Нѣмцы потерпѣли въ новгородской и псковской землѣ цѣлый рядъ грабежей и убийствъ. Къ сожалѣнію мы лишены возможности рѣшить, сколько правды въ этомъ документѣ; конечно Нѣмцы точно указываютъ мѣсто и время учиненныхъ имъ насилий, и почти всегда называютъ потерпѣвшихъ лицъ; но никакъ нельзя ручаться, чтобы сумма убытковъ была показана вездѣ правильно, чтобы грабежи и убийства были причинены имъ Новгородцами и Псковичами, а не какой нибудь пограничной вольницей, въ родѣ разбойниччьихъ шаекъ Литвы и Чухонъ. Однако разскажемъ дѣло по порядку⁴⁷⁾.

Въ 1285 году Псковъ отправилъ своихъ данниковъ для полученія дани на чудскомъ племени Очела или Алыста; тамъ этихъ данниковъ встрѣтилъ магистръ Ордена, вступилъ съ ними въ споръ на счетъ права ихъ брать дань, и потомъ перебилъ изъ нихъ сорокъ человѣкъ. Въ отмщеніе Псковичи

⁴⁶⁾ *Sart. Lap.* II, № 38. Къ этому письму какой-то потаріусъ XV в. сдѣлалъ слѣдующую любопытную приписку: «desse breff betuget un wol nawiset, dat de liffland stede nicht allene mogen sluten de nowardeschen reyse» т. е. «это письмо ясно доказываетъ, что одни лифляндскіе города не могутъ запрещать новгородской торговли» (или точнѣе—плаваній въ Новгородѣ). Совершенно вѣрное замѣчаніе!

⁴⁷⁾ Документъ въ двухъ экземплярахъ помѣщенъ у *Сарторія-Лаппенберга* томъ II, №№ 70 и 71. Рядомъ помѣщено приложеніе, содержащее тѣ договорные пункты, о которыхъ любецкій посолъ долженъ былъ говорить въ Новгородѣ въ 1335 году.

ограбили немецкихъ купцовъ, а именно отняли у нихъ 24 тысячи штукъ мѣховъ «pulchri operis»⁴⁸⁾. Черезъ три года между Псковомъ и Новгородомъ, или какъ кажется по близости Чудского озера, были разбиты два купеческихъ поѣзда⁴⁹⁾, въ которыхъ было на 940 марокъ серебра мѣховъ, воску, сукна, серебра и другихъ товаровъ. Еще черезъ четыре года снова повторился грабежъ, въ которомъ Немцы обвиняли Псковичей и Новгородцевъ вмѣстѣ. Въ сентябрѣ 1291 года⁵⁰⁾ съ Готланда было отправлено въ Новгородъ посольство для выручки взятыхъ товаровъ; но успѣха это посольство неимѣло. Въ 1301 году опять между Псковомъ и Новгородомъ были убиты шестеро купцовъ и двое прикащиковъ; зимой этого же года⁵¹⁾ въ Новгородъ прибыли ганзейскіе послы—любецкій, готскій и рижскій — которые предъявили Новгороду счетъ за пограбленный товаръ болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи марокъ серебра; цѣль посольства вѣроятно состояла и въ томъ, чтобы возобновить дворъ, погорѣвшій до основанія въ 1299 году⁵²⁾. Великій князь Андрей Александровичъ, посадникъ Семенъ Климовичъ, тысяцкій Матвѣй и весь Новгородъ выдали посламъ грамоту, въ которой обезпечивали немецкимъ купцамъ свободный проѣздъ по тремъ сухопутнымъ дорогамъ и четвертой рѣчной: «гостю ѿхати безъ пакости на Божии ручѣ, и на княжи и на всего Новгорода». Такъ какъ весной 1301 года Новгородцы разрушили Ландскрону, построенную Шведами въ устьи Невы, то теперь великій князь могъ ручаться за безопасность невскаго пути; впрочемъ онъ оговаривается; «оже будеть нечистъ путь въ рѣчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сїй гость, а вѣсть имъ подати»⁵³⁾. О выдачѣ товаровъ или о какомъ нибудь вознагражденіи Немцевъ

⁴⁸⁾ П. С. Р. Л. IV, 183, 1285. — «Hoc fecerunt Plescowenses et fatebantur coram domino Tarbatensi et fratribus et nunciis de Nogarden et coram multis aliis discretis, se fecisse ad vindictam occisorum, quos frater Otto Paschedach cum illis de Rositen occiderant in terra Adzelle».

⁴⁹⁾ «In aquis, quae use vocantur... in aqua, dicta saac».

⁵⁰⁾ Bonnel. Chronogr. 88.

⁵¹⁾ Рус. Лив. Ак. стр. 24. Г. Боннель по нашему мнѣнію безъ достаточныхъ оснований относитъ прибытие пословъ въ Новгородъ къ началу 1302 года (Chronogr. Comment. 138).

⁵²⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 66.

⁵³⁾ Рус. Лив. А. № 48, стр. 24 — 25.

за прежніе случаи грабежей въ грамотѣ совсѣмъ неупомянуто; дѣло очевидно затруднялись рѣшить, какъ давнее и запутанное,—а между тѣмъ обѣ стороны тяготились нарушениемъ правильнаго хода торговли. Что запрещеніе ея давно было отложено, доказываютъ уже приведенные случаи ограбленія нѣмецкихъ купцовъ на пути въ Новгородъ; какъ Любекъ хотѣлъ мирнаго хода дѣлъ, видно изъ того обстоятельства, что вмѣстѣ съ Новгородомъ онъ хлопочетъ теперь передъ шведскимъ королемъ о свободѣ невскаго пути; въ тоже время Новгородъ заключаетъ миръ съ Даніей, мимо владѣнія которой (Эстляндіи), или сквозь нее шелъ торговый путь для нѣмецкихъ и новгородскихъ купцовъ⁵⁴⁾). Но лишь только послы отбыли изъ Новгорода случилась новая непріятность: у двоихъ купцовъ, ѿхавшихъ изъ Нарвы въ Новгородъ, было украдено 19 кусковъ чернаго сукна (*cappales ranni*); воры неназваны, но отвѣтственность за воровство нѣмцы возлагали на Новгородъ, такъ какъ оно случилось въ его волости. Подобнымъ же образомъ они требовали вознагражденія своимъ купцамъ, потерявшимъ товаръ въ 1311 году на Ладожскомъ озерѣ⁵⁵⁾; по ихъ словамъ шестеро купцовъ потеряли тамъ сорокъ тысячъ штукъ мѣховъ «*pulchri operis.*» Любопытно, что въ числѣ этихъ шестерыхъ лицъ, ѿхавшихъ изъ Новгорода, называется дворовой священникъ, везшій на свою долю также нѣкоторое количество мѣховъ и еще нѣсколько книгъ; того и другаго онъ лишился на пути. Наконецъ седьмой купецъ изъ того же поѣзда потерялъ сукна на четыре ста марокъ серебра⁵⁶⁾). Къ этому Нѣмцы присоединили жалобы на многія обиды и несправедливости, оказываемыя имъ въ Новгородѣ, гдѣ однако не смотря на все то дворъ былъ уже возстановленъ, и купцы совершали туда обычныя поѣздки. Для разбора всѣхъ жалобъ и окончательнаго рѣшенія вопроса о вознагражденіи за прежніе убытки, Любекъ еще разъ отправилъ въ Новгородъ своего уполномоченнаго въ 1335 году. Пункты, о которыхъ послу было поручено жаловаться, были

⁵⁴⁾ См. гл. III, стр. 123 и 126.

⁵⁵⁾ «*In stagno, dicto oldagische ze.*»

⁵⁶⁾ О каждомъ купцѣ говорится „*perdidit*“, по какъ и по чьей именно винѣ,—лоцмановѣ, или кого другого, не сказано; по видимому сами составители записки затруднялись это определить.

слѣдующіе: великий князь и его приближенные вмѣшиваются въ тяжбы нѣмецкихъ купцовъ⁵⁷⁾; на судъ Новгородцы представляютъ однихъ русскихъ свидѣтелей; судъ не всегда производится у Св. Иоанна предъ тысяцкимъ и ольдерманами, но и въ другихъ мѣстахъ; Новгородцы въ военное время невелятъ нѣмецкимъ гостямъ выѣзжать изъ Новгорода, и тѣмъ причиняютъ имъ большой убытокъ; въ мирное время они запрещаютъ имъ торговлю на торговищѣ, когда имъ вздумается; они даже потакаютъ ворамъ и разбойникамъ и защищаютъ ихъ; лоцманы и извощики обѣщаютъ перевезти товаръ за известную плату, а на пути заявляютъ новая требованія, или произвольно назначаютъ пунктъ доставки; они требуютъ полной платы за разбившуюся на пути лодью (тогда какъ по договору 1270 года купцы не отвѣчаютъ за гибель лодьи, а только платятъ наемную за нее плату). Затѣмъ посолъ говорилъ объ увеличеніи мѣста подъ дворъ, о проведеніи каналы отъ двора до Волхова, о взвѣшиваніи воску, о покупкѣ мѣховъ «sceuenissen»; требовалъ, чтобы пробирщики серебра (combustores argenti) отвѣчали всѣ вмѣстѣ, если одинъ изъ нихъ скроется, взявшіи у Нѣмцевъ серебро для переплавки; наконецъ отъ имени собственно Любека потребовалъ у Новгорода вознагражденія въ пять тысячъ гривенъ серебра за ограбленное Шведами въ Невѣ любецкое судно на томъ основаніи, что дѣло произошло въ новгородской землѣ и притомъ по винѣ Новгородцевъ, которые незахотѣли везти нѣмецкій товаръ въ своихъ лодяхъ и дать гостямъ своихъ проводниковъ. На Псковичей посолъ жаловался, что они недавно вмѣстѣ съ Литовцами отняли у нѣмецкихъ купцовъ 75 марокъ серебра, да еще у двоихъ 400 рублей (rubulas), что они неоднократно задерживали нѣмецкія лоды и грабили ихъ, или заставляли ихъ плыть по труднымъ путямъ, что они наконецъ убили двоихъ купцовъ, потомъ еще троихъ съ двумя прикащиками и пр. Всего по счету любецкаго посла Русскіе съ 1288 по 1335 годъ причинили Нѣмцамъ убытокъ на 7600 марокъ серебра, считая въ томъ числѣ издержки на неоднократныя посольства въ Новгородъ, и убили 15 человѣкъ купцовъ и

⁵⁷⁾ «Primo quod rex cum suis lettatoribus praejudicat suo indicio theutonicis mercatoribus».

прикащиковъ. Что отвѣчалъ Новгородъ на эти претензіи, и сколько въ нихъ было правды, неизвѣстно: по всей вѣроятности Новгородъ отклонилъ ихъ и оставилъ безъ вниманія; тогда посолъ возвратился въ Любекъ, и обратно представилъ рату инструкціи и неуплаченные счеты.⁵⁸⁾.

Вскорѣ по отѣзду любецкаго посла возникло новое серьезное дѣло. Разъ Нѣмцы взялись везти съ собой нѣсколькихъ новгородскихъ купцовъ съ товарами, какъ видно для торговли на Готландѣ или въ Любекѣ; но дорогой на суднѣ произошла ссора, во время которой одинъ Новгородецъ былъ убитъ⁵⁹⁾. Въ Новгородѣ тотчасъ были арестованы оставшиеся тамъ нѣмецкіе купцы вмѣстѣ съ товарами; затѣмъ послѣдовало запрещеніе торговли, продолжавшееся до 1338 года. Только въ этотъ годъ прибыли въ Дерптъ послы любецкій и готской для улаженія дѣла; изъ Новгорода туда же отправились княжескій намѣстникъ Филиппъ и нѣсколько другихъ лицъ со стороны Новгорода⁶⁰⁾. Въ присутствіи дерптскаго епископа и братьевъ Ордена дѣло порѣшили слѣдующимъ образомъ: дѣти убитаго Новгородца (онъ называется Wollus, Волосъ?) должны сами знатъ съ виновниками убийства; если убийцы появятся въ Лифляндіи, то города должны ихъ задержать и выдать Новгороду на судъ; съ своей стороны Новгородъ обѣщается выдать имущество, захваченное у Нѣмцевъ. Вообще на будущее время постановили держаться такого правила: истецъ долженъ знатъ съ истцемъ⁶¹⁾; общему купечеству и Новгороду нѣть дѣла

⁵⁸⁾ Документъ по которому мы изложили эти жалобы (см. выше, примѣч. 47), заключается слѣдующими словами: «hanc littéram dominus Henricus de Bocholte tulit de Nogardia anno 1335 post Pentekosten».

⁵⁹⁾ Sart. Lappenb. II, № 142 (договоръ Новгорода съ нѣмцами 1338 года). Хотя по скрѣ было запрещено брать имущество Русскихъ, какъ фрахтъ и вообще входить съ ними въ какую нибудь торговую компанію, но данный случай показываетъ, что это правило нарушалось.

⁶⁰⁾ Сколько было новгородскихъ уполномоченныхъ, и небыли ли они отчасти истцы, родственники убитаго, не знаемъ; въ грамотѣ это трудно разобрать: «andre philippe pawel anse micule mesenik felix».

⁶¹⁾ «de sacwolde scal sic beveten mit dem sacwolden». Эта фраза повторяется въ грамотѣ нѣсколько разъ; она также повторяется въ проектѣ договора 1371 года и въ договорѣ 1392 года.

до частныхъ ссоръ, и торговля изъ-за нихъ нелолжна останавливаться. Но легко было постановить такое правило, — труднѣе гораздо держаться его; напротивъ постоянной и характерною чертой въ сношенихъ Новгорода съ Ганзой является именно эта остановка торговли изъ-за частныхъ тяжбъ; обѣ стороны нехотѣли или немогли отде́лить частное дѣло отъ общаго, точнѣе разграничить область частнаго и общественнаго права: недожидаясь разслѣдованія дѣла судебнѣмъ порядкомъ, дѣйствовали подъ первымъ впечатлѣніемъ учиненнаго насилия, за грабежи и аресты немедленно платили тѣмъ же. О выдачѣ товаровъ, пограбленныхъ въ прежнее время и о требованіяхъ, которые заявлялъ назадъ тому три года любецкій посолъ, въ договорѣ 1338 года неупомянуто ни однимъ словомъ: какъ видно дѣло окончательно отложили въ дальній ящикъ. Изъ Дерита нѣмецкіе послы вмѣстѣ съ новгородскими поѣхали въ Новгородъ для подтвержденія мира и крестоцѣлованія, послѣ чего Новгородъ выдалъ имъ товаръ, взятый у купцовъ послѣдняго поѣзда⁶²⁾; сообщая обѣ этомъ въ Ригу ганзейскіе послы прибавляютъ, что запрещеніе русской торговли теперь отмѣняется; послы также благодарятъ лифляндскіе города, что они строго выполняли это запрещеніе до сихъ поръ.

Что касается Пскова, то его представители неучаствовали на переговорахъ въ Деритѣ 1338 года; по всей вѣроятности Псковъ вель ихъ отде́льно отъ Новгорода, тѣмъ болѣе что Новгородъ и Орденъ, заключа между собой союзъ въ 1323 году, выдѣлили Псковъ, какъ сторонній и въ нѣкоторой степени даже непріятельскій городъ, — и когда въ годъ заключенія этого союза Орденъ напалъ на Псковъ, то Новгородъ, оставаясь вѣрнымъ договору, непомогъ Пскову, несмотря на его просьбу. Скоро ли Псковъ помирился съ Нѣмцами теперь, неизвѣстно; мы видѣли, что Нѣмцы обвиняли Псковичей въ грабежахъ и убийствахъ; съ своей стороны Псковичи терпѣли частыя обиды отъ Нѣмцевъ: какъ раньше магистръ Ордена избилъ псковскихъ данниковъ, такъ въ

⁶²⁾ «Nogardenses bona ultimo mercatori ablatatotaliter reddiderunt». Рус. Лив. Ак. стр. 64, № 81. Грамота писана не 20 Мая, а 14 Августа, какъ поправляетъ Боннель, Chronogr. Comment. 175.

1341 году Нѣмцы убили пятерыхъ псковскихъ пословъ на Опочнѣ⁶³⁾). Въ 1362 году Псковъ, также по случаю убийства своихъ людей въ Лифляндіи, арестовалъ у себя лифляндскихъ и заморскихъ купцовъ, которыхъ выпустилъ на слѣдующій годъ, взяvши съ нихъ виры за убитыхъ⁶⁴⁾). Для выручки своихъ купцовъ Нѣмцы первоначально обратились къ Новгороду, куда пріѣхали одновременно послы лифляндские и псковские; но посредничество Новгорода ни къ чему непривело; онъ только поплатился за него арестомъ своихъ купцовъ: ибо въ то время какъ въ Новгородѣ велись переговоры, въ Дерптѣ были захвачены новгородские купцы; тогда Новгородъ отправилъ въ Дерптъ своихъ пословъ изъ конца по боярину; здѣсь дѣло уладилось: Нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а Псковичи — нѣмеckихъ⁶⁵⁾). Въ 1367 году Псковичи предприняли походъ подъ Новый городокъ (Нейгаузенъ, Фраунбургъ), недавно построенный дерптскимъ епископомъ невдалекъ отъ псковскихъ границъ⁶⁶⁾; въ отмщеніе Нѣмцы напали на Изборскъ и подступали подъ Псковъ; въ тоже время новгородские купцы были арестованы въ Дерптѣ, а нѣмеckie въ Новгородѣ; однако Новгородъ не хотѣлъ нарушить крестоцѣлованія къ Нѣмцамъ и непомогалъ Псковичамъ: «по грѣхомъ нашимъ — замѣчаетъ новгородскій лѣтописецъ, небѣше пословици Псковичемъ съ Новгородци»⁶⁷⁾. Посольство Саввы Купрова для освобожденія

⁶³⁾ П. С. Р. Л. IV, стр. 186: „убиша Нѣмци въ Лотыгорѣ на сель на Опочнѣ псковскихъ пословъ 5 мужъ... на миру“.

⁶⁴⁾ Тамже, стр. 191: „пригнаша Нѣмци и избиша на Лудви нѣколько головъ на миру; тогда бяше гость силенъ нѣмеckий и пріяша Псковичи нѣмеckий гость, и выпустиша на другое лѣто на Воздвиженіе, сребро на нихъ поимаша за головы избіенныхъ“. Новгородская лѣтопись объ этомъ говоритъ такъ: „пріимаша Плесковичи гость нѣмеckий, поморскій (лифляндскихъ) и заморскій, а ркуще: отымали Юрьевци съ Вилневици у насъ землю и воду“. Тамже, III, 88, 1362.

⁶⁵⁾ Там же, 88, 1363.

⁶⁶⁾ Письмо ливонского магистра, приведенное нами выше (гл. III, прим. 93 и соотв. текстъ) было писано конечно позже этого похода; но обѣ участія въ немъ Новгородцевъ наши лѣтописи умалчиваютъ.

⁶⁷⁾ П. С. Р. Л. III, 89, 1367. Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ: „въ то время прияли гость новгородскіи въ Юрьевѣ и по инымъ городомъ нѣмеckимъ, а Новгородци противу пріяли гость нѣмеckий,

новгородскихъ купцовъ непривело къ цѣли; между тѣмъ магистрь Ордена опять подступалъ къ Пскову. Дѣло кончилось напослѣдокъ тѣмъ, что торговля Нѣмцевъ съ Новгородомъ и Псковомъ была остановлена: въ 1368 году лифляндскіе города постановили прекратить подвозъ въ Новгородъ соли и рыбы: Любекъ также согласился съ этимъ постановленіемъ, о которомъ ему сообщалъ ливонскій магистрь, и увѣдомилъ о томъ Стравльзундъ въ 1369 году⁶⁸⁾). Нѣмецкіе купцы оставили новгородскій дворъ; церковныя вещи и архивъ переправлены въ Дерптъ; дворъ и церковь были заперты. Два года длилось запрещеніе торговли; наконецъ Ганза прислала почетное посольство (*erlike boden*) въ Дерптъ, которое на мѣстѣ должно было разсмотретьъ отношенія къ Русскимъ, и если можно начать съ ними мирные переговоры; у досуга послы занялись пересмотромъ скры новгородского двора, причемъ въ ней оказались большія извращенія⁶⁹⁾). Но до заключенія мира было далеко: зимой въ началѣ 1371 года Новгородцы и Псковичи отправились въ походъ на Новый городокъ, однако были принуждены отступить безъ успѣха: городъ оказался крѣпокъ, а Новгородцы, по словамъ псковскаго лѣтописца, плохо помогали Псковичамъ⁷⁰⁾). Ганзейскіе послы еще разъ подтвердили запрещеніе русской торговли: русскіе товары должны оставаться безъ движенія на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застанетъ запрещеніе, т. е. купленные въ Новгородѣ товары недолжны отправляться за море, а товары, назначенные для русскихъ, недолжны привозиться въ Новгородъ⁷¹⁾). Но недолго спустя въ томъ же 1371 году сами послы предложили проектъ мирнаго договора, писанаго на имя владыки Алексея, намѣстника великаго князя Андрея, посадника Юрия, тысяцкаго Матвѣя и двоихъ ку-

но только бяше неразвержено крестное цѣлованіе Новугороду съ Нѣмци и за то певъсѣдоша Новогородци по Псковичахъ на нѣмецкую землю“.

⁶⁸⁾ Въ главѣ III-й говоря объ Орденѣ мы привели сущность относящейся къ данному времени переписки Ордена съ Любекомъ.

⁶⁹⁾ *Kortmann. Die Recessse*, II, № 32.

⁷⁰⁾ П. С. Р. Л. III, 89; IV, 192 — 193. *Bonnel, Chronogr. Commentar.* 190.

⁷¹⁾ Рус. Лив. А. № 93. Издатели относятъ его къ 1370 году, но Боннель вмѣстѣ съ Бунге — къ 1371. *Chronogr. Comment.* 191.

пецкихъ старость Сидора и Еремѣя⁷²⁾). Въ проектѣ прежде всего то любопытно, что какъ въ 1270 году, такъ и теперь Ганза хлопотала заключить съ Новгородомъ миръ отдельно отъ Лифляндіи: «въ случаѣ если Новгородъ — проектировали послы — будетъ вести войну съ королемъ шведскимъ, или съ Орденомъ, или съ рижскимъ архіепископомъ, или съ дерптскимъ или съ эзельскимъ епископомъ, или съ Нарвой, нѣмецкіе (ганзейскіе) купцы недолжны имѣть къ тому никакого отношенія: они должны имѣть свободный проѣздъ въ новгородской землѣ по сушѣ и по водѣ; и если новгородскимъ купцамъ случится что нибудь дурное въ Стокгольмѣ или на Невѣ, то нѣмецкіе купцы опять неимѣютъ никакого до того дѣла». Далѣе послы писали, чтобы тяжбы всякаго рода разрѣшались по грамотамъ и крестоцѣлованію, чтобы за смертоубійство отвѣчала не вся компанія, а только самъ убійца: истецъ долженъ знать съ истцемъ; требовали, чтобы Новгородцы неостанавливались съ товарами на мостовой (brugge), которую Нѣмцы поддерживали около своихъ дворовъ, чтобы извощики по старинѣ брали съ каждой лоды, большой и малой, по 15 кунъ; наконецъ упоминаютъ, что тяжба, которую готскій дворъ имѣлъ съ михайловскими съдьями, прекратилась полюбовнымъ образомъ. Однако Новгородъ отказался утвердить печатями этотъ проектъ; какъ видно на этотъ разъ онъ не хотѣлъ отдѣлять заморскихъ Нѣмцевъ отъ лифляндскихъ, быть можетъ желая, чтобы ганзейскіе послы повліяли въ мирномъ смыслѣ на лифляндскихъ властей. А между тѣмъ для купцовъ перерывъ торговли становился тяжелъ: сообщая въ Ревель текстъ упомянутаго проекта Дерптъ пишетъ, что у него проживаютъ много купцовъ съ товарами, которые очевидно дожидались поскорѣе сбыть ихъ въ Псковъ и Новгородъ; нѣкоторые купцы уже начинали вести торговлю тайкомъ. Наконецъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1371 года подъ Новымъ городкомъ состоялся съездъ уполномоченныхъ новгородскихъ съ Нѣмцами, гдѣ было заключено перемиріе до иванова дня 1373 года⁷³⁾). Ганза на-

⁷²⁾ Bunge, LEK. Urk. III, № 1082.

⁷³⁾ П. С. Р. Л. III, 89, 1371: „того же лѣта ѿздѣша на съездъ Юрий Ивановичъ посадникъ новгородскій, Селеверстъ Лентіевичъ, Олісѣй

ходила этот срокъ слишкомъ короткимъ; въ письмѣ 1372 года къ новгородской конторѣ Любекъ совѣтуетъ, чтобы она постаралась продлить срокъ перемирия по возможности дальше⁴⁷⁾; продлить его тѣмъ больше было необходимо, что въ Новгородъ сразу было привезено большое количество суконъ и другихъ товаровъ, такъ что дворъ опасался, какъ бы новый поѣздъ лѣтнихъ гостей ненанесъ ему окончательного убытка подвозомъ новыхъ товаровъ, цѣна на которые неминуемо должна была-бы пасть; Любекъ поэтому обѣщается писать въ Лифляндію, чтобы тамъ приняли мѣры противъ такого накопленія товаровъ въ новгородскомъ дворѣ. Въ томъ же письмѣ Любекъ увѣдомляетъ, что Ганза намѣрена отправить въ Новгородъ новое посольство: ибо по словамъ конторы Русскіе начали дѣлать постановленія, клонящіяся во вредъ Нѣмцамъ⁷⁵⁾; а изъ ганзейского рецесса 1 мая 1373 года видно, что посольство должно было еще разобрать жалобы Новгорода на ограбленіе его купцовъ въ Стокгольмѣ, Любекѣ и на Готландѣ⁷⁶⁾. Когда именно были ограблены новгородскіе купцы за моремъ, неизвѣстно, но по всей вѣроятности раньше 1371 года: ибо уже въ проектѣ договора этого года Нѣмцы намекали на грабежъ новгородскихъ купцовъ въ Стокгольмѣ говоря, что имъ нѣть дѣла до такого случая; Новгородъ же, какъ видно, смотрѣль иначе и привлекаль Нѣмцевъ къ отвѣтственности за грабежи своихъ купцовъ за моремъ. Лѣтомъ 1373 года ганзейскіе послы — по двое отъ Любека и Готланда — прибыли въ Новгородъ; владыка Алексѣй, посадникъ Юрій Ивановичъ, тысяцкій Матвѣй Оалелѣевичъ выдали имъ грамоту, что Новгородъ небудетъ больше поминать про ограбленный товаръ: «спустили на зень чисто, ни въ которое веремя непоминать»; но какъ

тысяцкой, Олександръ Колывановъ, и докончаша миръ съ Нѣмци подъ Новымъ городкомъ». Ср. *Kortmann*, Die Recessse, II, № 36; *Bonnel*, Chronogr. Com. 190 — 193.

⁷⁴⁾ *Kortmann*. Die Recessse, II, № 66.

⁷⁵⁾ *Ibid.* „Scribitis, quod Ruteni Nogardenses imposuerint et fecerint nova et abusiva statuta, vergentia contra vos, et libertates vestras“.

⁷⁶⁾ Рус. Лив. Ак. № 96, нѣмецк. текстъ.

именно состоялась сдѣлка,— доставили ли Нѣмцы товаръ или деньги, въ грамотѣ несказано ⁷⁷⁾.

Въ 1375 году опять начались несогласія по частному дѣлу. Въ Дерптѣ былъ арестованъ новгородскій купецъ Аввакумъ (Opake) по денежной претензіи, заявленной на него однимъ нѣмецкимъ купцомъ; узнавъ объ арестѣ Новгородъ отправилъ пословъ для освобожденія своего купца, но неполучилъ удовлетворенія, послѣ чего запретилъ нѣмецкимъ купцамъ покидать ихъ дворъ ⁷⁸⁾). Когда изъ Дерпта пріѣхалъ купецъ Брунсвикъ, то и онъ былъ задержанъ въ Новгородѣ, а товаръ его по иску одного новгородца былъ арестованъ и до временій суда сложенъ въ иванской церкви; сообщая объ этихъ происшествіяхъ въ Лифляндію новгородская контора даетъ совѣтъ задержать тамъ другихъ русскихъ купцовъ; и дѣйствительно въ Дерптѣ были арестованы еще четверо ⁷⁹⁾); дѣло Аввакума покончилось только на слѣдующій годъ: по суду въ Феллинѣ онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ 250 гривенъ серебра въ пользу нѣмецкаго истца; бывшіе при этомъ новгородскіе послы дали Нѣмцамъ ручательство, что они могутъ теперьѣѣхать въ Новгородъ безъ опасенія отмести, и что задержанные тамъ нѣмецкіе купцы будутъ также отпущены ⁸⁰⁾). Но въ 1377 году Новгородъ опять взялъ подъ арестъ Нѣмцевъ, потому что русскіе купцы были ограблены на устьи Эмбаха; по этому дѣлу ревельскій ратъ писалъ въ Новгородъ, что въ грабежѣ Орденъ невиноватъ, и что пограбленный товаръ сберегается въ цѣлости для выдачи Новгороду ⁸¹⁾). Въ 1381 году новгородскіе купцы были захвачены въ Эстляндіи, какъ видно на этотъ разъ орденскими людьми: ибо ревельскій ратъ просить по этому случаю Орденъ незаходить слишкомъ далеко въ его мѣропріятіяхъ противъ Русскихъ, такъ какъ Новгородъ уже арестовалъ у себя нѣмецкихъ купцовъ и объявилъ, что не-

⁷⁷⁾ Тамже, russk. текстъ. Грамота утверждена именными печатями посадника и тысяцкаго.

⁷⁸⁾ *Bunge LEK. Urk. III, №№ 1100—1101.*

⁷⁹⁾ *Ibid. № 1103.*

⁸⁰⁾ *Ibid. № 1114.*

⁸¹⁾ *Ibid. № 1135.*

выпустить ихъ, пока неполучить удовлетворенія за своихъ купцовъ⁸²⁾. Всѣдствіе всѣхъ этихъ ссоръ и нарушенія будто-бы Новгородомъ ганзейскихъ вольностей Ганза въ 1386 году постановила перенести свой рынокъ изъ Новгорода въ Дерптъ, если Новгородъ необѣщается блюсти старыя привилегіи⁸³⁾; переносъ рынка въ Лифляндію въ то время тѣмъ удобнѣе могъ состояться, что въ 1385 году въ Новгородѣ погорѣла вся Торговая сторона, въ томъ числѣ и нѣмецкій дворъ, который теперь медлили ставить съизнова⁸⁴⁾. По дурной привычкѣ Новгородцевъ предаваться на пожарахъ грабежу — привычкѣ, которая неразъ приводитъ въ негодованіе новгородского лѣтописца, и на этотъ разъ была пограблена часть товаровъ изъ нѣмецкой церкви; правда въ 1387 году дѣло о «ропатномъ товарѣ какъ-то уладили съ Нѣмцами⁸⁵⁾), но это было примиреніе только по одному дѣлу, а не прочный миръ; на ганзейскомъ собраніи 1 Мая 1388 года рѣшено было прекратить всякую торговлю съ Новгородомъ; но въ тоже время постановили обратиться съ просьбой къ Ордену и Ригѣ, чтобы они открыли плаваніе по Двинѣ для всѣхъ ганзейскихъ купцовъ, — явный знакъ, что Ганза ненаходила возможнымъ окончательно прекратить всѣ спошеннія съ Русью⁸⁶⁾. Переводъ же рынка изъ Новгорода въ Лифляндію совсѣмъ несостоялся; скоро начались переговоры для возстановленія мира, для чего избрали вѣрный путь — рѣшили уладить сначала частныя тяжбы. Неизвѣстно, раньше или позже ганзейскаго запрещенія 1388 года, въ Нарвѣ были нѣсколько разъ ограблены новгородскіе купцы; въ 1390 году лифляндскій магистръ писалъ въ Ревель, что онъ посыпалъ отъ себя послана въ Новгородъ уговориться о

⁸²⁾ Ibid. № 1167.

⁸³⁾ Willebrandt. Hans Chronik, II, s. 192.

⁸⁴⁾ П. С. Р. Л. III, 93; IV, 91 — 92.

⁸⁵⁾ Тамже, IV, стр. 95: „той зимы прѣдиша послы нѣмецкіе въ Новгородъ о ропатномъ (церковномъ) товарѣ, и взяша миръ съ Новгородомъ“.

⁸⁶⁾ Кортапп. Die Recessse, III, s. 387. Это запрещеніе положили сообщить въ Швецію, Финляндію и Пруссію съ просьбой, чтобы и тамъ его строго соблюдали.

съездѣ новгородскихъ и нѣмецкихъ уполномоченныхъ въ Нарвѣ, и потому просилъ теперь выслать въ Нарву ревельскихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла съ Новгородцами, чтобы они произвели между собой разсчетъ⁸⁷⁾; въ другомъ письмѣ магистръ уведомляетъ, что съездъ въ Нарвѣ былъ, и туда прѣѣзжали новгородские истцы и заявили искъ на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ купцовъ⁸⁸⁾; по по извѣстію нашей лѣтописи этотъ съездъ непривелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ⁸⁹⁾). Въ 1391 году уполномоченные Новгорода, пятеро бояръ и нѣсколько купцовъ съѣхались съ почетными послами Ганзы, Нибуромъ и другими, въ Изборскѣ, гдѣ и привели всѣ дѣла къ мирному окончанію; отсюда всѣ отправились въ Новгородъ, цѣловали тамъ крестъ и написали мирную грамоту, «нибуровъ миръ, какъ ее назвали Нѣмцы (*Nyeburs frede to Nougarde*) по имени любецкаго посла; этотъ миръ состоялся въ началѣ 1392 года⁹⁰⁾.

Въ грамотѣ, писанной отъ имени посадника Тимоѳея Юрьевича и тысяцкаго Никиты Оедоровича, находимъ любопытныя подробности о предшествовавшихъ обстоятельствахъ, нарушившихъ миръ Новгорода съ Ганзой и о попыткахъ его возстановить. 1) За грабежъ въ Нарвѣ артели новгородскихъ купцовъ Новгородъ приказалъ взять у нѣмецкихъ купцовъ во дворѣ соотвѣтствующее количество товаровъ и вознаградить ими потерпѣвшихъ⁹¹⁾; теперь Новгородъ обратно воз-

⁸⁷⁾ *Bunge, LEK. Urk.*, III, № 1253. Это и слѣдующее письмо издатель относить къ 1388 году, Боннель—къ 1390-му. *Chronogr. Commentar.* 203 — 204.

⁸⁸⁾ *Ibid.* № 1254: „Ignate mit siner selschap.. Matfey und Condraet und Demiter und andre mit erer selschop“. А изъ договорной грамоты 1392 года сейчасъ увидимъ, что въ Нарвѣ была ограблена еще третья артель новгородскихъ купцовъ. *Selschap* (*Gesellschaft*) товарищество, „други“, артель; послѣднее слово кажется нѣмецкаго происхожденія (*Antheil*): Э. Р. Вреденъ. Курсъ политич. экономіи, стр. 305 (Спб. 1874).

⁸⁹⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 95: „Того же лѣта (1390) поидоша Новгородци на съездъ съ Нѣмци и невзяша мира“.

⁹⁰⁾ Тамже, стр. 95. Договорная грамота по тремъ нѣмецкимъ спискамъ напечатана у *Бунге*, III, № 1330 и въ рецессахъ *Копмана*, IV, № 45. Въ Рус. Лив. Ак. № 115 параллельно съ нѣмецкимъ спискомъ напечатанъ *русскій*, вирочемъ неисправный и по мѣстамъ мало вразумительный.

⁹¹⁾ „Товаръ что въ Ругодивѣ порубилъ, и противъ того товара

вращаетъ Нѣмцамъ ихъ товары, предоставя своимъ частнымъ истцамъ вѣдаться съ ихъ обидчиками въ Нарвѣ. 2) Во время размолви съ Новгородомъ Нѣмцы непрекращали съ нимъ торговыхъ сношеній: ибо въ договорѣ упоминаются двѣ «опасныя грамоты», какія въ этихъ обстоятельствахъ Ганза выпрашивала у Новгорода для своихъ купцовъ и пословъ⁹²⁾. 3) Новгородъ неотвергаетъ, что во время пожара нѣмецкой церкви товаръ ея грабили какіе-то Новгородцы; онъ обѣщаетъ теперь свое содѣйствіе для отысканія товара и грабителей и возвращеніе найденного Нѣмцамъ безъ всякой съ ихъ стороны платы за хлопоты; впрочемъ оговаривается, что если ненайдеть, то Новгороду въ этомъ «нѣть измѣны». 4) Съ своей стороны ганзейскіе послы обѣщаютъ употребить мѣры для разысканія товара, пограбленного у новгородца Матвѣича съ его артелью, избитой на Невѣ морскими разбойниками; но если ненайдуть товаровъ, то Нѣмцамъ это будетъ также не въ измѣну⁹³⁾. 5) Въ случаѣ войны Новгорода съ королемъ шведскимъ, Орденомъ, рижскимъ архіепископомъ, или дерптскимъ или эзельскимъ епископомъ («пискупомъ островьскимъ»), съ Нарвой или на конецъ морскими разбойниками — нѣмецкимъ купцамъ нѣть до того никакого дѣла: путь имъ чистъ по всей новгородской волости «горою и водою». 6) Новгородскимъ купцамъ путь чистъ на готскій берегъ, а также сухопутный проѣздъ чрезъ землю дерптского епископа чрезъ шлагбаумъ, поставленный у рѣки Эмбаха. 7) Повторяется старое правило о прекращеніи тяжбы на мѣстѣ ея возникновенія и пр.⁹⁴⁾. По заключеніи мира Нѣмцы получили обратно свои товары; затѣмъ начали возобновлять погорѣвшій дворъ съ церковью,

повелѣ Новгородъ взяти товаръ своеи браты, и посаднике и тысяцкии и весь господинъ великий Новгородъ повелѣша товаръ дати своеи браты“. Рус. Лив. А. стр. 86.

⁹²⁾ Одна грамота отъ 1388 года, а другая отъ 1389. Рус. Лив. Ак. стр. 84 — 85.

⁹³⁾ „Нѣмецкимъ посломъ искати, что побилѣ разбойники на Невѣ Матьфѣева сына и его друговъ, и товаръ отъималѣ“.

⁹⁴⁾ „А пена гдѣ зацѣнится, ту ся коньцати“. „А гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати“ (Договоръ 1260 г.) „So war so dhe twist geschut, dhar sal man se endegen“ (Договоръ 1270 года).

уже около семи лѣтъ лежавшій въ развалинахъ⁹⁵⁾. Въ заключеніе о договорѣ 1392 года нужно замѣтить, что это первый договоръ, заключенный послами Любека и Визби совмѣстно съ послами Риги, Дерпта и Ревеля, «отъ всихъ купцовъ заморскихъ и со стороны поморья», какъ сказано въ грамотѣ; всѣ предшествовавшіе договоры съ Новгородомъ Любекъ и Визби совершили отдельно отъ Лифляндіи. Что касается наконецъ Пскова, то Новгородъ, какъ было выше сказано, вымирилъ его при заключеніи договора съ Ганзой; въ ближайшее затѣмъ время они находятся между собой въ большомъ нелюбіи⁹⁶⁾, и нѣтъ сомнѣнія, что торговое соперничество было одною изъ причинъ этого нелюбія.

Но «мира крѣпкаго» не было у Новгорода и съ ганзейскими городами. Вскорѣ по совершеніи договора опять начался разладъ: Новгородъ былъ недоволенъ на Ревель, что его купцы неплатятъ долговъ Новгородцамъ; за эту неуплату и за разные убытки, причиненные купцамъ въ Лифляндіи, онъ наложилъ арестъ на нѣмецкихъ купцовъ у него проживавшихъ; контора по сemu случаю пишетъ въ Ревель, что всѣ готландскіе и нѣмецкіе купцы задержаны во дворѣ, что Новгородъ грозитъ отнять у нихъ весь товаръ, а ихъ самихъ посадить въ желѣза, если ему не заплатятъ 3300 рублей убытковъ⁹⁷⁾. Вѣроятно въ числѣ показанной суммы заключался долгъ ревельского бургомистра и еще нѣсколькихъ купцовъ, которые въ бытность въ Новгородѣ ганзейскихъ пословъ 1392 года обязались его уплатить одной новгородской артели куп-

⁹⁵⁾ П. С. Р. Л. Ш., 95: „послове нѣмецкіи пріодоша въ Новъградъ и товары свои поимаша и крестъ цѣловали и начаша дворъ свой ставити изнова: занеже бо не бѣ по седьмь лѣтъ мира крѣпкаго“.

⁹⁶⁾ Тамже, 97, 1397: „посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ и тысяцкой Микита Федоровичъ и вси посадники и тысяцкіи и бояре и весь великий Новъградъ благословеніе господина своего отца владыки Иоанна пріяли, а отъ Псковицъ нелюбіе отложили и взяша миръ по старинѣ... занеже небяшеть миру по 4 годы“. Псковская лѣтопись говоритъ, что послы отъ Пскова „взяша миръ вѣчный съ Новымъ городомъ, и цѣловаль крестъ посадникъ новгородской Тимоѳей Юрьевичъ и Микита тысяцкій Федоровичъ за весь великий Новгородъ и за пригороды и за всѣ свои волости“. Тамже, IV, 195.

⁹⁷⁾ Bunge. LEK. Urk. IV, № 1559; Боннель полагаетъ отнести его къ 1395 году. Chronogr. 203.

цовъ. Вотъ что по этому случаю было писано «отъ посадника новгородского Ивана Александровича, отъ тысячкого Олександра Игнатьевича и всего великаго Новгорода къ мѣстру къ Ризскому: здѣсь намъ наша братья много жалова-лѣся Игнатовѣ дѣти, и Лентѣевѣ дѣти, и Фоминѣ дѣти, и Родивоновѣ на Кондрата на колыванскаго посадника и на Еремѣевыхъ дѣтей, что взяты имъ на нихъ 400 рублевъ по же-ребью и по утягальной грамотѣ, что утягалѣ Кондрата наша братья предъ нашими судьями, а предъ вашими послы заморьскими и рискими... А только неотгадуть нашей брати того серебра, и мы имъ велимы взяты тѣ четыреста рублевъ на вашей брати на купчехъ»⁹⁸⁾. Около того же времени Новгородъ писалъ жалобу въ Ревель на тамошняго купца, который хотѣлъ-было раздѣлаться съ новгородскими кредиторами, и съ этой цѣлью звалъ ихъ къ себѣ, однако какимъ-то нечестнымъ образомъ уклонился отъ уплаты: «вашъ братъ Нѣмчинъ Иванъ Мясо прислалъ грамоту къ своимъ должникамъ (= кредиторамъ), а къ нашей брати къ Федору и къ Есишу, а хотѣлъ имъ платити, и созвавъ братю нашу новгородцевъ: Ивана Кочерина, и Матвѣя Микулина, Макарью, Оксентѣя, Янка, Григорью, и казаль имъ у себе товаръ, облакану (?) и золото, а тымъ хотѣлъ отлазити братю нашу, и вы должника нашему брату Есишу непоставили, и должникъ за вами, и товаръ за вами, недадите исправѣ, и намъ велѣти своеи брати взяты на вашихъ дѣтѣхъ свой товаръ въ Новгородъ, а то слово не въ измѣну»⁹⁹⁾. Кажется Новгородъ такъ и поступилъ: въ 1403 году контора писала въ Ревель, что Новгородъ рѣшилъ задержать Нѣмцевъ во дворѣ, а потому предостерегала другихъ отъ поѣздки туда¹⁰⁰⁾; кромѣ неисправности Нѣмцевъ по платежамъ долговъ, причиной ихъ ареста было еще ограбленіе Новгородцевъ въ Нарвѣ, какъ это видно изъ отвѣта тысяцкаго, когда его спрашивали Нѣмцы, почему ихъ непускаютъ изъ Новгорода¹⁰¹⁾. Въ 1405 году изъ Дерпта

⁹⁸⁾ Ibid. № 1553.

⁹⁹⁾ Письмо отъ начала XV в. по рукописи румянцев. муз. приводится у г. Аристова, Промышл. древ. Руси, стр. 212.

¹⁰⁰⁾ Bunge, LEK. Urk. IV, № 1636.

¹⁰¹⁾ Ibid. № 1637.

былъ присланъ посолъ спросить Новгородъ, хочетъ ли онъ держаться нибурова мира, на что Новгородъ изъявилъ соглашение, и выдалъ грамоту отъ имени владыки Иоанна, посадника и тысяцкаго¹⁰²⁾; но какъ рѣшили частныя тяжбы, неизвѣстно.

Небудемъ разбирать тѣхъ отношеній, въ какихъ Новгородъ и Псковъ находились къ Лифляндіи въ началѣ XV вѣка, чтѣ не входитъ прямо въ кругъ нашей задачи; небудемъ также останавливаться на обычныхъ грабежахъ купцовъ, ихъ арестахъ вмѣстѣ съ товарами и другихъ насилияхъ, о характерѣ которыхъ можно судить по предыдущему изложенію, а прослѣдимъ собственно отношенія къ Ганзѣ. Такъ какъ въ Новгородѣ изъ-за лифляндскихъ ссоръ обыкновенно терпѣли и заморские нѣмецкіе купцы, то Ганза даже противъ воли должна была входить въ эти ссоры, и постановлять запрещенія русской торговли, несмотря на доказанную опытомъ несостоятельность этого средства противъ Новгорода, который очень хорошо понималъ, что сами Нѣмцы скорѣе его почувствуютъ тягость запрещенія. Такъ въ 1417 году Ганза постановила прекратить всякую торговлю съ Новгородомъ, а если мирные переговоры останутся безуспѣшны, то и со Псковомъ, подъ страхомъ потери имущества и жизни¹⁰³⁾). Но постановляя такое рѣшеніе она боялась конкуренціи со стороны Лифляндіи, которая могла пріобрѣсть слишкомъ много вліянія на ходъ русской торговли; поэтому въ слѣдующемъ году она требуетъ, чтобы лифляндскіе города непредпринимали никакихъ переговоровъ по дѣламъ русской торговли, но предоставили бы ихъ депутатамъ Любека и Готланда; а такъ какъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ не хотѣли терпѣть, то Ганза требуетъ, чтобы и въ Лифляндію недопускали ни одного Русскаго, и невели

¹⁰²⁾ Рус. Лив. А. № 156. Въ письмѣ дерптскаго рата къ ревельскому приводится и договорная грамота, которая начинается слѣдующими словами: „van dem Ersebiscopre to Nowgarde bischop Johanne, van dem borchgreuen Etsepha Sagaranitza, vam dem hertogen Wassili Gesenitze, van all den borchgreuen, van all den hertogen, van all den kinderen der coplude unde van gansem menen Nowgarde“. Грамота въ общихъ выраженіяхъ подтверждаетъ договоръ, заключенный Нибуромъ въ 1392 году.

¹⁰³⁾ Willebrandt. Hans. Chronik, II, s. 202.

бы съ нимъ торговли подъ штрафомъ во 100 марокъ серебра¹⁰⁴⁾). Долго ли длилось запрещеніе торговли, невидно: Ризенкамфъ полагаетъ что въ нарвскомъ договорѣ Ордена и Лифляндіи съ Новгородомъ, заключенномъ въ 1420 году при князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, принимали участіе и ганзейскіе купцы, интересы которыхъ представляли братья Ордена, названные въ договорѣ¹⁰⁵⁾); однако такое предположеніе противорѣчить приведенному сейчасъ распоряженію Ганзы, которая сама намѣревалась вести переговоры съ Новгородомъ. Но если и дѣйствительно Ганза помирилась тогда съ Новгородомъ, то во всякомъ случаѣ помирилась не надолго. Въ 1423 году Новгородъ схватилъ всѣхъ немецкихъ купцовъ, у него бывшихъ, и заковалъ ихъ въ желѣза, а одного Новгородца, который взялся было доставить письмо Нѣмца, вѣроятно извѣщавшаго о постигшей дворъ катастрофѣ, велѣлъ повѣсить, какъ перевѣтника, на воротахъ немецкаго двора¹⁰⁶⁾. Изъ отчета ганзейскихъ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году, узнаемъ нѣсколько подробностей обѣ этой катастрофѣ: по ихъ словамъ арестъ произошелъ въ 1425 году¹⁰⁷⁾, и арестовано было 150 человѣкъ купцовъ, изъ коихъ во время заключенія умерло 36 человѣкъ, а убытки, понесенные купцами за время ареста, простирались до четырехъ тысячъ марокъ серебра¹⁰⁸⁾. Что было причиной такой крутой мѣры со стороны Новгорода, видно изъ письма ливлендскихъ городовъ отъ начала сентября 1425 года: въ немъ они увѣряютъ Новгородъ, что они неповинны въ сдѣланномъ убіеніи и ограбле-

¹⁰⁴⁾ Ibid. S. 202—203, 1418 j. „und weil man die Deutschen zu Neugard nicht leiden wollte, so sollten auch hinfuhr in den lievländischen städten keine Russen geduldet werden bey Strafe hundert Mark Silbers“.

¹⁰⁵⁾ D. deutsche Hof zu Nowgorod, S. 87.

¹⁰⁶⁾ Willebrandt, Hans. Chron. II, S. 206.

¹⁰⁷⁾ Быть можетъ арестъ произведенъ въ два раза, т. е. въ 1423 и 1425 годахъ; а быть можетъ въ хроникѣ Виллебрандта годъ поставленъ ошибочно.

¹⁰⁸⁾ Ropp. Hanserecesse, S. 510: „vortmer satte wy fort, dat se unsen dutschen coerman, als 150 Dutsche in dem jaren unses Heren 1425 tegen God unde de crucecussinge in der besate holden hedden, darvan vorstorven weren 36 Dutzche, unde in der besate hedde sik de koerman vorteret wol uppe 4000 stücke.“

ніи Русскихъ, а потому требуютъ освобожденія своихъ купцовъ¹⁰⁹⁾. Итакъ фактъ убійства и грабежа Новгородцевъ неотвергается лифляндскими городами; притомъ насилия Новгородцамъ на этотъ разъ дѣйствительно были произведены не въ Лифляндіи, а какъ кажется за моремъ: по крайней мѣрѣ товаръ, ограбленный у новгородскихъ купцовъ, нашелся въ Висмарѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Лишь только въ Любекѣ узнали объ арестѣ ганзейскихъ купцовъ, немедленно объявили запрещеніе русской торговли: движение товаровъ въ Новгородъ и обратно было остановлено; новгородскія суда велѣно ловить каперами¹¹⁰⁾. Въ письмѣ въ Лифляндію Любекъ говоритъ, что онъ намѣренъ принять, а частію уже принялъ мѣры для освобожденія несчастныхъ невинныхъ купцовъ, взятыхъ въ Новгородѣ; онъ будетъ просить датского короля, чтобы онъ запретилъ вывозъ всякаго товара изъ своего королевства въ Россію; онъ писалъ въ Брюгге и Пруссію, чтобы тамъ также остановили отправку русскихъ товаровъ; онъ будетъ еще просить господина прусского гермейстера о помощи и совѣтѣ; въ заключеніе просить Ревель строго наблюдать, чтобы въ Финскій заливъ непроѣзжало ниодно судно, и какъ только таковое покажется, немедленно его хватать¹¹¹⁾. Въ другихъ письмахъ Ганза требуетъ чтобы никто непривозилъ товаровъ въ Неву, Або и Выборгъ, и непроизводилъ торговли съ пріѣзжими туда Новгородцами, «дабы оттого они непріобрелись и неусилились»¹¹²⁾. Вслѣдствіе этого запрещенія, какъ видно на этотъ разъ строго выполнявшагося въ Лифляндіи, и прекращенія торговли даже въ мѣстахъ контрабанды, какъ въ финляндскихъ городахъ, Новгородъ пошелъ на переговоры съ Нѣмцами: онъ отвѣчалъ ганзейскимъ посламъ, что выпустить купцовъ на свободу, если ограбленный новгородскій товаръ, находящійся теперь въ Висмарѣ, будетъ ему возвращенъ¹¹³⁾. И дѣйствительно въ октябрѣ 1425 года нѣмецкіе купцы пишутъ изъ Новгорода, что они освобождены

¹⁰⁹⁾ Гильдебрандъ. Отчетъ о розыск. въ рижск. и ревел. архив. № 52, стр. 35.

¹¹⁰⁾ Willebrandt. Hans. Chron. II, 206.

¹¹¹⁾ Рус. Лив. Ак. № 225.

¹¹²⁾ Тамже, №№ 223 — 224.

¹¹³⁾ Willebrandt. Hans. Chron. II, 206.

по ходатайству дерптского епископа, а въ октябрѣ слѣдующаго года Рига уже пишетъ въ Дерпть, что въ Новгородъ привезено товаровъ слишкомъ много, что она боится, какъ бы это обстоятельство нестѣснило свободы переговоровъ съ Русскими¹¹⁴⁾. Признаніе весьма интересное: большой привозъ товаровъ, вслѣдствіе ихъ накопленія и остановки на одномъ мѣстѣ, ронялъ на нихъ цѣну въ новгородскомъ дворѣ, и давалъ попать Новгороду, что для Нѣмцевъ остановка торговли неменѣе тяжка, чѣмъ для него; притомъ этотъ привозъ дѣлается тотчасъ послѣ жестокой вражды съ Новгородомъ... О Псковѣ находимъ любопытное указаніе, что онъ спѣшилъ пользоваться разладомъ Новгорода съ Ганзой: въ сентябрѣ 1425 года Дерпть уведомлялъ Ревель о прибытии къ нему псковскихъ пословъ, которые очень желали заключенія мира; однако переговоры шли безуспѣшино, и Дерпть просилъ непривозить изъ Нарвы во Псковъ соли¹¹⁵⁾.

Въ ближайшее время, менѣе чѣмъ въ десятилѣтіе, между Новгородомъ и Ганзой опять родилось много недоумѣній и спорныхъ дѣлъ; для разбора ихъ въ 1434 году въ Новгородѣ было наряжено ганзейское посольство; но оно взяло только перемиріе на два года до иванова дня 1436 года, обѣщаясь прислать къ тому времени почетное посольство¹¹⁶⁾. Дѣйствительно въ половинѣ мая 1436 года въ Новгородѣ прибыло ганзейское посольство, которое и вело тамъ переговоры до половины іюля; сохранившійся отчетъ этого посольства очень интересенъ¹¹⁷⁾. Передавши Новгороду поклонъ отъ 73-хъ ганзейскихъ городовъ какъ по сю, такъ и по ту сторону моря, послы начали излагать свои жалобы: на притѣсненія со стороны посильщиковъ и лодочниковъ, на запрещеніе Нѣмцамъ мелочной торговли, па насилия, учиненные кунцамъ въ 1425 году (арестъ 150-ти). Далѣе послы продолжали: «одинъ Нѣмецъ, сынъ знатнаго человѣка, былъ избитъ приставомъ дотого, что тотъ скоро умеръ отъ побоевъ, другой Нѣмецъ былъ схваченъ со двора, посаженъ приставомъ подъ

¹¹⁴⁾ Гильдебрандъ. Отчет. о розыск. №№ 58 и 80.

¹¹⁵⁾ Тамже, №№ 54 — 55.

¹¹⁶⁾ Ropp. Hansereccesse № 288 (перемирная грамота).

¹¹⁷⁾ Ibid. № 586, S. 509 — 520.

аресть, гдѣ сидѣль девять недѣль и былъ такъ худо содер-
жимъ, что наконецъ умеръ; вообще Нѣмцевъ часто хватаютъ
съ улицы за долги и сажаютъ ихъ въ тюрьму, недавая имъ
ставить за себя поручителей». Съ своей стороны новгородскіе
уполномоченные заявили слѣдующія жалобы: сукна, привози-
мая къ нимъ, слишкомъ коротки; бочки съ медомъ, виномъ
и сельдями слишкомъ малы противъ прежняго; серебряные
слитки только снаружи хороши, а внутри заключаютъ фаль-
шивое серебро; нобели также фальшивые; соляные мѣшки не-
имѣютъ надлежащаго вѣса; наконецъ уполномоченные жалова-
лись, что Нѣмцы неоказали надлежащаго почета великому
князю, недавно бывшему въ Новгородѣ¹¹⁸⁾. Чрезъ нѣсколько
времени съ обѣихъ сторонъ были заявлены претензіи частныхъ
лицъ; Новгородцы жаловались, что Нѣмцы неплатятъ имъ дол-
говъ и причиняютъ въ городахъ Лифляндіи разныя насилия и
несправедливости. Такъ въ Дерптѣ Мартиньянъ и Максимъ
были посажены безъ вины въ тюрьму; Юрій и Максимъ, квар-
тировавшіе у одного дерптскаго Нѣмца, были обокрадены: ве-
черомъ они заперли свою лавку, а когда пришли на слѣдую-
щее утро, то нашли ее обокрашенной, а въ лавкѣ лежало сорокъ
соболей, да 9 гривенъ серебра; двоихъ Новгородцевъ въ Дерп-
тѣ же забросали на улицѣ камнями; нарвскій фогтъ убилъ до
смерти Федора, бѣхавшаго изъ Ревеля; въ Ревель Ивана Ко-
черина ограбили среди бѣлага дня на улицѣ передъ русской
церковью, причемъ съ него сняли кафтанъ, штаны, калиту
(kalite), кушакъ, да отняли гривну серебра и пр. Нѣмцы жа-
ловались, что холопы боярина Захары Кирилова избили дво-
ихъ Нѣмцевъ, жившихъ у него для обученія языку (sprake-
lerers): одинъ изъ нихъ уже умеръ отъ побоевъ, а другой при
смерти; вѣсовщикъ пехочеть вѣсить на Нѣмцевъ, а требуетъ
съ нихъ какого нибудь подарка, напримѣръ кружки пива; ты-
сяцкій неоказываетъ правосудія нѣмецкимъ жалобщикамъ и пр.
Затѣмъ поднялся вопросъ о продолжительности мира: Нѣмцы
хотѣли болѣе продолжительнаго срока, но купецкіе старосты
давали срокъ менышій. Въ половинѣ іюня въ Новгородѣ при-
шли псковскіе послы жаловаться на притѣсненія ихъ купцамъ
въ Дерптѣ; ганзейскіе послы отклоняли отъ себя эти жалобы

¹¹⁸⁾ Подробнѣе объ этомъ предметѣ скажемъ въ послѣдней главѣ.

и въ свою очередь обвиняли Псковъ за тяжкій арестъ 24-хъ ганзейскихъ купцовъ; посредничество, по просьбѣ пословъ принятое Новгородомъ для ихъ освобожденія, недостигло тогда цѣли, какъ было показано выше¹¹⁹⁾. Наконецъ послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ 16 іюля была составлена по руски и по нѣмецки договорная грамота, и запечатана во дворѣ св. Ивана на Опокахъ. Представимъ въ переводѣ эту послѣднюю договорную грамоту Новгорода съ Ганзой¹²⁰⁾.

«Сюда въ великий Новгородъ къ господину преосвященному архіепискому Евѳимію, къ посаднику великаго Новгорода Борису Юрьевичу и ко старымъ посадникамъ, къ тысяцкому великаго Новгорода Федору Яковлевичу и ко старымъ тысяцкимъ, къ боярамъ, къ купецкимъ старостамъ, купецкимъ дѣтямъ и всему Новгороду пришли нѣмецкіе послы отъ Дерпта бургомистръ господинъ Тидеманъ Фоссъ и ратманъ Іоганнъ Беверманъ, отъ Ревеля господинъ Готшалкъ Столтефоссъ и господинъ Альбертъ Руморъ ратманы, которые прибыли послами отъ Риги, Дерпта, Ревеля, отъ Любека и отъ всѣхъ семидесяти трехъ городовъ, какъ по сю, такъ и по ту сторону моря лежащихъ, и отъ всѣхъ дѣтей купецкихъ»

«И нѣмецкіе послы... ударили по рукамъ (nehmen hand) съ посадникомъ новгородскимъ Б. Ю. и съ тысяцкимъ новгородскимъ Ф. Я. и съ купецкими старостами за весь великий Новгородъ на томъ, что нѣмецкій гость можетъ ѻхать и плыть въ великий Новгородъ: путь ему чистъ по водѣ и землѣ, по старымъ грамотамъ и по старому крестоцѣлованію, по настоящей грамотѣ и рукобитью безо всякой хитрости. А нѣмецкіе послы... дали руки посаднику новгородскому Б. Ю. и тысяцкому Ю. Я. и купецкимъ старостамъ Александру и Ефрему, всѣмъ купецкимъ дѣтямъ и всему великому Новгороду за всѣ 73 города и за всѣхъ купецкихъ дѣтей, что Новгородецъ можетъ ѻхать въ нѣмецкую землю и нѣмецкіе города: путь

¹¹⁹⁾ Въ началѣ III-й главы. Вотъ извѣстіе лѣтописи о захватѣ Нѣмцевъ во Псковѣ: „той весны Псковичи иріяша гость пѣмецкіи товаръ ихъ, а самыхъ Нѣмецъ въ погребъ всадиша 24 Нѣмчина, запаже они почали, на крестномъ цѣлованїи псковскихъ ловцовъ изоимаша, а иныхъ избиша“. П. С. Р. Л. IV, 210, 1436 г.

¹²⁰⁾ Rapp. Hanserecessse, № 587. Въ переводѣ мы будемъ опускать часто повторяемыя собственныя имена и иѣкоторыя общія фразы.

ему чистъ по водѣ и землѣ, по древнимъ грамотамъ и по древнему крестоцѣлованію, по сей грамотѣ и рукобитью безо всякой хитрости».

«И нѣмецкій гость можетъ торговатъ съ новгородскимъ въ великомъ Новгородѣ и на Невѣ, по старому крестоцѣлованію... Новгородецъ долженъ беречь Нѣмца, какъ своего брата Новгородца, а Нѣмецъ долженъ беречь Новгородца, какъ своего брата Нѣмца.»

«И великий Новгородъ долженъ давать управу Нѣмцамъ жалобщикамъ (*clegelichen luden*) по старымъ грамотамъ..., равнымъ образомъ Нѣмцы должны давать управу новгородскимъ жалобщикамъ по старымъ грамотамъ... Если случится, что Новгородъ недастъ управы Нѣмцамъ, то они недолжны задерживать у себя новгородскихъ купцовъ; они должны отпустить ихъ въ новгородскую землю съ ихъ товарами безо всякаго рубежа ¹²¹⁾, по старымъ грамотамъ и по старому крестоцѣлованію, по настоящей грамотѣ и рукобитью, безо всякой хитрости, а настоящую грамоту отослать къ великому Новгороду ¹²²⁾. И если Нѣмцы недадутъ управы новгородскимъ жалобщикамъ, то великий Новгородъ недолженъ захватывать у себя Нѣмцевъ: онъ долженъ отпустить ихъ безъ рубежа по старымъ грамотамъ..., а настоящую грамоту отослать Нѣмцамъ».

«Какіе Русскіе были записаны Нѣмцами на доску, тѣхъ они должны вычеркнуть съ доски, и торговатъ съ ними по прежнему обычаю ¹²³⁾». Здѣсь вѣроятно разумѣются записанные на доску за долги; теперь же какъ видно они расплатились съ Нѣмцами.

«Какіе Новгородцы были приставами въ нѣмецкомъ дворѣ, или которые держали у себя Нѣмцевъ, на тѣхъ Нѣмцы не должны имѣть никакихъ претензій, а торговатъ съ ними по

¹²¹⁾ „Sunder besettinghe“. Besettinge, pandinge, pendinghe, pandatio = рубежъ, захватъ, арестъ; panden, pandare = порубить, захватить, поимать.

¹²²⁾ Въ такомъ случаѣ она становилась *разметтою* грамотой; здѣсь впервые упоминается о такомъ порядкѣ.

¹²³⁾ „Welker Russen, de an der treppen screuen sint van den Dutzschen, de zolen se van der treppen uthdoen unde zullet myt oen koerslagen na older wonheit“.

прежнему»¹²⁴⁾. Тутъ по всей вѣроятности разумѣются тѣ Новгородцы, которые брали Нѣмцевъ подъ арестъ за неуплату долга. Договоръ заключается слѣдующими словами: «а на всемъ томъ дали руки посадникъ новгородскій Б. Ю. тысяцкій О. Я. и купецкіе старосты Александръ Матвѣичъ и Ефремъ Яковлевичъ за весь Новгородъ и за всю ихъ землю, и печати свои привѣсили; равнымъ образомъ нѣмецкіе послы.... дали руки за весь 73 города и за всю ихъ землю, и печати свои привѣсили».

Сравнивая пункты, поставленные на предварительныхъ переговорахъ, съ настоящею договорною грамотой, видимъ что въ послѣдней о многомъ совсѣмъ неупомянуто; для насъ остается неизвѣстнымъ, какъ порѣшили дѣла частныхъ истцевъ, вопросъ о подаркахъ великому князю при посѣщеніи имъ Новгорода, о срокѣ мира и другихъ спорныхъ пунктахъ. Нѣмцы перазъ говорили, чтобы все было по старинѣ, что сами они держатся только старины, и новаго ничего неприбавляютъ¹²⁵⁾. Однако они незахотѣли давать подарковъ великому князю, хотя соглашались съ Новгородомъ, что они обязаны давать ихъ по старинѣ; за то иная старина небыла выгодна Новгороду: Нѣмцы требовали напримѣръ розничной торговли, обычнаго привѣска къ воску и пр., но уже Новгородъ немогъ согласиться на эти требования; по крайней мѣрѣ онъ недаль Нѣмцамъ никакого на нихъ отвѣта. Вообще нельзя незамѣтить, что старина стала колебаться, и Ганзѣ становилось трудно удержать въ Новгородѣ всѣ старинныя вольности; торговля ея шла ужъ не по прежнему; съ половины XV вѣка начинаютъ слышаться жалобы, что посѣщеніе двора становится все рѣже, что доходовъ его уже недостаточно для покрытия разныхъ издержекъ его, что торговля выгодна не по прежнему¹²⁶⁾.

¹²⁴⁾ Welker Naugarder in dem dutschen houe synt pristauen wesen, edder Dutsche by sik geholden hebben, daren zullet de Dutzschen den Naugarder nicht umme doen, unde me scal myt oen koepschlagen also van oldinghes“.

¹²⁵⁾ „Wy waren hir gesant umme fredhe willen, so dat de Dutzsche koerpman by synen olden privilegien unde rechticheiden bliuen, nicht ninges begerde wy“. Ropp, Hanserecesse, S. 515.

¹²⁶⁾ H. Hildebrand. Die hans. livl. Gesandschaft 1494 nach Mos-

Въ 1442 году погорѣлъ готскій дворъ; въ тоже время по случаю войны съ Орденомъ Новгородъ опять вступаетъ въ разладъ съ ганзейскими купцами: конторскій прикащикъ уведомлялъ тогда, что Новгородцы два разъ нападали на дворъ, который находится будто въ осадѣ, что его (прикащика) жизнь ежечасно находится въ опасности; особенно двое Новгородцевъ, Бакланъ и Жихна, горячо требовали у Нѣмцевъ удовлетворенія за обиды, учиненные имъ въ Ревель, а Новгородъ предоставилъ имъ самимъ право вѣдаться по ихнему дѣлу¹²⁷⁾. Снова Ганза запретила русскую торговлю; Любекъ получилъ отъ нея полномочіе распоряжаться по дѣламъ русской торговли, т. е. открывать ее или продолжать запрещеніе, и съ своей стороны передалъ это полномочіе лифляндскимъ городамъ; всѣ Нѣмцы выѣхали изъ Новгорода, и дворъ заперли; но ключей отъ двора владыка и юрьевскій архимандритъ у нихъ неприняли¹²⁸⁾. Затѣмъ является обычное послѣдствіе запрещенія — контрабандная торговля: въ 1444 году лифляндскіе города жаловались Любеку, что во-преки запрещенію венскіе и прусскіе города продолжаютъ торговлять съ Русскими въ Выборгѣ и Або; на это Любекъ отвѣчалъ, что онъ еще разъ внушить городамъ это запрещеніе, но что онъ не въ силахъ препятствовать торговлѣ чрезъ Швецію; тутъ же Любекъ намекаетъ, что между Ригой и Польцкомъ, потомъ между Дерптомъ и Псковомъ торговля продолжается, и просить ее прекратить¹²⁹⁾. Черезъ годъ Ревель жалуется Ордену на неудобства военного времени и прямо признается, что если миръ съ Русскими не состоится хотя на два года, торговля потерпитъ тогда величайшіе убытки¹³⁰⁾. Въ 1448 году между Орденомъ и Новгородомъ со Псковомъ былъ заключенъ 25-лѣтній миръ¹³¹⁾; что до купцовъ, то они кажется также заключили перемиріе; въ 1464 году, когда

kau und die Schliessung d. deutsch. Hofs zu Nowgorod. (Balt. Monatsschrift, B. 20, Neue Folge B. 2, S. 123—124).

¹²⁷⁾ Егоже, Отчеты о розысканіяхъ.. стр. 46.

¹²⁸⁾ Тамже, стр. 47. Willebrandt. Hans. Chron. II, S. 216.

¹²⁹⁾ Гильдебрандъ. Отч. о розыск. стр. 48.

¹³⁰⁾ Тамже, стр. 49.

¹³¹⁾ Тамже, № 234.

срокъ его истекаль, Любекъ совѣтовалъ лифляндскимъ горо-
дамъ взять съ Новгородомъ перемиріе еще года на два или
на три; но скоро новгородскихъ купцовъ задержали въ Рे-
вель, а Новгородъ сдѣлалъ тоже у себя съ Нѣмцами въ
1467 году; въ 1471 году Ганза еще разъ запретила русскую
торговлю ¹³²⁾.

Въ такихъ-то ссорахъ, крупныхъ и мелкихъ, то приводя
другъ друга къ крестоцѣлованію, то вѣроломно нарушая его,
то запрещая торговлю, то еще скорѣе спѣша ее возобновить,
торговали Новгородъ и Ганза до 1478 года, когда Новгородъ
потерялъ свою самостоятельность. Сообщая объ этомъ собы-
тіи въ Любекъ лифляндскіе города пишутъ, что великій князь
московскій вторгнулся въ Лифляндію, незаявя о прекращеніи
мира, что взятіе Новгорода угрожаетъ нѣмецкому двору и
всей ихъ странѣ величайшею опасностью, которой одна Лиф-
ляндія не въ силахъ противостоять, а потому они просятъ у
Ганзы доброго совѣта и помощи ¹³³⁾). И дѣйствительно лиф-
ляндскіе Нѣмцы неошиблись: сокрушитель новгородской воль-
ности началъ войну съ Орденомъ, и нанесъ тяжкій ударъ
Ганзѣ.

¹³²⁾ Тамже, стр. 51 — 53.

¹³³⁾ Тамже, стр. 54, № 305.

ГЛАВА VII.

Владѣя волжскою областью великие князья всегда оказывали существенное влияніе на ходъ новгородской немецкой торговли: всего ощутительнѣе это влияніе обнаруживалось въ томъ, что великие князья могли остановить привозъ хлѣба въ новгородскую землю по Волгѣ, «затворить ворота», какъ образно выражаются обѣ этомъ новгородскія договорныя грамоты ¹⁾; они могли перехватать у себя новгородскихъ купцовъ, «учинить рубежъ» надъ ними, вообще могли на время прекратить всякія связи Новгорода со своей областью. Чрезъ это они наносили чувствительный ударъ какъ для Новгорода, такъ косвенно и для его ганзейскихъ гостей: ибо не допуская къ себѣ новгородскихъ купцовъ, останавливая движеніе хлѣба, льну, хмѣля и другихъ товаровъ въ Новгородъ, они суживали районъ новгородской немецкой торговли, вслѣдствіе чего привозъ Нѣмцевъ и отпускъ Новгорода становились по необходимости ограниченнѣе. Естественно Новгородъ долженъ былъ дорожить миромъ съ великими князьями и со всѣми вообще князьями русскими: только при условіи мира для его купцовъ была возможность разъѣзжать по всей Руси. По причинѣ мира онъ старался дружить съ киевскими князьями: ибо въ случаѣ разлада съ великими князьями суздальскими новгородскіе купцы могли еще найти дорогу въ южную Русь; справедливо замѣчено, что Новгородцы постоянно дружили со смоленскими князьями ²⁾: кромѣ того, что Смоленскъ былъ богатый торговый городъ, кудаѣздили повгородскіе купцы, чрезъ смоленскую область шла торговая дорога въ южную Русь, въ Киевъ, где Новгородцы имѣли

¹⁾ „А гостю всякому гостити безъ рубежа, а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти пустити, и всякий ти гость пустити въ Новъгородъ, а силою ти гостя въ Тфѣрь неперенимати“. С. Г. Г. и Д. I, № 14 (договоръ съ Михаиломъ Ярославичемъ 1318 г.).

²⁾ Никитскій. Очеркъ внутр. исторіи Пскова, стр. 92.

постоянныи торговый дворъ съ собственою церковью³⁾. Конечно Новгородцы также были рады, когда черниговскій князь, покидая Новгородъ, говорилъ: гость ко мнѣ пускайте, а якоже земля ваша, такоже моя⁴⁾). Новгороду приходилось очень плохо, когда онъ одновременно былъ въ ссорѣ съ князьями сѣверными и южными; во время раздоровъ между Мономаховичами и Ольговичами, когда и Новгородъ колебался между Всеволодомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, въ городѣ настала дороговизна хлѣба: «и не бѣ мира съ ними (Псковичами), ни съ Суждальци, ни съ Смолиняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны, и стоя все лѣто осминка великая по 7 рѣзанъ», — говоритъ лѣтописецъ⁵⁾. Изъ-за торговыхъ интересовъ Новгородъ долженъ былъ входить въ междукняжескія отношенія, то принимать сторону однихъ князей, то выступать между ними въ роли миротворца; онъ немогъ оставаться совершенно спокойнымъ, быть особнякомъ отъ прочихъ русскихъ земель, хотя лежалъ вдалекъ отъ главной сцены княжескихъ усобицъ, хотя небылъ отчиной ни одного княжескаго рода; за то тѣмъ труднѣе ему былъ выборъ князя. Всего же важнѣе для Новгорода было установить мирныхъ отношенія къ великому князю: порядясь съ нимъ на извѣстныхъ условіяхъ, Новгородъ приобрѣталъ въ лицѣ его такого правителя и судью, который обеспечивалъ ему мирный ходъ торговли до нѣкоторой степени и въ другихъ мѣстахъ Руси: князь-правитель долженъ былъ принести съ собой для Новгорода это право, замѣчаетъ г. Пассекъ⁶⁾. Конечно это отнюдь небыло строго юридическою право; дѣло въ томъ, что каждый князь въ своей волости распоряжался независимо отъ великаго князя, какъ хозяинъ отчины; съ другой стороны въ каждой волости на

³⁾ П. С. Р. Л. I, 138, 1147. Въ церковь св. Михаила, въ новгородскую божницу, положили тѣло убитаго Игоря Ольговича.

⁴⁾ Тамже, III, 41, 1225.

⁵⁾ Тамже, III, 8, 1137.

⁶⁾ Новгородъ самъ въ себѣ (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1869, IV, стр. 36). Въ этой статьѣ высказано много остроумныхъ соображеній; однако общій взглядъ автора на внутреннюю жизнь Новгорода по нашему мнѣнію, слишкомъ мраченъ; своимъ пессимизмомъ авторъ пре-восходитъ даже новгородскихъ лѣтописцевъ.

ряду съ княземъ стояло городское купечество, имѣвшее свои права относительно пріѣзжихъ гостей изъ другихъ городовъ, какъ напримѣръ смоленское купечество, которому по всей вѣроятности принадлежалъ торговый судъ по дѣламъ пріѣзжихъ русскихъ гостей⁷⁾; торговлю въ другихъ русскихъ земляхъ великий князь могъ обеспечить Новгородцамъ не столько въ силу права, сколько своимъ вліяніемъ и тою дѣйствительною силой, какою онъ пользовался въ данное время въ Руси; такие сильные князья, какъ напримѣръ Мономахъ и Всеволодъ суздальскій дѣйствительно были въ состояніи дать возможность новгородскимъ купцамъ торговаться по всѣмъ русскимъ княженіямъ. Но если бы великий князь и недалъ такой возможности, договоръ съ нимъ во всякомъ случаѣ быль важенъ для Новгорода тѣмъ, что открывалъ его купцамъ обширную собственно великокняжескую область. Чтобы получить въ нее доступъ Новгородъ неостанавливался ни передъ какими препятствіями: онъ отправлялъ своихъ пословъ къ хану и отъ него покупалъ грамоту на право торговли въ суздальской области. Въ самомъ Новгородѣ всегда была сильна суздальская партія, конечно преслѣдовавшая интересы торговли въ суздальскомъ краѣ. Такимъ образомъ уже по однимъ экономическимъ причинамъ Новгородъ тянуль къ Москвѣ, и уже по нимъ отчасти быль обреченъ на государственное соединеніе съ Москвой.

Съ другой стороны для великихъ князей быль прямой интересъ въ мирѣ съ Новгородомъ; имъ всегда было выгодно видѣть новгородскихъ купцовъ въ своей землѣ: они доставляли иѣменскіе товары, скупали произведенія мѣстнаго хозяйства, давали въ княжескую казну доходъ уплатой торговыхъ пошлинъ и мыта; древніе русскіе князья, особенно князья московскіе, были больше хозяева; сбыть излишки своего хозяйства купцамъ, обмѣнять ихъ на заморскіе товары или на серебро было однимъ изъ главныхъ интересовъ ихъ, а такому интересу всѣхъ лучше отвѣчали предпріимчивые новгородскіе купцы. Такимъ образомъ давая миръ Новгороду великие князья поступали въ видахъ собственной пользы; имъ также было невыгодно прекратить съ нимъ торговлю,

⁷⁾ См. выше, стр. 100.

какъ и самому Новгороду; во время запрещенія торговли вопросъ сводился къ тому, кто скорѣе почувствуетъ его тяжесть, князь или Новгородъ. Миръ выгоденъ былъ великому князю еще для того, чтобы продолжить и усилить въ Новгородѣ свою власть, осязательное значеніе которой состояло главнымъ образомъ въ тѣхъ доходахъ, которые ему тамъ шли. Эти доходы были довольно разнообразны, хотя не столь значительны и не всегда точно опредѣлены. Какъ правитель онъ получалъ съ волостей даръ; за волокомъ онъ бралъ дань, которую впрочемъ обязанъ былъ продавать, т. е. давать на откупъ Новгородцамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новгородской области онъ имѣлъ право охоты, рыбной ловли, выварки пива и меду ⁸⁾; въ качествѣ суды онъ получалъ виры и часть судебныхъ пошлинъ; съ иванского купечества онъ бралъ ежегодно по двадцати пяти гравенъ. Къ экстраординарнымъ доходамъ великаго князя принадлежали: черный боръ съ новгородскаго населенія, взимавшійся только въ извѣстное время ⁹⁾, потомъ подъѣздные подарки, которые давались князю во время посѣщенія имъ Новгорода и новгородскихъ волостей ¹⁰⁾. Нѣкоторыя волости были въ смѣсномъ владѣніи Новгорода и великаго князя, доходы съ которыхъ дѣлились между ними; другія волости, какъ за волокомъ, были спорными, такъ что и доходы съ нихъ оставались очень неопределѣнными: такъ однажды Иванъ Калита запросилъ осердясь на Новгородъ закамскаго серебра ¹¹⁾. Обо всѣхъ этихъ доходахъ великіе князья говорили: «а пошлии князя великаго Новгородцемъ

⁸⁾ „А въ Ладогу ти, княже, слати осетрника и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава“. С. Г. Г. и Д. I, № 7.

⁹⁾ „А коли приведется взяти княземъ великимъ черный боръ, и памъ дати черный боръ по старинѣ“. А. А. Эксп. I, № 58 (ижелбицкій договоръ 1456 г.). Еще раньше Василію Васильевичу была дана грамота на черный боръ: „се дахомъ черный боръ на сей годъ великому князю Василію Васильевичу всея Руси“. Тамже № 32. — „А умириши, господине честны король, великий Новгородъ съ великимъ княземъ, ико тебѣ взяти честному королю черны боръ по новгородскимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черны боръ непадобѣ“. Тамже, № 87.

¹⁰⁾ „А коли, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ емати по постояніямъ; а коли поѣдешь изъ Новагорода, тогда тебѣ даръ испадобѣ“. С. Г. Г. и Д. I, № 10.

¹¹⁾ П. С. Р. Л. III, 1332.

нетасти, по крестному цѣлованію»¹²⁾; для великихъ князей и для Новгорода точное опредѣленіе границъ княжеской власти важно было по стольку, по скольку эта власть была соединена съ доходами; опредѣленіе ихъ составляетъ основное содержаніе договоровъ Новгорода въ великими князьями, такъ что на основаніи этихъ намъ извѣстныхъ договоровъ XIII—XV вѣковъ можно судить, что такое были Ярославовы грамоты, на которыхъ постоянно ссылается Новгородъ: конечно правъ г. Соловьевъ, который полагаетъ, что они касались финансовыхъ распоряженій¹³⁾. Судя по договорамъ и тѣмъ отношеніямъ, какъ онѣ въ дѣйствительно устанавливались между Новгородомъ и великими князьями, нельзя не признать, что вообще власть великаго князя въ Новгородѣ получила въ сильной степени фискальный характеръ¹⁴⁾, тогда какъ моральная сторона власти т. е. довѣріе и уваженіе, подобающія ей со стороны подданныхъ, и строгое сознаніе своихъ обязанностей правителя и судьи со стороны князя,— эта высшая сторона власти отступала далеко на задній планъ, или вовсе становилась незамѣтна; великий князь какъ правитель, судья и полководецъ для Новгорода былъ необходимъ, но въ тоже время Новгородъ старался, чтобы содержаніе великаго князя обошлось для него по возможности дешевле; онъ строго разсчитывалъ, чью сторону ему принять, Москвы или Твери, хотя большую частію жестоко просчитывался; съ своей стороны великие князья тверскіе и московскіе стремились «обирать» Новгородъ. При такихъ условіяхъ пресловутое договорное начало, которымъ опредѣлялись между собой Новгородъ и

¹²⁾ А. А. Э. I, № 58.

¹³⁾ Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ (Чт. въ общ. Ист. и Др. 1846, № 1, 33).

¹⁴⁾ Отчасти такой же характеръ имѣла княжеская власть вообще въ древней Руси, что было въ духѣ той нѣсколько наивной эпохи. Справедливо замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „вообще князья имѣли въ виду свои княжескія права на управлениѳ, судъ и дань, и дѣлили между собой эти права: волости представляли въ ихъ глазахъ извѣстную цѣнность“ (Русск. Истор. I, стр. 200). По нашему мнѣнію при объясненіи явлений удѣльного периода это нужно принимать во вниманіе больше, чѣмъ принимали до сихъ поръ. Конечно въ лицѣ Мономаха древняя Русь представила идеалъ князя, доброго страдальца за русскую землю; но Мономахи весьма рѣдки.

великие князья, подъ конецъ значительно измельчало, и договоры ихъ стали чѣмъ-то въ родѣ обыкновенной торговой сдѣлки.

Какъ же теперь относились къ великому князю прѣзжие въ Новгородъ ганзейскіе Нѣмцы? Нѣтъ сомнѣнія, что Нѣмцы въ первое время склонны были понимать отношенія Новгорода къ великому князю на манеръ отношеній нѣмецкаго города къ сеньеру; въ великомъ князѣ они чаяли увидѣть сильную власть, которая можетъ утѣснить Новгородъ и сурово обойтись съ чужеземцами; они поэтому готовы были почесть въ лицѣ его верховную власть и вступить къ нему въ извѣстныя обязательства; только послѣ долгаго опыта они могли понять истинный характеръ княжеской власти въ Новгородѣ и узнать ея настоящіе размѣры. Отъ половины XII до конца XV вѣка, когда Нѣмцы торговали въ Новгородѣ, княжеская власть тамъ имѣла разную силу и вліяніе. Съ половины XII вѣка она слабѣе вслѣдствіе усобицъ Мономаховичей и Ольговичей, и представившейся отсюда для Новгорода возможности выбирать между многими князьями на всей своей волѣ: такимъ образомъ начало торговли Нѣмцевъ въ Новгородѣ и ослабленіе въ немъ княжеской власти совпадаютъ по времени. Но съ конца того же вѣка и съ начала XIII-го въ Новгородѣ большую силу получаетъ великий князь суздальскій Всеволодъ, при чемъ весьма знаменательнымъ является тотъ фактъ, что въ княженіе его и ближайшихъ его родственниковъ Новгородъ заключилъ свои важнѣйшіе договоры съ Нѣмцами,— явное указаніе, какъ для него былъ важенъ миръ съ суздальскими князьями, обеспечивавшій ему торговлю въ суздальской области. Такъ при свойѣ Всеволода Ярославѣ Владимировичѣ совершенъ первый до насъ дошедшій договоръ Новгорода съ Готами и Нѣмцами: «а кого Богъ поставить князя, сказано въ немъ — а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть». И дѣйствительно въ ближайшее за тѣмъ время это правило имѣло всю свою силу: Святославъ Всеволодовичъ подтвердилъ договоръ своего предшественника; другой сынъ Всеволода Константинъ далъ Нѣмцамъ льготную грамоту на счетъ ихъ двора; третій его сынъ Ярославъ заключилъ съ Нѣмцами договоръ въ 1226 году, какъ и внуки его Александръ и Ярославъ Ярославичи въ 1260 и 1270 годахъ. И это конечно неслучайное совпаденіе и не единственный разъ, что въ 1270 году одновременно состоялись два договора Нов-

города, одинъ съ великимъ княземъ, а другой — съ Нѣмца-ми¹⁵⁾. Правнукъ Всеволода Андрей Александровичъ даль Нѣмцамъ грамоту о торговыхъ путяхъ по новгородской воло-сти, причемъ въ грамотѣ выражено, что гости пріѣзжаютъ на руки великаго князя и всего Новгорода; сами Нѣмцы ста-новились иногда на ту же точку зрењія: такъ въ 1331 году, когда толпа Новгородцевъ грозила имъ смертью за ночное убийство новгородского человѣка, Нѣмцы возражали, что такъ не могутъ съ ними поступить: ибо они пришли сюда на руки великаго князя и всего Новгорода¹⁶⁾). Наконецъ другіе князья, княжившіе въ Новгородѣ, также вѣроятно под-твѣрждали мирные договоры Новгорода съ Нѣмцами, хотя быть можетъ не каждый разъ особенными грамотами, а только однимъ крестоцѣлованіемъ, какъ это было въ обычаяхъ по сло-вамъ латинской редакціи договора 1270 года¹⁷⁾.

Но затѣмъ во время борьбы Москвы съ Тверью власть великаго князя въ Новгородѣ опять ослабѣваетъ, чтѣ сопро-вождалось немаловажными послѣдствіями и для нѣмецкаго двора. Уже въ договорѣ 1270 года съ Ярославомъ Яросла-вичемъ Новгородъ требуетъ, чтобы князь не имѣлъ никакого отношенія къ нѣмецкому двору и торговалъ бы въ немъ не иначе, какъ чрезъ посредство Новгородцевъ; съ того времени конкурента, опаснаго для новгородской торговли, болѣе несуществовало; великий князь еще раньше былъ принужденъ по-кинуть свой дворъ, стоявшій на Ярославовѣ дворищѣ не по-далеку отъ готскаго и нѣмецкаго дворовъ, и удалиться на Городище¹⁸⁾; причиною этого удаленія кромѣ опасности кня-жескаго вліянія на вѣче могло быть еще опасеніе того же вліянія на нѣмецкій дворъ. Такимъ образомъ между Нѣмцами и великимъ княземъ сталъ Новгородъ; сообразно съ тѣмъ

¹⁵⁾ Позже въ XV вѣкѣ бывало также: въ 1434 году Новгородъ заключилъ договоръ съ Ганзой и съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Ак. Истор. I, № 258. Ropp, Hanserecesse, № 288.

¹⁶⁾ Рус. Лив. А. стр. 57: „wi sin jo komen uppen des groten ko-nighes hant unn der meynen Naugarder“.

¹⁷⁾ См. выше, стр. 193, примѣч. 35.

¹⁸⁾ Перенесеніе княжескаго мѣстопребыванія съ Ярославова двора на Городище, по мнѣнію г. Никитскаго, совершилось къ концу XI столѣтія (Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ, ст. въ Ж. М. Н. П. 1869, октябрь).

измѣнились и отношенія Нѣмцевъ къ великому князю. По древней скрѣ морскіе гости, лѣтніе и зимніе, обязаны были платить во дворъ особенный взносъ, называемый «Königsschoss»¹⁹⁾; по названію очевидно, что этотъ взносъ или подать назначался великому князю новгородскому; его продолжали собирать и позже, но въ скрѣ 1338 года замѣчено, что изъ княжеской подати лѣтніе и зимніе гости могутъ давать священнику до 4-хъ марокъ серебра²⁰⁾; слѣдовательно въ XIV вѣкѣ подать уже не вся уплачивалась великому князю; быть можетъ иногда она и сполна оставалась во дворѣ. Это могло произойти очень естественно. Новгородъ по временамъ оставался совсѣмъ безъ князя и его намѣстника²¹⁾; еще чаще бывало, когда власть одного князя ослабѣвала и приходила къ концу, а съ другимъ Новгородъ еще не успѣлъ порядиться; оттого могло случиться, что прибывши въ Новгородъ Нѣмцы или вовсе непаходили тамъ князя, или видѣли его въ такомъ положеніи, что несчитали нужнымъ его знать; въ такихъ случаяхъ княжеская подать оставалась во дворѣ; такимъ образомъ первоначально опредѣленная она впослѣдствіи стала спорной для великаго князя. Столъ же спорными сдѣлялись подарки великому князю, которые по обычаю Нѣмцы давали ему во время посѣщенія имъ Новгорода; Нѣмцы называютъ эти подарки «visiteringhe», т. е. плата за визитъ, чтò какъ разъ соотвѣтствуетъ древнерусскому подъѣздному или подъѣзду, который брали великие князья при посѣщеніи волости, или владыки при обѣездѣ эпархіи. Любопытныя свѣдѣнія объ этихъ подаркахъ находимъ въ отчетѣ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году; на засѣданіи 30 мая новгородскіе уполномоченные стали жаловаться ганзейскимъ посламъ, что Нѣмцы въ недавнее посѣщеніе великаго князя неоказали ему надлежащаго почета: «вамъ бы слѣдовало—говорили уполномоченные—выѣхать на встрѣчу великому князю, да позвать его къ себѣ въ гости во дворѣ, подарить ему кусокъ ипскаго сукна, да двѣ бочки вина, бочку бѣлаго и бочку краснаго; вамъ бы нужно было послать

¹⁹⁾ *Sart. Lappenh.* II, 25 — 26.

²⁰⁾ *ibid.* 352.

²¹⁾ „Сѣдѣша Новгородци безъ князя отъ смена дни до велика дни о Якунѣ, жѣдуче отъ Мѣстислава сына“. П. С. Р. Л. III, 14, 1167.—„Послаша Цѣрнигову къ Ярославу по сынъ, и сѣдѣша всю зиму Новгородѣ безъ князя“. Тамже, 23, 1196.

бочку краснаго вина посаднику, чтобы онъ могъ подарить великаго князя, если бы онъ пожаловалъ къ нему въ гости, а также и тысяцкому; между тѣмъ когда великий князь прибылъ въ Новгородъ и мы послали къ вамъ во дворъ за подарками, вы не обратили на это никакого вниманія; вслѣдствіе того Новгородъ заплатилъ изъ-за Нѣмцевъ 200 гривенъ серебра, и только тѣмъ успокоилъ великаго князя, который очень разгневался на Нѣмцевъ и хотѣлъ силой вытребовать отъ нихъ слѣдующіе ему подарки»²²⁾. Въ заключеніе уполномоченные потребовали, чтобы теперь Нѣмцы уплатили Новгороду 200 гривенъ, потраченныя на великаго князя. Въ отвѣтъ на эти требованія ганзейскіе послы говорили: «великий князь вашъ господинъ, и вы вольны давать ему что хотите; а имѣете ли вы грамоты за печатями, въ которыхъ бы было писано объ этихъ подаркахъ? спросили послы.—«Грамотъ нѣть, но такъ было по стариинѣ»,—отвѣчали уполномоченные Новгорода. Нѣмцы также неотрицали этой старины: «прежде, когда нѣмецкіе купцы были сильнѣе (sterk), они платили подъѣздные подарки великому князю; но въ послѣдній прїездъ его въ Новгородъ во дворъ находились только младшіе люди изъ Нѣмцевъ (junge lude de Dutsche), которые не могли платить ему подъѣзднаго, такъ какъ всѣ вмѣстѣ они не имѣли 100 марокъ серебра; а если бы купцы были сильнѣе, то конечно они уплатили бы что слѣдуетъ великому князю»,— отвѣчали ганзейскіе послы. Вопросъ этотъ былъ

²²⁾ Ropp, Hanserecesse, I, S. 510 — 512. Приведемъ здѣсь нѣсколько подлинныхъ словъ изъ отчета: „Noch so hadden se grote clage als van dem groten koninghe van Moskauw unde seden, id were sin recht wen he to Naugardeu, dat oen de dutzsche koepman solde enteghen riden unde bidden oen up den hoff to gaste, unde solden oen begiften myt eben hugelin Ypersch unde mit 2 vaten wyns, also eyn vaten roden wyns unde dat andere blanckes wyns, ande zolden oen zulleft 3 in unsen kerken laten, unde solden senden dem borchgreue eynetunnen roden wyns, dat he den groten koninck mede visiterde, wed he oen to gaste haddé, unde den hertogen ok desgeliken eynnen tunnen roden wyns, wen he den groten kouinck to gaste hedde. Also hedde to Naugarden sande to den Dutzschen umme de vorgerorden gifte unde visite-ringhe dem groten koninghe to doende to velen tiiden de Dutschsn en achteten des nicht; also gaff Naugarden dem groten koninghe 200 stücke umme der Dutzschen willen“.

поднять на другомъ засѣданіи, однако ни къ какимъ резуль-татамъ непришли: Нѣмцы отказались платить требуемыя съ нихъ 200 гравенъ.

Въ неудачномъ исходѣ этихъ переговоровъ Новгородъ должень былъ винить самъ себя. Въ самомъ дѣлѣ опредѣляя до мелочныхъ подробностей свои отношенія къ великому князю, учитывая можно сказать каждую гривну его доходовъ, Новгородъ ни въ одномъ договорѣ непозаботился точнѣе опредѣлить обязанности Нѣмцевъ къ великому князю; онъ постарался только о томъ, чтобы устранить его отъ всякаго вліянія на нѣмецкій дворъ. Съ своей стороны Нѣмцы, имѣя дѣло съ Новгородомъ, смѣло могли пренебрегать обязанностями къ великому князю; они очень хорошо видѣли, что въ случаѣ какихъ-либо требованій къ нимъ со стороны великаго князя за нихъ вступится самъ Новгородъ, какъ было въ данномъ случаѣ, о которомъ сей часъ сказано. Впрочемъ сомнительно, чтобы Новгородъ тогда уплатилъ великому князю 200 гравенъ за Нѣмцевъ. Какъ кажется дѣло идетъ здѣсь о посѣщеніи Новгорода Василемъ Васильевичемъ въ 1434 году; но это было посѣщеніе при условіяхъ для него весьма неблагопріят-ныхъ: великій князь, разбитый своимъ дядею Юріемъ подъ Ростовомъ, поспѣшно удалился въ Новгородъ съ остатками войска, но былъ встрѣченъ тамъ совсѣмъ недружелюбно²³⁾; едва ли въ этотъ моментъ онъ могъ отважиться требовать у Новгорода и Нѣмцевъ значительныхъ подъѣздныхъ подарковъ; по всей вѣроятности Новгородцы представили ганзейскимъ посламъ все дѣло въ преувеличенномъ видѣ для того только, чтобы взять съ нихъ лишніе подарки въ свою пользу.

До какой степени иногда князь имѣлъ незначительную роль при переговорахъ съ Нѣмцами, и какъ Новгородъ старался удалить князя отъ непосредственныхъ съ ними перего-воровъ въ томъ случаѣ, когда того желали сами Нѣмцы и князь, показываетъ отчетъ другого посольства, бывшаго въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка; недостигши своей цѣли—вы-

²³⁾ П. С. Р. Л. III, 111, 1434: „на святой недѣли априля въ 5-е выѣха весь великий Новгородъ ратію на поле на зарѣцкую сторону къ Жилотугу, а князь Василій былъ тогда на Городищѣ, и небысть Новгородцемъ пичтоже“ — Какъ видно дѣло было шло къ столкновенію.

ручить товаръ, однажды погребленный у нѣмецкихъ купцовъ въ новгородской волости, посольство представило городамъ любопытный отчетъ о своихъ переговорахъ, который мы здѣсь приведемъ въ близкомъ пересказѣ съ латинскаго подлинника ²⁴⁾. «Да будетъ вамъ извѣстно, что господинъ князь нехотѣлъ лично выслушать нашего посольства ²⁵⁾, но выслалъ къ намъ своего намѣстника, господина Андрея съ двумя своими боярами, а отъ Новгорода тысяцкаго также съ двумя боярами. Когда всѣ шестеро они пришли на Городище, въ княжій дворъ ²⁶⁾, мы стали просить ихъ, чтобы они удостоили насъ представиться къ князю для личнаго изложенія предмета нашего посольства; на это они отвѣтили, что они сами суть очи, уши и уста господина князя, что поэтому они сами выслушаютъ насъ и затѣмъ доложатъ дѣло князю и Новгороду. Мы сказали, что готовы изложить свое дѣло, порученное отъ городовъ, и просили донести его князю и сообщить намъ его отвѣтъ, послѣ чего мы намѣрены сказать и еще другое многое; они же потребовали, чтобы мы изложили все дѣло сразу. Тогда мы рассказали предметъ нашего посольства, еще разъ прося, чтобы они ничего непозабыли, а донесли бы все сполна, и намъ сообщили письменный отвѣтъ за печатями господина князя и Новгородцевъ, который бы можно было представить уполномочившимъ насъ городамъ. Они обѣщали, и затѣмъ велѣли намъ идти на нашу квартиру (вѣроятно во дворъ). Въ продолженіе двухъ недѣль князь и бояре медлили отвѣтить, мы же каждый день ходили изъ Новгорода на Городище, но ни князя немогли видѣть, ни отвѣта никакого получить; наконецъ показался староста Семенъ ²⁷⁾,

²⁴⁾ *Sart. Lappn. II, № 73⁶. Bunge (LEK. Urk. I, № 546)* относить его предположительно къ 1292 году; но точныхъ указаній на время въ самомъ документѣ нѣть; навѣрное можно только полагать, что онъ относится къ концу XIII вѣка, такъ какъ Нѣмцы жаловались на неоднократные грабежи своихъ купцовъ именно въ то время.

²⁵⁾ Что значитъ это *не хотѣлъ* мы увидимъ сейчасъ.

²⁶⁾ „Hi sex ad nos in Cerceke venientes in curiam regis“. Ниже вместо *Cerceke* читается *Gorcke*; по всей вѣроятности тутъ разумѣется Городище.

²⁷⁾ „Symen, oldermannus Nogardensium“; не купецкій ли староста?

держа въ рукахъ грамоту и говоря: вотъ вамъ мирная грамота, написанная между великимъ княземъ, Новгородомъ и Нѣмцами! Когда же мы спросили, въ чёмъ именно заключается отвѣтъ, то староста сказалъ: Новгородцы разсмотрѣли все дѣло и нашли, что ваши жалобы ничего незначать (*nil valere*). Тогда мы разсудили пойти съ переводчикомъ къ посаднику и тысяцкому, чтобы узнать отъ нихъ окончательный отвѣтъ; по тысяцкій сказалъ: лучше было бы вамъ быть дома, а неходить нынѣшній годъ къ князю». Возвращаясь отъ тысяцкаго мы встрѣтили на дорогѣ четверыхъ княжескихъ бояръ и стали просить ихъ растолковать, какой окончательный отвѣтъ данъ по нашему дѣлу; бояре сказали, что они шесть разъ были посланы отъ князя къ Новгороду по нашему дѣлу, и самъ князь лично о немъ просилъ (Новгородцевъ), но къ сожалѣнію его они не хотѣли отвѣтить, вопреки своей обязанности дать исправу по дѣлу о взятомъ имуществѣ. Послѣ этого разговора мы опять пошли вмѣстѣ съ боярами на Городище; тамъ между прочими находился и упомянутый староста Семенъ, которому одинъ изъ княжескихъ бояръ сталъ говорить: Семенъ! для чего же ты отпускаешь этихъ людей безъ отвѣта? — «Да вѣдь вотъ грамота — отвѣчай Семенъ, которую приказалъ написать господинъ князь». Тогда разсердясь бояринъ вскричалъ: для чего ссылаться на князя? Вѣдь не господинъ князь держитъ товаръ, а вы, Новгородцы, подѣлили его между вашими смердами; смерды-то ваши, вы за нихъ и въ отвѣтѣ»²⁸⁾. Мы рассказали весь ходъ нашего дѣла ольдерману двора и другимъ старшинамъ, и тѣ посовѣтовали намъ оставить Новгородъ. Когда же мы отѣхали отъ Новгорода миль на восемь, насъ настигъ одинъ изъ княжескихъ бояръ съ пятью слугами и переводчикомъ, съ которыми князь выслалъ для насъ съѣстного, напитковъ и разныхъ подарковъ (*alia clenodia*); тогда бояринъ замѣтилъ, что онъ имѣеть сказать намъ нечто по секрету безъ переводчика, и вотъ что онъ сказалъ намъ: господинъ князь велѣть говорить, что не

²⁸⁾ „Iratus itaque Wezelus sic ait: quid ad regem? Domiuus rex bona illa non habet; vos, Nogardenses, bona illa habetis et ea cum smerdis vestris divisitis: smerdi vestri sunt, et idcirco de jure tenemini respondere“. *Sart. Lap.* II, S. 165.

по его винѣ вы уходите изъ Новгорода безъ удовлетворительного отвѣта, что Новгородцы хотятъ остатся при той грамотѣ, которую они выдали вамъ, и весь потерянный вами товаръ удержанъ у себя, но онъ, князь, совсѣмъ невиноватъ въ этомъ товарѣ, потому что хочетъ вѣрно соблюдать крестоцѣлованіе; наконецъ онъ велѣлъ вамъ сказать, что если вы настоящіе мужи, то воздайте имъ тѣмже, что опи сдѣлали вамъ. Мы же на это отвѣтили, что будемъ молить Бога и просить князя подѣйствовать на Новгородцевъ такъ, чтобы они вознаградили насъ за обиду: ибо князь имѣть право карать виноватыхъ, и можетъ сдѣлать это по своей княжеской власти». Этими словами заключается отчетъ.

Отъ вниманія читателей конечно неукрылось противорѣчіе между началомъ и концемъ отчета: ибо въ началѣ говорится, что князь нехотѣлъ (*nolebat*) лично принять пословъ, а въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно въ концѣ отчета, онъ представляется расположеннымъ къ Нѣмцамъ; если такъ, то почему опять непереговорилъ съ послами ниразу во все двухнедѣльное пребываніе ихъ въ Новгородѣ, и только по ихъ уходѣ посыластъ имъ вслѣдъ своего боярина съ извиненіемъ, нѣсколько унизительнымъ для своего достоинства и съ непристойнымъ для князя совѣтомъ мстить Новгородцамъ насилиемъ? И наконецъ кто этотъ князь?

Что касается противорѣчія въ самомъ документѣ, то оно по нашему мнѣнію легко устранимо: посламъ было такъ сказано, что князь нехотѣлъ лично принять пословъ, и опи передали этотъ отвѣтъ въ началѣ отчета въ той самой формѣ, въ какой онъ былъ имъ сообщенъ. Въ дѣйствительности же Новгородъ съ перваго разу устранилъ князя отъ личныхъ переговоровъ съ нѣмецкими послами, допустивъ къ обсужденію посольского дѣла только княжескаго намѣстника и двоихъ бояръ; далѣе ясно видно, что несмотря на равенство по числу княжескихъ и новгородскихъ представителей въ комиссіи, обсуждавшей это дѣло, преобладающее значеніе въ ней имѣли тысяцкій и двое другихъ новгородскихъ представителей ²⁹⁾;

²⁹⁾ „Ex parte Nogardensium misit (rex) ad nos ducem Nogardiae cum aliis duobus potentioribus“. Былъ ли въ числѣ послѣднихъ Семенъ, или онъ призванъ на совѣщанія въ качествѣ купецкаго старосты послѣ, и следовательно былъ четвертымъ представителемъ отъ Новгорода, не видно изъ отчета (*ibid.* S. 163).

вопреки князю и его боярамъ, настроеннымъ въ пользу Нѣмцевъ и желавшимъ выдать пограбленный у нихъ товаръ, новгородские уполномоченные настояли на своемъ, и даже прямо отрицали справедливость иска со стороны Нѣмцевъ; мало того — староста, давая посламъ грамоту, въ которой отвергались ихъ требованія, не разъ упиралъ именно на то обстоятельство, что грамота писана отъ лица князя, иначе сказать — хотѣль распространить и на князя часть вины за недостатки и злоупотребленія новгородскихъ властей. Раздосадованный такимъ лукавствомъ княжескій бояринъ невытерпѣлъ и откровенно въ присутствіи пословъ раскрылъ все дѣло: оказалось, что нѣмецкій товаръ давно былъ подѣленъ между новгородскими смердами, и что князь тутъ совершенно не причемъ; очень возможно, что въ дѣлѣ его участвовали не одни смерды, а и болѣе вліятельные люди; иначе послѣдніе могли бы, если хотѣли, употребить мѣры для разысканія товара, хотя бы уже подѣленнаго. Конечно подъ вліяніемъ той же досады на Новгородцевъ другой княжескій бояринъ, отправленный вслѣдъ уходившимъ посламъ вѣроятно въ тихомолку отъ Новгорода, высказалъ все, что у него и князя накипѣло на душѣ. Кто именно былъ этотъ князь, сказать трудно; можно думать только, что онъ находился тогда въ Новгородѣ въ исключительномъ положеніи: кажется онъ доживалъ тамъ послѣдніе дни и власть его становилась настолько незначительной, что «покарать» Новгородцевъ, какъ совѣтовали нѣмецкіе послы, онъ совсѣмъ немогъ. Не былъ ли онъ однимъ изъ литовскихъ князей — кормленщиковъ? Думаемъ такъ потому, что въ числѣ его бояръ нѣкоторые носятъ литовскія имена ³⁰⁾.

Вообще чѣмъ дальше, тѣмъ больше умалялось значеніе великаго князя въ Новгородѣ относительно Нѣмцевъ. Въ договорахъ XIV и XV вѣка великие князья уже неупоминаются; невсегда также упоминаются и великокняжеские намѣстники; такимъ образомъ эти договоры были настоящія вѣчевыя грамоты, т. е. грамоты, данные помимо великаго князя и неутверженныя его печатью, противъ чего такъ сильно вооружались ве-

³⁰⁾ „Doumundus, alter Sweele, tercius Wezcele, quartus Constantin“. Ibid. S. 164.

ликие князья³¹⁾. На мѣстѣ великихъ князей въ договорахъ XIV и XV вѣка являются владыки: договорная грамота 1373 года писана отъ владыки Алексія, грамоты 1434 и 1436 года — отъ владыки Евѳимія, тогда какъ въ прежнихъ договорахъ на ряду съ великими князьями неупоминаются владыки: эти двѣ власти въ семъ случаѣ какъ будто одна другой равнялись³²⁾. Вообще владыки при своемъ важномъ положеніи въ Новгородѣ неоставались безъ вліянія и на дѣла торговли, въ частности торговли нѣмецкой. Неразъ Нѣмцы обращались къ нимъ съ просьбой о ходатайствѣ предъ новгородскими властями: такъ въ 1375 году по случаю ареста одного изъ своихъ товарищѣй (Брунсвика) Нѣмцы обратились съ жалобой къ владыкѣ Алексію, который далъ имъ своего пристава; съ нимъ они пошли къ посаднику, и тотъ по ходатайству владыки, переданному приставомъ, обѣщался доложить дѣло боярамъ (*herren*)³³⁾. О владыкѣ Евѳиміи I вскорѣ по его смерти нѣмецкій дворъ писалъ въ Лифляндію, что покойникъ былъ добрымъ защитникомъ и покровителемъ Нѣмцевъ³⁴⁾. Нѣменьшей известностью между ними пользовался и преемникъ его Евѳимій II, известный строитель владычныхъ палатъ и другихъ каменныхъ зданій, совершенныхъ съ помощью именно нѣмецкихъ мастеровъ; вѣроятно въ этихъ новыхъ палатахъ, «*biscopes gemak*», какъ ихъ называютъ ганзейскіе послы, происходили переговоры 1436 года³⁵⁾. Нѣть сомнѣнія, что хозяйственныя произведе-

³¹⁾ „А вѣчнымъ грамотамъ небыти“. А. А. Э. № 58 (яжелбицкій договоръ 1456 года).

³²⁾ Впрочемъ къ договорной грамотѣ Александра Невскаго владыка Далматъ привѣсилъ свою печать, хотя въ самой грамотѣ имя его неупомянуто; а въ договорѣ 1392 года неназваны ни князь, ни владыка.

³³⁾ *Bunge, LEK. Urk. № 1103:* „do dat geschen was des morgen vro, do genge wi also vort vor den bisscop van Nowerden, dem klagede wi, wo ovele men uns handelde unde deme was it let und gaf uns sinnen pristaven vort mede an den borchgreuen unde klage to vorclarne vor den borchgreuen“.

³⁴⁾ *Hildebrand. Die hans. livl. Gesandschaft 1494 nach Moskau* (Balt. Monatsschr. Neue Folge, B. 2, 133).

³⁵⁾ *Ropp, Hanserecesse. S. 509 — 510;* другой разъ палаты называются „*biscopes hoff*“. — Письмо Любека въ Новгородѣ отъ 1435 года, которымъ онъ уполномочивалъ лифляндскихъ пословъ вести переговоры съ Новгородомъ, было надписано слѣдующимъ образомъ: „*deme erwer-*

нія своихъ волостей ³⁶⁾ владыки непосредственно сбывали Нѣмцамъ; мы видѣли, какъ была богата казна владыкъ нѣмецкими сукнами и золотыми деньгами; торговля воскомъ, виномъ, ладономъ и другими предметами, нужными для церквей, была для владыкъ дѣломъ, особенно близкимъ. Припомнимъ также, что по уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича новгородскому софійскому собору владыкамъ былъ порученъ надзоръ за торговыми вѣсами и мѣрами, — надзоръ, который съ ними раздѣляли иванскіе старосты и сотскіе Новгорода, представители всего купечества вообще; штрафы, взимавшіеся съ виновныхъ въ подлогѣ вѣсовъ и мѣръ, дѣлились на три части: одна треть шла софійскому собору, другая — иванскому храму, а третья — новгородскимъ сотскимъ ³⁷⁾). Однако владыки по самому свойству ихъ власти немогли близко входить въ торговыя дѣла, въ частности дѣла нѣмѣцкой торговли: если они даютъ благословеніе при совершенніи договоровъ съ Нѣмцами, если иногда ходатайствуютъ за нихъ предъ Новгородомъ, если они наконецъ имѣютъ право наблюдать за вѣсами и мѣрами, то во всѣхъ этихъ случаяхъ авторитетъ ихъ былъ скорѣе нравственнаго, чѣмъ дѣйствительнаго и такъ сказать обязательнаго свойства.

dighen gheistlikeq vadere unde mechtighen heren, dem heren erzebiscoppe, deme edelen unde dogentsamen heren dem borchgreuen unde dem herlogen, unde den erlicen unde vorsichtigen gemenen inwoneren der erwerdigen stede to groten Naugarden, unsen leuen heren, gunneren unde vrunden“ (Ropp, Hanserecesse, № 466).

³⁶⁾ Въ 1398 году воеводы великаго князя московскаго воевали между прочими Владичную волость Вель (П. С. Р. Л. III, 99); въ 1401 году горѣлъ владиченъ городокъ Молвотици (тамже, 101).

³⁷⁾ „Созвалъ есми десять сотскихъ и старосту Болеслава, и бирича Мирошку и старосту иванскаго Васиту, и погадаль есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятю сотскими и съ старостами, даль есми судъ и мѣрила, якоже на торгу святѣй Богородицы въ Кіевѣ митрополиту, тако въ Новгородѣ святѣй Софѣи и епископу, и старостѣ иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скальвы вощаныя, пуды медовые, и гривенку рублевую и локоть иванскіи... Торговая вся вѣсы, мѣрида и скалвы вощаныя, и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякая извѣсть иже на торгу промежъ людми, отъ Бога тако искони уставлено есть епископу блости безъ накости, ни умаливати, ни умноживати, и на всякий годъ извѣшивати; а скривитеся, а кому приказапо, и того казнити близко смерти а жи-

Гораздо большее вліяніе на торговлю Новгорода съ Нѣмцами имѣль тотъ классъ, который вообще управлялъ дѣлами Новгорода т. е. классъ бояръ, къ которымъ теперь мы и обратимся. По самой сущности дѣла можно было бы ожидать, что заморскую торговлю съ Нѣмцами будутъ производить и вѣдать сами новгородскіе купцы, именно знатнѣйшіе между ними купцы иванскіе и заморскіе, что тѣже купцы употребятъ мѣры для развитія торгового мореходства посредствомъ складчины денегъ и силъ, посредствомъ артельного устройства, имѣвшаго такое большое приложеніе въ промышленномъ и торговомъ быту Новгорода; ожидать этого тѣмъ больше было бы можно, что уже въ XII вѣкѣ иванское купечество получило важныя права, управлѣніе и судъ по торговымъ дѣламъ независимо отъ посадника, сборъ пошлинъ за провѣсь воска, наблюденіе надъ вѣсами, мѣрами и вообще надъ торговыми порядками, что въ тоже время стала слагаться артель заморскихъ купцовъ, плававшихъ на Готландъ и въ Любекъ; однако въ дѣйствительности оказалось иначе: не новгородское купечество получило главное вліяніе на дѣла нѣмецкой торговли; что же касается торгового мореходства, то оно и совсѣмъ въ Новгородѣ неразвилось. Новгородъ небылъ чисто купеческимъ городомъ; онъ небылъ похожъ на какой нибудь ганзейскій городъ съ его маленькой территоріей, но съ многочисленнымъ и богатымъ купечествомъ, имѣвшимъ полную силу въ городскомъ ратѣ, который почти весь состоялъ изъ родовитыхъ купцовъ и управлялъ городомъ прямо въ интересахъ своей торговли внутренней и внѣшней: великий Новгородъ былъ государство или точнѣе — центръ обширной государственной волости, для управлѣнія которою потребны были иная учрежденія, чѣмъ купеческая дума; въ Новгородѣ иванская купеческая дума никогда немогла получить того значенія, какое имѣль въ ганзейскихъ городахъ рать по той именно причинѣ, что въ Новгородѣ, какъ древнемъ и обширномъ государствѣ, выработались другія правительственные учрежденія, имѣвшія цѣ-

воть его на троє: треть живота святѣи Софїи, а другая треть святому Ивану, а третія треть сотскимъ и Новуграду". (Пр. Макарій, Истор. рус. церк. II, прилож. № 14).

лю исполнять болѣе широкія и разнообразныя задачи, чѣмъ одну торговлю. Такихъ учрежденій въ Новгородѣ кромѣ князя, власти которого впрочемъ была спутана разными условіями, мѣшавшими ему обнаружить полезную сторону его власти, было два: общеноародное вѣче, остатокъ еще патріархального времени, когда почти все государство заключалось въ городѣ, когда пригороды и волости по ихъ близости къ городу также могли участвовать на общемъ вѣчѣ, или просто становились на томъ, что старшіе положатъ, и во вторыхъ—малое вѣче или правительственный боярскій совѣтъ, состоявшій изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, совѣтъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія, но получившій въ Новгородѣ весьма большую силу ³⁸⁾). По идеѣ боярскій совѣтъ былъ только органомъ общаго вѣча, вѣчевою комиссіей для предварительного обсужденія дѣлъ, поступавшихъ на вѣче; но въ дѣйствительности онъ былъ гораздо самостоятельнѣе и умѣлъ вести дѣла гораздо лучше, чѣмъ общее малоустроенное вѣче; притомъ лица, составлявшія боярскій совѣтъ, кромѣ почета, которымъ они пользовались, какъ бывшіе правители, кромѣ навыка въ дѣлахъ, приобрѣтеннаго ими на службѣ, имѣли еще дѣйствительную силу, какъ богатые землевладѣльцы,— и небудетъ кажется много сказать, что изъ всѣхъ органовъ высшей государственной власти Новгорода боярскій совѣтъ былъ самымъ значительнымъ: по крайней мѣрѣ это можно утверждать положительно въ отношеніи внешней торговли Новгорода, которую взяли подъ свое завѣдываніе бояре. Конечно это было сдѣлано во имя той идеи, что торговля съ Нѣмцами есть дѣло общегосударственной важности для Новгорода, а не частный интересъ одного только купечества, тѣмъ болѣе что по дѣламъ этой торговли Новгородъ входилъ въ мирныхъ и враждебныхъ отношенія къ своимъ сосѣдямъ: великимъ князьямъ, потомъ къ Ордену, королямъ шведскимъ и датскимъ; сама Ганза, или семьдесятъ три города заморскихъ и поморскихъ, представлялась Новгороду также союзомъ государственного характера; договоры съ нею были не

³⁸⁾ О немъ весьма важныя соображенія даетъ г. Никитскій въ статьѣ: Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, октябрь).

просто купеческие ряды, но акты государственного значения. Вотъ почему въ каждомъ договорѣ съ нею со стороны Новгорода непремѣнно участвуютъ посадникъ и тысяцкій: можно было обойти великаго князя и его намѣстника, можно было также неупоминать въ договорныхъ грамотахъ владыки и купецкихъ старостъ, но безъ посадника и тысяцкаго, представителей Новгорода, т. е. въ сущности боярства, немогъ состояться ни одинъ договоръ съ Нѣмцами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда были нужны предварительные съѣзды съ ганзейскими уполномоченными въ лифляндскихъ городахъ, на эти съѣзды обыкновенно отправлялись бояре. Такъ въ 1363 году для примиренія Псковичей съ Нѣмцами Новгородъ отправилъ въ Дерптъ пятерыхъ уполномоченныхъ, по боярину изъ конца³⁹⁾. Въ 1391 году на съѣздѣ въ Изборскъ были также посланы пятеро бояръ: три посадника, одинъ тысяцкій и бояринъ Василій Борисовичъ⁴⁰⁾. Въ 1420 году въ Нарву отправлялись снова пятеро, столько же въ 1449 г.⁴¹⁾. Число пять, повторяющееся во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ связи съ извѣстіемъ 1363 года о посылкѣ по боярину изъ конца, наводитъ на предположеніе, что и въ послѣдующихъ случаяхъ пятеро бояръ были представителями своихъ концовъ; быть можетъ даже представительство ихъ было характера болѣе постоянного, т. е. эти бояре были кончанскіе старости. Если это такъ, тогда мы имѣли бы здѣсь новое доказательство боярскаго вліянія на дѣла Новгорода: не только въ общемъ вѣчѣ чрезъ посадника и тысяцкаго, но и на кончанскихъ вѣчахъ бояре черезъ старость, выбиравшихся изъ ихъ же среды, могли успѣвать провести свои предложения, а на съѣздахъ съ нѣмецкими уполномоченными—предрѣшать дѣла въ желанномъ для себя направленіи. О значеніи этихъ

³⁹⁾ П. С. Р. Л. III, 88.

⁴⁰⁾ Тамже, 95.

⁴¹⁾ Тамже, 119; IV, 214. Въ послѣднемъ случаѣ послѣ исчисленія по именамъ пятерыхъ старыхъ посадниковъ замѣчено, что было много и другихъ бояръ; но полномочія, какъ видно, имѣли первые пятеро, названные поименно. Нужно также замѣтить, что на эти съѣзды часто отправлялись и великокняжескіе намѣстники. Вероятно, что на дерптской съѣзда 1338 годаѣздили также пятеро бояръ; съ шими былъ и намѣстникъ великаго князя. См. выше, стр. 203, примѣч. 60.

съѣздовъ вотъ что было выяснено на переговорахъ 1436 года: ганзейскіе послы заявили желаніе имѣть перемирие на 9 или 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ предлагали съѣздъ своихъ и новгородскихъ уполномоченныхъ въ Дерптъ, или въ Ревель, или Нейгаузенъ, куда пришлютъ своихъ пословъ и заморскіе города. На это купецкій староста и двое бывшихъ съ нимъ купцовъ отвѣчали, что это не въ обычаяхъ, чтобы Новгородъ заключалъ миръ и крестоцѣлованіе въ нѣмецкихъ городахъ или на границѣ, потому что во всѣхъ грамотахъ писано: сюда въ великой Новгородъ пришли такіе-то и такіе-то послы. Съ своей стороны послы возразили, что еще на памяти у всѣхъ, какъ Новгородъ отправилъ посломъ посадника Юрия Ивановича въ Нейгаузенъ, гдѣ предварительно были обсужденены спорные дѣла, послѣ чего нѣмецкій посолъ Иванъ Нибуръ пошелъ въ Новгородъ цѣловать крестъ⁴²⁾. Обѣ спорившія стороны правы до нѣкоторой степени: дѣйствительно неразъ случалось, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, что Новгородъ отправлялъ въ лифляндскіе города своихъ пословъ, обыкновенно бояръ; но купецкій староста совершиенно правъ говоря, что крестоцѣлованіе, какъ окончательное утвержденіе мира, происходило только въ Новгородѣ. Однако сомнительно, чтобы при этомъ новгородское вѣче разсматривало и обсуждало договорные пункты, или чтобы оно вообще оказывало влияніе на ходъ переговоровъ съ Нѣмцами; въ самомъ дѣлѣ обсужденіе на большомъ шумномъ вѣчѣ предложеній нѣмецкихъ пословъ, да еще съ помощью переводчиковъ, было бы весьма неудобно: гораздо лучше было это дѣлать въ боярской комиссіи, или въ комиссіи, составленной изъ бояръ и купцовъ вмѣстѣ, какъ было въ 1436 году. Обыкновенно же нѣмецкіе послы обращались къ посаднику, тысяцкому и боярамъ; на своеемъ совѣтѣ они решали дѣла ихъ, недоводя своихъ рѣшеній ни до вѣча, ни до купеческой думы. Въ этомъ отношеніи интересенъ разговоръ, который имѣли однажды новгородскіе купцы съ дерпскими ратманами: разъ дерпскій ратъ, получа отъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ письмо, въ которомъ тотъ жаловался на оказываемая ему въ Новгородѣ притѣсненія, при-

⁴²⁾ Ropp, Hanserecessse, 514.

гласилъ въ ратушу нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ, бывшихъ на ту пору въ Дерптѣ, и сообщилъ имъ содержаніе полу-ченного письма, прося, чтобы они увѣдомили новгородскихъ бояръ и ихнихъ старость объ этихъ притѣсненіяхъ, и убѣдили бы ихъ оставить нѣмецкимъ купцамъ ихъ прежнія права; ратманы прибавили, что они объ этомъ писали уже нѣсколько разъ и впредь намѣрены писать. На это новгород-скіе купцы отвѣчали, что мало бываетъ пользы оттого, что пишутъ господамъ, то есть архіепископу, посаднику и ты-сяцкому, потому что они держать письма у себя, а купцамъ и всему городу ничего о нихъ недають знать⁴³⁾. Вслѣдствіе такого отвѣта рать рѣшилъ написать русское письмо къ новгородскимъ старостамъ (купеческимъ) и всему купечеству, въ которомъ просилъ напомнить и убѣдить своихъ старшихъ (*oldesten*) оставить нѣмецкимъ купцамъ ихъ прежнія приви-легіи и права, какими пользуются и новгородскіе купцы въ нѣмецкихъ городахъ. Какія послѣдствія имѣло это письмо, неизвѣстно; правда при совершенніи договора 1436 года ку-пецкіе старости и купцы принимали много участія; самая договорная грамота, въ которой названы поименно двое ку-пецкихъ старость, была запечатана во дворѣ св. Ивана⁴⁴⁾; но случаи такого активнаго участія купеческихъ представи-телей весьма рѣдки: сколько видно по памятникамъ купече-ство при переговорахъ съ Нѣмцами оставалось большею частію ниже подобающей ему роли. Наконецъ и судъ по торговымъ дѣламъ съ Нѣмцами небылъ вполнѣ независимъ отъ посадника, неговоря уже о тысяцкомъ, который былъ постояннымъ предсѣдателемъ купеческой думы⁴⁵⁾. Что же касается господина великаго Новгорода, отъ имени котораго совершались всѣ государственные акты, въ томъ числѣ и до-говоры съ ганзейскими Нѣмцами, то въ устахъ вѣчевого дьяка это была фраза почти безъ всякаго дѣйствительнаго

⁴³⁾ *Bunge, LEK. Urk. VI, № 2990, 1412:* „darup antwarden se uns, dat it nicht vele vorschluge, dat men dar den heren, alse dem ertzebisshoppe, borchgreuen und hertogen umme screue, wente se de breue vort bi sik liggen leeten und doen dem russchen kormanne und der gemeenheit dar nictes nicht van to wetende“.

⁴⁴⁾ Срав. выше, стр. 75.

⁴⁵⁾ Тамже.

значенія: на самомъ дѣлѣ господами Новгорода были посадники и тысяцкіе, старые и степенные, вообще боярскій классъ или «*Herren*», какъ его знаменательно называютъ Нѣмцы.

Для успѣшнѣйшаго веденія переговоровъ и для достижения наибольшихъ выгодъ на чужестранныхъ конторахъ ганзейские послы обыкновенно давали мѣстнымъ властямъ болѣе или менѣе значительные подарки: не всегда и не вездѣ можно было брать силой; притомъ подарки также производили свое важное дѣйствіе. Что такъ было и въ Новгородѣ, доказательствомъ служитъ между прочимъ счетъ издержекъ на посольства, которыя отправлялись Ганзой въ Новгородъ въ промежутокъ времени отъ 1420 по 1450 годъ⁴⁶⁾). Изъ отчета видно напримѣръ, что на посольство 1421 года было издержано почти 300 марокъ серебра, на посольство 1422 года около ста, на посольство 1434 года больше 50-ти марокъ; посольство 1436 года обошлось въ 150 марокъ; о немъ мы имѣемъ точныя данныя: оно состояло изъ четырехъ лицъ и жило въ Новгородѣ отъ 19 мая по 16-е юля, слѣдовательно почти два мѣсяца; наконецъ посольство 1450 года стоило слишкомъ 400 марокъ. Если взять во вниманіе, что посольства наряжались изъ ближайшихъ къ Новгороду лифляндскихъ городовъ, что въ бытность въ Новгородѣ они проживали на своемъ нѣмецкомъ дворѣ, и слѣдовательно мало тратили на путешествіе и на содержаніе во дворѣ при готовой квартирѣ, то нужно заключить, что наиболѣе значительная часть посольскихъ суммъ шла на подарки новгородскимъ властямъ. Посольства различались, какъ простыя и почетныя: конечно послѣднія подносили подарки значительнѣе, чѣмъ обыкновенныя посольства. Любопытны пренія о срокѣ перемирия, которыя вели почетные послы (*erlike boden*) 1436 года съ новгородскими уполномоченными: послы предлагали срокъ по крайней мѣрѣ въ 9 или 10 лѣтъ, прибавя: непосылать же намъ каждый годъ къ вамъ почетныхъ пословъ; купецкій староста предлагалъ только трехлѣтній срокъ; послы начали соглашаться на пятилѣтній и говорили, что если этотъ срокъ будетъ принятъ, то по истеченіи его Нѣмцы пришлютъ опять

⁴⁶⁾ Ropp, Hanserecesse, S. 186—187.

почетныхъ пословъ; въ противномъ случаѣ за присылку та-
ковыхъ они неручаются⁴⁷⁾). Очевидно почетные посольства
обходились Ганзѣ довольно дорого, и значительная часть
суммы, имъ отпускавшейся, переходила въ руки новгородскихъ
посадниковъ и тысяцкихъ.

Но особенно въ этомъ смыслѣ т. е. въ смыслѣ улаженія
дѣлъ съ Нѣмцами за известное количество подарковъ важно
дѣло о ночномъ убийствѣ Нѣмцами новгородского человѣка,
уже неразъ нами прежде упоминавшееся. Теперь мы разска-
жемъ его существенные подробности, живо рисующія порядки
Новгорода и положеніе въ немъ ганзейскихъ купцовъ; источ-
никомъ разсказа намъ будетъ служить протоколъ нѣмецкаго
двора, составленный по этому дѣлу⁴⁸⁾.

Въ одинъ ноябрскій вечеръ 1331 года Нѣмцы, кварти-
ровавши на готскомъ дворѣ, отправили прислугу во дворъ
св. Петра варить пиво, давая видъ встрѣчавшимся русскимъ,
будто они провожаютъ сторожей для ночевки въ церкви
(kerkenschlepere); на обратномъ пути уже поздней ночью,
когда Нѣмцы находились между деревянной церковью и грид-
ницей⁴⁹⁾, съ ними столкнулась толпа какихъ-то Новгородцевъ
и вступила въ драку; на крикъ Нѣмцевъ изъ готскаго двора
и другихъ сосѣднихъ зданій выбѣжали ихъ товарищи съ ду-
бинами и мечами; произошла горячая схватка, во время ко-
торой съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько человѣкъ было ра-
нено, а одинъ Новгородецъ остался убитымъ на мѣстѣ; затѣмъ
Нѣмцы бѣжали большей частію въ готскій дворъ, гдѣ и про-
вели ночь, а утромъ разошлись каждый на свою квартиру.
Между тѣмъ нѣкоторые Новгородцы, попріятельски расположенные
къ Нѣмцамъ, совѣтовали имъ снести товары въ церковь,
а самимъ — укрыться въ нѣмецкомъ дворѣ, который какъ видно
былъ укрепленъ лучше, чѣмъ готскій дворъ: потому что —

⁴⁷⁾ Ibid. s. 517.

⁴⁸⁾ Рус. Лив. А. № 75, стр. 55—61. Перепечат. у Bunge, LEK. Urk. VI, № 3077. Мы будемъ ссылаться на текстъ русско-ливон. актовъ, снабженный нѣкоторыми примѣчаніями. Было бы очень желательно, чтобы кто нибудь изъ основательныхъ знатоковъ старонѣмецкаго языка сдѣлалъ дословный переводъ этого интереснаго документа.

⁴⁹⁾ „tuschen de holtenen kerken unn de grydnissen“. Р. Л. А. стр. 56.

говорили они — съ Нѣмцами можетъ случиться худо, ибо народъ ходить вооруженнымъ. Нѣмцы воспользовались этимъ совѣтомъ совершенно кстати: въ городѣ зазвонили вѣче, новгородцы вооруженные стекались на Ярославово дворище, на вѣче принесли и убитаго наканунѣ⁵⁰⁾). Съ вѣча немедленно были отправлены въ нѣмецкій дворъ двое пословъ, которыхъ сопровождали нѣсколько другихъ Новгородцевъ; послы стали требовать выдачи преступника, толпа поддерживала ихъ и кричала: подавайте сейчасъ же виноватаго, а не то — всѣмъ вамъ будетъ смерть! Напрасно говорили Нѣмцы, чтобы ихъ судили по грамотамъ и крестоцѣлованію, чтобы имъ дали сроку сослаться съ квартирующими въ готскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ ними обыскать виновника; напрасно они также возражали, что ихъ немогутъ убить, потому что сюда они пришли на руки великаго князя и всего Новгорода: Новгородцы неслушали и только твердили одно, чтобы имъ немедленно выдали виноватаго, въ противномъ случаѣ всѣмъ будетъ смерть; однако пошумѣвши они обратно ушли на вѣче. Предчувствуя наступленіе новой неминуемой грозы, Нѣмцы между тѣмъ рѣшили запереться въ дворѣ, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени прибѣжала другая еще большая толпа Новгородцевъ съ дубинами и оружіемъ, начала рубить дворовый заборъ и ворота, вломилась во дворъ и бросилась грабить товары, еще оставшиеся въ клѣтахъ; однако толпа некасалась церкви, где заперлись Нѣмцы, рѣшившіе защищать ее до последней крайности; затѣмъ явился княжескій приставъ (*des konighes rechter*) и разогналъ ее всю со двора; очевидно толпа дѣйствовала своевольно и составляла наиболѣе возбужденную часть вѣча, которое конечно немогло быть спокойно въ виду убитой Нѣмцами жертвы⁵¹⁾.

⁵⁰⁾ „Do worden de duschen ghewarnt van ruscen, de er vrent waren, dat se ere gud vlogheden in de kerken unn ghenghen to male in sunte peters hof: wente it wolte dar ouele gan, de ruscen wapenden sich alto male; do deden duschen na der ruscen rade, de se warnet hadden. Do ludden de ruscen eyn dinc, unn brachten de doden ruscen in dat dinc, dar waren de meynen Naugarder komen alto male wapent“. Тамже.

⁵¹⁾ „do sloten de duschen eren hof, darna quemen de ruscen vt deme dinghe mit wapenen unn mit bannyren unn howen plancken unn porten; do de duschen dat horden do lepen se in ere kerke vnn sloten

Всльдъ за приставомъ съ вѣча были отправлены новые три посла; подойдя къ церкви они стали вызывать Нѣмцевъ, обѣщаю имъ безопасность: четверо вышли и опять услыхали прежнее требование о немедленной выдачѣ преступника. Нѣмцы стали просить, чтобы имъ позволено было повидаться съ обитателями готского двора и съ ними разслѣдовать насчетъ убійцы; послы согласились, — и двое Нѣмцевъ отправились въ готскій дворъ, но узнать тамъ о личности преступника ничего не могли; взявши съ собой представителей отъ готского двора посланные воротились въ церковь и начали строгое дознаніе, кто бы могъ быть убійцей: и вотъ у одного конецъ меча оказался окровавленнымъ, улика была на лицо, самъ виновникъ сознался въ убійствѣ. Между тѣмъ новгородские послы, которые какъ видно все это время были въ нѣмецкомъ дворѣ, уже недовольствовались выдачей имъ главнаго виновника-преступленія: для лучшаго изслѣдованія дѣла они потребовали еще 50 человѣкъ, такъ какъ ночная драка и убійство произошли при участіи цѣлой толпы Нѣмцевъ. Но въ виду наступившаго вечера переговоры прекратились на этомъ пунктѣ: послы ушли, а во дворѣ былъ поставленъ приставъ оберегать Нѣмцевъ. Впрочемъ этотъ приставъ непомышалъ имъ отправить троихъ лицъ къ новгородскимъ властямъ ходатайствовать по ихъ дѣлу: посланные повели дѣло очень ловко и для вечера успѣли сдѣлать довольно много: во первыхъ они сходили къ тысяцкому и обѣщали истцу т. е. родственнику убитаго виру въ 80 гривенъ серебра⁵²⁾, затѣмъ побывали у посадника и намѣстника великаго князя: первому предложили 10 гривенъ, а второму — 5 гривенъ серебра; тысяцкій же нехотѣлъ брать денегъ. Такъ окончились первые сутки. На слѣдующій день утромъ въ городѣ снова зазвонили вѣче, но сцена принесенія мертваго на вѣче уже не повторилась: по-

de to, unn satten ere dinc also, dat se lyph vnn gut in der kerken wernen wolden; do der plâncken eyn del nider weren vnn de porten des houes dor howen was, do lepen de ruscen mit wapen nicht to de kerken, wenne to den cleten vnn howen de vp vnn nemen wat darinne was neden vnn bowen“. Тамже, 57.

⁵²⁾ „des nachtes ghenghen 3 duschen vor dhen hertogen vnn legherden den sacwolden dor noyt mit 80 stucken syluers“. Тамже, 58.

дарки властямъ и сдѣлка съ истцомъ такимъ образомъ возымѣли силу; однакожъ до окончанія всего дѣла было еще далеко. Съ вѣча опять пришли вчерашніе послы и требовали у двора или 50 человѣкъ, или 2500 гривенъ серебра: тысячу Новгороду, тысячу великому князю и пять сотъ истцу; на это Нѣмцы отвѣчали, что они уже помирились съ истцемъ; посланные воротились на вѣче и доложили отвѣтъ, произведшій неблагопріятное впечатлѣніе: какъ онъ (истецъ) смѣлъ мириться безъ нашего приказанія? шумѣли на вѣчѣ; снова послы отправились во дворъ и потребовали двухъ тысячъ гривенъ: половину Новгороду за безчестье, и тысячу великому князю ⁵³⁾; въ отвѣтъ Нѣмцы предложили . . . 40 гривень; послы оскорбились и тотчасъ ушли. Такъ прошло до вечера: какъ видно Нѣмцы, заключа сдѣлку съ истцомъ и давши подарки властямъ, чувствовали себя болѣе безопасными, и смѣлѣ стали разговаривать съ представителями вѣча; вскорѣ дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ: вѣче улеглось, и переговоры съ дворомъ взяли въ свои руки новгородскіе бояре. Вечеромъ того же дня въ нѣмецкій дворъ пришелъ некто Борисъ Сильвестрычъ и началъ къ Нѣмцамъ такую рѣчь: меня прислали къ вамъ бояре — «три ста золотыхъ кушаковъ», сказать: у великаго Новгорода много имѣнія и онъ нехочеть никакого ваншего добра, но онъ хочетъ имѣть 50 вашихъ человѣкъ, которыхъ онъ написалъ въ списокъ ⁵⁴⁾). Когда Нѣмцы стали отказываться исполнить это требованіе, посолъ всталъ съ не-

⁵³⁾ „Des quemen de boden weder vt deme dinghe vnn escheden echter twe dusent stücke syluers vor ere smaheit, den Naugarderen dusent, vnn dem konighe dusent stücke“. Тамже. — Итакъ здѣсь различаются вира, которая была уплачена родственнику убитаго, и штрафъ за безчестье Новгороду и великому князю, котораго требовали послы вѣча; этотъ штрафъ гораздо значительнѣе вирѣ, ибо все дѣло далеко превышало характеръ обыкновенной частной тяжбы.

⁵⁴⁾ „des seluen auendes do quam eyn, de heyt Boris Zyluesters sone, vnn sprach ene hedden vtghesant 300 guldene gordele, groten Naugarden hedde gudes ghenauch, se en wolden neyn gut, wenne se wolden hebben de 50 houede, de se beschryuen hedden“. Тамже. — Золотые кушаки, какъ видно, составляли виѣшнее отличіе знатнѣйшихъ новгородскихъ бояръ, быть можетъ именно членовъ правительства-наго совета.

довольнымъ видомъ и хотѣлъ уйти, но потомъ присѣлъ и и сказалъ тихой рѣчью: если вы нехотите выдать намъ 50 человѣкъ, то сами разслѣдуйте, кто правъ, и кто виноватъ; и пусть невиноватые выдуть изъ церкви со своимъ добромъ, а виновные останутся въ ней, и предоставьте намъ самимъ съ ними вѣдаться. Нѣмцы же продолжали стоять на своемъ говоря, что они выдали преступника, и что теперь отъ нихъ требуютъ людей совсѣмъ невинныхъ; но когда посолъ опять началъ сердиться, они предложили уплатить сто гривенъ, а самому послу обѣщали подарить фиолетовый кафтанъ (eup phyolittes kleyt). Посолъ ушелъ; добивался ли онъ выдачи показанного числа лицъ дѣйствительно для изслѣдованія чрезъ нихъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, или это была особенная уловка со стороны бояръ, которые быть можетъ хотѣли взять съ каждого изъ пятидесяти лицъ особенную взятку, навѣрное неизвѣстно; едва ли невѣроятно послѣднее. — Между тѣмъ въ средѣ самихъ бояръ обнаружилось неодиначество, мало послужившее впрочемъ къ выгодѣ Нѣмцевъ: именно въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла названные триста золотыхъ кушаковъ выказали свое несогласіе съ посадникомъ, который хотѣлъ было рѣшить все своей властью. По уходѣ Бориса Сильвестрыча посадникъ уже ночью прислалъ сказать Нѣмцамъ, что если они хотятъ покончить все дѣло, то дали бы ему 20 гривенъ серебра и два красныхъ кафтана (scharlakens kleyt), но что меныше онъ никакъ невозьметъ; послы, передававшіе эти рѣчи посаднику, требовали и для себя подарковъ: одинъ 5-ти гривенъ серебра, другой — столько-же, а третій скарлатнаго кафтана. Нѣмцы однако повѣрили несразу этимъ предложенніямъ, и послали отъ себя спросить у посадника, правда-ли все это; тотъ отвѣтилъ, что правда, и если Нѣмцы сдѣлаютъ все, какъ онъ велитъ, то онъ береть на себя ихъ дѣло: тутъ же посадникъ назвалъ еще двоихъ лицъ, которымъ рекомендовалъ подарить по фиолетовому кафтану. Всѣ эти переговоры и пересылки происходили поздней почью; дѣло хотѣли сдѣлать втихомолку, чтобы другіе невидали. — По утру слѣдующаго дня (послѣ убийства на третій) во дворъ пришли опять вчерашніе послы и еще два новыхъ лица, которыхъ называлъ посадникъ; одинъ изъ пришедшихъ сталъ говорить Нѣмцамъ: вы обѣщали Новгороду 100 гривень за безчестье; столько же

вамъ слѣдуетъ дать и великому князю; другой прибавилъ: что обѣщано намѣстнику, то ему слѣдуетъ выдать. Когда же Нѣмцы попробовали возразить, что вѣдь и имъ было причинено насилие, то послы совсѣмъ нехотѣли ихъ слушать: нечего вамъ поминать — говорили они — про это; что случилось съ Нѣмцами, все это нужно отложить въ сторону, и вы должны цѣловать намъ крестъ, что впредь на насъ искать небудете. Въ этотъ же разъ былъ поднятъ вопросъ объ удовлетвореніи семьи боярина Ивана Сыпа, убитаго въ Дерптѣ въ 1329 году⁵⁵⁾; хлопотать объ этомъ удовлетвореніи взялся посадникъ, близкій родственникъ убитаго боярина, какъ кажется чрезъ одного изъ пословъ, бывшихъ теперь во дворѣ. Сначала онъ потребовалъ было виру въ 80 гривенъ, но потомъ сбавилъ ее до 20 гривенъ, что дѣйствительно составляеть законную виру за привилегированнаго человѣка, какимъ былъ покойный бояринъ, притомъ бывшій посломъ. Первоначально Нѣмцы отказывались платить эту виру на томъ основаніи, что они неимѣютъ никакого отношенія къ Дерпту, ибо они суть гости заморскіе, а не лифляндскіе, но потомъ согласились удовлетворить посадника; уже хотѣли писать грамоту отъ имени дѣтей убитаго боярина, что они впредь небудутъ искать на Дерптѣ за смерть своего отца, какъ вдругъ въ дѣло вступился боярскій совѣтъ⁵⁶⁾, объявившій, что онъ нехочетъ продавать своего боярина ни даже за тысячу гривенъ. Дѣйствительно ли бояре были такихъ чувствъ, или имъ непонравилось, что посадникъ къ одному дѣлу примѣшиваетъ другое, довольно давнее, притомъ лично ему близкое, во всякомъ случаѣ сдѣлка, близкая къ совершенію, несостоялась. Бояре обратились собственно къ данному дѣлу; они составили мирную грамоту и требовали, чтобы Нѣмцы на ней цѣловали крестъ; грамота же была составлена приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Нѣмцы вооруженные шли однажды ночью, и предъ гридницей напали на новгородскій народъ, стали его

⁵⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 74, 1329: „того же лѣта убила въ Юрьевѣ новгородского посла, мужа честна, Ивана Сыпа“.

⁵⁶⁾ „de heren van Nogarden“, или какъ онъ прямо потомъ называется „heren rad“. Рус. Лив. А., стр. 59 и 61.

посѣкать и ранить; на утро собралось вѣче и послало позовъ къ Нѣмцамъ: идите и посмотрите сами на убитаго и раненыхъ, на которыхъ вы напали ночью, выбѣжавши со двора цѣлымъ войскомъ, какъ будто вы у насъ не гости, а ратные люди; но Нѣмцы нехотѣли идти на вѣче смотрѣть раны и убійство: они сознавались въ своей винѣ и говорили: мы были пьяны, скальтесь надъ нами! И Новгородъ сжалился надъ Нѣмцами по ихъ просьбѣ, а они обязались выдать Новгороду сто гривенъ за безчестье; и что они обѣщали намѣстнику, посаднику, тысяцкому и посламъ, то все они также должны выдать. И впредь Нѣмцы по прежнему миру и крестоцѣлованію недолжны по ночамъ ходить и стоять на улицахъ; а что буйный новгородскій народъ съ вѣча бѣгалъ на нѣмецкій дворъ безъ новгородского слова, и пограбилъ тамъ товаръ, то Нѣмцамъ о томъ непоминать, а Новгороду непоминать Нѣмцамъ обѣ убійствѣ, ранахъ и побояхъ. На томъ на всемъ Новгородъ цѣловалъ крестъ Нѣмцамъ, а они Новгороду неискать впредь другъ на другѣ по тому дѣлу»⁵⁷⁾). Разумѣется вслушавшись въ содержаніе грамоты Нѣмцы остались ею недовольны, и прямо заявили, что имъ трудно цѣловать крестъ на такой грамотѣ; на слѣдующее утро они предложили свою грамоту, гдѣ излагали дѣло слѣдующимъ образомъ: въ одинъ вечеръ Нѣмцы провожали свою прислугу съ готскаго двора, въ нѣмецкій; когда они возвращались мимо княжескаго двора между деревянной церковью и гридницей, на нихъ напали Русскіе, начали ихъ бить и ранили четверыхъ; Нѣмцы стали защищаться, одного русскаго убили и троихъ ранили; на утро Русскіе пришли во дворъ, изрубили заборъ и ворота, подсѣкли клѣти и взяли въ нихъ товаръ; но теперь мы помирились на томъ, что съ обѣихъ сторонъ недолжно поминать о ранахъ и убійствѣ, и мщенія непроизводить». Съ этой грамотой Нѣмцы пошли къ тысяцкому и просили чтобы онъ поцѣловалъ крестъ на ней; но тысяцкій, понявъ ея содержаніе, сильно разсердился на Нѣмцевъ; чрезъ нѣсколько времени пришедшій отъ бояръ посолъ также выразилъ имъ неудоволь-

⁵⁷⁾ Тамже, стр. 60. Недолжно опускать изъ вниманія нѣкоторыхъ подробностей этой грамоты, о которыхъ въ другихъ мѣстахъ Нѣмцы умалчиваютъ, или говорятъ только вскользь.

ствіе отъ имени бояръ: великий Новгородъ на васъ сердить, и хотеть, чтобы всѣ вы, старъ и младъ, поцѣловали грамоту, которую онъ вамъ даетъ.» И мы цѣловали крестъ по принужденію, — говорятъ Нѣмцы въ заключеніе протокола.

Небудемъ больше останавливаться на этомъ дѣлѣ, такъ какъ читатели конечно сами составили себѣ надлежащее представление о новгородскихъ порядкахъ, и перейдемъ къ другому предмету.

На первый взглядъ довольно страннымъ представляется то явленіе, что Новгородъ неразвилъ ни купеческаго, ни государственного флота, несмотря на многочисленность въ новгородской области рѣкъ и озеръ, имѣющихъ стокъ къ Балтийскому и Бѣлому морямъ, несмотря далѣе на большую способность населенія къ морскому и рѣчному судоходству, доказанную тѣмъ, что уже въ XII вѣкѣ новгородскіе купцы плавали за море, а въ XIV вѣкѣ ушкуйники своими походами наводили страхъ на все поволжье, не смотря наконецъ на прямую нужду во флотѣ для купечества и для обороны отъ Шведовъ, морскихъ пиратовъ, да и самой Ганзы, которая часто непускала въ море новгородскихъ купцовъ. И однако было бы невѣрно винить за это только иностраннѣхъ враговъ Новгорода; во время мира они, особенно ганзейскіе города, немогли запретить морскихъ плаваній Новгородцевъ, которые постоянно выговаривали себѣ «за море путь чистъ»; въ мирное время ничто немѣшало Новгороду пользоваться этимъ правомъ и усиливать свой флотъ для будущихъ цѣлей. По нашему мнѣнію причины указанного явленія лежать больше въ особенностяхъ самаго новгородского быта, чѣмъ во иностраннѣхъ препятствіяхъ, — именно въ томъ, что новгородскому купечеству недано было надлежащимъ образомъ развиться, а боярское правительство непришло къ нему на помощь государственными средствами. Развитіе торговаго мореходства въ Новгородѣ было бы вѣроятнѣе въ двухъ случаяхъ: еслибы въ главѣ Новгорода стояла купеческая дума съ преобладающимъ въ ней купеческимъ элементомъ, какъ въ ратахъ ганзейскихъ городовъ, или еслибы Новгородъ остался тѣмъ, чѣмъ ему суждено было быть въ началѣ нашей исторіи, т. е. центромъ княжеской власти, особенно съ тѣмъ ея хозяйственнымъ характеромъ, съ какимъ она сложилась въ Москвѣ; въ послѣднемъ случаѣ Новгородъ навѣрное сдѣлался бы морскою державой; тогда ни Шведы,

ни Нѣмцы несмогли бы утвердиться на восточныхъ берегахъ Балтійского моря, и торговля Новгорода съ Нѣмцами была бы гораздо больше активною. Но исторія пошла иначе: купеческая дума, какъ мы видѣли, неполучила въ Новгородѣ подобающаго еї значенія, далеко уступая думѣ боярской, а княжеская власть, особенно въ отношеніи торговли съ Ганзой, и совсѣмъ была незначительна. Впрочемъ есть еще болѣе общая и весьма важная причина, почему Новгородѣ несталъ морскою державой; она заключается въ томъ, что новгородская колонизація направлялась не къ балтійскимъ берегамъ, а въ сторону какъ разъ отъ нихъ противоположную: на далекій финскій сѣверовостокъ постоянно уходили силы Новгорода, вместо того чтобы сосредоточиваться около главнаго центра и по берегамъ Финскаго залива; при такихъ условіяхъ развитіе еще морскихъ силъ Новгороду было бы весьма затруднительно.

Однако Новгородцы по прежнему непереставали плавать по морю, только опять съ большими неудачами. Съ конца XIV вѣка въ Финскомъ заливѣ и даже въ самой Невѣ являются знаменитые пираты, братья — Виталіи и разные другие разбойники, грабившіе купцовъ подъ бокомъ у Новгорода, доходившіе даже вплоть до Орѣшка⁵⁸⁾). Около 1396 года морские разбойники ограбили и взяли въ плѣнъ цѣлую артель новгородскихъ купцовъ; къ счастію шведскій капитанъ Абрагамсонъ напалъ на этихъ разбойниковъ, отбилъ Новгородцевъ и привезъ въ Ревель; здѣсь по ходатайству ливонскаго магистра, контура ревельскаго и городскаго рата Новгородцы были освобождены и получили обратно двѣ трети отбитаго у пиратовъ имущества; остальная часть поступила въ вознагражденіе Абрагамсону и его помощникамъ. По окончаніи сдѣлки былъ составленъ протоколъ, въ которомъ нѣсколько Новгородцевъ, бывшихъ въ то время въ Ревелѣ, ручались, что ихъ братья, потерпѣвшіе отъ разбойниковъ, а потомъ освобожденные въ Ревелѣ, довольны возвращеніемъ имъ двухъ третей имущества, и впредь ни на

⁵⁸⁾ П. С. Р. Л. III, 96, 1392: „Того же лѣта пришедшее съ моря разбойники Нѣмци въ Неву, взяша села по обѣ стороны рѣки, за пять верстъ до города до Орѣшка“. Новгородцы съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ отбили это нападеніе.

комъ ничего искать небудутъ⁵⁹⁾). Вотъ какія сложныя сдѣлки производились надъ новгородскими подданными, тогда какъ новгородское правительство едва ли о нихъ что-нибудь знало! Поѣздки на нѣмецкихъ судахъ по прежнему также приводили къ ссорамъ хозяевъ съ пассажирами: въ 1441 году нѣсколько Новгородцевъ на Невѣ были выброшены за бортъ Нѣмцами⁶⁰⁾. Такимъ образомъ отъѣхавши отъ Новгорода на нѣсколько верстъ, купцы были уже небезопасны отъ Нѣмцевъ и пиратовъ; древній путь по Невѣ и Финскому заливу все больше утрачивался для Новгорода.

Въ заключеніе снова обратимся къ политикѣ великихъ князей московскихъ, въ особенности великаго князя Ивана Васильевича, и разсмотримъ обстоятельства закрытія въ Новгородѣ нѣмецкаго двора.

Великіе князья московскіе при отличающемъ ихъ хозяйственномъ и политическомъ смыслѣ весьма хорошо сознавали значеніе дѣль на западной балтійской окраинѣ, и хотя борьба съ Татарами, Литвой и Тверью отвлекала оттуда ихъ вниманіе, однако они никогда не теряли совсѣмъ изъ вида отношеній Новгорода и Пскова къ ихъ сосѣдямъ Нѣмцамъ. Въ 1420 году заключая договоръ съ Орденомъ Василій Дмитріевичъ потребовалъ, чтобы Орденъ поручился за безопасность новгородскихъ купцовъ въ землѣ короля датскаго, и вообще за свободу ихъ плаванія въ морѣ; конечно Орденъ отклонилъ это требованіе и говорилъ, что онъ никакъ не можетъ за это ручаться, однако великій князь очень хорошо зналъ, чего хотѣлъ: дѣйствительно Орденъ могъ бы подѣйствовать на короля датскаго, шведскаго и Ганзу въ томъ смыслѣ, какъ желалъ великій князь⁶¹⁾. Въ тоже время московскіе князья посылаютъ торговать своихъ купцовъ въ Новгородъ и Лифляндію; около 1436 года одинъ изъ такихъ купцовъ былъ задержанъ въ Ревельѣ; бывшіе тогда въ Новгородѣ ганзейскіе послы писали ревельскому рату обѣ освобожденіи его, добав-

⁵⁹⁾ Рус. Лив. Ак. № 118. Въ 1422 году Любекъ писалъ въ Лифляндію, что недавно нѣсколько Русскихъ освобождены изъ плѣна съ помощью ганзейскихъ городовъ, и какъ кажется просилъ теперь выхлопотать уплаченный за нихъ выкупъ. Тамже, № 220.

⁶⁰⁾ Гильдебрандъ, Отчетъ о розыскан., стр. 45, № 184.

⁶¹⁾ Рус. Лив. А., стр. 173.

вляя именно, что онъ — купецъ великаго князя московскаго⁶²⁾. Никогда также незабываютъ великие князья требованій къ епископу дерптскому: въ договоры Пскова съ Дерптомъ 1463 и 1474 года Иванъ Васильевичъ включаетъ условіе о такъ называемой юрьевской дани⁶³⁾. Была ли это дань за право-славныхъ жителей русскаго конца въ Дерпѣ, или основаніемъ къ ея полученію служило въ своемъ родѣ историческое право, такъ какъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ, искони былъ русскимъ городомъ, а дерптскій епископъ представлялся какъ бы только леннымъ владѣтелемъ его относительно великаго князя русскаго, неизвѣстно въ точности; но во всякомъ случаѣ видно, что юрьевская дань платилась издавна, хотя невсегда исправно.

Въ 1478 году палъ великій Новгородъ. Мы уже передавали впечатлѣніе, произведенное этимъ событиемъ на Нѣмцевъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ его послѣдствій для ганзейскаго двора было то, что великій князь вывелъ изъ Новгорода нѣсколько тысячъ семействъ купеческихъ и боярскихъ, на мѣсто которыхъ поселилъ московскихъ жителей; ибо если подъ конецъ самъ Новгородъ, какъ мы видѣли, не соглашался оставить Нѣмцамъ ихъ прежнія вольности и права, то конечно еще меньше хотѣли о нихъ знать вновь прибывшіе московские жители. Герберштейнъ отмѣчаетъ другое слѣдствіе новгородского взятія: «народъ былъ здѣсь весьма образованный (*humanissima*) и честный, — разсуждаетъ онъ — а теперь сталъ самый испорченный, заразившись безъ сомнѣнія московскою

⁶²⁾ Ropp, Hanserecesse, № 589: „Willen weten, dat des groten Koningen van Moskauw namesnike, de borgermeistere, hertoge nnde gemene Naugarden uns gesproken hebben, als van deme Moskauwer, den gi myt jw upgeholden hebben, unde weren begerende, id jw to vorscrivende, dat he vri werde, wente he des ergenoeden koninges koerpan is“.

⁶³⁾ „И о пошлине великихъ князей, чтѣ въ Юрьевѣ, а то пискуну давати великому князю по старинѣ; а что русскій конецъ и святая церкви, а то имъ держать по старымъ грамотамъ“. Карамзинъ, И. Г. Р. VI, примѣч. 4. „Отъ сего временіи благовѣрнымъ великимъ княземъ, русскимъ царемъ, на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань своя имати по старинѣ, по тому крестному цѣлованію... а бискупу юрьевскому, и посадникомъ (т. е. бургомистрамъ) и ратманомъ юрьевскимъ церкви Божіи свѣтого Николы и свѣтого Георгія очистить“. Сборникъ Муханова, № 19. — Ожидаемъ специального изслѣдованія о юрьевской дани отъ одного изъ нашихъ товарищѣй.

порчею, которую принесли съ собой приходящіе сюда Москвиты;» о Псковичахъ также замѣчаетъ, что они торговали «честно и безъ запросу»⁶⁴⁾). Однако эти сужденія знаменитаго путешественника суть неболѣе, какъ наивная идеализація вещей; послѣ представленнаго здѣсь цѣлаго ряда обмановъ и насилий, которыми сопровождалась торговля Ганзы съ Новгородомъ и Псковомъ, и въ которыхъ одна сторона едва ли уступала другой, рѣшительно нѣтъ возможности говорить о какой-то особенной гуманности Новгородцевъ или честности Псковичей и Нѣмцевъ. Конечно до крайности преувеличено и притомъ тенденціозно извѣстіе другого знаменитаго путешественника Олеарія, передаваемое имъ впрочемъ со словъ Герберштейна и Гваньини, будто великій князь Иванъ Васильевичъ вывезъ изъ Новгорода триста или четыреста подводъ съ золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнностями⁶⁵⁾: да вѣдь такихъ богатствъ въ Новгородѣ ненабралось бы, даже еслибы тамъ ихъ копили со временъ Гостомысла и Рюрика, и еслибы ганзейская торговля была для Новгорода гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности она была...

При взятіи Новгорода нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ были задержаны и посажены подъ стражу; нѣкоторое время Нѣмцы перестали былоѣздить въ новгородскій дворъ, и возобновивши опять свои поѣздки, нерѣдко жаловались на дѣйствія намѣстниковъ великаго князя: изъ писемъ, отправленныхъ въ то время дворомъ въ Лифляндію, видно напримѣръ, что намѣстники запретили Нѣмцамъ торговать хмѣльными напитками, что они отдали городскіе вѣсы на откупъ, а новые откупщики оказывали купцамъ стѣсненія; даѣще по словамъ Нѣмцевъ намѣстники утаивали письма отъ городовъ, назначенные великому князю, брали взятки, а на конторскаго прикащика возлагали отвѣтственность за всѣ убытки, какіе Русскіе терпятъ въ Лифляндіи⁶⁶⁾ и т. п. Нѣть сомнѣнія, что намѣст-

⁶⁴⁾ Записки о Московіи б. Герберштейна, перев. Анонимова, стр. 115—116.

⁶⁵⁾ Чтен. въ Общ. Истор. и Древ. 1868, II, стр. 76—77 (перев. Барсова).

⁶⁶⁾ Эти краткія свѣдѣнія заимствуемъ изъ отчета *Гильдебранда*, №№ 304, 306, 326, 345, 356, 369, 372. Съ изданіемъ самаго сборника документовъ изъ ревельского архива можно будетъ лучше выяснить всю исторію закрытия нѣмецкаго двора въ Новгородѣ.

ники крѣпко блюли интересы казны великаго князя, и вообще стали заводить новые порядки относительно торговли Нѣмцевъ, все еще хотѣвшихъ стоять на своей старинѣ; въ этомъ отношеніи Нѣмцы совершенно похожи на Новгородцевъ, которые вплоть до послѣдняго часа своей независимости также настаивали предъ великимъ княземъ на пошлинѣ, на старинѣ. Въ 1489 году Нѣмцы нарядили посольство къ самому великому князю въ Москву; но великий князь или отвѣчалъ уклончиво на предложенія пословъ, или частію обѣщался лично рѣшить все въ Новгородѣ на слѣдующее лѣто⁶⁷⁾). Въ томже году въ Любекѣ были послы великаго князя, грекъ Эмануиль и Дмитрій, вѣроятно извѣстный Дмитрій Герасимовъ: говорили о разныхъ неудобствахъ торговли, какъ сообщаетъ Любекъ въ Ревель⁶⁸⁾: такъ Любекъ находилъ неудобнымъ, что въ послѣдніе годы Русскіе и Греки частоѣздили на торговыхъ нѣмецкихъ судахъ, ибо дорогой могутъ возникнуть ссоры между ними и Нѣмцами, да и суда могутъ подвергнуться нападенію пиратовъ; поэтому Любекъ просилъ Ревель позаботиться, чтобы впредь Греки и Русскіе нанимали для своихъ поѣздокъ особые корабли⁶⁹⁾). Но вскорѣ дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ: въ Ревель одного русскаго, уличеннаго въ дѣланіи фальшивой монеты, сварили въ котлѣ, а другаго сожгли живымъ за содомскій грѣхъ⁷⁰⁾). Гадебушъ, пользуясь дѣланіемъ другими лифляндскими лѣтописцами, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этихъ и другихъ современныхъ событияхъ: «сколько извѣстно великій князь Иванъ Васильевичъ и король датскій Іоаннъ находились между собой въ тѣсномъ союзѣ; послѣдній же былъ заклятый врагъ Швеціи и Ганзы, и потому искалъ случая нанести той и другой чрезъ великаго князя сколько можно больше вреда. Къ этому при-

⁶⁷⁾ Тамже, № 350.

⁶⁸⁾ Тамже, №№ 354 и 358. Греки, прибывши съ Союзей Фоминишиной, неразъ служили великому князю для посольствъ въ Европу; посолъ Эммануиль былъ у папы въ 1489 году, но раньше, въ 1483 году, онъ былъ задержанъ въ Ревелѣ. Тамже, № 336.

⁶⁹⁾ Тамже, № 360.

⁷⁰⁾ „De Revelschen enen Russen, welker valsche schillinge in erer Stadt gemuntet hadde, na dudeschem rechte, hebben to dode seden laden, unde noch einen anderen Russen, de by einer strentze op einer unnaturlicken dadt beschlagen was, na christlikem rechte vorbrandt hebben“, *Balt. Russow. Scriptor. rer. livon. II, 2 Band. S. 32*).

соединилось другое, сначала неважное обстоятельство: въ Ревель одного рускаго, который лилъ фальшивыя деньги сварили, и другого, который былъ уличенъ въ содомскомъ грѣхѣ сожгли живымъ: такъ сдѣлано было по ревельскимъ законамъ, и это не должно бы еще возбудить великаго князя; но одинъ глупый человѣкъ, какихъ въ городахъ не мало, сказалъ Русскимъ, которые были въ Ревель и которымъ казнь казалась слишкомъ жестокой, что еслибы самъ великій князь сдѣлалъ такія мерзкія дѣла, то и его сожгли бы, какъ собаку. Эти слова, переданныя великому князю вѣроятно не безъ преувеличеній, совершенно его возмутили: онъ изломалъ свой посохъ, бросивъ его на землю, и воскликнулъ, простирая руки къ небу: отомсти, Господи, и разсуди мое дѣло! Должно быть ему донесли, что упомянутыя слова произносили сами судьи, что вѣроятно изъ того обстоятельства, что великій князь потребовалъ у лифляндскихъ чиновъ выдачи судей, но неполучилъ ихъ... Такимъ-то образомъ — заключаетъ наивный поѣстователь — ганзейская контора въ Новгородѣ погибла, благодаря неосторожному слову глупаго человѣка» ⁷¹⁾.

Дѣло было однако не въ словахъ глупаго человѣка, хотя бы дѣйствительно дерзкихъ и оскорбительныхъ, и даже не въ одномъ жестокомъ самоуправствѣ ревельскаго рата, которое могло возмутить и не такого государя, какъ Иванъ Васильевичъ.

Лѣтомъ 1494 года Ганза рѣшила отправить новое посольство въ Москву жаловаться на притѣсненія, оказываемыя купцамъ въ Новгородѣ ⁷²⁾). Посольство состояло изъ ревельскаго ратмана и его помощника и еще ратмана дерптскаго; 11-го августа послы пріѣхали въ Новгородъ, гдѣ намѣстники отобрали у нихъ нѣкоторые документы, напримѣръ посольская инструкція; 3 сентября они выѣхали изъ Новгорода и чрезъ двѣ недѣли были въ Москвѣ. Еще черезъ двѣ недѣли, 2 октября послы представились великому князю: сначала правили поклонъ отъ 73 городовъ, по сю и по ту сторону моря лежащихъ, затѣмъ стали излагать предметъ своего по-

⁷¹⁾ Livländ. Iarbücher, I, letz. Abschn. S. 247—251.

⁷²⁾ Это посольство на основаніи еще неизданного отчета одного изъ пословъ описано г. Гильдебрандомъ въ упомянутой уже статьѣ его въ Balt. Monatschr. Neue Folge, B. 2. Изъ нея и заимствуемъ здѣсь нѣсколько подробностей.

сольства, описанный въ 18 пунктахъ; главнымъ образомъ жаловались на новизны и разныя ограничения въ торговлѣ солью, медомъ, воскомъ и мѣхами; на намѣстниковъ жаловались, что они сажаютъ Нѣмцевъ въ тюрьму и отнимаютъ у нихъ товаръ, а письма городовъ къ великому князю скрываютъ; наконецъ жаловались на ограбленіе судна, выброшенного на берегъ въ Нарвѣ и на разныя обиды, причиненные имъ, посламъ, на пути въ Москву. Разсказавши посольство они поднесли великому князю подарки: отъ городовъ три тюка аглицкаго сукна, отъ ревельского посла два серебряныхъ вызолоченныхъ кубка, омъ вина, ящикъ конфектъ, отъ его товарища — аглицкое сукно, зеркало и десять корзинъ винныхъ ягодъ, отъ дерптскаго посла — скарлатное сукно, омъ вина и пять лисфунтовъ финиковъ. Великій князь отдаилъ: быка, двухъ овецъ, 20 куръ, двѣ бочки меду, осетра и лосося; кромѣ того каждому послу было дано по десятку сороковъ мѣховъ; въ тотъ же день послы удостоились приглашенія къ столу великаго князя. Чрезъ два дня къ посламъ пришелъ дьякъ Федоръ Курицынъ съ бояриномъ и высказалъ жалобы со стороны великаго князя на грабежи и убийства его купцовъ и пословъ; послы отвѣчали, что они неимѣютъ полномочій рѣшать всѣ эти дѣла, но что конечно удовлетвореніе за все это очень возможно. 5 октября они еще разъ представились великому князю, который поблагодарилъ ихъ за подарки, сказалъ, что теперь предложенія пословъ онъ знаетъ и велить ихъ обсудить своимъ новгородскимъ намѣстникамъ, которые дадутъ всему исправу; наконецъ обѣщалъ имъ на дорогу приставовъ, и съ этимъ отпустилъ ихъ. Однако приставовъ на дорогу нѣмецкіе послы получили не скоро, а въ одинъ день когда по этому дѣлу они пошли къ дьяку Курицыну, то встрѣтили у него тѣхъ Грековъ, которые за нѣсколько лѣтъ были послами великаго князя, и въ качествѣ таковыхъ были задержаны въ Ревелѣ: Греки totчасъ приступили къ ревельскому послу, и потребовали отъ него уплаты за причиненные имъ въ Ревелѣ убытки на сумму 360-ти золотыхъ, угрожая въ противномъ случаѣ поступить съ нимъ худо; на нѣкоторое только время подъ ручательствомъ нѣмецкихъ мастеровъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, послу была дана отсрочка, а немного спустя тѣже мастера дали ему нужную ссуду; раздѣлавшись съ Греками, которыхъ какъ

видно поддерживала чья-то сильная рука, послы наконецъ выѣхали изъ Москвы въ концѣ октября. Но уже въ Броннице ревельские послы были арестованы, а по приѣздѣ въ Новгородъ посажены въ тюрьму; одиноко подѣзжалъ къ нѣмецкому двору дерптскій посолъ, который былъ пораженъ необычною въ немъ тишиной: оказалось что дней за десять до его приѣзда, приблизительно числа 5-го ноября, всѣ купцы нѣмецкаго двора были арестованы и посажены въ кандалы, ихъ товары и церковныя вещи взяты на великаго князя, и ворота двора заперты за то, — объявили дерптскому послу — что въ Ревель людей великаго князя грабили, били, топили и убивали; ревельского же ратмана посадили въ тюрьму за то, что Ревельцы вопреки всякому праву сожгли русскаго человѣка. Выслушавъ этѣ рѣчи дерптскій ратманъ поѣхалъ изъ Новгорода, и наконецъ «съ однимъ животомъ» (*mit leve*), какъ онъ выражается въ своемъ отчетѣ, прибыль въ свой городъ.

Никоновская лѣтопись слѣдующимъ образомъ описываетъ поступокъ великаго князя и побужденія, имъ руководившія: «послалъ князь великій въ Новгородъ намѣстникомъ дьяка Василья Жука, да Даниила Мамырева, и велѣлъ поимати въ Новгородѣ гостей нѣмецкихъ Колыванцевъ, да и товаръ ихъ переписавъ привезти въ Москву за ихъ неисправленіе: про то что они на Колывани великаго князя гостемъ новгородцемъ многія обиды чинили и поруганіе самоволнѣ, а иныхъ людей великаго князя живыхъ въ котлы вариша безъ обсылки великаго князя и безъ обыску, также и посломъ великаго князя отъ нихъ поруганіе было, которые послы ходили отъ великаго князя въ Римъ, и во фряскую землю и въ нѣмецкую; да и старымъ гостямъ великаго князя Новгородцемъ отъ нихъ многа обида была, и неисправленіе, и разбои на мори быша. И за то князь великій Иванъ Васильевичъ опалу свою на нихъ положилъ, и гостей ихъ велѣлъ въ тюрьмы посажати, и товаръ ихъ спровадити къ Москвѣ, и дворы ихъ гостинные въ Новгородѣ старые и божницу велѣлъ отнять»⁷³⁾. Число взятыхъ подъ стражу купцовъ простиравлось до сорока девяти; это были уроженцы Любека, Гамбурга, Грейфсварда, Люнбурга, Мюнстера, Дортмунда, Брокенфельда, Унны,

⁷³⁾ Рус. лѣтоп. по Никон. сп. VI, стр. 141, 1495.

Дюисбурга, Эйнбека, Дюдерштадта, Ревеля и Дерпта ⁷⁴⁾. На слѣдующій годъ ихъ арестъ былъ облегченъ: изъ тюрьмы ихъ перевели на нѣмецкій дворъ ⁷⁵⁾, гдѣ они содержались еще два года до окончательного освобожденія; но несчастная судьба преслѣдовала ихъ и послѣ того: на пути изъ Ревеля въ Любекъ они большею частію погибли во время бури ⁷⁶⁾; четверо вовсе небыли отпущены, и даже въ 1498 году переведены въ Москву, гдѣ содержались еще нѣсколько лѣтъ ⁷⁷⁾: по всей вѣроятности это были ревельские купцы. Что касается количества товаровъ, взятыхъ на великаго князя, то сами Нѣмцы по видимому незнали его въ точности: въ хроникѣ Виллебрандта оно показано сначала въ милліонъ гульденовъ, — очевидно весьма преувеличенно, а потомъ въ триста тысячъ; въ предисловіи къ скрѣ 1514 года это количество опредѣляется только въ 96 тысячъ марокъ серебра ⁷⁸⁾; послѣдняя данная едва ли не ближе къ истинѣ. Любекъставилъ необходимымъ условіемъ заключенія нового мира съ великимъ княземъ возвращеніе взятыхъ товаровъ; но этого возвращенія никогда непослѣдовало, а новый миръ и возстановленіе новгородскаго двора состоялись уже при преемникѣ Ивана Васильевича.

Послѣ тѣхъ отношеній въ какихъ находились Новгородъ и Ганза въ теченіе больше чѣмъ трехвѣковаго периода ихъ торговли, послѣ неоднократныхъ грабежей и арестовъ, какіе производились надъ купцами съ обѣихъ сторонъ, поступокъ великаго князя Ивана Васильевича непредставляетъ чего нибудь нового и необыкновенаго; притомъ этотъ поступокъ если не вполнѣ оправдывается, то въ значительной степени извѣняется цѣлымъ рядомъ жестокихъ оскорблений, нанесенныхъ ему въ лицѣ его пословъ, купцовъ и вообще его подданныхъ, съ которыми такъ безчеловѣчно обошлись въ Ревель. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, какую цѣль имѣлъ великий князь, такъ круто поступая съ нѣмецкими купцами; ужъ конечно онъ, привыкшій все хладнокровно разсчитывать, предусмотрѣлъ

⁷⁴⁾ Willebrand. Hans. Chronik, II, 240, 1494.

⁷⁵⁾ Гильдебрандъ, Отчетъ о розысканіяхъ, № 386.

⁷⁶⁾ Willebrandt, Hans. Chron. II, 240.

⁷⁷⁾ Гильдебрандъ, Отчетъ, № 421. Willebrandt, Hans. Chron. III, 100.

⁷⁸⁾ Willebrandt. Hans. Chron. II, 240; III, 100.

и взвѣсилъ всѣ возможныя послѣдствія своего рѣшительнаго шага. Мы неможемъ согласиться съ исторіографомъ Карамзінымъ, что будто закрытіемъ двора Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ ошибку, которую потомъ тщетно хотѣлъ поправить, что въ порывѣ досады онъ разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, и въ противность его собственному всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европой⁷⁹⁾). Напротивъ поступокъ великаго князя съ нѣмецкими купцами показываетъ, что онъ хотѣлъ сноситься съ этой Европой безъ тѣхъ препятствій, какія представлялись со стороны Ганзы и лифляндскихъ городовъ; онъ хотѣлъ отучить Ганзу вмѣшиваться на будущее время въ политику и принимать сторону его враговъ Швеціи и Ордена; его намѣреніемъ отнюдь небыло прекращеніе торговли Нѣмцевъ въ Новгородѣ: онъ предлагалъ только торговатъ тамъ на его княжеской волѣ, и конечно немогъ обращать вниманія на такія отжившія права Нѣмцевъ, какъ право безпошлинной торговли. Наконецъ основаніе Ивангорода и война со Шведами, веденная около Выборга тотчасъ по закрытіи двора, ясно показываютъ, что Иванъ Васильевичъ стремился стать твердой ногой при морѣ: это — тоже завѣтное стремленіе, которое продолжалъ его грозный внукъ и которое наконецъ осуществилъ ихъ геніальный потомокъ Петръ великий.

⁷⁹⁾ И. Г. Р. VI, стр. 165.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ,

относящихся преимущественно до торговли и промышленности.

~~~~~  
(Цифры при словахъ означаютъ страницу).  
~~~~~

<p>Арабская торговля 10—14, 53.
 Артели купеческія 211—213, 255.
 Бисеръ 33.*
 Браковщики въ нѣм. дворѣ 161, 162, 170.
 Булгарская торговля 27—34.
 Ватаги промышленниковъ 172.
 Вина 25, 162—163, 232—233.
 Витебская торговля 92, 94, 107—109.
 Witlage (на Волховѣ) 153.
 Водопроводы 135.
 Волочане 96.
 Воскъ 26, 32, 73, 97, 105—107, 169—171.
 Вѣсовщики 104, 159, 171, 219.
 Вѣсы арабскіе 53.
 Вѣсы для серебра 104, 159.
 Ганза (слово) 48.
 Ганзейскій союзъ 128—133.
 Гречники 25.
 Греческіе овощи и плоды 25.
 Греческіе товары 26.
 Гридница въ нѣмец. дворѣ 137.
 Города:
 балтійскихъ Славянъ 47—48.
 булгарскіе 28.
 вендскіе приморскіе 130.
 вестфальскіе 67, 69.
 ганзейскіе 83, 263.
 греческіе въ Крыму 27.</p> | <p>хозарскіе 15—18.
 шведскіе 47.
 шведскіе въ Финляндіи 124.
 Городище княжеское въ Новгородѣ 231, 235—236.
 Гости лѣтніе 64, 177
 зимніе 64.
 морскіе 64.
 сухопутные 65.
 Гостинное поле 153, 157.
 Дань юрьевская 257.
 Двойничи (doyenissen) 173.
 Дворы торговыя:
 ганзейскій въ Новгородѣ 133—138.
 готскій въ Новгородѣ 136.
 новгородскій на Готландѣ 78.
 новгородскій въ Киевѣ 226.
 псковскій въ Новгородѣ 134.
 Диргемы 10.
 Договоры Новгорода съ нѣмецкими купцами.
 Ярослава Владимира 79—82.
 Ярослава Всеходовица 180.
 Александра Ярославича 180—182.
 Ярослава Ярославича 184—198.
 Андрея Александровица 155—200.
 1338 года въ Дерптѣ 203.
 о вошаной торговлѣ 169.</p> |
|---|---|

- владыки Алексѣя 206, 208.
1392 г. Нибуровъ 211.
владыки Евѳимія 220.
- Договоры Новгорода съ великими князьями 184, 188, 229.
съ Даніей 123—124.
съ Орденомъ 85.
со Швеціей 126.
- Договоры съ Булгарами 37—39.
съ Греками 24—28.
полоцкіе 92, 102—104.
смоленскіе 93—102.
- Долги 35, 82; 95, 149, 195.
- Долтовыя тяжбы 101, 209, 213—214.
- Долговая рижская книга 101, 105.
- Drellenborch (на Волховѣ) 154.
- Дума купеческая иванская 74, 241, 245.
- Желѣзо 42, 127, 165.
- Золото, 10, 25, 97—98, 167.
- Иголки 168.
- Извощики 154, 202.
- Иноземцы въ Новгородѣ 185.
- Казна новгор. владыкъ 167, 240.
- Калита (Kalite) 219.
- Камни драгоцѣнныя 33.
- Капеляки 160, 201.
- Капъ 159.
- Квартиры (трети, чети) нѣм. двора 71, 145.
- Квасцы 77.
- Клады арабскихъ денегъ 11.
- Клады европейскихъ денегъ 12.
- Клѣти нѣм. двора 137, 148, 248.
- Когти 76, 152.
- Колоколь-вѣсы 104.
- Колокола 166.
- Колода (шлагбаумъ) 157.
- Колонизация новгородская 41—45, 255.
- Колонизация славянская въ поволжье 36—41.
- Колонизация нѣмецкая въ Лифляндію 83—84.
- Колонисты русскіе въ Ригѣ 106.
- Контора данцигская въ Ковно 110, 164.
- Конторы ганзейскія 132.
- Контора рижская въ Полоцкѣ 107.
въ Динабургѣ 109.
- Корабленники (nobelen) 167.
- Кормники 81, 106.
- Корчевство 103, 162—163.
- Купечество заморское новгородское 71—72, 76—77.
- Купечество иванское 73—76, 162, 169, 240—241.
- Купечество нѣмецкое общее на Готлан-дѣ 56—57, 67—70.
- Ладонъ 77.
- Ленъ 174.
- Лисфунтъ 65, 159.
- Локоть иванскій 75, 240.
- Локоть нѣмецкій (reb, Funis) 159.
- Лоцманы 81, 152—154, 202, 218.
- Маклеры 141.
- Марка 167.
- Медь 18, 26, 165, 175.
- Мѣдь 143, 166.
- Мѣха 6, 26, 32, 107, 171—174.
- Мискаль 53.
- Монисто 32.
- Мостовая (brugge, pons) 61, 135.
- Мыть съ Нѣмцевъ 71, 157.
- Мытникъ новгородскій 157.
- Мясо соленое 157.
- Невольничья торговля 26, 108.
- Нѣмая торговля 30—31, 42.
- Низовская торговля 177—178, 225.
- Нибуровъ миръ. См. Договоры.
- Носильщики 154.
- Окольничій 101.
- Олово 143, 166.
- Ольдерманъ двора 64, 110, 145—147.
- Ольдерманы Петра 64, 145.
- Opus pulchrum (мѣха) 174, 200—201.
- Ортуги 167.
- Орѣховскій миръ 126.
- Острова: Березовые 151.
Гостиннопольскій 153.
- Готландъ 47, 55.
- Котлинъ 151.
- Охотничій промыселъ 31, 171—172.
- Пенязи 94, 167.
- Пергаминъ 168.
- Перчатки 168.
- Пиво 67, 162—163, 247.
- Пиратство на Балтійскомъ морѣ 51, 55, 57, 127, 255.

- Плаванія морскія Новгородцевъ 77, 78, 203, 208, 212, 217, 255.
 Погребъ 95, 98, 195.
 Подать княжеская Нѣмцевъ 232.
 Подъѣздные подарки 232—234.
 Подклѣти въ нѣм. дворѣ 137.
 Полотна 96, 161.
 Полушка 167.
 Поставъ сукна 159.
 Почетныя посольства 246.
 Пошлины торговыя съ Нѣмцевъ 97, 103, 157.
 Предстоятели двора 146.
 Прикащикъ двора 146.
 Пробирщики (серебряники, ливцы) 159, 202.
 Псковская торговля съ Нѣмцами 86—88, 204—205, 213, 218, 220.
 Пудъ 158.
Пути торговыя:
 греческий 6, 25.
 залозный 25.
 соляной 25.
 горніе три въ новгор. области 155.
 невско-волховскій 151—155.
 Ратшина тяжа 180.
 Reb. См. локоть.
 Розничная торговля 103, 168.
 Ропаты нѣм. двора 137.
 Рубль 202.
 Рукавицы готскія 96.
 Рыба соленая 164, 219.
 Рядки 153.
 Сафьянъ 26, 168.
 Свинецъ 17, 77, 143, 166.
 Священникъ дворовый 66, 145, 150, 201.
 Серебро 10, 47, 97—98, 144, 171.
 Сѣра 168.
 Скалки, скальви ѿщанныя 104, 158, 240.
 Скарлатъ 109, 161.
 Скарлатный каftанъ 251.
 Скра 63—67, 138—139.
 Скорнячество 174.
- Sceuenissen (мѣха) 173, 202.
 Соль 5, 109, 163—164.
 Sprakelerers 157, 219.
 Становище новгородское на готскомъ берегѣ 78.
 Стража морская новгородская 151—152.
 Stuke suluer (гравны, марки) 249.
 Судъ торговый 26, 74, 75, 104, 198, 202, 219.
 Сукна 26, 159—162, 177.
 Сѣезды въ лифляндскихъ городахъ 244.
 Темьянъ 77.
 Tendelinge 174.
 Tummer 174.
 Тройничі (мѣха) 173.
 Тяглецы 106.
 Фиолетовый каftанъ 251.
 Хлѣбъ 5, 39, 103, 150, 164—165, 175.
 Хмѣль 175.
 Хозарская торговля 15—19.
Церкви католическія:
 въ Ладогѣ 58.
 въ Новгородѣ 58—63, 66, 142, 144, 148, 170, 210, 248.
 въ Полоцкѣ 107.
 въ Смоленскѣ 97.
Церкви православныя:
 въ Дерптѣ 257.
 въ Ревелѣ 135, 219.
 въ Ригѣ 62.
 новгородская на Готландѣ 78.
 новгородская въ Киевѣ 226.
 иванская 73—76.
 никольская 60—62.
 пятницкая 71—72.
 Четверца (фертингъ) 167.
 Четки 8, 168.
 Шипфунтъ (берковецъ) 159.
 Шкилики 167.
 Щляги 13.
 Югорцы 172.
 Янтарь 1—8.
 Ярлыкъ ханскій о торговлѣ 187.

